МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПАРТАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

НИУ БелГУ
BELGOROD STATE UNIVERSITY (BSU)

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ
Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего

Материалы III Международной научной конференции

23-25 апреля 2015 г.

2015

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»
Философский факультет, Университет г. Ниш, Сербия

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ПОНИМАНИЕ

Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего

Материалы III Международной научной конференции
23-25 апреля 2015 г.

Белгород
2015

УДК 338.12.017(470)
ББК 338.66; 65.011.7
К 90

Редакционная коллегия:
О.Н. Полухин, д-р полит. наук, проф.;
Н.И. Овчарова, директор музея-заповедника «Прохоровское поле»;
М.С. Жиров, д-р пед. наук, проф.;
А.П. Кривец, канд. социол. наук, доц.;
Н.З. Бросова, д-р филос. наук, проф.;
В.Н. Ряпухина, канд. экон. наук, доц.;
Д. Маркович, д-р фил. н., доц. (Философский факультет,
Университет г. Ниш, Сербия)

К 90 **Культура. Политика. Понимание** (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего): материалы III Международной научной конференции, 23-25 апреля 2015 г. Белгород – государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле» [Электронный ресурс] / сост. А.П. Кривец, М.В. Коваленко, В.Е. Пеньков. – Белгород, 2015. – Режим доступа: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/meropr/detail.php?IBLOCK_ID=104&SECTION_ID=1163&ELEMENT_ID=31575.

ISBN 978-5-9571-1089-7

В настоящем сборнике научных работ представлены статьи, посвященные исследованию истории интеллектуальной культуры, актуальным междисциплинарным проблемам политологии и культурной политики, этнокультурологии, социальной и военной истории. Авторы – участники III Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» – особое внимание уделили диалогической философии и герменевтико-эпистемологическим компонентам в структуре научного знания.

Материалы конференции адресованы ученым и специалистам в области социального и гуманитарного знания.

УДК 338.12.017(470)
ББК 338.66; 65.011.7

ISBN 978-5-9571-1089-7

© НИУ «БелГУ», 2015
© Государственный военно-исторический музей заповедник «Прохоровское поле», 2015
© Философский факультет, Университет г. Ниш, Сербия, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы III Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего)…… ……... 6

Бардыкова И.В. О некоторых интертекстуальных элементах в произведениях Ф. Стендаля («Пармский монастырь») и Л. Толстого («Севастополь в августе 1855 года»)……..…….. 7
Бердник Е.А. Социальные медиа как инструмент информационной войны…… 10
Бессчетнова О.В. Немцы Поволжья: межкультурный диалог и политические коммуникации……..... 16
Бледный С.Н. Язык как культурно-историческое явление в русской мыслительной традиции…… 21
Бойченко Я.С. Патриотизм пространства культуры, образования как составляющая имиджа веры народов России и Украины……. 26
Босов Д.В. Мэйнстрим - кинематограф в формировании духовно-потребительских ориентаций студенческой молодежи……. 30
Бросова Н.З. Общество перед необходимостью диалога – амбивалентность европейского примера..... 34
Гукова И.Н. Военно-патриотическое воспитание молодежи как направление государственной молодежной политики (региональный аспект)……... 39
Джонич В.П. Перевод лакун в литературных произведениях русских писателей на сербский язык…….. 44
Джурич Ж., Атлагич С. Идентичность и неолиберализм…….. 54
Жиров М.С. Корпоративная культура как ценностный ресурс эффективного развития ВУЗа……..……... 55
Ивчик В.В., Ивчик Т.В. Взаимодействие государства и церкви в Беларуси в контексте взаимоотношения политики и религии в современном мире……. 60
Ковачевич Д., Ряпухина В.Н. Razvoj obnovljivic izvora energije kao osnova stabilnog razvoja druśtva……... 64
Короченский А.П., Ищенко О. Украинская группа медиакритики «Телекритика» как новый ресурс в информационной войне против России……... 68
Кривец А.П. Идентичность современных россиян……. 79
Лопин Р.А. Консолидирующий фактор весны 1945 года (к духовно-исторической аксиологии прзднично-календарной системы России)…… 79
Мальцева Н.Н. Альтернативная история и проблема стилей научного мышления…… 82
Маркович Д. Русские сербы и сербские русские…… 84
Миленович А. Верска настава у функцији васпитања и образовања за мир и демократију..... 92
Миленович А. Педагошка пракса студената разредне наставе у Србији…….. 96
Милутинович Д. Фрејмови рата..... 100
Минич В., Йованович М., Цветкович Р.Е. Сотрудничество дошкольных образовательных учреждений и семьи в подготовке детей к школе..... 110
Молодов О.Б. Идентификация населения стран постсоветского пространства (на примере Казахстана)..... 117
Обрадович Н., Митрович М. Улога медија у промоцији национализма: анализа штампаних медија Србије, БиХ и Хрватске..... 122

Орлов М.О. Религиозные СМИ: социально-политические контуры 128

в современной России.....
Оставная А.Н. Проблематика социокультурной интеграции мигрантов: приднестровские мигранты в России..... 133
Павлович Б.М., Ковач А., Цветкович Р.Е. Репрезентация русских музыкальных произведений в содержании предмета музыка в начальных школах республики Сербия..... 139
Пантюхов О.Д., Чекер Н.В. Нравственное противоречие войны..... 145
Пеньков В.Е. Исследовательская программа эволюционизма и социальная форма движения материи..... 150
Покутняя Р.М. Хотмыжск – центр единения славянских народов..... 154
Проселкова Т.В. Категория качества и Научная революция..... 160
Ряпухина В.Н., Николич М. Основные задачи современной системы высшего образования в целях повышения конкурентоспособности специалистов в условиях инновационной экономики..... 165
Смирнова М.И. Культурно-политический проект Великой России П.Б. Струве..... 170
Солодова Е.В. Некоторые аспекты межкультурного диалога в системе вузовского образования..... 174
Сопова И.В. Фразеология как отражение культуры в сфере политики..... 178
Станкович Б.В. On the Dialect(s) and/or Language(s) Paradoxes in South Slavic Area….. 182
Сучалкин Е.А. Влияние итогов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на обсуждение в российской прессе государственного устройства Княжества Болгарии……. 183
Сямина О.В. Феномены повседневной культуры в изменяющихся исторических контекстах: сепмейный портрет..... 188
Цветкович Р., Миленович Ж. Значај руског језика у период глобализације..... 192
Устюжин И.Б. Max Volochine's Hebrew Melodies..... 196
Чистов В.В. Этническая идентичность личности в поликультурном социуме..... 199

Материалы III Симпозиума молодых ученых «Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия»…… 205

Арутюнян Х.А. Столетие геноцида армян: взгляд сквозь призму времени……. 206
Белых М.А. Женщина в советском агитационном плакате военного периода (1941-1945 годы..... 209
Болдарев М.А. Внешнеполитическая конфликтная ситуация как фактор проявления процесса национального самоопределения общества..... 213
Васильева А.С. Белгородчина как территория успеха и процветания..... 217
Вербина О.В. Феномен бездомности: культурологический анализ..... 221
Воротынцева Д.А. Ювенальная юстиция и традиционная культура семьи России….. 225
Губаева С.Р. Культурно-философский смысл образования в деятельности М.К. Танишевой в условиях революции 1905 года..... 230
Двойников А.В. Внешняя политика США и дестабилизация мира..... 233
Евсюкова Н.А. Ливадийский дворец в культурной и политической истории России… 238
Жиляков С.В. Память культуры: обзор проблемы..... 242
Ильченко М.Ю. Социальные сети как новый инструмент ведения информационных войн в современном мире..... 247
Кисленко И.Ю. Молодежь как субъект преобразования социокультурного пространства..... 252
Кучерова А.О. На литературном посту..... 256
Лавриненко И.В. Соотношение основных положений концепции солидаризма и

регионального солидарного общества..... 259
Лин О.В. Жизнь и творчество Лао Шэ: история одного маньчжура..... 262
Липич Д.В. Конституционно-правовая ответственность в полититическом дискурсе 267
Лопина М.Р. Полет на «бреющем» над планетой людей (мирные рассказы военного летчика А. де Сент-Экзюпери)..... 270
Мальченко А.Е. Ценностный плюрализм Исайи Берлина: критика монизма……. 273
Машнова В.В. Досуг как средство формирования культурных ценностей молодежи… 277
Рамазанова Ф.М. Иммиграционная политика Франции XX в.: характерные черты и основные этапы..... 280
Рощупкин И.А. Перспективы развития российско-турецких отношений на фоне санкционной политики Европейского Союза и США..... 284
Сайкова Ю.А. Забвение в пространстве культурной памяти: сокрытие феноменов или «стирание прошлого»…… 288
Самохина И.А. Феномен культурной памяти: от забвения к мемориализации..... 294
Смелая А.Ю. Две силы в одной войне..... 299
Теслев А.А. Диалектическое понимание феномена войны и проблема нравственного самосознания народов..... 301
Турчина Д.Д. О загадках поэмы А. Блока «Двенадцать» 306
Хмельницкая Я.А. Межкультурный диалог в сситеме ценностных координат в поликультурном обществе..... 309
Хотина В.А. Феномен библиотеки в социально-культурном пространстве русской дворянской усадьбы XVIII – XIX вв..... 313
Часовских Г.А., Тарасевич Е.А. Апологетика насилия в фундаменталистских течениях религиозной мысли..... 317

Материалы III Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего)

Бардыкова И.В.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

О НЕКОТОРЫХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.СТЕНДАЛЯ («ПАРМСКИЙ МОНАСТЫРЬ») И Л.ТОЛСТОГО («СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1855 ГОДА»)[1]

Каждый писатель имеет дело с предшествующей и современной ему литературой, с которой находится в постоянном диалоге: чужой голос диалогически присутствует в любом художественном произведении. В общем интертекстуальном пространстве культуры литературные произведения становятся голосами, ведущими плодотворный и нескончаемый диалог.

Сегодня именно изучению интертекстуальной поэтики литературы отдается все большее предпочтение. Интертекстуальность осознается как один из смыслопорождающих аспектов литературного произведения, без рассмотрения которой невозможна и его интерпретация. В свою очередь, интерпретация художественного произведения в свете интертекстуальности – это анализ его межтекстовых связей.

Сложность анализа литературного произведения заключается в том, что оно предполагает обращение ко «всей исполинской совокупности текстов, складывающихся в культурный мир, к которому принадлежит данное произведение» [2; 646-647]. Текст, организованный по принципу интертекстуальности, рождается из референтного отношения к другим текстам. Другими словами, интертекстуальность – это новое качество текста, которое рождается из отношений между манифестным текстом и референтными текстами. «Интертекстуальность – это «совокупность отношений» с другими текстами, обнаруживающаяся внутри текста <…> Произведение-интертекст стягивает все множество впитанных им текстов в единый смысловой узел так, чтобы, с одной стороны, они не уничтожали друг друга, а с другой, чтобы произведение не распалось как структурированное целое» [4; 39]. Это «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении независимо от

[1] Работа над статьей выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-34-01013.

того, соотносится ли он с произведением in absentia (например, в случае аллюзии) или in praesentia (как в случае цитаты)» [4; 49]. Причем поэтика интертекстуальности свойственна не только литературе модернизма и постмодернизма, но и литературной классике [6]. Произведения классики представляют собой «палимпсесты» (Ж.Женетт) других произведений [3]. Таким своеобразным «палимпстом» в общем культурном интертексте являются произведения Стендаля и Толстого.

«Пармский монастырь» Стендаля является претекстом – текстом-предшественником – «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» Толстого. Роман французского реалиста XIX века присутствует на разных уровнях, как в узнаваемых, так и в скрытых формах.

Русский классик, сообщая о своих культурно-семиотических ориентирах, ссылался на роман Стендаля в письмах к С.А.Толстой от 13 ноября 1883 г. и 16 апреля 1887 г., в беседах с секретарем П.А.Сергиенко, в разговорах со своей невесткой, М.Горьким и французскими корреспондентами М.Д.Рошем, О.Мирабо, П.Буайе. Именно в беседе с профессором Полем Буайе, гостившим в Ясной Поляне в 1901 г., Толстой заметил: «Перечитайте в «Пармской обители» рассказ о битве при Ватерлоо. Кто до него так описал войну, то есть такой, какой она бывает на самом деле? Помните, как Фабриций едет по полю битвы, абсолютно ничего не понимая, и как ловко гусары снимают его с коня, с его прекрасного «генеральского коня». Впоследствии на Кавказе мой брат, ставший офицером раньше меня, подтверждал правдивость этих описаний Стендаля <…> Вскоре в Крыму я получил полную возможность убедиться во всем этом собственными глазами. Но, повторяю, во всем том, что я знаю о войне, мой первый учитель – Стендаль» [1; 268-269].

В батальных главах своего романа Стендаль дал описание последнего сражения Наполеона в 1815 г., осмысленного как некий «геологический сброс в истории» (Г.Вайнштокк). Взгляд юного и неопытного итальянца Фабрицио дель Донго, не ориентирующегося в кровавом хаосе разгрома армии французского императора, есть, по мысли автора, «модель истинного восприятия истории как таковой». М.Д.Роше, литератор и искусствовед, побывавший у Толстого 1 июня 1899 г., отмечал, что «точка зрения Фабрицио на происходящее сражение, которое он наблюдает из своего уголка, не понимая его общего смысла, сильно поразила Толстого». В заключительном рассказе цикла, воссоздающем последние дни героической обороны Севастополя, взятие французами Малахова кургана, функцию, сходную с Фабрицио, выполняет образ семнадцатилетнего прапорщика Владимира Козельцова, чьими глазами Толстой обозревает панораму севастопольской обороны.

Батальные эпизоды романа Стендаля стали источником целого ряда сюжетных ситуаций, содержащих в рассказе Толстого интертекстуальные элементы. Скрытыми «цитатами», отсылающими к исходному претексту, являются сцены переправ, у моста и перевязочного пункта, наблюдение героем за трупом. Так же как и Фабрицио, Володя был заворожен и шокирован видом первого в своей жизни «окровавленного трупа какого-то человека без сапог и шинели» [9; 193] на Корниловской батарее. Здесь налицо стендалевские аллюзии наготы как беззащитности невинного, чистого и благородного героя, его обнаженности перед страшным лицом войны, которая испытывает как Фабрицио, так и Володю видом истерзанных тел и кровоточащей плоти.

Еще в первом рассказе цикла («Севастополь в декабре месяце»), формулируя свою задачу, Толстой фактически процитировал стендалевское описание начала битвы при Ватерлоо: «Увидеть войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а в настоящем ее выражении» [9; 93]. Но даже представленная в «свернутом», сокращенном виде, данная цитата – пример «реконструктивной интертекстуальности» [7].

Присущее обоим героям романтическое представление о батальной героике подвергается реалистическому снижению. «Так, значит, война вовсе не тот благородный и единодушный порыв сердец, влюбленных в славу, как он это воображал, начитавшись воззваний Наполеона!» [8; 55]. Картина боя в мечтах Володи насыщена стендалевскими реминисценциями: эффективные позы, парадно-героические жесты, зрелищные поступки, ложный героико-романтический пафос. Но реальные обстоятельства войны вносят свои коррективы: в первые же сутки пребывания на бастионе юноша оказывается очередной жертвой войны. Не случайно сквозными, доминантными аллюзиями и реминисценциями являются те, что ассоциируются с инвариантными образами войны: «убийство», «катастрофа», «трагедия», «бойня», «смерть-судьба», «поражение», «разрушение», с помощью которых оба художника открыто манифестируют авторскую оценку войны как трагедии, обесценивающей человеческую жизнь. Прием их неоднократного повтора «цементирует» структуру и актуализирует идейно-тематический комплекс произведения Толстого.

В тексте севастопольского рассказа имеются и фрагментарно значимые аллюзии, не организирующие смысловое содержание, однако способствующие его развито на определенном участке текста. Они образуют постоянные, но второстепенные мотивы: крови, грязи, изуродованных тел безымянных солдат, потока отступающих, дороги, ведущей к смерти, вздыбленной ядрами земли.

Таким образом, в интертекстуальном пространстве толстовского рассказа содержатся прямые (хотя и усеченные) цитаты из романа «Пармский монастырь», стендалевские аллюзии и реминисценции, цель которых – создание узлов сцепления семантико-композиционной структуры «Севастополя в августе 1855 года». Интертекстуальные элементы – не только «залог самовозрастания смысла текста» [5; 113], но и способ расширения межтекстовых феноменами литературы как «конденсаторами культурной памяти» (Ю.М.Лотман).

Литература

1. Буайе П. Три дня в Ясной Поляне // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : В 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1978. – Т.2. – С.268-269.
2. Гаспаров М.Л. Интертекстуальный анализ сегодня // Труды по знаковым системам. Тарту, 2002. С.646-647.
3. Палимпсест – второй письменный слой, через который прочитывается первый.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теороию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ.ред. и вступ. ст.Г.К.Косикова. – М.: ЛКИ., 2008. С.39.
5. Руднев В.П. Словарь культуры XX в. – М.: Аграф, 1999 – 381 с.
6. См.: Лахманн Р. Память и литература: Интертекстуальность в русской литературе XIX – XX вв. СПб., 2011; Смирнов И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа. – СПб., 1995; Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М., 2000.
7. Смирнов И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака. –СПб: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 189 с.
8. Стендаль Ф. Пармский монастырь // Стендаль Ф. Собр.соч.: В 12 т. – М.: Правда, 1978. – Т.4. – С.5-496.
9. Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года // Толстой Л.Н. Собр.соч.: В 22 т. – М.: Худ.лит-ра, 1979. – Т.2. – С.146-207.

Бердник Е.А.

Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина,

Харьков, Украина

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Бурное развитие информационных технологий в последние десятилетия XX века и повсеместная компьютеризация обусловили кардинальные изменения коммуникативного

ландшафта окружающей реальности. Непременными атрибутами повседневной жизни стали компьютер, Интернет, мобильный телефон, социальные сети и другие глобальные средства коммуникации, которые сформировали новую коммуникационную среду и получили название «новые медиа». При этом составной частью последних являются так называемые «социальные медиа», базирующиеся на технологиях Web 2.0.

Известно, что становление Web 2.0 обусловлено, прежде всего, изменением концепции взаимодействия с пользователями, которые стали просьюмерами (англ. prosumer – «профессиональный потребитель») и получили возможность изменять информационное наполнение Всемирной паутины. На данном этапе развития Сети «все стало доступным всем» (тексты, фильмы, музыка, возможности самовыражения и прочее). В связи с этим Web 2.0 часто называют социальным Интернетом, а соответствующие сервисы - социальными медиа.

Современные исследователи А. Каплан и М. Хенлейн определяют социальные медиа как: «группу Интернет - приложений, основанных на идеологической и технологической базе Web 2.0, которые дают возможность создания и обмена контентом, сгенерированным пользователем» [2]. Таким образом, социальные медиа представляют собой специальные сервисы, которые являются технической основой для сотрудничества, совместного решения общих проблем [3].

Принято выделять шесть типов социальных медиа: 1) проекты сотрудничества (например, Википедия); 2) блоги и микроблоги (например, Twitter); 3) содружества контента (YouTube); 4) сайты социальных сетей (Facebook, ВКонтакте); 5) миры виртуальных игр (World of Warcraft); 6) виртуальные социальные миры (Second Life). Большинство из этих медиа-сервисов могут быть интегрированы на платформе социальной сети, поэтому все чаще можно встретить синонимичное использование понятий «виртуальные социальные сети» и «социальные медиа».

Таким образом, понятие «социальные медиа» связано с опосредованием человеческой коммуникации различными сетевыми и мобильными технологиями. По сути это онлайновые среды, которые позволяют разнообразить и облегчить социальные взаимодействия, такие как обмен контентом, мыслями, опытом и другими актуальными медиа данными.

Благодаря своей способности обеспечивать участие большого количества людей без учета пространственных и временных ограничений социальные медиа становятся сегодня платформой для краудсорсинга. Краудсорсинг (англ. crowdsourcing: crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») по сути, представляет собой ряд различных методик для решения общественно значимых задач силами многих добровольцев, которые

координируют при этом свою деятельность с помощью новых медиа. Технологии краудсорсинга предоставляют следующие возможности [см., напр.: 4]:

–- осуществление эффективного менеджмента идей посредством обращения за помощью к большому числу людей или организаций с использованием социальных медиа, которое, как правило, реализуется в виде открытого призыва;

– развитие бизнес-инноваций, за счет обращения к потенциальным потребителям, что позволяет максимально выгодно разрабатывать и производить товары и услуги;

– реализацию социального конструирования и инженерии с помощью непосредственного привлечения граждан к решению государственных задач и продвижения социальных проектов при посредничестве социальных медиа;

–- поиск финансирования различных проектов при содействии коллективных инвесторов, «социальные инвестиции»;

– рекрутинг или поиск персонала в социальных сетях.

Важным преимуществом технологий краудсорсинга является их относительная дешевизна, быстродействие, возможность собирать и координировать большие массы людей. При этом деятельность, которая осуществляется онлайн (т.е. в виртуальном пространстве) имеет вполне реальные и ощутимые результаты оффлайн (в реальности).

Таким образом, социальные медиа, благодаря соединению «многих со многими», дают возможность использования коллективного разума, «мудрости толпы», что способствовало появлению новых коммуникативных технологий, например, краудсорсинга.

Однако необходимо отметить, что такого рода возможности могут использоваться не только для созидания, но и для осуществления деструктивных действий, нанося ущерб основным элементам информационной инфраструктуры государства и общества. Распространение заведомо ложной информации через социальные сети путем информационных вбросов, пропаганда различных теорий или идей, в том числе, порождающих ненависть и дискриминацию, являются элементами технологий целенаправленного манипулирования общественным мнением, вплоть до провоцирования беспорядков и полномасштабных конфликтов. Социальные медиа становятся сегодня основным проводником «мягкой силы» и важнейшим инструментом информационной войны, что обуславливает их особую роль в достижении геополитических целей.

Так ни одна из недавних «цветных революций» в постсоветских странах, а также в странах арабского мира не обошлись без активного использования виртуальных сетей. В качестве примера можно привести революционные события в Иране 2009 года, где особую роль сыграла социальная сеть «Twitter».

«Спусковым крючком» для беспорядков стало несогласие оппозиции с результатами президентских выборов. Начались акции протеста против результатов голосования. Сторонники оппозиционного кандидата Мир-Хоссейна Мусави поджигали здания банков, полиции, громили проправительственные информагентства. Власти с самого дня выборов заблокировали службу SMS-сообщений, сотовую связь, большинство социальных сетей, блогги, глушили сигналы иностранных радиостанций, с домов снимали спутниковые антенны. Главным информационным ресурсом протестующих стал мобильный интернет и сайт Twitter: практически каждую секунду появлялись сообщения о подготовке акций, ссылки на фотографии митингов и списки арестованных, детали демонстраций, тактика, лозунги, советы, как зайти на заблокированные сайты, а также предупреждения, где в Тегеране собрались полицейские. Видео выступлений и сцен стрельбы выкладывалось на Youtube и подобных сайтах. Ответной реакцией властей на сообщения в Twitter стало большое количество подставных агентов, публиковавших в сети микроблоггинга ложные сообщения. В свою очередь, протестующие распространили в Twitter текст под заголовком «Кибервойна против иранских выборов для начинающих», для того чтобы помочь остальным участвовать в сетевых протестах. Пособие содержало советы, как сделать так чтобы спецслужбы не узнали пользователя по логину и IP-адресу, а также как вычислить правительственных агентов, скрывающихся в Twitter под видом оппозиционеров. В Иране посредством Twitter распространялись также ссылки на специальную компьютерную программу («Мит-бот»), предназначенную для организации кибератак на проправительственные интернет-сайты. В результате Twitter стал ареной полномасштабной информационной войны [5, с.145-159].

Важнейшими инструментами информационного воздействия и давления в социальных медиа становятся «троллинг» и «астротерфинг» [5, с.151-153].

Троллинг (от англ. trolling - блеснение, ловля рыбы на блесну) - размещение в Интернете (на форумах, в дискуссионных группах, в вики-проектах, «живых журналах», социальных сетях и др.) провокационных сообщений с целью вызвать противоречия и конфликты между участниками, взаимные оскорбления и т.п. Также под «троллингом» часто подразумевается психологическая манипуляция, основанная на публичном высмеивании или уничижении убеждений оппонентов, приводящая к эмоциональной нестабильности и эмоциональным срывам последних, что является конечной целью «троллинга» и носит название - «заглотнул блесну». Именно поэтому, троллинг взят на вооружение спецслужбами и бойцами информационных войн с целью отвлечения внимания от острых

тем и превращения конструктивного обсуждения в перепалку. Одним из методов нападения в технологиях «троллинга» является агрессивный вброс клеветы, компромата, слухов и т.д.

Другой формой контроля за сетевыми сообществами стал так называемый «астротерфинг» (от англ. «astroturf» - искусственная трава для спортивных площадок) - механизм создания искусственного общественного мнения. Или, если быть совсем точным - имитация «общественного мнения» нужной направленности. Данный термин появился по аналогии с более старым PR-термином «грассрутинг»(от англ.«grassroots»– корни травы), подразумевающим выращивание необходимого общественного мнения снизу, примерно также, как растят траву на газоне - накидать семян, потом поливать и удобрять.

Специальные компьютерные программы – так называемые «persona management software» – создают весь антураж, который есть в онлайне у реального человека: имя, почтовый ящик, сайты, аккаунты в соцсетях [6]. Такой активно продвигаемый инструмент, будучи анонимным, дает возможность целенаправленной дискредитации личности оппонента, травли его и его близких, подавления государственных Интернет-порталов, целенаправленного формирования общественного мнения.

Таким образом, можно выделить следующие виды информационного воздействия, которые могут осуществляться с помощью социальных медиа:

- формирование и активизирование массового сознания;
- легитимизация деструктивных действий для внутренней и внешней аудитории;
- устрашение оппонентов;
- популяризация новых лиц и лидеров мнений;
- имитация общественного мнения.

Учитывая те колоссальные возможности, которые открывают социальные медиа, все больше возрастает интерес к их анализу, мониторингу, а также сбору виртуальных данных. Примечательно, что в 2006 г. в Государственном департаменте США появилась группа специалистов для анализа сообщений и дискуссий в международных и национальных соцсетях, в особенности там, где сильны антиамериканские настроения [7]. Не остался без внимания и тот факт, что Агенство национальной безопасности США и Британский центр правительственной связи в рамках проекта «Призма» (англ. «Prism»), начиная с 2007 г., наладили сотрудничество с мировыми ИКТ-компаниями: «Microsoft», «Yahoo», «Google», «Facebook», «PalTalk», «AOL», «Skype», «YouTube» и «Apple» для сбора и обмена разведданными [8]. Такое сотрудничество позволяет спецслужбам читать электронные сообщения пользователей Интернет и отслеживать передачу файлов в глобальном информационном пространстве. Агентство перспективных исследовательских проектов

разведсообщества США в последние годы также ведет активные исследования в области прикладного использования социальных сетей. Так программа по анализу социокультурного контента языка (англ. «socio-cultural content in language» – «SCIL program») реализуется в целях разработки алгоритмов, методик и технологий для наблюдения за деятельностью различных общественных организаций, критически настроенных по отношению к политике правительства США в социальной сфере [9]. Такие действия проводятся в интересах спецслужб с целью контроля политического настроения широких масс населения и принятия соответствующих упредительных мер.

Резюмируя, отметим, что возможности социальных медиа взяты на вооружение спецслужбами многих западных стран, которые получили возможность создания целой системы рефлексивных управляемых событий на платформе виртуальных социальных сетей. Это выводит на новый уровень теорию и практику ведения информационных войн, так как управлению подлежат уже не отдельные субъекты, а их содержание, мотивация, действия и намерения. В этой связи необходимо уделить особое внимание созданию целой системы государственных институтов по проведению контрмер, просвещению и обучению молодежи, поскольку она является слабым звеном в системе информационной безопасности государства, а также основным объектом воздействия западных СМИ.

Литература

1. Kyslova O. N., Berdnyk E. A. New media as a formation factor for digital sociology: the consequences of the networking in the society and the intellectualization of the communications / Kyslova Olga, Berdnyk Ekateryna // Study of Changing Societies: Study of Changing Societies: Comparative and Interdisciplinary Focus. — 2013. — Vol. 3 (7). – Mode of access: http://www.scsjournal.org/index.php?option=com_content&view=section&layout=blog&id=1&Itemid=8
2. Kaplan A., Haenlein M. Usersoftheworld, unite! ThechallengesandopportunitiesofSocialMedia [Electronic resource] / AndreasKaplan, MichaelHaenlein // BusinessHorizons. – 2010. – № 53 (1). – P. 59-68. – Modeofaccess: http://www.sciencedirect.com/science/article/B6W45-4XFF2S0-1/2/600db1bd6e0c9903c744aaf34 b0b12e1
3. Hansen D. L. Exploring social media relationships [Electronicresource] / Derek L. Hansen // On the Horizon. – 2011. - № 19 (1). - P. 43-51. – Modeofaccess:http://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/10748121111107726.
4. Хау, Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Джефф Хау; Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2012. - 288 с.

5. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России. Под общ. ред. Смирнова А.И. - М. : ВНИИгеосистем, 2014. - 394 с.
6. Боты атакуют! [Электронный ресурс]. URL : http://bohn.ru/news/boty_atakujut/2011-03-02-187 (дата обращения: 25.03.2015).
7. D&CP – INTERNATIONAL INFORMATION PROGRAMS [Электронный ресурс]. URL : http://www.state.gov/documents/organization/123580.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
8. NSA Prism program taps in to user data of Apple, Google and others [Электронный ресурс]. URL : http://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/us-tech-giants-nsa-data (дата обращения: 25.03.2015).
9. Socio-cultural Content in Language (SCIL) [Электронный ресурс]. URL: http://www.iarpa.gov/index.php/research-programs/scil (дата обращения: 25.03.2015).
10. Reynard [Электронный ресурс]. URL: http://www.iarpa.gov/index.php/research-programs/reynard/baa?highlight=WyJyZXluYXJkIl0= (дата обращения: 25.03.2015).

Бессчетнова О.В.

Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВПО

«Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»,

Балашов, Россия

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Первые немцы появились в России еще в X в., а к 1643 г. в Москве проживало уже около 400 семей. Много немцев прибыло в нашу страну в период правления Петра I, именно в это время возникло немецкое поселение — общеизвестная Немецкая слобода [6], а также во времена царствования императрицы Екатерины II, проводившей политику иностранной колонизации российского государства.

После обнародования манифестов Екатерины II (1762 и 1763 гг.) из разоренной семилетней войной Германии в Россию потянулись первые немецкие семьи. Помимо переселенцев из Юго-Западной Германии на Волгу мигрировали также швейцарцы, французы, австрийцы, голландцы, датчане, шведы, поляки. Создание колоний в Поволжье шло быстрыми темпами: в 1765 г. — 12 колоний, в 1766 — 21, в 1767 — 67. По данным переписи колонистов в 1769 г., в 105 колониях на Волге проживало 6,5 тыс. семей, что составляло 23,2 тыс. человек [6].

Всем желающим были отведены наделы по 30 десятин на семью, дарованы многочисленные льготы: каждый колонист получал деньги на проезд и водворение в Россию; мог самостоятельно выбрать место поселения и род занятий; ему была гарантирована свобода от гражданской службы и рекрутской повинности; льготные податные годы исчислялись в 30 лет; колонисты получали «внутреннюю юрисдикцию» и торговые льготы — право устройства торгов и ярмарок, без взимания пошлины; каждая немецкая семья получала на свою долю 2 лошади, 1 корову, семена для посева и земледельческие орудия.

В 1782 г. после образования Саратовской губернии немцы-колонисты были переведены на положение государственных крестьян с обязанностью платить подати, выполнять все земские повинности наравне с русскими крестьянами. С 1809 г. было разрешено допускать к переселению в Россию не более 200 семей в год. С 1819 г. прием иноземцев для переселения в России правительством был запрещен [4].

Приход большевиков к власти вызвал зимой 1917—1918 гг. массовые грабежи и насилие в отношении немцев-колонистов, что заставило одних искать выход из создавшегося положения в эмиграции в Германию, возможность которой была зафиксирована в документах, подписанных в Брест-Литовске 3 марта 1918 г., других обратиться к большевистской «Декларации прав народов России», загоревшись идеей территориальной автономии, полагая, что она сможет сохранить традиционные устои жизни.

В 1918 г. 19 октября был подписан Декрет Совнаркома РСФСР о создании Области немцев Поволжья. Всю подготовительную работу провел организованный в конце апреля 1918 г. Поволжский комиссариат по немецким делам.

Государственность немцев Поволжья, как и во всей стране в целом, характеризовалась постепенным укреплением командно-административной системы и тоталитаризма, что проявлялось в полном подчинении большевикам Советов, установлению с помощью органов ЧК, ГПУ, НКВД надзора за жизнью и деятельностью населения.

Преобразование автономной области в АССР в начале 1924 г. преследовало внешнеполитические цели и на деле не привело к каким-либо существенным изменениям в условиях жизни ее населения. Важной политической акцией стало принятие в 1926 г. Конституции АССР немцев Поволжья, хотя она и не имела юридической силы.

Начиная с 1927 г. в связи со свертыванием нэпа и возрождением административных методов хозяйствования на селе, немецкое население Поволжья вновь вступило в борьбу с властью за сохранение достигнутых в ходе нэпа результатов: противодействие хлебозаготовкам; устранение неравноправного товарообмена с городом; отказ от «классовых» принципов политики в деревне; развитие эмиграционного движения.

В 1930-е гг. политическая жизнь в АССР НП, как и во всей стране, характеризовалась ужесточением политического режима, усилением репрессий. Принудительное обобществление имущества крестьян, создание колхозов вызвали негодование немецкого крестьянства и переход к активному сопротивлению властям, выражавшегося в форме массовых крестьянских волнений. Власти объясняли массовость и активность антиколхозного движения наличием в АССР НП мощного антисоветского подполья и реагировали «разоблачением» ряда «подпольных организаций», массовыми арестами, проведением политики «раскулачивания». Всего в 1930—1931 гг. из немецкой автономии в районы Крайнего Севера, Сибири, Казахстана было вывезено 4 288 семей (24 202 чел.) [3].

В разгар массового голода 1932—1933 гг. немецкое население Поволжья обратилось за помощью к своим родственникам, проживавшим за рубежом. В результате была разглашена тщательно скрывавшаяся советским руководством тайна о голоде в СССР, за рубежом развернулась массовая антисоветская кампания в поддержку голодающих. Под напором международного общественного мнения Советское руководство вынуждено было согласиться на получение немцами частной благотворительной помощи. Однако практически сразу в СССР началась мощная репрессивная кампания «борьбы с фашистами и их пособниками», главной жертвой которой стали получатели зарубежной помощи. К концу 1935 г. гуманитарная помощь из-за рубежа фактически прекратилось, однако дела за «антигосударственные поступки» дали толчок для проведения тотальных репрессий против всего населения Республики немцев Поволжья в последующие годы.

На протяжении всего периода существования немецкой автономии со стороны ее населения имели место многочисленные конкретные оппозиционные проявления, попытки противодействия политическому давлению тоталитарной власти. Основными направлениями защиты традиционных устоев жизни в политической сфере были: противодействие попыткам классового расслоения немецкой деревни, общинная солидарность, заставлявшая даже многих коммунистов и комсомольцев выполнять решения общих собраний сельчан; попытки легальной реализации основного крестьянского лозунга начала 1920-х гг. — «Советы — без коммунистов», путем избрания в Советы уважаемых, авторитетных людей, защищавших интересы своих избирателей; борьба за демократические принципы избрания Советов, возмущение безальтернативным характером выборов (в том числе и выборов в Верховные Советы СССР, РСФСР, АССР НП 1937, 1938 гг., выборов в местные Советы 1939 г.); открытая поддержка и защита «лишенцев» и раскулаченных. В то же время, к концу 1930-х гг. степень влияния на массы коммунистической идеологии, степень управляемости всеми

слоями общества и политическими процессами в нем со стороны партийного руководства АССР НП достигли довольно высокого уровня.

В начале Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) началась новая волна репрессий в отношении немецкого населения на территории Поволжья. Так, 8 августа 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживавших в районах Поволжья», подписанный М. И. Калининым, в котором говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья… Государственному комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья…» [5, с. 3].

С целью пресечения произвольного толкования Указа предписывалось: «Довести до сведения руководителей ВКП(б) и исполкомов райсоветов, что переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ… Начать переселение немцев из области с 3 сентября и закончить 20 сентября 1941 г.» [1, с. 3]. Таким образом, в течение чуть больше двух недель правительство намеревалось осуществить депортацию всего немецкого населения с территории края. Тысячи немцев, живших в Поволжье в течение 170 лет, в одночасье лишились своей земли, домов, имущества, а автономная республика немцев Поволжья перестала существовать. Немцы были выселены в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, многих отправили в трудармии, где сотни тысяч погибли от непосильной работы, голода, холода и болезней.

Только в г. Саратове депортации подверглись 11 330 человек (3 427 семей), из районов, отошедших к Саратовской области после ликвидации Республики немцев Поволжья — 291 822 человека (63 471 семья), из других районов области — 35 063 (7 958 семей), т. е. 338 215 (74 856 семей). В соответствии с Постановлением ГКО от 10 января 1942 г. «О мобилизации немцев-переселенцев в рабочие колонны», мужчин от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных из Поволжья, мобилизовали (до 120 тыс.) на все время войны в рабочие колонны и поместили в лагерную зону только за то, что они принадлежали к немецкому этносу и рассматривались как „потенциальные фашисты”» [1, с. 3].

Для «замены» департированных немцев в колхозы Саратовской области из прифронтовой полосы были переселены 10 тыс. колхозных семейств. Только спустя 14 лет Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. немцев освободили от административного надзора органов МВД в местах выселки, однако это не повлекло за собой возвращения конфискованного при выселении имущества и не давало переселенцам права

возвращения в родные места. Лишь в августе 1964 г. Президиум Верховного Совета СССР признал, что «…огульные обвинения были неосновательны и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина» [1, с. 3].

В период 1960—1970-х гг. немцы стали возвращаться на прежнее место жительства. К 1989 г. в области проживало 17,1 тыс. немецкого населения [2]. Положительный миграционный прирост их в области сменился миграционной убылью в конце 1990-х гг. в связи с эмиграцией в Германию на постоянное место жительства. По Всероссийской переписи населения 2010 года, в России проживало 394 138 немцев (по сравнению с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. - 597 212 немцев) [7].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: культура российских немцев уникальна и многообразна. Она объединяет в себе материальный и духовный потенциал народа, который никогда не был в России единым целым в этническом, конфессиональном и территориальном отношении. Российские немцы на протяжении всего периода проживания на своей новой родине были заложниками состояния русско-немецких отношений, любое обострение которых вызывало резко негативное отношение к ним. Поэтому для поддержки и развития национально-культурных интересов немецкого этноса, самобытности, консолидации немцев Поволжья, совершенствования межнациональных отношений, сохранения и возрождения традиций, обычаев, культуры и языка, в настоящее время на территории области созданы и активно действуют ряд общественных организаций, таких, как «Центр немецкой культуры» (г. Саратов, г. Энгельс, г. Балашов), российско-немецкие дома, которые аккумулируют инициативу общественности по возрождению немецкой культуры, проведению досуга, изучению немецкого языка — всего того, что как ничто лучше помогает восстановлению и укреплению человеческих отношений.

Литература

1. Азеф, В. Депортация под псевдонимом «переселение» / В. Азеф // Саратовские вести. 2001. 23 авг. С. 3.
2. Вардугин, В. Энциклопедия Саратовского края / В. Вардугин // Саратовские вести. 2002. 26 июня. С. 3.
3. Егорова, М. В. Российские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности (1917—1941 гг.): краткий обзор отечественной историографии / М. В. Егорова. — М.: Норма-Инфа, 2004. — С. 160-167.

4. Очерки истории Саратовского Поволжья: С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та; ИИЦ «Заволжье», 1993. — 289 с.
5. Песиков, Ю. Черный день в истории немцев Поволжья / Ю. Песиков // Саратовские вести. 1998. 28 авг. С. 3.
6. Шпак, А. Поволжские немцы / А. Шпак // Немецкая волна [Электронный ресурс] . URL: http://www.pseudology.org/German/index.htm (дата обращения 3.04.2015).
7. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. «Национальный состав и владение языками, гражданство». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-06.pdf (дата обращения 8.04.2015).

Бледный С.Н.
НИУ «Московский энергетический институт»,
Москва, Россия

ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Размышления о роли языка в процессе формирования и развития народа, специфических черт его характера, его культурной и исторической самобытности всегда занимали в трудах отечественных мыслителей важное место. В переходные периоды истории язык воспринимается не только как средство формирования народного сознания и образования этнических общностей, но и как наиболее эффективный способ идентификации народа и один из путей кристаллизации национальной идеи. В условиях развития современного российского общества, когда возрождается идея государственности, укрепляется дух народа, обращение к истории развития проблемы взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса в отечественной философской и общественно-политической мысли является безусловно актуальным.

К проблеме взаимодействия и взаимозависимости языка и культуры, языка и этноса обращались в зарубежной мысли XVIII – XIX столетий Дж. Вико, И.-Г. Гердер, В. Гумбольдт, братья Я. и В. Гримм и др. Их идеи нашли свое развитие в России в XIX в. – начале XX в. – с одной стороны, – в трудах русских языковедов, фольклористов Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и др., а с другой, – в культурософских исканиях отечественной

философской и общественно-политической мысли – у славянофилов (А.С. Хомякова, К.С. и И.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских и др.), Н.Я. Данилевского, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, Н.С. Трубецкого и др., идеи которых представляют интерес в данной статье.

Мысль о взаимодействии языка и культуры, их соотношении и взаимозависимости была близка философам-славянофилам, исследовавшим в своих трудах духовные, культурные, социальные энергии, проявляющиеся в слове, речи, речевом мышлении. Истоки данных идей лежат в творчестве И.-Г. Гердера и В. фон Гумбольдта, которые первыми стали писать о человеке как о существе, живущем в мире слов, символов, речи [См.: 4; 5]. Работы западных авторов способствовали определению методологической установки, позволившей осмыслить *культурообразующую функцию языка* в русской мыслительной традиции. И если в зарубежной науке эти акценты были только намечены, то на русской почве рассмотрение языка в виде культурообразующей синкретической субстанции благодаря славянофилам породило целую традицию.

Для славянофильской культурософской парадигмы характерно признание теснейшей связи между языковыми формами и формами национальной духовности. Язык, в понимании славянофилов, это, прежде всего, духовная субстанция, дух народа. Слово с грамматическими формами осознается как строительный материал, с помощью которого человек входит во время и пространство культуры. Под языковой формой в широком смысле мыслители понимали не формальные грамматические конструкции, а специфические средства выражения мысли, духа, менталитета, психотипа народа, заключенных в слове. Философы были убеждены, что через науку о языке, риторическую культуру и языковое просвещение должно было осуществиться возрождение культурного универсума России.

А.С. Хомяков пытался укоренить науку о слове – «словологию» в аксиологической компоненте бытия, полагая, что «слово правды содержит в себе качество вселенского действия» и вызывает соответствующее социальное изменение [15, 348]. «Словология» должна была являть собой новую науку, в которой объединялись, синтезировались знания о языке и знания о национальной культуре.

Через исследование языка, по мысли славянофилов и Н.С. Трубецкого, можно рассматривать этническое самосознание и его выраженность в языке, а посредством изучения этапов развития языка можно установить этапы развития культуры этноса. Именно поэтому нежелательны любые формы языковых заимствований: они заставляют подчиняться «непреодолимому влиянию чужой образованности» [7, 267], способствуя утверждению в культуре «формализма» – то есть некритичного следования чужим и чуждым образцам [14, 61]. Б.М. Гаспаров в этой связи справедливо отмечает, что отрицательное отношение

славянофилов и их последователей к европеизации России было обусловлено, прежде всего, уродливыми формами массового восприятия этого процесса и бездумным переносом европейских ценностей на русскую почву [3, 53].

Не менее оригинальны концепции языка, предложенные В.В. Розановым (речь как самовыражение и внутренняя коммуникация), П.А. Флоренским (теория мистического диалога), Н.Я. Данилевским (концепция сродства языков) и Н.С. Трубецким (язык как выражение культурно-исторического опыта этноса). Обращаясь к ним, следует вспомнить слова М.М. Бахтина о том, что русская философия, в отличие от западноевропейской традиции, видевшей в словах скорее «механизм выработки значений», «пыталась преодолеть узкие рамки лингвистики,… осуществить истолкование движения слов в истории, культуре, обществе, в каждом отдельном человеке» [См.: 1].

Так, В.В. Розанова привлекало, прежде всего, «движение слов в человеке», автокоммуникация, самовыражение. Он относился к слову как к всеобщему творческому принципу. Для Розанова жить – значит быть погруженным в стихию общения: вопрошать, внимать, ответствовать, спорить, соглашаться [8, 11]. Слово, речь, общение определяет «перспективу» человека, его возможность сопрягаться с предшествующими поколениями, с иными культурами, с потомками. В.В. Розанов одним из первых осознал, что речь не только «сообщает» человеку о себе самом, но и создает его, точно так же, как она не просто сообщает нам о социальной действительности, но и творит ее.

Не только обновление культуры, но и ее культурно-историческая динамика во многом определяется в культурософии В.В. Розанова языком. Исторические фазы развития культуры обусловлены как сменой доминирующих в данный период народов, так и сменой языков, каждый из которых определял особую культурную картину мира и специфические черты культурного универсума. Данные мысли находят созвучие с идеями И.-Г. Гердера [4, 236].

Для П.А. Флоренского язык – это такая семиотическая система, в которой проявляется «идея – сила, субстанция – слово» [13, 167] и объективируются сокрытые смыслы, реализуется теургический потенциал человека и процесс трансцендентальной коммуникации (богообщение). Мыслитель подчеркивает, что язык дает ключи к пониманию культурной картины мира, к «модусам его описания»; он создает «модели мира как символа». В этом плане разворачивание языка в пространстве культуры утверждает духовную общность индивидов и выражает социально-актуальную потребность во всечеловеческом духовном и культурно-историческом единстве. Таким образом, язык – это «объективное, данное нам, как бы наложенное на нас условие нашей жизни», когда «наша

мысль опирается не на уединенный разум,… но Разум Соборный, на вселенский Логос» [12, 163].

По мнению Н.Я. Данилевского, национально-культурная самобытность определяется границами языка [6, 102-103]. Согласно предложенной ученым концепции сродства языков, близким по языку народам обязательно необходима политическая интеграция, их культуре вредит политическая раздробленность, что иллюстрируется на примере славянства. При этом формы интеграции могут быть различны – федерация, политический союз или иные, главное, чтобы они создавали возможности самостоятельного развития в рамках объединения для каждого из близких народов.

Язык обеспечивает не только политическое единство и форму государственного устройства, но и особые характеристики духовной культуры, отражающие самобытность этноса и его культурной жизни. Через язык закладывается «народность» культуры, в языке запечатлевается «наследие» народа, соответствующее его специальным наклонностям и способностям, отражаются результаты переработки знаний «теми приемами и методами мышления, которые ему свойственнее» [6, 131].

Одним из самых интересных методологических ходов в работах Н.С. Трубецкого можно считать *изучение проблем национальной истории и культуры через анализ феномена родного языка.* Н.С. Трубецкой, как и Н.Я. Данилевский, относил язык к *инвариантам культурного развития.* Язык является важнейшим структурным элементом культуры, а также обусловливает ее историческую и смысловую самостоятельность. Трубецкой выдвигает фундаментальное положение о том, что именно в родном языке народ, этнос, соборная «национальная личность» [9, 7] раскрывает свой внутренний мир.

В своей теории «языковой интервенции» мыслитель утверждал, что в рамках межкультурного взаимодействия в исторической перспективе выделяются наиболее агрессивные культуры, имеющие агрессивный психотип (например, западноевропейская культура), ориентированные на постоянное расширение своего пространства за счет уменьшения пространства иных культур. Способом сохранения культурной самостоятельности и самобытности становится в этом случае «разумный национализм», «самопознание», «сильная языковая политика». Трубецкой говорил о невозможности существования одинаковой для всех народов «общечеловеческой культуры» [10], нивелирующей творческую самобытность, и объяснял это, прежде всего, *особенностями языка как культурно-исторического явления.* По мнению Н.С. Трубецкого, в будущем самоопределении России особо важную роль должна играть «чистота» русского языка, его целостность, так как именно русскому языку предстоит в евразийской перспективе создать

новый семиозис, новые смысловые контексты, синтезируя языковые эпифеномены, выработанные субэтносами Евразии, и порождая «новый опыт» отношения к социокультурной реальности. Именно русский язык не только сохраняет в себе «следы» «первоначального языка», но и синтезирует западные и восточные влияния, осуществляя «преемство» с важнейшими культурными системами ценностей и традиций [См.: 11].

Таким образом, русская философская и общественно-политическая мысль XIX – начала XX вв. смогла «выйти за традиционные логико-гносеологические рамки» [2, 6-7] в осмыслении феномена языка и акцентировала его аксиологические трактовки. Русские мыслители (славянофилы, Н.Я. Данилевский, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, Н.С. Трубецкой и др.) сформировали понимание *языка как этнообразующего явления, лежащего в основе народной ментальности и специфического национального психотипа*, а также как особой энергии, особой действительности, непосредственно связанной с человеком и его социокультурным самоопределением.

Литература

1. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. С. 361-373.
2. Безлепкин, Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии / Н.И. Безлепкин. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. – 272 с.
3. Гаспаров, Б.М. Лингвистика национального самосознания / Б.М. Гаспаров // Логос. – 1999. – № 4. – С. 48-67.
4. Гердер, И.Г. Идеи философии истории человечества / И.Г. Гердер. М.:Наука, 1977.–703 с.
5. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
6. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. М.: «Книга», 1991. – 358 с.
7. Киреевский, И.В. Отрывки / И.В. Киреевский // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. В 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 265-283.
8. Розанов, В.В. Уединенное / В.В. Розанов. М.: ИПЛ, 1990. – 543 с.
9. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самосознания. Собрание статей / Н.С. Трубецкой. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927.
10. Трубецкой, Н.С. Об истинном и ложном национализме [Электронный ресурс]. URL : http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php (дата обращения: 19.09.2013).
11. Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 2. – С. 122-139.
12. Флоренский, П.А. Мысль и язык / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Соч. В 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 109-341.

13. Флоренский, П.А. Общечеловеческие корни идеализма / П.А. Флоренский // Символ. – 1984. – № 11. – С. 167-194.
14. Хомяков, А.С. Мнение русских об иностранцах / А.С. Хомяков // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1914. С. 31-69.
15. Хомяков, А.С. Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 3. / А.С. Хомяков. М., 1904.

Бойченко Я.С.
МОУ СОШ № 4,
Белгород, Россия

ПАТРИОТИЗМ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ РОССИИ И УКРАИНЫ

Изучение культурно-образовательных аспектов славянских народов на территории Харьковской области и Белгородской, требует обращения к истокам его формирования. Единое происхождение, близкородственные языки, смежные поселения славянских народов сказывалось на культуре и образовании. Много общего характерного для восточного славянства. Территория Харьковщины считается центром Слобожанщины, древняя история которой берет свое начало в далёком прошлом. В VII—X веках часть будущей Харьковской области входила в состав Хазарского каганата. В XIII веке данная территория подверглась нашествию татаро-монголов. Для защиты от татар в середине XVII века были созданы Харьковский, Изюмский, Ахтырский, Сумской и Острогорский слободские казачьи полки. Харьков быстро стал военно-административным, а позже - торгово-ремесленным и экономическим центром всей Слобожанщины. Длительное время территория оставалась малозаселённой. Лишь в конце XV века здесь появляются крестьяне. С середины XVII века началось массовое заселение области. В1654 году был основан город Харьков на слиянии рек Харьков и Лопань, который стал центром Слобожанщины. В1765 году была создана Слободско-Украинская губерния, в1780 – Слободско-Украинская губерния была преобразована в Харьковское наместничество, центром которой стал Харьков. Одновременно Харьков становится культурным, научным и просветительским центром на Востоке Украины. В 1726 году в Харьков из Белгорода переведена архиерейская школа, созданная выпускником Киево-Могилянской академии епископом Епифанием Тихорским при помощи князя Голицына, которая получила название славяно-греко-латинской, а позже преобразована в Харьковский коллегиум, ставший центром образования, науки и просвещения на юге России. В его стенах получили образование

многие юноши, ставшие впоследствии видными деятелями науки и культуры. Здесь учились "первый из природных россиян" доктор медицины и хирургии Григорий Иванович Базелевич, талантливый мастер перевода, поэт, библиотекарь Императорской публичной библиотеки Николай Иванович Гнедич, получивший известность переводом на русский язык знаменитой "Илиады" Гомера. Выпускниками Харьковского коллегиума были профессор Московского университета, его ректор, известный природоисследователь Иван Алексеевич Двигубский, "кумир московского студенчества" известный историк, журналист и критик Михаил Трофимович Каченовский и другие. Пограничное месторасположение Харькова, сложившееся двуязычие всего культурной жизни способствуют созданию уникального художественного пространства, где в мире и согласии творят представители многих национальностей. Харьковщина расположена на северо-востоке Украины. На севере и северо-востоке она граничит с Белгородской областью России. Белгородский район расположен на юго-заподе. А на юге- с селами Харьковской области Украины. Если теперь в современное время задача состоит, в том, чтобы производить, перерабатывать продукцию сельского хозяйства, то есть кормить людей, то древние времена белгородцы стояли на страже южных рубежей государства Российского, обороняли святую Русь от татарских набегов, нашествий других чужеземцев. Так что вовсе не случайно названия сел: Казацкое, Стрелецкое, Пушкарное, Драгунское. В1708-1727 годах территория современной Белгородской области входила в Киевскую и Азовскую губернии. В 1727 году была образована Белгородская губерния, которая просуществовала до1779 года. Белгородская земля впитала культуру многих древних народов: от Железного века до современности. Наиболее яркие эпизоды связаны со скифами, и сарматами, аланами и Киевской Русью. С ослаблением Крымского ханства Белгородчина превращается в аграрную провинцию России.

Так же если провести анализ древних деталей русского костюма, одна из самых распространенных стала понёва. Понёва перешла позаимствованию от крестьян соседей Харьковской области. Это подтверждается и археологическими материалами и наличием форм сходных с понёвой, других славянских народов. Если говорить о нынешнем положении славянских народов в рамках европейской цивилизации, придется констатировать их крайнюю распыленность.

Специфичность элементов культуры обусловлена многими факторами.

Психологов, прежде всего, интересует социально-психологическая причина разнообразия культур. Особое место среди причин разнообразия культур занимают объективные условия природной среды и географического положения, которые включают ландшафт, климат, флору, фауну (зверей в лесу, рыб в реках и морях), а также другие ресурсы – земельные

угодья, полезные ископаемые. В далеком прошлом окружающая природная среда позволяла людям жить и выживать. Охотясь на зверей или занимаясь рыбной ловлей, люди удовлетворяли свою потребность в пище, т.е. их усилия вознаграждались.

Действия, которые вознаграждались, становились обычаем и составляли основу отличной от других групп системы ценностей, норм и правил поведения. Формирование такой системы еще больше увеличивало вероятность выживания группы, в результате ее члены испытывали удовлетворенность от принадлежности к ней, а элементы культуры принимались всеми, кто мог общаться между собой – жил в одном месте в одно и то же время и говорил на одном языке. Система закреплялась в сознании, фиксировалась в камне, керамике, на бумаге, передавалась новым поколениям и регулировала поведение каждого члена общества.

Необходимо отметить, что существуют разные точки зрения на связи между культурой и этносом. Многие исследователи считают, что границы культуры и этноса не идентичны. С одной стороны, одинаковые элементы культуры можно обнаружить у разных народов. С другой стороны, каждый этнос может включать очень непохожие элементы культуры – русские живут в Курской и Воронежской областях, но сколь различны их жилища, костюмы, песни и танцы. На это можно ответить, что культура – не набор, система определенным образом взаимосвязанных элементов. Мы не можем найти двух разных этносов с абсолютно одинаковыми культурами. А наличие нескольких субкультур в русской культуре – кстати сказать, различия между которыми значительно сглажены в настоящее время, – не отрицает существования единой культуры русского народа.

Необходимо также иметь в виду, что в системе понятий, принятой в этнологии, под культурой часто понимается вся та общность, которая составляет данный этнос. При таком понимании культура охватывает все, проявления социальной жизнедеятельности без разделения на сферы хозяйства, политики, социальных отношений и культуры в узком смысле слова. Иными словами, термин «культура» подразумевает общество в целом, и даже этнос в целом. Образование - социальный институт с функцией культурного воспроизводства человека или воспроизводства культуры человека в обществе.

В современном образовании происходит ориентация на индивида, на развитие личности, что превращает культуру в важнейший фактор духовного обновления как общества в целом так и отдельной личности [1]. Слово «культура» произошло от латинского cultura (agri) и первоначально означало возделывание земли. Культура часто означает улучшение и облагораживание и человеческих обычаев, и способов поведения, и воспитание человека. Это словоупотребление перенесено из земледелия, но относится не к растениям, а к людям. Под культурой следует понимать все то, что создано целенаправленным размышлением и

специфичными для людей способами (методами) деятельности. Эти средства позволяют создать как материальные, так и нематериальные, духовные ценности. В этом смысле к культуре принадлежит каждое, даже простейшее, созданное человеком орудие, примитивнейший инвентарь, любая мысль, идея, зародившаяся в уме человека. С помощью культуры люди удовлетворяют свои потребности (материальные и духовные) и строят отношения между собой. Культура как система искусственных средств отличает человека от животных. Понятие «культура» многозначно. Его невозможно определить двумя-тремя фразами. И самое первое определение термину (по мнению американских антропологов) дал английский этнограф Эдуард Тэйлор (1832-1917). «Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества» [2]. Вплотную этим вопросом занимались Альфред Кребер и Клайд Клакхон, которые написали книгу «Culture: A critical Review of concepts and Definitions» в 1952 году. (На русском языке она вышла в 1992 году под названием «Культура: Критический анализ концепций и дефиниций»). Ученые в своей работе собрали 164 определения культуры и свыше сотни ее описаний. Они систематизировали определения по «упору» или «акценту» (на преемственность, на генезис и так далее). Вот некоторые из определений: «Культура - это социологическое обозначение для наученного поведения, то есть поведения, которое не дано человеку от рождения, не предопределено в его зародышевых клетках как у ос или социальных муравьев, а должно усваиваться каждым новым поколением заново путем обучения у взрослых людей» (антрополог Р.Бенедикт). «Культура - это нормы привычного поведения, общие для группы, общности или общества. Она состоит из материальных и нематериальных элементов» (социолог К.Янг). «В самом широком смысле слова культура обозначает совокупность всего, что создано или смодифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом. Общая психологическая грамотность о культурных ценностях того региона в котором проживаешь и образовательных аспектов — это ступень в освоении образования доступная каждому нормально современному развивающемуся человеку.

И в конечном итоге понимая, что нет более близких соседних регионов, чем Белгородчина и Харьковщина. Дружбу между нашими областями не смогут нарушить ни смена эпох и полетических режимов, ни границы новых государств, ни уж тем более вступление Украины в ЕС.

В центре культуры наших регионов — героический образ народа, и каждый из народностей чувствует себя составной частью народной жизни.

За веру и за Русь погибали все наши предки. Мужественно сражаясь, казаки, умирая, прощались с товарищами со словами: «Прощайте, паны-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля…», – сказал так перед смертью атаман Мосий Шило. «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же красуется вечно любимая Христом Русская земля!» [3]. И не разделялась вера и земля между украинцами и русскими. И в наше время, воспитывая молодёжь, мы не будим допускать, каких бы то ни было, разделений. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Нет, братцы, так любить, как русская душа, нет, так любить никто не может». Так возвышать культуру, единство и образованность, может только тот человек, в котором заложена высшая степень культурного сроднения. Сроднения в пространстве славянских корней. Задумайся, потомок, эта речь актуальна во все века.

Литература

1. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М, 1999. – 241 с.
2. Большой психологический словарь./ Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. - СПб.: М, 2003. – 666 с.
3. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. – М. АСТ, 2008. – 444 с.
4. Мацумото Д. Психология и культура. 1-е издание, 2003. – 720 с.

Босов Д.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

МЭЙНСТРИМ-КИНЕМАТОГРАФ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мэйнстрим-кинематограф является одним из наиболее важных и влиятельных элементов современной массовой культуры, который возник почти одновременно с феноменом кино, выступая в качестве эффективного средства социальной коммуникации.

Термин мэйнстрим (англ. mainstream – основное течение) впервые получил распространение в джазовом лексиконе в конце 1940 - начале 1950 гг. в связи с возрождением музыкального стиля свинг, который не порывал с музыкальной традицией и одновременно, используя наработки экспериментальных разновидностей джаза, избегал

авангардистских тенденций. Впоследствии термин мэйнстрим стал использоваться для характеристики преобладающего направления в какой-либо области (научной, культурной и др.) для определенного отрезка времени, обозначая популярные, массовые тенденции в культуре, искусстве для разграничения с альтернативой, андеграундом, немассовым, элитарным направлением.

Мэйнстрим-кинематограф принято рассматривать с культурологической точки зрения, в рамках которой он предстает как структурный элемент массовой культуры, включающий кинопродукцию, относящуюся к массовому коммерческому кино, в котором особое место занимают голливудские фильмы категории «А» и фильмы именитых европейских режиссеров. К фильмам категории «А», как правило, относятся хиты международного проката, занимающие верхние строчки рейтингов, а также блокбастеры, обладатели премии «Оскар», лауреаты кинофестиваля в Каннах и других престижных кинофестивалей.

Мэйнстрим-кинематограф как порождение и воплощение индустриальной цивилизации делает ставку лишь на проверенный бренд, который в состоянии принести быструю и легкую прибыль и всегда ориентирован на предел и самоограничение, поскольку только в этих рамках способен создать стандартный продукт, обладающий массовым спросом. Такое кино моделирует и формирует своего потребителя, и в результате создает особый тип личности - массового человека, который также как и оно характеризуется самоограничением и ориентацией на предел, поскольку выход за их рамки может трансформировать мэйнстрим-кинематограф в новое кино элитарного характера, как и массового человека в творческий тип личности [2, 210-211].

Нормы мэйнстрим-кинематографа - это пожелания, предписания, ожидания и требования, латентным образом канализируемые на массовое сознание в процессе социализации индивида посредством СМК и непосредственного окружения (первичных агентов социализации - родителей, родственников, друзей, знакомых, соседей и т.п.) и являющиеся своеобразными путеводителями в формировании человека потребления, т.е. массового человека.

Важнейшей нормой мэйнстрим-кинематографа является массовизация индивидов, представляющих особое интегративное образование - массу, где общие предпочтения, и в то же время каждый отчужден друг от друга, каждый сам за себя, что превращает массу в псевдообщность. Данная интеграция не является полноценной совокупностью частных интересов или выражением интересов общественных, скорее выявляется их противоречие друг другу, демонстрируя особую социальную реальность, в которой воплощается гоббсова «война всех против

всех». Таким обществом легко управлять, поскольку оно является наглядным воплощением древнеримского принципа «divide et impera» («разделяй и властвуй»).

Транслируемые посредством мэйнстрим-кинематографа эталоны поведения, характерные для массового человека (потребительство, погоня за прибылью, антиальтруизм, приземленные и сугубо практические цели), инструкции для исполняющих роли массового человека, для индивида и социальных групп. Отклонение индивида от подобных норм как правил массовой культуры является непризнанием массового человека в качестве общественного идеала и эталона поведения. Следовательно, американизированный мэйнстрим-кинематограф стремится представить любой иной тип личности, не связанный с массовым человеком, либо его искажением, либо своеобразным отмирающим социальным типом. В любом случае все выходящее за рамки объявляется ненормальностью и девиацией, с которыми следует бороться и которые требуется преодолевать путем применения негативных санкций.

Значение норм мэйнстрим-кинематографа в обществе, их социальная функция проявляется в том, что они обеспечивают стабильность социальной системы общества потребления, где реальным управляющим центром является союз государства и транснациональных корпораций (ТНК), заинтересованных во внушении перманентного потребления как наиболее эффективного способа управления массовым сознанием. Происходит эскалация и интенсификация социального процесса, именуемого виртуализацией толпы. Потребление и зрелище, атакующие аудитории с экранов телевидения, кинотеатров и видеосалонов, навязывают разобщение индивидов как социальных единиц, которые не желают соединиться для достижения общих целей и интересов, апогеем чего является индивид, отчужденный от других как духовно, так и физически. Такой виртуализированный массовый человек, запугиваемый телевизионными журналистскими расследованиями и фильмами («Туристас», «Поворот не туда»), посвященными повседневным бедам города, все больше укореняется в виртуализированную реальность экрана. Его бегство от реальности в виртуальность является лучшим способом отлучения от активной политической позиции и полноценной политической деятельности, осуществляемым в интересах господствующих элит, берущих на себя брошенное массовыми людьми право руководить собой и решать в сфере политического [1, 881].

В мэйнстрим-кинематографе используются неформальные санкции, наподобие практики народной смеховой культуры в Средневековом западном обществе. Это проявляется в кинокомедиях и кинопародиях, в которых зачастую обнаруживается карнавализация известных политиков и общественных деятелей, представителей различных профессий и др.

Трансляция кинопродукции массовой культуры выставляется как демонстрация типичных предпочтений аудитории, следовательно, и транслируемые совокупно нормы утверждаются в качестве неотъемлемых для неформальных институтов, укореняя, таким образом, их в массовом сознании и подталкивая реципиентов к реализации неформальных позитивных и негативных санкций. Массовый человек рассматривает эти нормы как присущие его референтной группе, и в своей деятельности выступает в качестве их охранителя. Неформальные позитивные санкции в виде одобрений, доброжелательного отношения и т.п. применяются к индивиду, который ведет себя «как все», выражая вкусы и предпочтения «как у всех». Неформальные негативные санкции применяются к тем, чье поведение не вписывается в общие стандарты, характерные для поведения массового человека.

Посредством языка мэйнстрим-кинематографа происходит процесс трансляции образцов поведения на массовое сознание, признанных нормальными в конкретной ситуации. Обычно образцы поведения, установленные в определенной культуре, делают понятным поведение других, создавая возможность взаимопонимания и взаимного приспособления. Для мэйнстрим-кинематографа – это образцы поведения массового человека, демонстрирующего показательным и вызывающим образом утилитаризм, гедонизм, прагматизм и сознательное самоограничение.

Являясь воплощением аудиовизуальной культуры, мэйнстрим-кинематограф обращается к звуку и картинке. Он не требует от аудитории критического, аналитического восприятия. Продолжительное пребывание в таком информационном пространстве прививает молодежи склонность к потере концентрации внимания и неспособность воспринимать информационное сообщение целостно, что позволило бы его достаточно глубоко и всесторонне проанализировать. Подобная «мозаичная культура» (термин А.Моля) трансформирует и переформатирует сознание аудитории, становящееся неспособным к абстрагированию, глубокому мышлению. Создается опасность, что современного молодого человека по большей части притягивает виртуальная реальность мэйнстрим-кинематографа, нежели окружающая реальность, которая не поражает его воображение, требуя творческого роста как адаптации и т.п.[4, 58]

Постоянно находясь в информационном окружении подобной культуры, современный человек активно массифицируется. Современная молодежь сегодня преимущественно социализируется СМИ. Она в основном находится в поле воздействия телевидения, Интернета, видео, компьютера и компьютерных игровых приставок, поп – музыки, мэйнстрим-кинематографа, радио и т.п. Попадая в высшее учебное заведение, такой индивид

уже, в лучшем случае, будет представлять симбиоз типов образованного и массового человека, а в худшем - последний тип [1, 356].

Литература

1. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов – Москва: Рефл – бук, К.: Валкер, 2003. - С. 356
2. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М.: Астрель,2006. – С.881.
3. Сыров, В.В. Массовая культура: мифы и реальность / В.В. Сыров. - М.: Водолей, 2010. – С.210-211.
4. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. –С.277-280;Жилавская, И.В. Медиаобразование молодежной аудитории / И.В. Жилавская. - Томск: ТИИТ, 2009. – С.48.

Бросова Н.З.

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

ОБЩЕСТВО ПЕРЕД НЕОБХОДИМОСТЬЮ ДИАЛОГА – АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРИМЕРА[2]

Известный тезис древнегреческих историков – «каждый этнос имеет свой этос» – приобретает в современную эпоху новую актуальность и новый смысл. Консолидирующие процессы всемирной истории ставят народы перед обязательностью все более обширных, интенсивных и разнообразных коммуникативных связей. Усложняющиеся взаимоотношения, их темп и, прежде всего, обязательность (с характером принудительности) требуют социальных знаний, для которых оказывается недостаточно прежнего опыта локальных человеческих историй. Эта недостаточность особенно отражается в проблеме национальных отношений, поскольку локальные истории осуществлялись как раз в горизонте этносов и релевантных им образований. Качественно новый уровень международных взаимосвязей становится общим фоном, где названные моменты –

[2]Материал подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00068а).

сложность, интенсивность, неизбежность – начинают играть роль провоцирующих факторов, и конфликты, разъединяющие мировое сообщество, возрастают.

Предлагаемые ныне концептуальные варианты решения проблемы тесно увязываются с культурно-региональными особенностями; признано, что национальный менталитет задает тот или иной формат объединения в процессах коммуникации. В этой связи заново встает вопрос о национальной идентичности, поскольку от нее оказываются зависимыми и способ существования общества и характер социальных связей. Т.е. вполне определенные в широком контексте античной традиции феномены «этноса» и «этоса» обнаруживают сейчас неоднозначность и дискуссионность всей проблемы. Помимо различных основ, по которым выявляется этническая принадлежность (язык, культура, религия и др.), и множества смыслов, изначально присущих «этосу» (характер народа, уклад жизни, тип мышления, нравственное чувство и др.), исключительную значимость получает государственно-политический фактор. Именно с ним связывается сейчас оформление проблемно-тематической области национального как некоего квази-этнического образования, – что, несомненно, усложняет вопрос. Для конкретно-научного исследования (культурологии, этнографии и др.) такие сложности могут оказаться значительным препятствием[3], но для философского рассмотрения «нация» продолжает играть важную системную роль как раз благодаря ее соотносимости со сферой государственно-политического. Ведь макроуровень национального возвышается над эмпирической дробностью этнического, но все же не переходит в абстрактную всеобщность права и политики, а лишь взаимодействует с нею.

Эти моменты и обстоятельства нашли наиболее отчетливое выражение в западноевропейском послевоенном опыте «национального вопроса» – в практике и социально-философской рефлексии. Уже давно осуществляемый процесс консолидации Европы, имея государственный формат, включает в себя сложную проблему взаимоотношения наций. Осмысление данного опыта оказывается принципиально важным не только для самих европейцев; их теоретические и практические разработки служат своеобразной точкой отсчета как в случае их рецепции, так и при создании собственных, прямо противоположных национальных концепций.[4] Особенное место европейский опыт занимает в российском идейном пространстве; при освоении данного опыта российская идентичность обнаруживает себя через разнообразные демаркации, проводимые в сфере

---

[3]В связи с широким спектром трактовок, по причине «концептуальной трясины», выдвигаются методологические предложения отказаться от этой категории, «забыть о нации» [См.: 3, 24.].

[4] См. о «конструировании наций» в арабском, индийском, среднеазиатском, японском мире в: [3].

культуры, политики, государственности – и в сфере национальных отношений. Здесь оказывается значимым не только отличение себя от конкретных англичан, французов, немцев, но и выявление в их национальных отношениях той специфики, которая составляет основу европейского образа жизни. Поэтому справедливо отметить как важность, так и амбивалентность европейского теоретического и практического примера для российской социальной действительности.

Одним из наиболее представительных современных теоретиков объединяющейся Европы является Ю. Хабермас; его социально-политическая концепция (коммуникативности) наследует, с одной стороны, традиционное для европейского сознания внимание к проблематике государственности, с другой стороны – нацелена на выработку нового синтеза обычно разделяемых аспектов: политического, юридического, морального – под углом зрения мультикультурного подхода, что позволяет анализировать динамику общества во всей его неоднозначности [1]. Обширная тема национального занимает здесь ключевое место. В ее рассмотрении – как и в трактовке прочих социально-философских вопросов – Хабермас обращается к интуициям европейского рационализма, в котором видит и потенциал и перспективы.[5] Отсюда он «реабилитирует» политическое измерение, связывая его с феноменом общественного мнения, реализуемого в публичных дискурсах, с этой позиции рассматривает мультикультурализм и вопросы национальных взаимоотношений, считая, что любые общественные группы могут использовать в своей деятельности только ресурсы рационализированных жизненных миров. «Исторический опыт предлагает себя лишь для осознанного усвоения, без которого он не может обрести силы, образующей идентичность». Рассматривая современную чрезвычайно динамичную национальную ситуацию в Европе, он подчеркивает, прежде всего, ее общую специфику: это регион, который как никакой другой отличается продолжающимся соперничеством между *нациями, наделенными самосознанием*. С известными оговорками это можно трактовать как полемику национальных культурных проектов, поскольку Хабермас следующим образом определяет национализм (в качестве движущей импульсивной силы, приводящей к оформлению нации): «…такая формация сознания, которая предполагает отфильтрованное через историографию и рефлексию усвоение культурных традиций» [5]. Хотя эта формулировка в своей универсальности приложима к любому региону и народу, ученый отмечает характерные черты, обнаруживающие себя в современной европейской истории: «Такой культуре,

[5]Б.М.Марков отмечает: «Хабермас принадлежит к числу тех, кто пытается спасти классический проект философии, где главная роль в достижении единства людей отводилась разуму» [6, 7].

которая на протяжении многих столетий больше, чем все остальные культуры, раздиралась конфликтами между городом и деревней, между церковными и светскими властями, конкуренцией между верой и знанием, борьбой между господствовавшими политическими силами и антагонистическими классами, пришлось в муках учиться коммуникации между различным, институционализации противоречий и напряжений. Даже признание разногласий — взаимное признание другого в его инаковости — может стать признаком общей идентичности» [5].

Хабермас понимает феномен отдельных наций в культурно-политическом плане, говоря об осознании общей политической судьбы и перспективы общего будущего. При описании двух «лиц» нации, этноцентрическом, завязанном на родственной и культурно-исторической близости, и идейно-духовном, гражданственно-политическом единстве, он выдвигает на передний план «отфильтрованные через рефлексию» культурно-коммуникативные практики, связывающие нацию с государственностью, нация есть народ государства. Именно эти технологии отличают нацию от этноса, который является базовой, дополитической общностью с родовыми связями и интуитивным моделированием поведения из оппозиции свой-чужой. По поводу европейского образа жизни философ замечает: «История научила нас создавать все более абстрактные формы солидарности между чужими». Данный опыт оказывается не просто полезным, но единственным выходом в современных условиях глобализирующегося мира, когда время требует развития новых, наднациональных форм сотрудничества, что с необходимостью влечет за собой сокращение пространства для суверенных действий (не только наций, но и государств). Рассматривая практику формирования Европейского Союза, Хабермас уверен, что национальные идентичности могут и должны «надстраиваться», расширяясь до наднациональной общности. Большое значение приобретает при этом связанное с национальной составляющей социальное государство, которое также должно претерпеть изменения – философ обозначает их гегелевским термином «снятие».[6] Примеры и направления подобных процессов - надгосударственные и транснациональные структуры, которые возникают в общественной, финансово-экономической, военной, культурной и пр. сферах современного мира. Хабермас полагает, что несовершенные пока еще формы балансов сил, находимые в процессах всемирных коммуникаций, могут со временем обеспечить «постнациональную демократию»,

[6]Здесь сосредоточивается основная критическая аргументация Хабермаса относительно структур Евросоюза: они не должны копировать элементы государства, пусть очень большого.

которая предполагает не агрессивную «ассимиляцию» и не безразличное «сосуществование», а взаимное признание различий между национальными культурами в постоянном дискурсе.

Названные положения представляют для современной российской действительности несомненный теоретический интерес. Не без основания отмечается, что в России нет выраженной традиции национальной рефлексии, которая могла бы обеспечить общественный диалог, хотя имеется проблематизация темы в известных дискуссиях 19-го века и специфическая идеологизированная экспликация в советский период [2]. Можно кратко отметить, что культурно-исторический формат нации, выделяемый Хабермасом, продуктивно встраивается в мультикультурное пространство России, где взаимные коммуникации, учитывающие религиозно-психологические, хозяйственные, эстетические и прочие различия, имеют давнюю традицию. Но фундаментальный тезис философа о гражданственности нации (нации государства) определенно не совпадает с идейными интуициями в истории России. Вместе с тем вопрос о национальном проекте как проекте страны остается задачей на перспективу, для решения которой жизненно необходим полноценный диалог всего общества по фундаментальным вопросам его современного бытия.

Литература

1. Мотрошилова, Н.В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности / Н.В.Мотрошилова // Вопросы философии. – 2013. – № 11.
2. Неменский О. Русское будущее: в защиту этнонационализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn.ru/publications/article17274.htm
3. Тишков, В. А., Шнирельман, В. А. Как и зачем надо изучать национализм / В.А. Тишков, В. А. Шнирельман // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. – С. 18-31.
4. Хабермас, Ю., Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки. – 2003. – № 6.
5. Хабермас Ю. Будущее Европы как политической общности. Проблемы гражданства Эссе [Электронный ресурс]. URL: http://www.academygo.ru/Site/RussiaEC/Publications/Habermas. shtml
6. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. Спб.: Наука. – 2001. 417с.

Гукова И.Н.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Военно-патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных объединений по формированию у граждан высокого патриотического сознания, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Военно-патриотическое воспитание должно быть плановым, системным, постоянным и одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики в сфере воспитательной деятельности.

Основные задачи военно-патриотического воспитания молодежи как составляющей системы патриотического воспитания в нашей стране решаются в ходе реализации государственных программ по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации (на 2001-2005, 2006-2010, 2011-2015 годы)[7]. В настоящее время система патриотического воспитания молодежи осуществляется федеральными структурами, осуществляющими координацию деятельности органов государственной власти различных уровней, научными и образовательными учреждениями, общественными организациями (объединениями), творческими союзами и религиозными организациями на основе единой государственной политики.

Работа по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения ведется и в российских регионах. В большинстве субъектов Российской Федерации образованы и работают профильные региональные и межведомственные координационные советы и центры, приняты и реализуются долгосрочные ведомственные и региональные программы, нормативные правовые акты в этой сфере.

---

[7] Постановление Правительства РФ от 05 декабря 2000 года № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 гг.». URL: http://www.referent.ru/1/165085 (дата обращения: 23.20.2014).

В Белгородской области с 2001 года реализуются областные программы по патриотическому воспитанию граждан, нацеленные на совершенствование региональной законодательной базы, развитие научно-теоретических и методических основ патриотического воспитания граждан, координации деятельности общественных объединений и организаций в этой сфере, информационного обеспечения патриотического воспитания в регионе.

В настоящее время в области реализуется Долгосрочная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан Белгородской области на 2011-2015 годы». Среди целей, реализуемых в программе, развитие в обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности и духовности молодежи, привлечение ветеранских организаций к работе с молодежью, использование их духовного потенциала и опыта для сохранения преемственности боевых и трудовых традиций; организации военно-шефской работы в интересах решения задач культурного развития военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, воспитания их в духе патриотизма и интернационализма, реализация мер по ориентации творческих работников на усиление внимания к теме патриотизма и служения Отечеству. Важным шагом в формировании военно-патриотического сознания молодежи региона стало принятие 2013 году закона Белгородской области «О поддержке молодежи в Белгородской области». Закон определил гражданское и патриотическое воспитание молодёжи в качестве приоритетного направления государственной молодёжной политики Белгородской области [2].

Военно-патриотическое воспитание в регионе осуществляется во взаимодействии с региональными общественными организациями и движениями, среди которых РОСТО (ДОСААФ), военно-патриотические клубы, военно-патриотические, военно-спортивные и поисковые движения. В настоящее время в Белгородской области в 187 клубах и секциях военно-патриотической направленности по 13 видам спорта на бесплатной основе занимаются более 22 тысяч молодых людей, готовящихся к службе в Вооруженных силах РФ. Приоритетными направлениями подготовки подростков являются парашютно-десантная, стрелковая, мотоспортивная, морская подготовки, радиоспорт. С 2002г количество военно-патриотических клубов значительно возросло**,** только по парашютно-десантной подготовке за последние четыре года количество клубов увеличилось в 6 раз (с 6 до 36) [3]. По инициативе РОСТО в области ежегодно проводятся традиционная весенняя спартакиада допризывной молодежи, спартакиада имени А.С. Макаренко – «Спорт – против правонарушений», участниками которой являются подростки, состоящие на учете в правоохранительных органах, с 2002г - ежегодный региональный слет военно-патриотических клубов «Армия. Родина. Долг», инициированный управлением по делам

молодежи области и военно-патриотическим объединением «Поколение». В слете принимают участие молодежные организации всех муниципальных образований области. Основная цель слетов – формирование патриотических чувств, патриотического сознания и поведения в подростковой среде; оздоровление подрастающего поколения на этапе подготовки молодежи к военной службе; профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, массовое привлечение детей и подростков к систематическим занятиям физической культурой и спортом с целью укрепления их физического и духовного здоровья; формирование у молодежи уважительного отношения к Родине, ее историческому прошлому; привлечение общественных организаций и движений, структур государственной и муниципальной власти к более активному и систематическому участию в патриотическом воспитании граждан.

Среди других направлений, реализуемых спортивными общественными объединениями области в сфере военно-патриотического воспитания, военно-патриотическая игра «Зарница», областная парусно-гребная регата, акция «Призыв». Особенно эффективно осуществляется направление, связанное со стрелковой подготовкой молодёжи, в 14 стрелковых клубах Белгородского регионального отделения ДОСААФ России занимаются более 8 тысяч воспитанников. В 2009 году область приняла участие в 16 соревнованиях по пулевой стрельбе различного уровня, по итогам которых более 143 человек стали спортсменами-разрядниками. Белгородский стрелковый клуб ДОСААФ России в настоящий момент является основной базой по подготовке молодёжной сборной России по пулевой стрельбе [3].

Региональные организации РОСТО являются партнерами Областного военного комиссариата по допризывной подготовке граждан к несению военной службы. В соответствии с Постановление Губернатора Белгородской области «О подготовке к военной службе и военно-патриотического воспитании молодежи Белгородской области» в области созданы 12 объединенных пунктов по обучению граждан начальными знаниями в области обороны и их подготовке по основам военной службы. Данные объединения являются структурными подразделениями региональной организации РОСТО, примечательно, что 9 из 12 учебных пунктов организованы в сельской местности, что позволяет привлекать к учебе молодежь из села [3]. Деятельность учебных пунктов позволяет привлекать к подготовке трудновоспитуемых подростков, детей из неблагополучных семей, обеспечивая процесс целенаправленной социализации подростков и молодежи.

Одним из направлений в работе спортивных организаций области является областная спартакиада допризывной и призывной молодежи, проводимая в три этапа, которая стала

своеобразным смотром физической подготовки молодежи к военной службе. В течение года спартакиаде предшествуют традиционные соревнования и турниры памяти прославленных земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны и в «горячих точках»: по зимнему и летнему полиатлону, гиревому спорту, легкой атлетике, вольной борьбе, дзюдо и самбо, пулевой стрельбе и другим видам спорта. Результаты физической подготовки допризывной и призывной молодежи ежегодно анализируются совместно с военными комиссариатами и органами образования, принимаются конкретные меры, направленные на качественное улучшение этой работы.

Важным направлением патриотического воспитания учащейся молодежи области является вовлечение в благотворительную деятельность и волонтерское движение, участие в акциях милосердия «Помним и чтим», «Ветеран живет рядом», знакомство с работой историко-патриотического объединения «Поиск» Белгородской области, являющегося старейшим среди центров поискового движения в России.

В регионе установлены тесные партнерские отношения общественных объединений патриотической направленности с управлением по делам молодёжи, культуры, физической культуры, спорта и туризма области, с военным комиссариатом и другими заинтересованными структурами. Для полной реализации программ по военно-патриотическому воспитанию молодежи в регионе созданы координационные советы, в состав которых входят заместители глав администраций регионального и муниципального уровней, председатели местных организаций РОСТО (ДОСААФ), начальники отделов образования, по делам молодежи, военные комиссары и другие представители заинтересованных организаций и учреждений. В компетенцию координационных советов входит подбор педагогических кадров для работы с молодежью. Система сотрудничества с координационными советами, созданными при главах местного самоуправления, управлением по делам молодежи области, позволяет осуществлять подбор кадрового состава на основе образовательного ценза (по итогам 2011г из 146 сотрудников штатного состава 53 имели высшее педагогическое образование), с учетом отношения к военной службе (среди педагогов 57 офицеров, прапорщиков и мичманов запаса, 17 ветеранов Вооруженных сил, 12 ветеранов-участников локальных войн, 4 – проходили службу в «горячих точках», 3 – в спецподразделениях) и др. [1]

С целью активизации работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи, формирования у подрастающего поколения патриотических и гражданских убеждений, подготовки молодых людей к военной службе, привлечения их к обучению массовым техническим профессиям, имеющим военно-прикладное значение, развития военно-технических ви-

дов спорта, начиная с 1999 года, руководством области в штат Белгородской региональной организации РОСТО (ДОСААФ) поэтапно вводились ставки специалистов-инструкторов по военно-патриотическому воспитанию, финансирование которых осуществлялось и осуществляется из средств областного бюджета по разделу «Молодежная политика». В настоящее время в штате РОСТО (ДОСААФ) состоит 101 ставка специалистов-инструкторов по военно-патриотическому воспитанию, представленных 155 руководителями клубов (секций допризывной подготовки). Преимуществом при назначении на должность пользуются лица с высшим педагогическим или военным образованием, имеющие опыт работы с молодежью, обладающие организаторскими способностями. Многие руководители военно-патриотических клубов (секций) – офицеры запаса, из них немало проходивших службу в «горячих точках», ветеранов локальных войн, а также спортсменов высокой категории. Распоряжением губернатора области № 1093-р от 31.12.04 г. произведено упорядочение штатной численности и оплаты труда специалистов-инструкторов по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В настоящее время это – 101 работник, что обеспечивает наличие специалистов в каждом муниципальном образовании области. Всего – 186 патриотическими клубами и секциями руководят на штатной основе 155 специалистов-инструкторов [1]. Своей деятельностью общественные объединения военно-патриотической направленности вносят реальный вклад в военно-патриотического воспитание молодежи Белгородчины.

Таким образом, в регионе сложилась стройная система военно-патриотического воспитания молодых граждан, основанная на комплексном сочетании приоритетных направлений молодежной политики, тесном взаимодействии и сотрудничестве органов государственной власти и местного самоуправления с общественными организациями военно-патриотической направленности и молодежными структурами. В перспективе в целях повышения эффективности проводимых мероприятий необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу военно-патриотического воспитания в регионе, повышать уровень его организационно-методического обеспечения, популяризировать идеи патриотизма в средствах массовой информации.

Литература

1. Закон Белгородской области от 3 октября 2013 года N 223 «О поддержке молодёжи в Белгородской области». URL: http://base.garant.ru/26352635/ (дата обращения: 26.03.2015)
2. Молодежь Белгородчины: аналитические материалы / РОССТАТ; БЕЛГОРОДСТАТ. – Белгород. 2012 (дата обращения: 28.03.2015).

3. Белгородский пример. Наш собеседник – губернатор Белгородской области Евгений Савченко.URL:http://www.dosaaf31.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1272:2011-04-18-14-09-38&catid=1:2010-12-23-17-08-59&Itemid=110 (дата обращения: 28.03.2015).

Джонич В.П.

Философский факультет, Нишский университет,

Ниш, Сербия

ПЕРЕВОД ЛАКУН В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Лакуна представляет собой особое лингвистическое явление, главным образом лексическое. Это безэквивалентная лексика, которая отражает культурно-национальные особенности, присущие языку определенного народа. В связи с тем, что само понятие лакуны может быть раскрыто только в сопоставлении данных разных языков, в работе используется компаративный метод исследования И хотя она исследована преимущественно на лексическом уровне, лакуны можно рассматривать и на морфологическо-семантическом, фразеологическо-паремиологическом, словообразовательном уровне.[8]

Значит, лакуна не только лингвистическая, но и переводческая проблема, которая затрудняет передачу смысла содержания с одного языка на другой и, поэтому очень важно учитывать место лакун в языке и адекватно передавать ее значение с одного языка на другой.

Как и в случае с полисемичным словом, значения которого могут быть определены только в контексте, перевод лакун необходимо осуществлять путем анализа их лексического и контекстного окружения. Наибольшие затруднения вызывает перевод многокомпонентных лакун, когда то или иное понятие в одном языке репрезентировано с помощью одного слова или словосочетания, а в другом может быть передано только описательно. Данная проблема значительно осложняется, если такие многокомпонентные лакуны содержатся в одном

[8] См.: В. Илич (Джонич), Лакуне као историографски и преводилачки проблем на плану руског и српског језика (Лакуны как историографическая и переводческая проблема на фоне русского и сербского языков): дис...д-ра филол. Наук: Белград, 2010, 400 с.

предложении. Примером лакун подобного типа являются русские выражения *скамья* и *парта*, значения которых довольно сложно передать на сербском языке.

С целью всестороннего изучения проблемы перевода лакун и тех затруднений, с которыми сталкиваются переводчики литературных текстов, мы проанализировали целый ряд примеров из разных литературных произведений.

Связь лакуны с реалией неразделима. Особенно ярко данная связь проявляется в историческом романе. Известно, что есть два вида реалий, характерных для исторического романа: национальные и исторические.

Для читателя подлинника в историческом романе по национальной истории всегда существует ряд „своих" реалий, узнаваемых в результате повседневного опыта или освоенных в процессе обучения, но, также встречается и ряд „чужих", незнакомых, трудно или вообще неузнаваемых реалий, принадлежащих другой эпохе, той, что описана в романе. Эти последние реалии писатель должен приблизить к читателю, используя различные способы толкования (в самом тексте или вне его), и сделать их „своими", известными или узнаваемыми. В этом отношении писатель создает своеобразную креолизацию двух по времени и пространству отдаленных культур. С помощью национальных реалий писатель осуществляет семантическую интерпретацию исторических реалий. Таким изменением компонентов разных культурных моделей нейтрализуется указанная оппозиция.

Задача переводчика – это соединение двух отдаленных культурных моделей, приближение потенциального читателя к совсем другой культуре и совсем другому языковому сознанию. Переводчик должен совершить еще одно преобразование: представить „культуру культуры", соединить культуру подлинника с культурой перевода. Таким образом, „передачу особых систематических реалий при переводе исторической прозы можно охарактеризовать как своеобразный перевод перевода" [22, 248] (перевод мой – Дж. В.).

Проиллюстрируем сказанное примерами перевода романа „Петр I" А. Толстого на сербский язык. С целью выявления „правильной компенсации" (термин мой – Дж. В.) лакун мы проанализировали существующие переводы данного романа: перевод С. Краньчевича (1950 г.) и перевод П. Вуичича (1979 г.).[9].

Рассмотрим лакуну *<u>грановитая палата</u>*: и Вуичич и Краньчевич при переводе данного выражения не привлекали данные этимологии относительно девербативного прилагательного *<u>грановитый</u>*, несмотря на то, что речь шла об особенной историческо-

[9] А. Н. Толстој, Петар Први, прев. с руског С. Крањчевић, Загреб, 1950.; А. Толстој, Петар Велики 1-2, прев. П. Вујичић, Београд, 1979.

национальной русской реалии. В результате, ими дан неправильный перевод, и читатель оказался обманутым. Думая, что *грановитый* – то же самое, что и *гранитный* (от *гранит* – гранит), Вуичич перевел указанное выражение как „гранитна палаћа“ [19, 52], а Краньчевич – как „гранитна палата“ [18, 61]. А *грановитый* представляет собой девербативное прилагательное, образованное от глагола *гранить* – „брусити, глачати, шлифовати”.

Подробное толкование данного выражения мы нашли у Р. Кошутича, который объясняет его значение следующим образом: „Грановитая палата – зидови споља били су украшени избрушеним (углачаним) каменом; гранить – брусити, глачати, шлифовати, велика свечана дворница (у Московском Кремљу), у којој су некад цареви, док је Москва била престоница, примали у аудиенцију стране посланике” [8, 183].

Рассмотрим примеры лакун, связанные с явлениями повседневной жизни.

Как показывает педагогический опыт, особую сложность для студентов, занимающихся переводом художественных текстов, представляет лексема *перегородка*. Элементарные лингвистические знания подсказывают, что это слово по своему фонетическому составу с метатезой вибранта р вместо восточнославянского рефлекса -ере- принадлежит к праславянской группе *tert и очень близко к сербской лексеме „преграда”.

К сожалению, контекстное окружение данной лексемы не позволяет решить переводческую проблему. Привлечение словарей тоже не помогло: *перегородка* – „преграда”[10]. В этом случае, на наш взгляд, следует обратиться к собственным лингво-переводческим ощущениям, а они подсказывают нам, что семантика рассматриваемой лексемы не укладывается в рамки её словарного толкования. Следующим нашим шагом стало обращение к русскому лектору, у которого мы узнали, что на самом деле речь здесь идет об импровизированном перегороженном помещении, обычно драпированном грубой, толстой тканью, в крайнем случае – парусиной, которая была экономичной и функциональной. Такое оформление было очень характерным явлением в небольших домиках XIX века. Значит, данное слово можно перевести с помощью выражения „параван који је преграђивао собу” или только с помощью лексемы „параван”, но не в значении *ширма*. Также подходящим, по нашему мнению, является перевод – „параван од завесе” или „завеса” (перевод мой – Дж. В.). Многие из переводчиков в таких случаях просто „переносят” слово из одного языка в другой, т. е. используют приём транслитерации. Именно

[10] Имеем в виду Русско-сербскохорватский словарь, Под ред. Б.Станковича, Москва – Нови Сад, 1988. и другие русско-сербские словари (Р. Ф. Полянец; С .Иванович / Й. Петранович; М. Московлевич; их точние библиографии даем в конце статьи) приводят только значение – „преграда”.

таким способом пользовался Божидар Ковачевич при переводе *Станционного смотрителя* А. С. Пушкина, не приводя толкований слов даже в сносках. Стоит отметить, что само заглавие *Станционный_смотритель* для сербского языка представляет лакуну – „управник поштанске станице".

(…) Три года тому назад, однажды в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за *перегородкой* шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкеской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, (...)	(…) Било је то пре три године; једаред, зими, увече управник је шпартао нову поштанску књигу, а кћи му иза *прегради* шила хаљину за себе, кад стиже на тројци неки путник у черкеској шубари и војничком шињелу, умотан у мараму, (…)
(12, 251)	(13, 43)

В переводе повести А. П. Чехова „Попрыгунья", выполненном Миодрагом Сибиновичем, находим более удачный вариант перевода лексемы *перегородка*:

(…) Ольга Ивановна сидела за *перегородкой* – на кровати, перебирая пальцами свои прекрасные льняные волосы, (…)	(…) Олга Ивановна је седела *иза паравана* на кревету и, пребирајући прстима по својој лепој ланеној коси, (…)
(20, 333)	(21, 384)

„Этнографические лакуны" (термин мой – Дж. В.) представляют собой важную переводческую проблему. Перевод таких лакун, связанных с национальными русскими традициями (названий национальных блюд, национальных костюмов и т. п.), в большинстве случаев осуществляется с помощью транслитерации и сопровождается описательным комментарием[11] вне текста, т. е. в сноске. Так, например, в сноске указывается следующая информация: *кулеш* – жидкая каша из пшеницы; *девки* – (прост.) крестьянские девушки; *барские* – крестьяне, живущие у барина, хозяина; *старостиха* – жена старосты, человека выбранного крестьянами вести дела в деревне. Проиллюстрируем это на примере отрывка из повести И. А. Бунина *Антоновские яблоки*, в котором встречается несколько „этнографических лакун". Кстати, само заглавие повести является лакуной, которую на сербский язык его переводим как „зимске јабуке киселкастог укуса, антоновке".

В полдень на ней варится великолепный	У подне се на њој кува дивни *куљеш*,

[11] О способах перевода лакун см. в указанной докт. диссертации.

кулёш с салом, вечером греется самовар, и по саду, между деревьями, расспилается длинной колосой голубоватый дым. (…) (…) Толпятся бойкие *девки* в *сарафанах*, сильно пахнущих краской, приходят „*барские*“ в своих красивых и грубых дикарских костюмах, молодая *старостиха*, беременная с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова (…) (1, 30)	увече се греје самовар, и по врту, између дрвећа, попут дугачке пруге шири се плавичасти дим. (…) (…) Стекле се окретне девојке-једнодворке сарафанима који јако миришу на боју, долази „господска служинчад“ у својим лепим и грубим чудним ношњама, млада *старостина жена*, трудна, широка сањива лица и уображена као холмогорска крава (…) (2, 74)

М. Јовановић, автор рассматриваемого перевода, довольно непоследователен при передаче этнографических лакун. Так, в одном случае он использует приём транслитерации, а также приводит толкование лексемы в сноске (например, *кулеш* – „врста ретке каше”), в другом – только переносит названия реалий, не давая им никакого объяснения (например, существительные *самовар*, *сарафан,* прилагательное *барские*). Видимо, переводчик считал, что эти слова известны читателю, будучи чем-то вроде „трансъязыкового явления” (термин мой – Дж. В.), так как они давно вошли в сербский язык. В третьем случае прием транслитерации не используется – переводчик заменяет слово оригинала сербским эквивалентом, включая в текст и внетекстуальное толкование лакуны. Так, лексема *девки* переводится следующим образом: „једнодворке“, т. е. „једнодворци“ – назив за сталеж државних кметова у царској Русији, потомака војних обвезника (козака, војника), насељаваних у XV-XVIII веку на границама Московске државе. За службу и чување граница они су добијали у привремено или трајно власништво мале деонице земље. Почетком XVIII века ови насељеници добили су назив „једнодворци”. У току XIX века они су се постепено изједначавали са осталим сељацима [1, 74] (перевод мой – Дж. В.). Переводчик только транслитерировал лакуну *барские* без всякого толкования и таким образом данная лакуна осталась „непокрытой”, а перевод – непоследователен и неполный.

Обратим внимание еще на один пример из повести *Антоновские яблоки* И. А. Бунина.

(…) Мужик, насыпающий яблоки, ест их их с *сочным треском* одно за одним (…) (2, 29)	(…) Сељак који товари кола јабукама једе једну за другом уз *сочно руштање* (…) (3,73)

Проанализируем словосочетание *с сочным треском*. Лексемы *треск, трескать (треснуть)* толкуются в русско-сербохорватском словаре следующим образом: (*Треск, трескать (треснуть)* – ясно определенные лексемы в словаре)

треск- 1. Тресак, прасак (сучьев – ломљава грања);

2. Тутњава грмљавине, ~ мотор – тутњава мотора;

3. фиг.разг. фразирање афектација.

трескать (треснуть) – 1. 3. л. треснути, праснути;

2. 3. л. прснути, пући, попуцати (стакан~ – пукла је чаша);

3. 3. л. фиг. разг. пропасти (о послу);

4. нар. треснути, млатнути (по голове – лупити по глави) [15, 865]

С точки зрения сочетаемости в сербском языке яблоки можно есть „сочно", но никогда „с лупом, тутњавом, пуцањем" и тем более „грмљавином". При переводе бунинской фразы очень сложно вербально передать звук, сопровождающий употребление в пищу яблока. Мы считаем, что в таком случае необходимо использование новых форм и лексем или по-другому оформленных предложений и сочетаний, например, „једе их сочно и мљацкајући" или „једе их уз сочно мљацкање". Данное затруднение переводчик решил путём образования авторского неологизма междометного типа „руштање". Словари сербского языка не приводят отглагольное существительное „руштање", но есть глагол „руштати" – производити оштар шум мрвећи се или тарући се под притиском, хрускати (о храни или жвакању); шумно гристи, жвакати, а в качестве примера приводится предложение: „руштала је проја под његовим зубима и коњ је руштао овлаженим снегом" [14, 591].

Фразеологические обороты и паремиологические микроструктуры представляют своеобразный род лакун – „фразеологические лакуны", „паремиологические лакуны" (термин мой – Дж. В.) по отношению к другому языку[12].

О переводе паремиологических структур и фразеологических оборотов в литературном тексте пишет Мила Стойнич. Исследователь, хотя и подводит паремиологические формы под понятие „фразеологизм", считает, что всегда смысл таких единиц может быть адекватно воспринят только в контексте, так как в зависимости от него фразеологизм может получить совсем неожиданное значение. „Кроме того", – подчеркивает М. Стойнич, – фразеологизм может явиться ключом для дешифровки перенесенного смысла небольших частей и целого произведения. Это особенно характерно для фразеологизмов, находящихся в заглавии произведения, что представляет собой нередкое явление". (Например, у Островского *Свои люди – сочтемся* („Своји смо, нагодићемо се"); *На каждого мудреца довольно простоты* („Кола мудрости – двоја лудости") [16, 17] (перевод – Дж. В.).

[12] О фразеологических и паремиологических лакунах мы говорили в указанной докт. дисертации, с. 117-141.

Кстати, таким же образом и М. Глишич еще в 1882 году перевёл заглавие драмы *На каждого мудреца довольно простоты* – „Кола мудрости, двоја лудости”. И у Вука Караджича была сходная мысль „Ђе су кола мудрости, ту су двоја лудости”.

Тем не менее удачный перевод заглавий с учетом характера паремии зависит от двух факторов: от существования похожих форм в языке перевода и от общественного сознания [22, 164] (перевод мой – Дж. В.).

Что касается перевода фразеологических оборотов в произведениях русских писателей, мы отметили, во-первых, примеры, характерные для языка: разного рода эллиптические предложения и номинативные высказывания, которые на сербский язык переводятся, как правило, буквально, даже, если можно так сказать, „механически”, слово в слово, без учета идиоматических особенностей сербского языка.

Например, Вуичич в переводе „Петра I“ просто автоматически копирует все пословицы и поговорки, и в результате (и, таким образом,) они теряют свою единственность, целостность значения и становятся выражением простого общения и в языке перевода.

За *битого* ныне двух *небитых* дают. (17, 48)

За *батинаног* данас дају два *небатинана*. (19, 49)

На наш взгляд, в этом случае надо использовать более подходящий и ближайший по значению функционально-осмысленный эквивалент сербского языка: „Батина је из раја изашла”.

Другие переводчики даже фразеологический оборот *слава богу* из подлинника механически переносят в сербский текст – „хвала богу”. В сербском языке такой оборот существует, но значение его не всегда совпадает с русским. Так, „хвала богу” у сербов может означать „лепо, добро, срећно”, в то время как русское выражение „*слава богу* имеет следующие смыслы: 1. хорошо, благополучно; 2. в хорошем состоянии, хороший, не плохой; 3. выражение радости, успокоения, облегчения, удовлетворения по поводу чего-либо” [9, 430]. В словаре Кошутича находим двойное толкование: „*слава богу* – а) хвала Богу; б) (уз Слава Богу, ако није изреком казано, замишља се хорошо, или это было бы хорошо, итд.) добро, хвала Богу, добро” [8, 275].

Буквальный перевод фразеологических оборотов с языка подлинника на язык перевода встречается довольно часто. Русский и сербский – языки родственные, и многие лексемы в обоих языках по фонетическому составу одинаковы, но нередко значения их не только различаются, но иногда оказываются прямо противоположными. И если такое семантическое несоответствие наблюдается на уровне отдельных лексем, то на уровне

фразеологизмов оно еще более существенно. Поэтому буквальный перевод чаще всего оказывается ошибочным. Проиллюстрируем это примерами:

(…) Потом *бабьим летом*[13] паутины много село на поля. Это тоже добрый знак (…) (2, 29)	(…) Ито је добар знак: „Много јесење паучине о *бабином лету* – јесен ће бити једра…“ (3, 73)

Изучая имеющиеся переводы рассматриваемых произведений, мы обнаружили и примеры правильной передачи фразеологизмов на сербский язык:

(…); и коли не найдёт чего надо, посидит, поговорит, *наобещает с три короба* и уидёт, – всё-таки развлечение себе доставил (…) (4, 170)	(…)… а ако не нађе шта тражи, мало поседи, поприча, *обећа брда и долине* и оде – ипак се мало забављао. (6, 219)
	(…) а ако не нађе што тражи, поседи мало, поразговара, *да пуну корпу обећања* и оде – бар је имао мало разонођења. (5, 216 -217)

Наконец, обратим внимание на перевод авторских неологизмов. Рассмотрим пример из переписки А. П. Чехова с Книппер-Чеховой. Сообщая супруге в одном из писем о том, что он не смог благополучно завершить все дела, связанные с покупкой дома в Ялте, Чехов шутливо объяснил это следующими словами: „Ведь я в таких делах *кое-кака*“. При этом и в конце письма вместо традиционной подписи он использовал выражение *твой кое-кака*. Очевидно, что авторский неологизм образован от наречия *кое-как*, имеющего значение *плохо, небрежно*, образованно имя существительное *кое-кака* – неологизм, который в этом случае реализует одно из двух значений наречия. При переводе же чеховского неологизма на сербский язык исходное значение сохраняется только частично: „за те послове испао сам прави неспособњаковић, шепртља, неспретњаковић“ и сл. [22, 49]. В морфологическом отношении аналог найден – это имя существительное; а в лексическом – слово одной

[13] *бабье лето* – михољско лето, циганско лето; топли дани касне јесени [Пољанец 1979: 443].

стилистической коннотации. Иронический тон сохраняется. Имеется и возможность образования эквивалента тем же способом субстантивации: от отрицательного местоимения *ник ак* – „*никако-ваџ*” (термин мой – Дж. В.) и т. п.

Такой тип лакун можно назвать „индивидуальными“ или „авторскими лакунами” (термин мой – Дж. В.)

Таким образом, разнообразие лексических и фразеологических средств, художественных приёмов и тропов, используемых в произведениях русской литературы, представляет для переводчика особые трудности. Мы их привели с целью иллюстрации его богатства лакунами и необходимости указать на затруднения, которые они вызывают при переводе на сербский язык, а также предложить возможные решения для перевода разных рода лакун. Кроме того, следует обратить внимание на необходимость комплексного и тщательного анализа данных единиц для правильной передачи их на другой язык.

Существующая переводческая практика предлагает множество самых различных решений, но теория относит их „к общей антонимийской оппозиции: транскрибция и описательный перевод“ [22, 261] (перевод мой – Дж. В.).

Одним из возможных решений проблемы перевода является максимальное сохранение „чужого”, другой способ предлагает „чужое” представить „своим”. На наш взгляд, наиболее оптимальным решением проблемы перевода лакун в рамках литературно-художественного контекста может стать комбинирование указанных способов (транслитерации и описателного перевода, оформлением словосочетаний и предложений по-другому, образованием неологизмов) с привлечением значительных экстралингвистических данных.

Литература

1. Бунин, И.А. Повести и рассказы / Бунин И.А. М.: Эксмо, 2004.– 702 с.
2. Бунин, И.А. Стихотворения. Рассказы. Повести / Бунин И.А. М.: Художественная литература,1973.– 528 с.
3. Буњин, И. Песме и приповетке / И. Буњин; перев. М. Јовановић (и др.). Москва – Београд: Прогресс – Вук Караџић, 1976.– 534 с.
4. Достоевский, Ф.М. Подросток (Полное собрание сочинений в тридцати томах: художественные произведения, тома I – XVII; Т. 13) / Ф.М. Достоевский. Л.: Наука, 1975.– 373 с.
5. Достојевски, Ф.М. Младић / Ф.М. Достојевски; перев. М. Ивковић. Београд: Просвета, 1955.– 633 с.

6. Достојевски, Ф.М. Дечко I, II / Ф.М. Достојевски; перев. Р. Маројевић, М. Маројевић. М.: Радуга, 1992.– 359; 350 с.
7. Иванович, С. Русско-сербскохорватский словарь / С. Иванович, И. Петранович – 2-е изд. стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1966.– 784 с.
8. Кошутић, Р. Примери књижевног језика руског, 3 (Речник) / Радован Кошутић – 3. изд. Београд: Државна штампарија краљевине Србије, 1926.– 359 с.
9. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. Л.: Наука, 1977.– 280 с.
10. Московљевић, М. Речник руског и српскохрватског језика / Милош Московљевић. Београд: Научна књига, 1963.– 750 с.
11. Полянец, Р.Ф. Русско-хорватский словарь / Р.Ф. Полянец, С.М. Мадатова-Полянец. – 3-е изд. доп. и перераб. Загреб: Школска књига, 1973.– 1379 с.
12. Пушкин, А.С. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – Романы и повести / А.С. Пушкин. М.: Художественная литература, 1965.– 646 с.
13. Пушкин А.С. Пикова дама; Белкинове и друге приповетке / А.С. Пушкин; перев. Божидар Ковачевић. Београд: Портал, 2003.– 126 с.
14. Речник српскохрватскога књижевног језика 1-6, т. 5. П-С / ред. М. Стевановић (и др.). Нови Сад: Матица српска, 1973.– 1038 с.
15. Русско-сербскохорватский словарь / под общ. ред Б. Станковича. – 3-е изд. доп. и перераб. М. – Н. Сад: Русский язык – Матица Српска, 1988.– 985 с.
16. Стојнић, М. О превођењу књижевног текста / Мила Стојнић. Сарајево: Свјетлост, 1980. – 188 с.
17. Толстой, А.Н. Собрание сочинений. Т. 10. – Петр Первый / А.Н. Толстой . М.: ГИХЛ, 1959.– 710 с.
18. Толстој, А. Петар Велики / А. Толстој; перев. С. Крањчевић. Загреб: Ново покољење, 1950.– 835 с.
19. Толстој, А.Н. Петар Велики I, II / А.Н. Толстој; перев. П. Вујичић. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1979.– 371; 479 с.
20. Чехов, А.П. Рассказы и повести / А.П. Чехов. М.: Правда, 1981.– 640 с.
21. Чехов, А.П. Под заклетвом: Приче и изводи из писама поводом стогодишњице Чеховљеве смрти / А.П. Чехов; перев. М. Сибиновић. Београд: Paideia, 2004.– 543с.
22. Човић, Б. Уметност превођења или занат / Бранимир Човић. Н. Сад.: Књижевна заједница Новог Сада, 1986.– 176 с.

Джурич, Ж., Атлагич, С.
Институт политических исследований,
Белград, Сербия

ИДЕНТИЧНОСТЬ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Современное общество характеризуется большим числом изменений, навязывающими ежедневные вызовы процессу формирования идентичности. Исходя из того, что неолиберализм стал определяющей экономической и политической парадигмой современного общества, в данной статье особое внимание уделяется влиянию неолиберализма на процесс формирования идентичности. Гражданская идентичность неразрывно связана с демократической политической культурой, при чём необходимо создать и благоприятное демократическое окружение. Без демократии не возможно развитие демократической и гражданской идентичности, но действует и противоположный процесс: без гражданской идентичности не возможно существование демократии. В этом смысле, а также в контексте отношений между неолиберализмом и демократией, в статье будут рассматриваться вызовы формирования гражданской идентичности.

Литература

1. Загорка Голубовић, *Изазови демократије у савременом друштву*, Едиција Браничево, Центар за културу, Пожаревац, 2003.
2. Клајн Наоми, *Доктрина шока – процват капитализма катастрофе*, Самиздат Б92, 2009.
3. Simon Bernd, *Identity in modern society: A Social Psychological Perspective*, Blackwell Publishing, 2004.
4. Стевановић Бранислав, ,,Политички идентитети Балкана у прелазу: поступни кораци ка грађанском идентитету житеља Бугарске, Србије и Македоније'', *Међуетнички односи, идентитети и култура мира на Балкану* (приредили: Љубиша Митровић, Драгана Стевановић Бранислав, *Демократски принципи и политичко-културне вредности*, Филозофски факултет, Ниш, 2008.
5. Захаријевски, Данијела Гавриловић), Филозофски факултет, Ниш, 2009.
6. Стојадиновић Миша, *Потрага за идентитетом*, Институт за политичке студије, Београд, 2012.
7. Харви Дејвид, *Кратка историја неолиберализма*, Медитеран, Нови Сад, 2012.

8. Heffer Simon, ,,Rise of the Fourth Reich, how Germany is using the financial crisis to conquer Europe'', *Daily Mail*, 17th August 2011, http://www.dailymail.co.uk/news/article-2026840/European-debt-summit-Germany-using-financial-crisis-conquer-Europe.html
9. Chomsky Noam, *Profit over People – Neoliberalism and Global Order*, Seven Stories Press, New York, Toronto, London, 1999.
10. Чомски Ноам, *Година 501 – конквиста се наставља*, Нови Сад, Светови, 1998.
11. Шнапер Доминик, *Заједница грађана – о модерној идеји нације*, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци, Нови Сад, 1996.

Жиров М.С.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ЦЕННОСТНЫЙ РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА

Понятие «корпоративная культура» в последние годы всё шире используется применительно к образовательным учреждениям. Это обусловлено тем, что в условиях рынка, когда значительная часть социальных и профессиональных объединений строит свою деятельность на основе корпоративных отношений, система образования обязана формировать у будущих специалистов-профессионалов готовность к деятельности, направленной на достижение вполне определённых корпоративных целей и корпоративных интересов.

Кроме того, сами образовательные учреждения, получившие немалые права и относительную экономическую самостоятельность, являются субъектами конкуренции, т.е. вынуждены отстаивать свои «частные» интересы на рынке образовательных услуг. Следовательно, невозможно представить себе ситуацию, когда общество строит свои структуры по принципу корпоративных интересов, а образовательные учреждения остаются вне поля гражданских отношений.

Осознание ответственности за реализацию Миссии НИУ «БелГУ» в области поддержания его позитивного имиджа, устойчивого положения, укрепления статуса как базового центра образования, науки, культуры, инноваций, высоких технологий в мировом, федеральном и региональном сообществах, актуализируют проблему формирования

корпоративной культуры. В условиях, формирующихся в российской образовательной среде, новых экономических и социальных отношений это становится теоретической и практической необходимостью.

Вместе с тем, это и парадигмальный поворот, обусловленный принципиально новыми условиями жизнедеятельности вуза как самостоятельной, конкурентоспособной организации, реализующей комплексный кругооборот ресурсов, образовательных услуг и доходов с целью:

- ✓ подготовки востребованных и конкурентоспособных на рынке труда специалистов;
- ✓ формирования социально адаптированной, гармонично развитой, высококультурной личности, нравственно и духовно состоятельных профессионалов, ориентированных в своей деятельности на гуманистические ценности.

Нынешнее состояние социокультурной среды НИУ «БелГУ» выступает именно таким конструктом, определяющим совокупность условий для самореализации личности, формирования её ценностей и моделей поведения, удовлетворения потребностей и интересов в учёбе, науке, творчестве, сфере досуга.

Данная цель успешно достигается при конструктивном взаимодействии образовательно-воспитательных, культурно-нравственных, социально-активных, ценностных векторов деятельности вуза, осуществляемой в лоне корпоративной культуры.

Это новая форма культуры, которая объединяет в себе педагогическую, нравственную, организационную, правовую, экономическую, коммуникативную, эстетическую, экологическую, информационную культуру, молодёжную субкультуру, культуру здоровья, труда, быта и другие виды культур. Именно эта культуро-созидающая, культуро-деятельностная компонента множества культур позволяет считать корпоративную культуру универсальным феноменом, мощным стратегическим инструментом, позволяющим ориентировать весь трудовой коллектив на решение общих целей и задач.

Использование понятия «корпорация», трактуемого как объединение, союз единомышленников, применительно к вузу вполне обоснованно, поскольку позволяет представить университетское сообщество в виде субъекта социальной деятельности, особой формы социальной организации. В процессе её становления, развития и функционирования формируется ценностно-нормативная система, разделяемая членами университетского сообщества, включающая правила поведения (ценности, социальные, коммуникативные и моральные нормы, ритуалы и традиции, фирменный стиль; правила управления (организационная структура, коммуникации, кадровая политика); представления о месте и роли учебного заведения в об-

разовательном пространстве и окружающем мире; понимание стратегических принципов и приоритетов развития.

Иными словами, корпоративная культура – это совокупность базовых предположений, ценностных ориентаций, ожиданий, норм, символики, традиций и других непреходящих ценностей, лежащих в основе всех внутривузовских отношений, взаимодействий, связей, осуществляющихся в рамках конкретной многогранной и многоаспектной деятельности университета.

Следовательно, корпоративная культура вуза – это весьма своеобразная форма его жизнедеятельности, позволяющая говорить о нём как о самоорганизованной системе, построенной на принципах самоценности знания, свободы учения и обучения, характеризующаяся наличием определённых признаков:

- ✓ полифункциональность университета (способность генерировать современные знания и обеспечивать их трансферт);
- ✓ ориентация на фундаментальные исследования, современные направления науки, высокие технологии и инновационный сектор в экономике, науке и технике;
- ✓ широкий набор направлений подготовки, включая естественные и социальные науки, гуманитарные знания;
- ✓ высокий профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава, способного обеспечить подготовку специалистов с «продвинутой» научной степенью (превышение числа магистрантов, аспирантов, докторантов над числом студентов, ориентированных на получение общего высшего образования);
- ✓ гибкая восприимчивость к мировому опыту в области новых научных направлений и методологии преподавания; конкурсный и селективный подход при наборе студентов;
- ✓ высокая степень информационной открытости и интеграции в международную систему науки и образования, стремление к лидерству внутри региона, страны, мирового научно-образовательного сообщества.

В качестве отправной точки анализа процессов формирования и развития корпоративной культуры НИУ «БелГУ» использованы результаты отчётных материалов по социально-воспитательной, учебно-методической, научной, международной, финансово-экономической деятельности университета и его структурных подразделений, а также некоторые результаты теоретико-прикладного социологического исследования «Формирование корпоративной культуры студентов и сотрудников вузов», выполненного на примере государственных вузов г. Белгорода несколько лет назад.

Анализ суммированных результатов позволяет выделить «узнаваемые» положительные особенности корпоративной культуры университета во внешней и внутренней среде. Это:

- ✓ удовлетворённость потребителей, востребованность выпускников университета на рынке труда;
- ✓ высокое качество образовательных услуг, подтверждённое в ходе государственных аттестаций;
- ✓ актуальность и практическая значимость реализуемых научно-исследовательских проектов;
- ✓ наличие чётко сформулированной миссии университета, долгосрочных и среднесрочных перспектив его развития, осознание сильных конкурентных преимуществ в образовательном пространстве региона, России и на международном уровне.

Положительными показателями внутренней корпоративной культуры университета являются:

- ✓ социальная стабильность коллектива, его участие в управлении университетом, наличие эффективной системы мотивации сотрудников, развитой материально-технической и информационной базы, рост доходов от всех видов деятельности;
- ✓ повышение качества предоставляемых образовательных услуг, рост профессиональных знаний и профессиональных компетенций сотрудников, положительная динамика итогов аттестации кадров;
- ✓ соблюдение этики корпоративного поведения, умение поддерживать положительный имидж университета.

Проявления низкой корпоративной культуры университета просматриваются:

- ✓ в неприобщённости части преподавателей и студентов к ценностям и представлениям, образующим ядро корпоративной культуры;
- ✓ в недостаточной информированности сотрудников, преподавателей, студентов о ближайших стратегических планах, перспективных мероприятиях, реализуемых в вузе;
- ✓ в недостаточном использовании современных информационно-коммуникативных технологий для трансляции корпоративных ценностей и норм.

Следует отметить, что реализуемые в университете «Кодекс чести преподавателей и сотрудников университета», «Кодекс чести студента», «Концепция воспитательной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета», «Концепция Модели личности выпускника НИУ «БелГУ»», функционирующий институт кураторства способствуют формированию вузовских традиций, студенческого самоуправле-

ния, взаимопониманию реальных и потенциальных носителей корпоративной культуры, осуществляют целенаправленное воздействие на процесс освоения ценностей и норм корпоративной культуры вуза виде наглядных действий, реальных моделей поведения, целевых программ и мероприятий духовно-нравственной, гуманитарной и патриотической направленности.

Вместе с тем, рационализация процессов формирования и развития корпоративной культуры университета требует дальнейшей целенаправленной работы по формированию чувства принадлежности каждого члена коллектива к организации, субъектности персонала, наличия и развития горизонтальных связей, «командного духа», социального партнёрства, диалога как метода межсубъектного взаимодействия, конценсуса как принципа взаимодействия, коллегиальности как обязательного условия принятия решений, коллективной ответственности за полученные результаты, концентрации творческой энергии «человеческого фактора».

Корпоративная среда вуза является единым пространством для всех участников образовательного процесса. В условиях жесткой конкуренции на образовательном рынке, безусловно, эффективная корпоративная культура и инновационная корпоративная среда являются эффективным инструментом для осуществления инновационно-предпринимательской деятельности вуза.

Литература

1. Кожитов Л.В. Организация инновационной деятельности в вузе / Л.В. Кожитов, П.А. Златин, В.А. Дёмин. – М.: МГИУ, 2009. – 296 с.
2. Козлов М.Ю. Социальная технология управления корпоративной культурой высшего учебного заведения: автореферат дис….канд. соц. наук / М.Ю. Козлов. – Белгород, 2009.– 20 с.
3. Васильев Ю.С. Экономика и организация управления вузом: учеб. / Ю.С. Васильев, В.В. Глухов, М.П. Федоров. – Спб: Лань, 2004.

Ивчик В.В.
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
Горки, Беларусь
Ивчик Т.В.
Средняя школа № 201,
Минск, Беларусь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Во взаимоотношениях политики и религии в современном мире явно наблюдаются две разнонаправленные тенденции. Первая – секуляризация, начавшийся в эпоху Реформации процесс снижения роли религии в сознании людей и жизни общества. В ныне преобладающих легитимно-демократических политических системах этот процесс утратил конфликтность и протекает зачастую в латентно-завуалированной форме [2, с. 81]. Современные государства для своей легитимации мало нуждаются в религии. Вторая, противоположная тенденция, маркирует взаимопроникновение и «соработничество» религии и политики. Причем нередко наблюдаются попытки прагматической теологизации политики, что характерно как для власть предержащих сил и структур, так и для их политических оппонентов. Усиление религиозной компоненты в политике проявляется, например, когда демонстрация религиозности политического деятеля становится эпатажной демонстрацией его преданности Родине и стремления служить народу, связь с которым он якобы никогда не терял и не утратит.

Еще один трендовый ракурс нынешнего взаимодействия религии и политики – «политизация религии», повышение активности религиозных организаций в политической жизни, что обнаруживается в призывах к изменению существующего положения дел. Церковь стремится усилить влияние как на политических лидеров, так и на массы верующих, а ставка делается на те социальные группы, которые отличаются наибольшей заинтересованностью в социальных изменениях. Особую активность проявляют нетрадиционные религии, в то время как традиционные вероисповедания сохраняют умеренную политизацию.

Возрастающее взаимодействие политической и религиозной сфер общества в значительной степени обусловлено усложнением международного общественного развития. В условиях глобализации значение религиозного фактора в мировой политике постоянно

возрастает. Так, «… большинство локальных вооружённых конфликтов в 90-е годы XX века приобрели форму межнациональных войн с использованием этнических чисток при одновременной пропаганде национализма или идеи конфессиональной исключительности» [5, с. 114]. И вполне адекватен ответ со стороны государства, когда «… практически каждое государство запрещает так называемые деструктивные религиозные секты, деятельность которых может наносить существенный вред здоровью их участников» [3, с. 178]. Являясь легитимным проводником всеобщего интереса, государство защищает ценности, характерные для данного общества, и при этом использует правовые способы регулирования взаимоотношений политических и религиозных структур.

Республика Беларусь, имея поликонфессиональный религиозный ландшафт (зарегистрировано около 3500 религиозных организаций, принадлежащих к 25 религиозным конфессиям и направлениям), весьма чувствительна к воздействию религиозного фактора на все сферы жизнедеятельности общества. От того, каким будет это воздействие – позитивным или негативным, зависит стабильность в обществе и состояние национальной безопасности.

Созданная и практически реализуемая в Беларуси модель взаимоотношений государства и религиозных организаций основана на демократическом принципе уважения прав и свобод человека, балансе общественных и религиозных интересов, сотрудничестве и стремлении к взаимопониманию. За годы независимости разработана и внедрена соответствующая нормативно-правовая база, обеспечивающая равенство прав и свобод всех граждан независимо от их религиозной и этнической принадлежности.

В соответствии с Конституцией и действующим с 2002 г. законом «О свободе совести и религиозных организациях» Республика Беларусь является светским государством, в котором религиозные организации отделены от государства, а свобода вероисповедания или атеистических убеждений реализуется в частном порядке. Республика Беларусь как светское демократическое государство признает церковь в качестве важнейшего социального института, сохраняющего духовные и культурные ценности белорусского народа. Церкви гарантируется свобода внутренней организации, исполнения культовых обрядов и иных видов деятельности, а также право церковной юрисдикции на своей канонической территории в рамках законодательства. С другой стороны, церковью признается роль белорусского государства как гаранта сохранения культурных традиций народа, включая исторически сформировавшиеся под влиянием церкви.

Все религиозные организации имеют равные права и обязанности, несут равную ответственность перед законом за свою деятельность. Они не вмешиваются в дела государства, не выполняют никаких государственных функций, не занимаются политической

деятельностью. Запрещается создание политических партий на религиозной основе. Государство, следуя принципу равенства религиозных организаций перед законом, создает для них общее правовое поле, в рамках которого они имеют одинаковые возможности и ограничения своей деятельности. А отношение церкви к государству базируется на принципе уважения к нему как социальному институту, призванному обеспечить общественный порядок, защитить национальные интересы, нравственные устои, духовные и культурные ценности народа

Не имея прямых политических рычагов, религия в нашем обществе оказывает тем не менее существенное влияние на происходящие социально-политические процессы, формирует (через церковные организации) ценностно-мировоззренческие представления людей, их поведение. Этому способствует консенсусное взаимопонимание, присущее всему формату взаимоотношений между государством и церковью.

Во-первых, на практике реализуются принципы толерантности, уважения к деятельности церквей различных направлений. В последние десятилетия фактически не было событий, связанных с преследованием за осуществление религиозной деятельности. Все вопросы решаются, в целом, на основе чувства уважения и обоюдного стремления решить возникающие проблемы, исходя из правовой практики.

Во-вторых, предельно минимизированы исторические последствия разделения страны на «восточную» (православную) и «западную» (католическую) части. Имевшие место попытки разыграть «польскую (католическую)» карту, связанные с временным обострением ситуации вокруг деятельности «Союза поляков на Беларуси», с вопросом приглашения иностранных священнослужителей в католические храмы в Беларуси, не привели к деструктивным политическим последствиям, а нашли, в конечном счете, оперативное разрешение в правовом поле [1, с. 5]. Здесь уместно отметить, что этноконфессиональная ситуация в Беларуси определяет актуальность возможности у белорусских католиков выбирать – участвовать в костельной службе на белорусском или польском языке. В условиях, когда фактор языковой идентификации в определении национально-культурной принадлежности утратил прежнее значение, «… не может не вызывать уважения тот факт, что Римско-католическая церковь в Беларуси приняла однозначный курс на белорусизацию» [4, с. 9]. Кстати, поликультурность в деятельности костела в Беларуси отвечает общей доктрине Ватикана, ориентированной на евангелизацию всех этносов.

В-третьих, спектр отношений между церквями и государством приобрел нужное многообразие; здесь отсутствует «соподчинение» или иная форма навязывания чьей бы то ни было воли; взаимодействие религиозных организаций и органов государственной власти приносит несомненную пользу жителям страны, причем не только в части трансляции и

привития духовного опыта, но и посредством расширения благотворительной деятельности и проведения культурно-просветительских акций. Лидерство здесь у играющей особую роль в поликонфессиональной жизни республики Православной церкви, но не менее весома работа приходов Римско-католической церкви и достаточно влиятельных протестантских деноминаций (христиан веры евангельской, христиан-баптистов) в деле решения таких значимых социальных проблем, как укрепление семьи, борьба с негативными явлениями (пьянством, наркоманией, проституцией), духовное возрождение.

Можно констатировать, что по ряду направлений культурно-воспитательной и социальной деятельности белорусское государство и церковь (по крайней мере, зарегистрированные конфессии и общины) проявляют единство действий. Духовенство основных конфессий не афиширует свои политические пристрастия, поддерживая «официальную линию», ограничивая свою публичную политичность призывами к гражданской сознательности населения и ответственности за будущее – их собственное и потомков.

Безусловно, нашему государству удаётся поддерживать в обществе межконфессиональную толерантность и целеориентировать деятельность различных конфессиональных церквей на решение консолидирующей их задачи – приобщение человека к системе духовных ценностей, моральных установок и норм. Церковь ведет большую работу по воспитанию морально-нравственных чувств людей, помогает им обрести внутреннюю целостность и личностную цельность, крепить семьи и стабилизировать общественные отношения. В этом социокультурном созидании важным аспектом является совместное – государства и церкви – противодействие псевдорелигиозным структурам и тоталитарным сектам, представляющим особую опасность для личности и белорусского общества в целом.

Литература

1. Гуляко, Л. Согласие – результат взаимопонимания / Л.Гуляко // Беларуская думка.– 2012. – № 3. – С. 3-12.
2. Круглова, Г.А. Политика и религия / Г.А. Круглова // Вестник БГУ.– Сер. 3.– 2003.– № 2. – С. 79-84.
3. Мельник, В.А. Политические идеологии: учеб. пособие / В.А. Мельник. – Минск: Вышэйшая школа, 2009. – 400 с.
4. Михалькевич, Г.Н. Диалог между Беларусью и Ватиканом: пересечение интересов и мнений / Г.Н. Михалькевич // Тр. фак-та межд. отношений: науч. сборник. Вып. 4. – Минск: БГУ. – С.7-12.

5. Шерис, А. Религиозный фактор и общество / А.Шерис // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 110-114.

Ковачевич Д.

Универзитет Сингидунум,

Белград, Сербия

Ряпухина В.Н.

Белгородский государственный технологический

университет им. В.Г.Шухова,

Белгород, Россия

RAZVOJ OBNOVLJIVIC IZVORA ENERGIJE KAO OSNOVA STABILNOG RAZVOJA DRUŚTVA

Dostupnost energije potrošačima i struktura energetskih sistema svojstvena je svakoj zemlji na svetu. U ovom trenutku, u drugoj deceniji dvadesetprvog veka na planeti živi sedam milijardi ljudi od kojih samo dve milijarde ljudi ima pristup adekvatnom snabdevanju električnom energijom, uključujući tu struju kojom se snabdevaju domaćinstva, dok 2,6 milijardi ljudi nema pristupa adektvanom snabdevanju, a preostale 1,4 milijarde uopšte nema električnu energiju.

Smatra se da će razvijene države (članice Organizacije za ekonomsku saradnju i razvoj, eng. Organisation for Economic Co-operation and Development - OECD) koje imaju adekvatne energetske sisteme, nastaviti da uvode usluge iz oblasti energetske efikasnosti implementirati snabdevanje energijom iz obnovljivih izvora jer će problemi koji prate klimatske promene prerasti u pitanja od ključne važnosti. [1, str. 3]

U pogledu manje razvijenih država, one koje ne poseduju adekvatne sisteme, moraće i dalje da unapređuju kapacitete za proizvodnju struje kako bi se ispunila potreba za pouzdanošću, ali i podržao ekonomski razvoj.

Oba podrazumevaju dvadesetčetvoročasovno snabdevanje električnom energijom sedam dana u nedelji. Jedan deo tih potreba biće pokriven iz obnovljivih izvora. Kuriozitet je to što u potsaharskoj Africi 72% ljudi poseduje mobilne telefone, ali samo 27% ima struju u svojim domovima. To je neuspeh tih vlada da uspostave regulatorni sistem koji bi privukli investitore koji bi se bavili električnom energijom, baš kao što je to učinjeno u slučaju investicija u usluge mobilne telefonije.

Da bi se 1.4 milijarde ljudi snabdelo električnom energijom, ona će morati da bude proizvedena iz kombinacije konvencionalnih goriva (fosilna goriva, nuklearna energija, hidro-

energija) i iz obnovljivih solarnih i eolskih izvora i bio-goriva.

Dakle, energija iz obnovljivih izvora i energetska efikasnost će igrati sve veću ulogu, ali će se ona razlikovati od države do države u zavisnosti od nacionalnog sistema upravljanja, uslova za ekonomski razvoj i privrednih resursa.

Strateška usmerenja i energetska poltika zemalja jugoistočne Evrope i Srbije

Strateška usmerenja i energetska poltika zemalja jugoistočne Evrope i Srbije moraju se prilagođavati promenama na evropskom i globalnom nivou. Obezbeđivanje sigurnog snabdevanja energijom, integracija energetkih tržišta EU, novi energetski i klimatski ciljevi EU i napori da se do kraja 2015. godine postigne globalni sporazum o klimatskim promenama , određivaće ključne stubove održivog razvoja energije regiona. Ovo su samo neke od tema kojima se u okviru održivog razvoja energetike u jugoistočnoj Evropi moraju pozabaviti sve države članice Energetske zajednice kao jednog kompleksnog energetskog sistema, koji mora ispratiti sve uticaje promena u energetskoj politici EU i globalnih faktora na energetiku jugoistočne Evrope.

Analize i statistika pokazuju da je u poslednjih nekoliko godina došlo do dramatičnog pada profita energetskih kompanija, pre svega zbog pada cena električne energije na veleprodajnom tržištu, a razlog je to što u EU sve manje rade postrojenja na konvencionalne izvore električbe energije. Zbog procesa deindustrijalizacije došlo je do pada potrošnje struje u celom regionu. Izgradnja postrojenja koja koriste obnovljive izvore energije jeste potrebna, ali u državama poput Srbije, gde su niske regulisane cene struje, neophodno je izgraditi objekte koji će ostvariti povratak novca, poput reverzibilne hidroelektrane.

Postoje mnogi zahtevi koji se u oblasti energetike postavljaju pred Srbiju koja je članica Energetske zajednice jugoistočne Evrope. Mora se prihvatiti činjenica da energija više ne može biti socijalna kategorija već mora postati tržišno orjentisana. Ono što bi bilo od velikog značaja za ceo region jeste izgradnja reverzibilne hidroelektrane. Reverzibilne hidroelektrane su od izuzetnog značaja jer obezbeđuju sigurnost i stabilnost energetskog sistema. To je od velike važnosti kada je prevelika potrošnja struje u pitanju. Konkretno u Srbiji, u zimskim mesecima ili leti kada hidroelektrane rade smanjenim kapacitetima. Reverzibilne hidroelektrane su zlatne rezerve svakog elektroenergetskog sistema. Posebno su značajne za balansiranje u energetskom sistemu na koji su priključene vetroelektrane.

Srbiju očekuje primena dve evropske Direktive. Izrada planova za primenu direktive o velikim ložištima, čiji je cilj smanjenje zagađenja iz energetskih postrojenja, trebalo bi da počne ove godine, dok je primena Direktive o industrijskim emisijama odložena do 2027. godine. Zemlje regiona, kao i Srbija, Ugovorom o Energetskoj zajednici prihvatile su regulativu EU i postepenu

integraciju sa evropskim tržištem. U Srbiji je usvojen novi Zakon o energetici i implementira se Treći energetski paket EU. [2]

Kada su u pitanju novi projekti jedna nepovoljna okolnost je što su velike međunarodne finansijske institucije poput Svetske banke, Evropske investicione banke, Evropske banke za obnovu i razvoj, a upravo to najavljuje i KfW banka, počele da uskraćuju ili restriktivno kreditiraju nove elektrane na ugalj, a sve u okviru globalnih aktivnosti protiv klimatskih promena. To će dovesti do poskupljenja izgradnje novih elektrana. Međutim, dobra strana je što Kina nudi povoljne kredite.

Evropska unija teži formiranju Energetske unije bazirane na pet ključnih prioriteta: a) obezbeđenje sigurnosti snabdevanja, b) dublja EU integracija nacionalnih energetskih tržišta, c) smanjenje potrošnje energije, d) smanjenje emisije ugljen-dioksida iz energetskog sektora i e) promociju istraživanja i razvoja u energetskim tehnologijama. A osnovni postulat jeste da dugoročna održivost mora biti važnija od kratkoročnih interesa.

Za nemački projekat zelene energije 'Energetska prekretnica' (Energiewende) 2014. godina bila je vrlo uspešna godina, i kako je pokazao novi izveštaj, obnovljivi izvori energije prvi put su predvodili u proizvodnji energije, piše Euraktiv Nemačka.

Obnobljivi izvori energije bili su u 2014. godini najvažniji deo energetskog miksa Nemačke sa udelom od 27,3% i preuzeli su od lignita poziciju 'najvažnijeg' energenta, pokazuju podaci iz izveštaja koji je predstavio berlinski institut Agora, energetska prekretnica. Istovremeno je, kako se navodi u izveštaju, potrošnja energije u 2014. godini samnjena za 3,8% u odnosu na 2013. To je, smatraju analitičari, znak da ulaganja u uređaje i opremu koji štede energiju, daju rezultate, s obzirom na to da je rast ekonomije bio 1,4%. Zahvaljujući razvoju na polju obnovljive energije i potrošnje energije, potrošnja energije u 2014. godini smanjena je na najniži nivo od devedesetih godina. Uz blagu zimu 2013/14, to je doprinelo znatnom smanjenju emisije ugljen dioksida energetskog sektora. Emisija ugljen-dioksida, kako se navodi, od 1990. godine bila je niža nego 2014. godine smo jednom. U 2014. Godini veliko prodajna cena struje na Lajpciškoj berzi pala je na rekordni minimum od 33 evra za megavat-sat u poređenju sa 38 evra u 2013. Zato je nemačko tržište energije bilo veoma atraktivno za susedne zemlje koje su uvezle 34,1 teravat-sat struje ili 5,6% ukupno proizvedene energije u Nemačkoj. Bio je to novi rekord i izvoz je bio za 0,3 teravat-sati veći nego 2013. [3]

Lideri Evropske unije složili su se oko 'fleskibilnih' energetskih i klimatskih ciljeva za period do 2030. godine. Predviđeno je da u narednih 16 godina emisija gasova koji izazivaju efekat staklene bašte bude smanjena za najmanje 40 odsto u odnosu na nivo iz 1990., da energija iz obnovljivih izvora pokriva najmanje 27 odsto potreba EU i da energetska efikansnost bude

povećana za najmanje 27 odsto. Lideri EU takođe su odobrili dalje mere za smanjenje energetske zavisnosti i povećanje energetske betbednosti.

Ciljevi energetske efikasnosti i obnovljivih izvora sporazumom evropskih lidera su ublaženi jer se Evropska komisija zalagala za povećanje energetske efikasnosti za 30 odsto. Cilj od 27 odsto, prema zaključcima samita, nije obavezujući na nacionalnim ni na nivou EU i biće preispitan 2020., pri čemu će se imati na umu cilj od 30 odsto. Udeo obnovljive energije od 27 odsto je međutim obavezujući na nivou EU, ali ne i na nacinalnom nivou, zbog protivljenja zemalja poput Velike Britanije. U konačan tekst dokumenta uvršćena je i posebna 'klauzula fleksibilnosti', koja omogućava Evropskom savetu da nakon samita UN o klimi u decembru 2015. u Parizu preispita ciljeve. Lideri EU obavezali su se i da povećaju količinu energije kojom zemlje mogu uzajamno da trguju, za šta su se posebno zalagale Španija i Portugal, koje žele mogućnost da prodaju svoju energiju iz obnovljivih izvora. Španija i Portugal tražile su da članice EU budu u obavezi da 15% svojih nacionalnih proizvodnih kapaciteta stave na raspolaganje drugim članicama. Te dve zemlje već dugo se žale da im je onemogućeno da prodaju svoje suficite energije iz obnovljivih izvora Francuskoj, koju optužuju da štiti svoju nuklearnu industriju. Van Rompej je rekao, kako je prenela agencija AP, da će zemlje EU moći da uvoze ili izvoze 15 odsto svoje energije do 2030., što će doprineti zadovoljenju tražnje i ponude prekograničnom trgovinom. Do sporazuma o novim energetskim i klimatskim ciljevima došlo je nakon dugih pregovora i oštrog protivljenja Poljske i drugih manje razvijenih članica EU sa istoka. Poljska se žalila da je predviđeni nivo promena suviše brz za istočne članice, koje nastoje da im ekonomije rastu i restrukturišu stare, od energije u velikoj meri zavisne industrije. Gotovo 90 odsto struje u Poljskoj proizvodi se iz uglja. Ta zemlja namerava da tako ostane i narednih decenija jer u rudničkom sektoru radi 100.000 ljudi i još više hiljada u pratećim sektorima. Varšava tvrdi da 'zelena' energija, veliki vetroparkovi i solarni paneli još uvek proizvode suviše skupu energiju. Van Rompej je rekao da će siromašnije čalnice EU dobiti pomoć kako bi ispunile energetske ciljeve. On je onećao dodatnu podršku zemljama sa nižim prihodima, kako kroz adekvatne ciljeve, tako i u vidu dodatnih sredtava, kako bi im se pomoglo da ubrzaju prelazak na 'čistu' energiju. Evropska unija je prva velika ekonomija u svetu koja je pred globalne pregovore u Parizu postavila energetske i klitatske ciljeve za period posle 2020. Zato se očekuje da Evropski ciljevi budu neka vrsta repera drugim zemljama, uključujući SAD i Kinu. Ciljevi EU nosiće posebnu težinu s obzirom na to da je reč o ekonomskoj sili-ukupan bruto domaći proizvod (BDP) članica EU veći je od BDP-a SAD, iako SAD, pojedinačno gledano, imaju najveći BDP u svetu. [4, str. 14]

Da li postoje globalni trendovi kada su u pitanju OIE i EE?

Ulaganja u OIE i EE će se nastaviti intenzivnom dinamikom ali iz veoma ograničene baze.

Međunarodna agencija za energetiku (eng. International Energy Agency - IEA) i druge studije predviđaju ovakav rast. U slučaju država članica OECD vodeći faktor će biti izbegavanje emisije gasova staklene bašte. Što se zemalja u razvoju tiče, mnogi ljudi će možda po prvi put dobiti struju u svojim domovima iz niskonaposnkih sistema iz solarnih i vetro-jedinica za osvetljenje, i komunikacione, video i informacione tehnologije, a sve to će unaprediti njihovu svakodnevnu potrebu za energijom. [5, str. 3]

Verujem da će se pojaviti nove tehnologije za skladištenje energije i pružiti osnovu za još brzi rast. Ključna pitanja su a) koja će od raznih konkurentnih tehnologia (različiti hemijski sastavi baterija, kompresovan vazduh, vodonik, itd.) biti naj-uspešnija i b) kada će nove tehnologije postati i ekonomski konkurentne.

Kako se cena projekata proizvodnje energije iz solarnih i eolskih izvora bude smanjivala zahvaljujući tehničkim unapređenjima i povećanjem obima proizvodnje, sve više i više ovih projekata će biti realizovano.

Bibliografija

1. Elektronski bilten energetskog portala, broj 1, januar 2015. g.
2. Ministarstvo energetike, razvoja i zaštite životne sredine (2012) Nacionalna strategija održivog korišćenja prirodnih resursa i dobara. Beograd, Vlada Republike Srbije.
3. Izvor: www.euractiv.com (21.mart 2015. poslednji put pogledano)
4. kWh Elektroprivreda Srbije, januar 2015., br. 491
5. Elektronski bilten energetskog portala, broj 1, januar 2015. g.

Короченский А.П., Ищенко О.
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет.
Белгород, Россия

УКРАИНСКАЯ ГРУППА МЕДИАКРИТИКИ «ТЕЛЕКРИТИКА» КАК НОВЫЙ РЕСУРС В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ

На рубеже XX-XXI веков в мире и в России утвердилась журналистская критика средств массовой информации (медиакритика), рассматриваемая как новая область творческой критико-журналистской деятельности, наряду с литературной, музыкальной, театральной критикой и другими проявлениями аналитико-оценочной журналистики. Термин «медиакритика» используется применительно к области журналистского творчества, осуществ-

ляющей оценочное познание медийного содержания и актуальных проблем функционирования СМИ в обществе – то есть, к журналистской критике средств массовой информации. Критика средств массовой информации не может ограничиваться – и не ограничивается на практике – одной лишь журналистской сферой, несмотря на чрезвычайную важность последней. Современная медиакритика охватывает не только аспекты функционирования печатной и электронной прессы, связанные с журналистикой, с деятельностью журналистских коллективов и редакционной политикой, но вторгается в широкий круг проблем, постановка которых предполагает изучение и оценку медийного контента, отношений средств массовой информации и их аудитории, массмедиа и общества в целом.

Медиакритика, опирающаяся на силу общественного мнения, обладает способностью влиять на журналистов и других представителей медийного сообщества с целью совершенствования их деятельности. Предлагая аудитории оценки деятельности массмедиа, журналистская критика СМИ обладает *функцией коррекции восприятия аудиторией медийного содержания*, что придаёт ей способность воздействовать на отношение публики к средствам массовой информации и отдельным аспектам их деятельности. Это свойство медиакритики широко используется зарубежными медикритиками, в первую очередь, американскими и британскими, которые используют журналистскую критику СМИ как информационный ресурс в политической борьбе, что особенно наглядно проявляется в периоды предвыборных кампаний. В условиях тотальной медиатизации политического процесса, всех областей общественной жизни коррекционное воздействие медиакритики на восприятие аудитории способно нейтрализовать даже массированные акции традиционных средств массовой информации.

В настоящее время оформились различные специализации критико-журналистского творчества, нацеленного на познание и оценку как социально значимых явлений и процессов в различных медийных отраслях, так и широкого спектра отношений СМИ с обществом. Наряду с *критикой телевидения* развивается *критика периодической печати, радиовещания,* зарождается *критика сетевой прессы.*

В зависимости от характеристик субъектов творческо-критической деятельности, содержания критических произведений и аудиторных объектов их воздействия медиакритика дифференцируется на три взаимопроникающие и взаимосвязанные вида – *научно-экспертную*, *профессиональную* (внутрикорпоративную) и *массовую* медиакритику. Медиакритика может осуществляться также в различных формах от имени и под эгидой общественных движений, ассоциаций и групп. Данные её формы, характеризуемые как *общественные (гражданские),* обеспечивают развитие диалога и взаимодействия между средствами массовой информации и гражданским обществом [3].

Общественные группы медиамониторинга и медиакритики, именуемые *media watch*

groups, активно действуют в странах Запада, сочетая различные формы давления на СМИ с медиаобразованием аудитории.

Благодаря целевому гранду, предоставленному в августе 2001 года Федеральным правительством США организации «Интерньюс-Украина», в Киеве была создана группа «Телекритика», взявшая под прицел не только вопросы функционирования телевидения, но и всё медийное поле в его отношениях с политической сферой. «Телекритика» декларировалась как демократический проект, призванный бороться против цензурных тенденций тогдашней администрации президента Кучмы и преследований оппозиционных журналистов, за внедрение на Украине стандартов независимой журналистики, свободной от давления властей и коррупции. Изначально была очевидна интенция проекта воздействовать на украинское журналистское сообщество, хотя попытки ведения медиаобразовательной деятельности свидетельствовали и о стремлении формировать определённое отношение аудитории к СМИ. В распоряжении «Телекритики», действующей под слоганом «Вся правда о СМИ», оказался одноименный сайт, к которому в дальнейшем добавился журнал с таким же названием.

«Телекритика» сыграла существенную роль в так называемой «журналистской революции», которая явилась одним из ключевых эпизодов отстранения Кучмы от власти и последующего прихода к рулю государственного управления в 2004 г. прозападной «оранжевой» коалиции, обеспечив поддержку со стороны медийного сектора происходившим тогда переменам [1].

К 2010 году «Телекритика» превратилась во влиятельную организацию. Она позиционировала свой продукт – критические и аналитические произведения – в печатном виде на страницах ежемесячного журнала «ТелеКритика», в Интернете (на сайтах «Телекритика» и «Дуся» с добавлением объёмных блогерских секторов), на радио (еженедельная программа «Рентген») на радиостанции «Промінь» («Луч») и в телеэфире (проект «Телятина»).

Аксиологический анализ публикаций «Телекритики», проведенный Э.В. Хмеленко, показал, что, выступая за оздоровление украинской медиасреды, представители этой группы постулируют на основе базовой ценности *свободы* концепт *«миссия журналиста»,* в который укладываются ценности, определяющие уровень журналистского профессионализма: *самодостаточность, неподкупность, объективность, правда, служение профессиональному долгу, целеустремлённость, компетентность, ответственность, уникальность, талант, неподкупность, самодостаточность, добросовестность, воля.* Провозглашение этих ценностей призвано способствовать созданию положительного имиджа «Телекритики». прежде всего, в журналистской среде – основной целевой группе воздействия. Отчасти это имиджетворчество удалось. Так, Наталья Лигачёва, основатель и

руководитель проекта «Телекритика», провозгласившая борьбу за профессиональное мастерство журналистов и высокое качество медийного содержания, невмешательство политических сил в деятельность СМИ; стала организатором и участником многочисленных общественных акций («Журналисты – за чистые выборы», «Не продаёмся!», «Лучше не лгать!», «Журналистская революция», «День без политиков» и т.д.). Она - одна из самых цитируемых в украинской прессе медиакритиков, организатор и участница круглых столов по вопросам функционирования массмедиа [6].

Несоответствие между заявленной «Телекритикой» демократической программой и практической деятельностью этой группы было выявлен Э.В. Хмеленко, которая на основе анализа публикаций установила, что в аксиологической составляющей медиакритики Украины, провозгласившей ориентацию на гуманистические, демократические ценности, невозможно не отметить существенный пробел. И касается он прежде всего острой языковой проблемы, относящейся к деятельности СМИ: использования русского языка в медийной сфере. Базовой демократической ценностью в этом вопросе является *свобода выбора***,** однако в изученных произведениях апелляция к ней не отмечена [7]. Так. «Телекритика» воздержалась от оценки официальной политики повальной украинизации СМИ республики, проводимой несмотря на потребности и интересы обширной русскоговорящей части медийной аудитории и вразрез с евростандартами. Поэтому есть резон усомниться в целостности и устойчивости заявленной ценностной платформы.

В дальнейшем «Телекритика» продемонстрировала одностороннее, тенденциозное отношение к вопросу евроинтеграции Украины, всячески дистанцируясь от союза с Россией – основным экономическим партнёром. Это проявилось, в частности», в оценках медийной активности «за» и «против» евроинтеграции. «Неравнодушное» отношение к российским СМИ «Телекритика» демонстрировала задолго до начала кризиса, связанного с Майданом конца 2013-начала 2014 гг. Основные усилия при этом были направлены на подтверждение мифологической посылки об отсутствии свободы прессы в России на фоне расцвета этой свободы в СМИ Украины. Характерна в этом отношении публикация «Возвращение агитпропа. При освещении саммита G8 российская пресса использовала приёмы советский пропаганды», увидевшая свет на сайте «Телекритикf» 18 июля 2006 г. Тема несвободы и манипулятивного характера российских СМИ получила дальнейшее развитие во множестве публикаций «Телекритики».

С началом массированной информационной войны против России к этой кампании была привлечена «тяжелая артиллерия» в виде известных медиаэкспертов, дружественных киевской группе медиакритики. В их числе – известный и в России Г. Почепцов, который разразился серией статей, призванных доказать манипулятивный

характер деятельности российских телеканалов при освещении событий на Украине. На сайте «Телекритики» появились в изобилии тексты колумнистов, посвященные разбору «очередных клевет» российских СМИ в отношении постмайданной Украины. Для противоборства с российской «пропагандой» используется дружественный сайт, претендующий на медиаобразование украинцев - http://osvita.mediasapiens.ua/.

Характерно, что после запрещения вещания российских телеканалов на Украине, после преследований и даже гибели журналистов из СМИ России при исполнении ими профессиональных обязанностей на украинской территории, после запретов их деятельности и депортаций, «Телекритика», позиционирующая себя как демократический проект, отстаивающий свободу выражения и выступающий против репрессивных действий против работников прессы, не уделяет этим событиям сколько-нибудь значительное внимание и не осудил наметившуюся тенденцию подавления прессы. Более того, были опубликованы работы, призванные доказать оправданность антироссийских запретов и ограничений в медийном поле. Так, например, на связанном с телекритикой сайте «Дуся», ориентированном на рядовых медиапотребителей, 9 марта 2015 г. вышла публикация, оправдывающая запрет на Украине российского кино как правомерное действие по «очищению» республики от тлетворной российской массовой культуры [1].

Подобные утверждения явственно контрастируют с ранее высказанным мнением Н. Лигачевой - ведущего медиакритика киевского проекта, автора нашумевшей статьи «Барбосизация всей страны» [4]. В этой публикации, вызвавшей бурную реакцию в «патриотических кругах», автор обозначила интеллектуально-культурное убожество национальных телеканалов. Н. Лигачева назвала «оболванивание всей страны новым видом цензуры на украинском ТВ», не преминув увязать происходящее с политикой администрации Януковича. Сравнив телеканалы Украины с российским телевидением, Лигачева признала, что последние уделяют больше внимания духовному развитию своей аудитории.

Украинские авторы неоднократно признавали дефицит национальной самобытности, оригинальности отечественных СМИ. В условиях острого экономического кризиса, переживаемого Украиной, достижение такой самобытности и качества телевещания выглядит утопической задачей. Запрет на российские телеканалы и кинопродукцию в этих условиях означает не более чем переход на использование иного зарубежного продукта, закупаемого задёшево и не претендующего ни на высокий качественный уровень, ни на культурную близость к аудитории.

Таким образом, антидискриминационный пафос «Телекритики», выступающей на словах за свободу выражения, не выдержал испытания реальной медиаполитикой властей, возводящих информационные барьеры между Украиной и Россией в целях сохранения своей монополии на контроль над умами украинцев. Однако попытки настроить украин-

ское медиасообщество против продолжения информационного взаимодействия с российскими СМИ не способны обеспечить авторитетность дальнейшим выступлениям «Телекритики». Всё более очевидным является использование этого проекта в качестве нового ресурса информационной войны против России, дополняющего традиционные медийные ресурсы.

Литература

1. Жереги К. Запрет российского кино выглядит недемократично, но он необходим. http://dusia.telekritika.ua/novosti/27995
2. Журналистская революция – 2004. События, люди, дискуссии //Ред. Н. Лигачёва, Л. Ганжа. – К., 2005. – 284 с.
3. 3.Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. – Ростов н/Д, 2003. – 280 с.
4. 4.Лигачева Н. Барбосизация всей страны. 04.08.2008 // http://telekritika.ua›media-corp/2008-08-04/39830
5. 5.Хмеленко Э.В. Медиакритика на Украине: информационно-политический ресурс? // Журналистика и медиаобразование-2007. – Белгород: БелГУ, 2007. – Т.1. – С. 281-286.
6. Хмеленко Э.В. Творчество медиакритика Н.Л. Лигачёвой // Слова у кантэксце часу: да 80-годдзя доктара філалагічных навук, прафесара Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча: зб. навук. прац. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2009. – С. 403-410.
7. Хмеленко. Э.В. Ценностные доминанты украинской медиакритики. Воронежского госуниверситета. Серия «Филология. Журналистика». Воронеж, 2011, №1. С. 200-205.

Кривец А.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН[14]

Тема идентичности – одна из самых реагирующих на политические перемены, которые происходят в стране или в мире. Она достаточно широка и дискуссионна и включает в себя различные аспекты политики, культуры, приоритета права, личности,

[14] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 14-03-00068а).

гражданственности, выходя на такие категории как национальная идея и национальная стратегия.

Проблема российской национальной идентичности все чаще выносится на обсуждение, хотя до последнего времени считалось, что это не является проблемой, что определение национальной идентичности России решится само собой. Однако события последнего года, связанные с присоединением, или как чаще говорят, «возвращением» Крыма в Россию, достаточно четко обозначили эту проблему.

Хотя для России вопрос, связанный с идентичностью не нов. Поиск русской идеи, определение пути, по которому должна идти страна, постоянно поднимался в работах русских мыслителей и государственных деятелей. Истоки ответа на него можно найти еще в «Поучении детям» Владимира Мономаха. В переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского был затронут широкий круг социально-политических проблем, связанных в том числе и оценкой путей развития Российского государства. Какой быть России, определение ее собственного пути развития – это коренной вопрос противостояния западников и славянофилов, обоснования «непохожести» России на другие государства. В последующие два столетия многие выдающиеся умы, такие как П.Я Чаадаев, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Серафим (Соболев), в современной новой России – А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын, – все они, предлагая свое собственное видение, пытались найти ответы на злободневные вопросы о развитии России [2].

Достаточно часто термин «идентичность» заменяют термином «самосознание», хотя это не совсем верно, так как эти два понятия не являются синонимичными. Самосознание – это осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как чувствующего и мыслящего существа, как деятеля [3]. Тогда как идентичность обозначают «чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами» [7].

В рамках данной статьи остановимся на проблеме гражданской государственной идентичности современной России и современных россиян.

На сегодняшний день предлагается достаточно много самых разнообразных концепций, предлагающих самую разнообразную палитру взглядов на дальнейший путь развития современной России в рамках определения ее идентичности. Спектр «выборов», по утверждению С.В. Кортунова, «которые делает Россия в попытке самоопределиться, крайне широк: интеграция в европейскую цивилизацию или сохранение российской цивилизационной самобытности; империя или национальное государство; относительная

изоляция или полная открытость; либерализм или ценности патерналистского государства; индивидуализм или коллективизм; мобилизация или модернизация; политическая или имперская нация» [4].

Однако все они в своей основе отталкиваются от того, что главным субъектом национальной идентичности выступает государство, а не его граждане. Понятие гражданской идентичности и государственной идентичности в России и на Западе имеет свою историю. В европейских государствах, а также в США формирование политической нации-государства было связано со становлением самоуправляющего народа. Поэтому государственная и гражданская идентичность формировались, по утверждению В.А. Тишкова, как равнозначные понятия. В России формирование идентичности проходило в плоскости государственная – российская – идентичность [5]. Поэтому государственная идентичность складывается быстрее, чем гражданская. Первая формируется по воле политического лидера, политической элиты, вторая – с заменой «исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих» [1].

За последние годы в российском обществе произошли изменения, которые привели к потере многими людьми объектов их социальной ориентации, идентификации. Следствием таких изменений явился кризис идентичности и национального самосознания. Идентификационные ориентиры оказались размыты, и весьма сложным для граждан представляется собственное самоопределение. Это связано, по словам Ж.Т. Тощенко, с таким феноменом массового сознания, как «парадоксальный человек», человек, который искренне «исповедует» противоположные ценностные ориентации [6]. Например, он считает себя православным, но не верит в бога. Или ратует за развитие рыночных экономических отношений, но ненавидит банкиров. Примеров можно приводить достаточно много. Следует ли из этого, что россияне не могут определиться со своей идентичностью? И существует ли она вообще. Идентичность есть. И проявляется она в языке, в определении себя гражданином государства, в идентификации себя с определенной группой носителей определенной веры, культуры, гражданства. Так кто же такой современный россиянин? С чем или с кем он себя идентифицирует? В частности, на вопрос исследования «Национальная идентификация», проведенного центром Ю. Левады по заказу Валдайского клуба, «Представьте себя частью одной или нескольких групп, наиболее близких вам по духу. Какие это будут группы?» 57 % опрошенных ответили, что «Мы – граждане Российской Федерации»; причем 59 % из ответивших именно так – это поколение «перестройки». В то же время именно это поколение

в большей степени ассоциирует себя и с ответом «Мы – люди нашей национальности (мы – русские, мы – гагаузы и т.д.). [3].

Идентичность, как предмет гордости принадлежностью к определенной группе, является важным показателем для современных россиян.

А вы гордитесь или не гордитесь принадлежностью к следующим группам?

(в % от опрошенных)

	Горжусь своей принадлежностью, чувствую, что представители моей группы лучше других	Чувствую принадлежность, но не горжусь этим	Не чувствую свою принадлеж-ность	Затрудня-юсь ответить
Мы – граждане Российской Федерации	63	29	7	1
Мы – люди нашей национальности	59	28	10	3
Мы – жители нашего города / села	58	34	7	1
Мы – мужчины, мы – женщины	57	25	12	6
Мы – жители нашего региона, края	53	35	10	2
Мы – носители семейной роли	52	25	20	4
Мы – люди нашего поколения	44	34	19	4
Мы – люди одной веры	43	32	21	4
Мы – люди общей судьбы	40	33	23	4
Мы – носители определённой культуры	36	25	33	5
Мы – люди нашей профессии	35	29	32	5
Мы – люди нашего уровня жизни	31	44	20	4
Мы – люди одних политических взглядов	23	24	46	7

В то же время, как показывают опросы, антизападная кампания и патриотический подъём, связанный с присоединением Крыма, а также события в Украине подавили у большей части населения (в первую очередь не имеющей значительного социального капитала — высшего образования, высокого дохода, социальных связей), желание чувствовать себя человеком «западной культуры». Следует отметить, что среди тех россиян, кто имеет средства для выезда за границу и высокий образовательный уровень (владеет знанием иностранных языков), сторонников западной демократии больше, чем среди тех, кто никогда не был за границей и не знает иностранных языков[15].

Распределение ответов на вопрос: Как Вы считаете, нужна ли России демократия?

(в % от опрошенных)

	окт.11	авг.13	сен.14
Да, России нужна демократия	61	56	62
Нет, демократическая форма правления не для России	25	22	24
Затрудняюсь ответить	14	22	14

Распределение ответов на вопрос: Как Вы считаете, какая демократия нужна России?

(в % от опрошенных)

	окт.11	авг.13	сен.14
Такая, как в развитых странах Европы, Америки	19	26	13
Такая, как была в Советском Союзе	14	17	16
Совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России	49	34	55
России не нужна демократия	7	8	5
Затрудняюсь ответить	11	16	11

[15] Результаты исследования «Левада-Центр», посвященного мнению россиян о демократии в 2014 году. Всероссийский опрос проведен 26–29 сентября 2014 года. В опросе приняли участие 1630 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах из 46 регионов страны. Выборка репрезентирует население России. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных.

Чтобы объединить людей, живущих в сегодняшней России, государству необходимо объяснить гражданам, какие общественные пространства оно способно и может создать, какой должна быть государственная политика для развития культуры, образования, развития бизнеса. При этом говорить власть должна на понятном и доступном гражданам языке, открыто. Построение идентичности не может быть осуществлено путем распоряжений и указов со стороны государства сверху вниз. Как и не может быть сформирована идентичность только путем некого абстрактного диалога. Роль государства в данном случае – выстроить поле диалога для реального взаимодействия власти и граждан. Однако последние исследования говорят о «неслышимости» государством гражданского общества. Сформировался своеобразный квазидиалог. Одной из причин такой ситуации является дефект диалогового «интерфейса» «власть – гражданское общество», когда одна из сторон не выражает запросов и интересов перед государством. А государство часто не может даже вычленить и идентифицировать запросы гражданского общества.

Литература

1. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006.– с.14.
2. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 592 с.
3. Национальная идентичность и будущее России [Электронный ресурс] / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, февраль, 2014. – С. 8.– URL: http://valdaiclub.com/.
4. Национальная идея России. В 6 т. – М.: Научный эксперт, 2012.
5. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
6. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с. (Серия «Magister»).
7. Философская энциклопедия. Академик [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/.

Лопин Р.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР ВЕСНЫ 1945 ГОДА (К ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АКСИОЛОГИИ ПРАЗДНИЧНО-КАЛЕНДАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ)

> *«…сохранение тех ценностей, которые… являются базисными, умение отличить базисную ценность от ценности надстроечной, умение защитить эти базисные ценности… – это и есть лицо современного государства, которое не хочет отказываться от своих цивилизационных корней…»*
>
> *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл*

Наиболее значимыми праздниками для современного человека, воспитанного в традициях российского общества, являются «День Победы», посвященный великому историческому событию в отечественной и мировой истории – победе над фашизмом Третьего Рейха, и «Воскресение Христово» – «Праздник Праздников», имеющий всемирное значение, занимающий центральное место в отечественном культурно-историческом наследии.

Под праздничными днями в данном контексте подразумеваются не праздное времяпрепровождение или просто выходные/нерабочие дни, но более глубокое явление в жизни человека, общества, культуры. Оно отражает особенность и уровень их развития, в своем содержании раскрывает аксиологию, формирующую саму календарную систему, как цикл жизни человека, общества, культуры в исторической динамике.

Будучи разными по происхождению, содержанию, и духовной наполненности, эти события для современного русского сознания возымели серьезную и оправданную близость в их восприятии, в их звучании. Они вместе символизируют победу – Победу над смертью! Первый, «Праздник Праздников», указывает на онтологическое бессмертие человеческого естества в Спасителе, второй – «День Победы» – на преодоление идеи смертности как апостасийной суицидности в сознании, получившей развитие и воплощение в фашизме.

Соприкоснувшись весной 1945-го, став единой символической жизнеутверждающей основой для будущих поколений, не только по смыслу, но и в календарном годовом цикле они находятся рядом. Пасха Христова и Победа над фашистской Германией – в истории человечества это два разных события, но в то же время в 45-м году они стали единым целым в историческом и культурном наследии России. Символ Воскресения – это самое главное, что было и есть в основе аксиологии русской культуры, русской государственности на протяжении всей их истории. Победа над фашизмом Третьего Рейха – воплощенная в жизнь закономерность этой аксиологии. Она была воплощена в жизнь в период, который в отечественной истории и сегодня воспевается как период существования сильной и великой богоборческой идеологии, имеющей собственные силы для одержания любой победы, посрамляя эту ложную силу. Нужно заметить, что эта ложная сила, опирающаяся на антиисторическую идеологию в государственном строительстве в Советской России, не могла по своей сути даже иметь такой возможности, которая бы могла объединить все народные ресурсы для достижения желанной победы.

Победа над фашизмом обязана духовно-историческому потенциалу русского народа и народов, разделивших с ним эту победу. Советский солдат, символом подвига которого сегодня является «Георгиевская ленточка» – символ святого Георгия Победоносца, – победил фашизм не благодаря ложной силе богоборческой идеологии, а вопреки ей, опираясь на тысячелетний опыт торжества Истины над ложью, Жизни над смертью. События Великой Отечественной Войны, нашедшие отражение в исторических документах и свидетельствах очевидцев, при беспристрастном их рассмотрении говорят об этом.

Весна 1945-го года говорит еще и о созидательном пробуждении человека от историко-культурного революционного беспамятства, его возвышенном торжестве над низменным. В испытаниях войной, ее беспредельной жестокостью человек не ожесточился, а возвратился к истинным ценностям мира и любви.

События весны 45-го – это те события, в которых переплелись, соеденились воедино ценности, присущие всемирной и отечественной истории, чувства переживания и сопричастности Евангельским событиям и древнерусской святости, современности, в которой казалось преодоленным опаснейшее зло и смертность всему живому, нашедшие воплощение в инфернальности фашизма. Свидетельство этому – ощущение праздника весны 45-го и его выражение во всеобъемлющей радости людей, в красках праздничного салюта, в искренних поздравлениях, колокольном пасхальном звоне и возгласе «Христос Воскресе!» в уже незапрещаемых советской властью храмах, молебны в благодарность за Победу и об упокоении погибших, «Троицкие березки» и Парад Победы. Во всех указанных проявлениях

череды праздничных мероприятий 45-го есть главное и нераздельное истинное чувство духовного подъема и солидарности, когда духовное исконно присущее уже не отрицается искусственно созданным светским.

Празднуя 70-летие Великой Победы, российское общество в осознании наследия духовно-исторической аксиологии и сегодня может быть консолидировано в преодолении всевозможных деконсолидирующих, перманентно революционных, носящих по своей сути разрушительный характер, факторов. Они в большей степени направлены на дискредитацию народного самосознания, включающего в себя сегодня в том числе и осознание важности Победы над фашизмом, и восприятие святости Воскресения, связавшего воедино в бессмертии все поколения в пространстве Русского мира, все народы, которые исторически в комплиментарности утверждали этот мир как гарант справедливости и истины, взаимопомощи и любви, жизни. Духовно-историческая аксиология Русского мира и сегодня восходит к примату/первичности/главенству Высшей Истины, как гаранту бессмертия. 70-летняя годовщина Победы 1945 года тому подтверждение и утверждение в истинности Вокресения. Это необходимо осознавать и в дальнейшем историческом пути России.

Мальцева Н.Н.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА СТИЛЕЙ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Под стилем научного мышления (СНМ) понимают совокупность методологических регулятивов, идеалов и норм науки, философских принципов, определяющих содержание и направленность изменений науки на исторически-конкретном этапе ее развития. Философские представления, идеи в структуре СНМ участвуют в процессе осмысления пределов эвристичности старых идеалов научности и формирования новых. Через философскую составляющую СНМ происходит соотнесение идеалов и норм науки, методологических установок с особенностями изучаемого данной наукой объекта.

В истории это приобретает особое значение, поскольку изучение прошлых событий имеет свои специфические черты. Историческая наука является во многом субъективной – каждый исследователь по-своему понимает факты и нравы того времени, которое он изучает. Отсюда важнейшая проблема для историка – интерпретация изучаемых фактов и документов; при этом существенную роль будут играть изначальные установки учёного. Пытаясь разобраться во всей этой путанице фактов и интерпретаций, «в проблемном поле социального бытия субъект утрачивает свою устойчивость, определенность, – отмечает П.С. Гуревич. – Здесь философско-антропологическая мысль устремилась к новому толкованию истории. Вместо последовательной длительности, обусловленной преемственностью, стадиальностью, родился образ потока дискретных состояний, порожденных сменой дискурсивных практик» [2, С. 96]. В результате субъект утрачивает целостное преставление об историческом процессе, не может адекватно оценить происходящие вокруг него события, что приводит к искажению системы «ценностей и норм поведения человека» [5, С. 22].

Для нашей страны в последнее время это особенно актуально. П.С. Гуревич считает: «Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкнулась с множеством ценностных ориентаций, которые требуют неотложного выбора» [3, С. 135]. Переход к постсоветской России до сих пор не завершен – на смену коммунистической идеологии возвра-

щается христианство. Люди ходят в церковь, считая себя православными, но лишь немногие истинно верующие соблюдают все традиции.

Вместе с тем достаточно часто из сознания молодежи выхолащивается опыт старшего поколения, искажаются исторические факты, внедряется альтернативная история. В нашей стране энтузиастом альтернативного подхода к истории был Натан Эйдельман, в одной из своих книг рассмотревший ход возможного развития событий в России в случае успеха (даже временного) декабристов [7]. Как отмечает А.Б, Бочаров, «что касается создания широкомасштабных версий, посвященных не реализованным, но гипотетически вполне возможным путям развития цивилизации, страны, то сегодня их представляют такие отечественные авторы как Н. Фоменко, А. Бушков, А. Буровский не без успеха / прибыли, подвизавшиеся на этой ниве, пишущие объемистые труды» [1, С. 227]. Официальная наука рассматривает подобные теоретические построения как антинаучные, не имеющие никакой научной ценности. «Вместе с тем интерес к этой литературе со стороны публики все возрастает. Книги по альтернативной истории выходят гораздо большим тиражом, чем научные академические работы. Но коммерческий успех – лишь одна сторона медали. Другой является то, что подобного рода литература содержит сенсационные, а порой и попросту скандальные идеи, способные оказать значительное влияние на умы россиян» – пишет П.Л. Карабущенко [4, С. 215]. Если же провести анализ современного кинематографического искусства, то ситуация еще более напряженная. Так, в известном сериале «Восьмидесятые», в котором показана жизнь студентов этой эпохи, отдельные аспекты жизни советского общества настолько гиперболизированы, что вызывают недоумение и негодование людей, молодость которых приходилась на эти годы.

В то же время в данном аспекте есть и положительные примеры. Так, например, 16 апреля 2015 года ожидалась премьера фильма «Номер 44». Однако, «по итогам пресс-просмотра в Министерстве культуры РФ поступили вопросы, касающиеся содержания фильма, в первую очередь – искажения исторических фактов и своеобразных трактовок событий до, во время и после Великой Отечественной войны, а также образов и характеров советских граждан той исторической эпохи» [6].

Переписывание истории – неблагодарная задача. «Альтернативщики», зарабатывая деньги на обмане народа, ведут к деградации культурных ценностей и выхолащиванию исторических достижений. Остается только надеяться, что великий русский народ преодолеет и этот непростой этап в своей истории.

Литература

1. Бочаров А.В. Альтернативная история как способ моделирования / управления исторической действительностью (опыт системного анализа) // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 226-237.
2. Гуревич П.С. Векторы современного постижения человека // Философский журнал. 2013. № 2 (11). С. 95-106.
3. Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 5-6 (44-45). С. 135-149.
4. Карабущенко П.Л. Фальсификация фальсификации, или новейшие разработки альтернативной истории // Гуманитарные исследования. 2009. № 1. С. 215-224.
5. Пеньков С.В. Альтернативная история по-американски на фоне событий на Украине // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 1. С. 22-24.
6. Фильм про маньяков и Вольск не разрешили к показу в России [Электронный ресурс] URL: http://www.saratovnews.ru/news/2015/04/15/film-pro-manyakov-i-volsk-ne-razreshili-k-pokazy-v-rossii/ (дата последнего обращения 20.04.2015).
7. Эйдельман Н. Я. Из потайной истории России. – М., 1993.

Маркович Д.

Философский факультет, Нишский университет,

Ниш, Сербия

РУССКИЕ СЕРБЫ И СЕРБСКИЕ РУССКИЕ

Житие преподобного Сергия Радонежского заканчивал серб Пахомий Логофет [6]. Пахомий Серб написал и жития святителя Алексия митрополита Московского и преподобного Кирилла Белозерского.

В конце XII века в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне принял монашество с именем Саввы младший из сыновей основателя сербского государства Стефана Немани - Растко. Он был первым предстоятелем Сербской Православной Церкви, которая позже прославила его в лике святых [4].

Анна Якшич - мать Елены Глинской и бабушка русского царя Ивана IV Грозного [8], была супругой князя Василия Львовича Глинского и дочерью сербского воеводы Стефана Якшича [11, 33-34]. Кроме того, сербские корни у Ивана Грозного были и по линии второй

бабушки, Софьи Палеолог, племяннице последнего императора Византии Константина Драгаша, ставшей женой Ивана Третьего.

О графе Савве Владиславовиче вышла в свет на русском языке книга сербского поэта, потомка рода Владиславичей, который в 1940 году написал книгу о жизни своего предка [5]. Граф Савва Лукич Рагузинский был одним из ближайших сподвижников Петра Великого: дипломат, разведчик, экономист, талантливый предприниматель и очень много сделал для России и Санкт-Петребурга в частности. Основал даже город Троицкосавск (ныне Кяхта). Настоящее его имя - Савва Лукич Владиславич. Православный серб, родившийся в 1660 году. В конце XVII века был вынужден бежать вместе с семьей от турецких янычар в Дубровник (отсюда его псевдоним - Рагузинский, так как Дубровник тогда назывался Рагузой).

Одной из страниц истории сербов в России стали Сербские автономные образования Новосербия и Славяносербия на Украине и их служба во второй XVIIIв. в Слободских гусарских полках, переформированных из казачества [10, 606]. В царствование Елизаветы Петровны, с середины 18 века огромное количество сербов из Австрии и Турции заселяются на территории Российской империи на постоянное проживание и несколько тысяч сербов обосновало там два автономных округа. Император Пётр I именным указом приказал сербскому майору Ивану Альбанезову (Албанезу) сформировать Сербский гусарский полк в составе 316 человек, а в 1729 году этот полк был поселён на территории крепости Тор (нынешний Славянск). К 1733 году в полку насчитывалось 197 человек личного состава [2, 175]. В 1783 году крепость Тор исключена из «Ведомости фортификации Российской империи», а в 1784 Тор переименован в Славенск (народное название Славянск). Город получил статус уездного города Екатеринославского наместничества. При Екатерине II число переселенцев в этой колонии увеличилось, достигнув ста пятидесяти тысяч человек.

В 1765 году в русской армии указом Екатерины II появились Ахтырский, Изюмский, Острогожский, Сумский и Харьковский гусарские полки. В состав Слободских гусарских полков были включены два эскадрона Сербского полка. Первым командиром Харьковского гусарского полка был серб Чорба Николай Иванович, а первым командиром Изюмского полка был серб генерал-майор Зорич Максим Федорович [1].

Южнее Слободской Украины были определены для поселения гусарские полки сербов Ивана Шевича и Райко Прерадовича, составившие Славяносербию. Потом полки объединили в один, который получил название Бахмутского.

В ходе Семилетней войны (1756-1763) отряды под командованием Зорича, Прерадовича и Текели принимали участие во взятии Кёнигсберга и Берлина, захватывали

небольшие города, брали в плен отступавших прусских солдат. Некоторое время сам будущий великий русский полководец Суворов командовал кавалерийским отрядом из драгун и славяносербских гусар [9]. Подразделения Слободских гусарских полков храбро сражались в сражениях Русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. против турецкой конницы, практически всегда действуя против турецких всадников в меньшинстве.

В 1812 году сербские генералы командовали русской армией на Бородинском поле. Всего десять сербских генералов приняли участие в битве между Наполеоном и Кутузовым. Федор Николаевич Глинка [3] об одном из них напишет: «Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское. Довольно большой сербский нос не портил лица его. Французы называли его русским Баярдом; у нас, за удальство, сравнивали его с французским Мюратом. Он не уступал в храбрости обоим!» Это был генерал Милорадович – потомок сербских дворян, переселившихся в Полтавскую губернию Российской империи еще при Петре I.

В первом сербском восстании против турок, Российский император Александр Первый обещал Карагеоргию помочь только когда минует опасность от нападения Наполеона на Россию, но когда 18 июня 1876г. Сербия объявила войну Турции, несмотря на то, что официально Россия не одобрила эти действия, около 3000 российских добровольцев направилось в Сербию. Из них было 700 офицеров, а прибыл и генерал Михаил Григорьевич Черняев, Туркестанский генерал-губернатор и владелец славянофильской газеты Русский мир. Он принял сербское подданство и стал Главнокомандующим сербской армией. Сначала армия нанесла крупные поражения туркам, но под Алексинцем и Джунисом турецкая армия нанесла сербам поражение. От полного разгрома Сербию спасло только вмешательство официальной русской дипломатии в лице покровителя Черняева графа Игнатьева, 19 октября объявившего туркам ультиматум о немедленном прекращении боевых действий.

Нельзя не остановиться и на истории полковника Николая Николаевича Раевского, по мнению многих литературоведов, являющегося прототипом Вронского из Анны Карениной. Л.Н. Толстого. Раевский добровольцем, на личные средства, приехал в Сербию, охотно вступил в армию под командованием Черняева, погиб 20 августа 1876 г. Во время сражения у села Горни Адровац. Похоронен в близлежащем монастыре св. Романа, позднее прах Раевского был перенесен в Россию, а на месте его гибели воздвигнута церковь Святой Троицы.

Первая мировая война является примером проявления искренней любви России к Сербии. В 1914 году был поднят вопрос о самом существовании Сербии как государства. Австрия предъявила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, а 15

июля объявила войну. В ответ на это Россия объявила частичную мобилизацию, а через несколько дней - всеобщую. Австрии пришлось большую часть своих войск перебросить на восточный фронт, и Сербия была спасена. Сербский народ называет государя императора Николая Второго своим спасителем. В марте 1917 года временное правительство Керенского уничтожило Россию, Ленин подписал Брест-литовское соглашение, а сербский посол в России Мирослав Спалайкович, на дипломатическом приеме в Смольном дворце, плюнул Ленину в лицо после убийства Царя Николая и его семьи и обвинил вождя пролетариата в том, что он немецкий шпион и предатель славянской идеи [7, 7]. Таким образом Россия помогла Сербии, но потеряла, помимо трех миллионов своих солдат и свою собственную империю и царскую семью, так как большевики, воспользовавшись ситуацией и слабостью государства, взяли власть в свои руки и в Екатеринбурге расстрелали всю Царскую семью.

Поэтому неудивидельно, что 13 сентября 2014 в Белграде воздвигли памятник Николаю II в центральном парке на улице короля Милана. Освещал его и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Это подарок Российской Федерации Белграду, а его установка стала частью программы празднования 100-летия начала Первой мировой войны. Место установки выбрано неслучайно, так как в начале XX века именно здесь располагалось посольство Российской империи.

Спустя всего несколько лет после революции, пришла очередь Сербии оказать помощь русским. Спасаясь от большевиков, сотни тысяч русских людей покинули родину и стали беженцами. Сербия первая из европейских стран проявила к ним милосердие. Король Сербии Александр I сам лично покровительствовал русским беженцам. Тогда он был просто королевичем, так как Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев сформировано позже (с 1929 го-да Королевство Югославия). Он учился в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге — самом элитном учебном заведении Императорской России и окончил его в 1904 году, был главнокомандующим сербской армии во время Первой мировой войны, награжден российским императорским орденом Святого Георгия, а королем стал в июле 1921 года. В знак благодарности русскому народу король Александр I принял на своей территории некоторые части Русской армии Врангеля, три кадетских корпуса, некоторые военные учебные заведения (Николаевское кавалерийское училище) и другие учебные заведения. Александр Карагеоргиевич хорошо знал русский язык и культуру, а в глазах русской эмиграции он всегда был олицетворением православного монарха. В разные годы тогда в Югославии проживало от 70 до 120 тысяч русских эмигрантов. Помимо солдат и офицеров в Белград прибыли деятели науки и культуры. Они внесли огромный вклад в просветительской работе, преподавали на кафедрах университета, основывали библиотеки, переводили русские

литературные произведения на сербский язык. Украшением югославской столицы до сих пор остаются здания, построенные по проектам русских архитекторов. Русские ученые создавали целые направления в сербской науке. В начале 20-х годов выдающиеся русские артисты и режиссеры стали реформаторами сербского театра, создателями первой оперы и балета на Балканах.

Многие здания и в городе Нише, самые большие и самые красивые, спроектированы российскими архитекторами, которые проживали здесь после революции в России. Улица, где расположены все технические факультеты и несколько начальных и средних школ, называется улица Александра Медведева. Перед началом Второй мировой войны (1935г.) в Нише работало несколько русских архитекторов: Юлиан Дюпон, Всеволод Татаринов, Анатолий Павел Васильевич Крат, Михаил Александрович Аристов, Павел Лилер и другие. А в целом проживало несколько тысяч русских эмигрантов самых разных специальностей — врачей, инженеров, профессоров, художников, артистов, священников и бывших офицеров. По проектам Медведева были построены храм св. Петра возле Ниша, колокольня соборного храма в Нише (XIX в.), произведена удачная реконструкция с расширением городского театра, построенного по проекту известного в Нише русского архитектора Всеволода Татаринова.

На кладбище Ново Гробле в Белграде в мемориал «Русский некрополь» входят Монумент Русской Славы в память об императоре Николае II и русских солдатах и офицерах, погибших во время Первой мировой войны, а также Иверская часовня в память об уничтоженной в 1929 году часовне у Воскресенских ворот Кремля в Москве. Там похоронены 124 генерала, 3 адмирала, 280 полковников и капитанов первого ранга Русской императорской армии и флота. Под Иверской часовней находится усыпальница владыки митрополита Антония, основателя Русской Православной Церкви Заграницей.

В нескольких шагах от Иверской часовни возвышается памятник Русской славы, выполненный в форме снаряда с фигурой Архангела Михаила на вершине. На памятнике высечены российский герб и несколько надписей. Одна из них – на русском языке – гласит: «Вечная память императору Николаю Второму и 2.000.000 русских воинов Великой войны». Другая – на сербском: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914-1918». Инициатором постройки был полковник Михаил Скородумов, георгиевский кавалер, раненый 11 раз, потерявший на войне правую руку. Он организовал сбор необходимых средств. Так в 1935 году воздвигнут единственный памятник русским жертвам Первой Мировой войны в мире.

На кладбище, окружающем памятник, покоится известный русский архитектор Николай Краснов, автор знаменитого Ливадийского дворца в Крыму, городской архитектор Ялты, создатель зданий Правительства в Белграде и Народной Скупщины. Также здесь похоронены другие русские, которые жили в Белграде после Октябрьской революции. Среди них: проф. Григорий Самойлов, слависты проф. Степан Кульбакин, проф. Фёдор Тарановский, византинист Георгий Острогорский, богослов проф. Сергей Троицкий, балерины Нина Кирсанова, Тамара Полонская, Марина Оленина, оперная певица София Драуссаль, художники Степан Колесников и другие. Многие из этих имен вошли в российские и сербские энциклопедии.

28 августа 2012 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1551-р «Русский Некрополь» в Белграде был включен в Перечень находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение и подлежащих поддержанию и сохранению.

Самый известный русский житель сербской столицы тех лет - барон Врангель, который скоропостижно скончался в Брюсселе после неожиданной болезни в 1928 году. В городе Сремски Карловцы, духовном центре русской эмиграции, городе в котором он прожил до октября 1926 года, находится памятник, посвященный ему. Прах Врангеля был перенесен в Белград, где торжественно перезахоронен 6 октября 1929 года в русском храме Святой Троицы, так как по его завещанию, он хотел быть похоронен на сербской земле. Здесь хранилась чудотворная икона Божией Матери Курско-Коренная. Икона Александра Невского написана в память адмирала Александра Колчака – у неё необычная лампада из якорей. С 1946 года храм имеет статус подворья Русской православной церкви в Белграде, является представительством Московской патриархии. Когда в 1999 году бомбили близдежащее здание Радио телевидения Сербии, алтарь в храме был значительно поврежден. Пострадала и крыша, а окна были разбиты. В начале 2000 года начались работы по восстановлению храма, и через семь лет он был вновь освящен в присутствии русского патриарха.

Архитектор Баумгартен спроектировал в числе прочего в Белграде здание Генерального штаба, ипотечного банка, Офицерский дом, а также «сердце русского Белграда» — Русский дом имени императора Николая II (1933 г.). В нем находилась Русско-сербская мужская и женская гимназии, начальная школа, Русская публичная библиотека, Русский научный институт, русский общедоступный театр, русское музыкальное общество и общество «Русский сокол». Это был расцвет русской жизни в Сербии. Освободившись в 1944 году от немецкой оккупации Королевство сербов, хорватов и словенцев перестало существовать, на его месте

возникла социалистическая Югославия, русские культурные и образовательные учреждения были закрыты. Русский дом был передан правительством Югославии Советскому Союзу и стал Домом советской культуры.

В северной части Сербии, Воеводине, монастырь Ново-Хопово связан со знаменитым Богородицким Леснинским монастырем. Война заставила монхинь в 1915-м году эвакуироваться из России. Игумения Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская) решила искать для монастыря новое убежище и попросила помощи у принца-регента Александра 1 Карагеоргиевича, покровителя белой русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1920-м г. Александр дал согласие на прием 70 монахинь и предоставил им в распоряжение Хоповский монастырь на Фрушкой Горе. За 20 лет через сестры воспитали свыше 500 детей и благодаря их усилиям в Сербии возникло большое количество новых обителей, что привело к восстановлению сербского женского монашества, уничтоженного во времена Отоманской империи. Поэтому можно утверждать, что монастырь Хопово, где жили леснинские сестры до 1943 года, явился родоначальником всех существующих сегодня в Сербии женских монастырей. Матушка Екатерина скончалась в 1925 году и похоронена на видном месте у входа в живописный храм св. Николая Чудотворца (16 в.), а в августе 1950 года Леснинский монастырь покинул Белград и переехал во Францию.

Есть и другие примеры, когда русские монахи-эмигранты восстанавливали опустевшие сербские монастыри: Мильков монастырь, один из семи монастырей на правом берегу реки Велика Морава (комплекс Ресавской Святой Горы). В 1926 году в монастырь пришли русские монахи-изгнанники, возглавляемые известным схи-архимандритом Амвросием (Кургановым), оптинским монахом. Тогда этот монастырь был духовно и материально восстановлен. В этом монастыре принял монашеский постриг святитель Иоанн Шанхайский.

В непосредственной же близости от города Ниш, возле деревни Дивляне есть монастырь св. Дмитрия Мироточивого (XIV век.), а археологи говорят, что воздвигнут он на фундаменте храма, который был построен еще в 4 веке н.э. В народе монастырь называют – Русским. Об этом свидетельствует монастырское кладбище с захоронениями русских монах и монахинь. По монастырским книгам на период 1920 года в монастыре было 80 русских монахинь и 20 русских монахов. Русских до сих пор добрым словом поминают в деревне, так как именно они построили на реке миниэлектростанцию, которая снабжала электричеством и монастырь и село. Русские монахи научили местных жителей пчеловодству. В 30-е годы недалеко от монастыря строится церковь, которую освещают как церковь св. Серафима Саров-

ского. Построена она по русским традициям, а особо гордится церковь фреской Богородицы, которую по легенде нарисовал русский монах, когда ему было 93 года. На одном из крестов на кладбище стоит надпись: «Раб Божий Георгий Розалион-Сошальский. Русский офицер. Родился 9.X. 1895 в России. Скончался 18.IX.1939 г. в монастыре св. Димитрия». Русским монастырь перестал быть в 1937 году, когда эпидемия туберкулеза унесла жизнь многих монахов.

Вторая мировая война: окончательная победа освободительной армии Югославии завершилась входом Красной армии в восточные и северные части Югославии. Это была Белградская операция. С юга и востока, со стороны Болгарии, атаковали войска 3-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза, Федора Ивановича Толбухина. Не случайно в наши дни одна из улиц в Белграде названа в честь этого великого маршала.

За мужество и храбрость, проявленные в боях при освобождении Югославии и столицы Белграда, югославскими орденами и медалями награждено более 2 тысяч советских солдат и офицеров, а 13 советским воинам было присвоено звание Народного Героя Югославии. Согласно современным данным сербских военых архивов полностью в Белградской операции советские войска потеряли раненными, убитыми и пропавшими без вести более тридцати тысяч солдат и офицеров, а только при освобождении Белграда на его улицах погибло свыше тысячи советских солдат.

Как памятник о тех днях в Нише сохранился и концлагерь «Красный Крест». Это один из редких концлагерей в Европе, который в полном объеме сохранился до наших дней. На протяжении четырех военных лет через него прошло более 35000 заключенных. Из них более 12000 расстреляно на близлежащем холме Бубань. На стене одной из одиночных камер на втором этаже концлагеря выцарапана русская фамилия Воробьев. Она принадлежала красноармейцу, который оставил о себе записку. Сейчас она находится в городском музее и в ней написано откуда он был родом и кто были его родители.

Литература

1. Александр, Желтобородов. Сербы - офицеры Слободских гусарских полков в 60-е и 70-е гг. XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rastko.rs/rastko/delo/13843 (дата обращения: 07.03.2015).
2. Беловинский, Л.В. Факты, события, люди. В Российской гусарской службе. Вопросы истории № 4, 1988. — С. 174-180.
3. Глинка, Ф. Н. Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 г.) – М.: в тип. Н. Степанова. 1839. Сайт «Военная литература», Проект «1812 год», URL:

http://militera.lib.ru/memo/russian/glinka_fn/01.htmlkremlin.ru/zaconoproects/kozak.htm (дата обращения: 06.03.2015).

4. Доментијан. Житије Светог Саве, Библиотека Српска књижевност у сто књига, Књига 1, Матица Српска, Српска књижевна задруга, Штампарско предузеће «Будућност», Нови Сад, 1970.
5. Дучич, Йован. Граф Савва Владиславич-Рагузинский. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I, Санкт-Петербург: Изд-во Скифия, 2009. – С. 304.
6. Житие и чудеса преподобного Сергия игумена Радонежского записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным, ЦНЦ «Православная энциклопедия» и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М, 1997 г.
7. Зоран, Спалалайкович. Политическое завещание сербскому народу доктора Мирослава Спалалайковича, Белград, 2002. 144. [Электронный ресурс]. URL: http://www.27march. org/~n7thma5/images/File/dr_miroslav_spalajkovic.pdf (дата обращения: 07.03.2015).
8. Любивое, Церович. Сербы в восточноевропской диаспоре / Srbi u istočnoevropskoj dijaspori, Ministarstvo Republike Srbije za veze sa Srbima izvan Srbije, Beograd, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rastko.rs/antropologija/ljcerovic_srbi_bru.html#_Toc 413058877 (дата обращения: 06.03.2015).
9. Масловский, Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Типография Окружного штаба, Москва, 1886. – С. 674.
10. Попов, Н.А. Военные поселения сербов в Австрии и России. Т. III, кн. 6, Вестник Европы, 1870. – С. 606 - 609.
11. Станоевич, Станое. Сви српски владари: биографије српских (са црногорским и босанским) владара и преглед хрватских владара. Белград, Опово: Изд-во Символ, 1989. – 74 с.

Миленович А.

Педагогический факультет, Университет, Призрен,

Приштина, Сербия

ВЕРСКА НАСТАВА У ФУНКЦИЈИ ВАСПИТАЊА И ОБРАЗОВАЊА ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЈУ

УВОД

Последњих година се у свету све више с расправља о васпитању и образовању за мир и демократију. О томе постоје бројне публикације. У њима су мир и демократија

представљени као друштвене категорије значајне за напредак читавог друштва. На васпитање и образовање за мир и демократију утичу бројни фактори. Један о помињаних је верска настава која у условима урушавања бројних система вредности и моралних норми у друштву, постаје значајно подручје васпитања и образовања за мир и демократију.

НАЧЕЛА ВЕРСКЕ НАСТАВЕ

Када се распрвља о доприносу верске наставе у васпитањуи образовању за мир и демократију, у већини земаља ЕУ сепре свега мисли на поштовање основних начела верске наставе (ODIHR, 2007, p. 176). Она су: 1) верску наставу организовати на начин који је правичан, прецизан и заснован на темељном знању, при чему ученици требају учити versku nastavu organizovati na način koji je pravičanграђанских вредности; 2) наставници који предају верску наставу требају уважавати верске слободе које доприносе стварању таквог школског окружења и праксу која негује заштиту права других у духу узајамног поштовања и разумевања међу члановима школских заједницаа; 3) школе су одговорне за верску наставу, али начин на који се она спроводи не би требао да умањује или игнорише улогу породице или верских организација у смислу преноса ових вредности на генерације које долазе; 4) основати саветодавна тела на разним нивоима за укључивање различитих носилаца активности у припреми наставних планова и програма за обуку наставника; 5) када обавезни програм верске наставе није довољно објективан, требало би га реформисати како би се постигао одмерен и непристрасан приступ, а када то није могуће или не може одмах, да се призна право на похађање верске наставе као задовољавајуће решење за родитеље и ученике; 6) наставници који предају верску наставу би требало да су образовани за тај рад, да поседују знања, ставове и вештине за подучавање о религијама и веровањима на праведан и одмерен начин, да поседују знања и вештине о предмету који предају, али и педагошке вештине, тако да могу деловати са ученицима у интеракцији; 7) при примени наставних планова и програма, уџбеника и наставних материјала за верску наставу, требало би узети у обзир религиозне и нерелигиозне приступе на начин који је праведан и испуњен поштовањем и водити рачуна да се избегне нетачан или штетан наставни материјал, посебно када такав наставни материјал може појачавати негативне стереотипе; 8) наставни планови и програми требају бити израђени у складу са признатим стандардима како би се осигурао одмерен приступ за учење о религијама и веровањима, при чему је у изради и реализацији наставних планова потребан отворен и праведан поступак који свим заинтересираним странама оставља могућност да дају своје коментаре и савете; 9) квалитет наставних планова и програма верске наставе може ефикасно допринети образовним циљевима *Толедо* водећих принципа само ако су наставници професионално оспособљени да користе наставне планове и програме и ако

пролазе сталне обуке како би проширили своје знање и способности које се односе на овај предмет, при чему би свака основна примена требала бити осмишљена и израђена према начелима демократских и људских права и садржавати увид у културу и религиозну разноликост која постоји у друштву и 10) наставни планови и програми који се односе на верску наставу требају посветити пажњу кључним историјским и савременим догађајима који се односе на религију и веровања и да одражавају глобална и локална питања, при чему је потребно обазриво понашање према различитим манифестацијама религиозних и секуларних плуралитета који постоје у школама и друштву у којима раде, што ће помоћи посвећивању проблемима ученика, родитеља и свих заинтересираних страна у образовању.

ЦИЉЕВИ И ЗАДАЦИ ВЕРСКЕ НАСТАВЕ У СРБИЈИ

Циљеви верске наставе у Србији јесу да се њоме посведочи садржај вере и духовно искуство традиционалних цркава и религијских заједница које живе и делују на простору Србије. Циљ је и „... да се ученицима пружи целовит религијски поглед на свет и живот и да им се омогући слободно усвајање духовних и животних вредности Цркве или заједнице којој историјски припадају, односно чување и неговање властитог верског и културног идентитета“ (Службени Гласник Републике Србије, бр. 1/2005, стр. 53). То значи да би упознавање ученика с вером и духовним искуствима властите историјски дате Цркве или верске заједнице, требало да се остварује у отвореном и толерантном дијалогу уз уважавање других религијских искустава и филозофских погледа и свих позитивних искустава и достигнућа човечанства.

Полазећи од циљева, задаци верске наставе у Србији су да код ученика: а) развија отвореност и однос према Богу, другачијем и савршеном у односу на саме људе, као и отвореност и однос према другим личностима, према људима као ближњима, а тиме се буди и развија свест о заједници с Богом и с људима и посредно се сузбија екстремни индивидуализам и егоцентризам; б) развија способност за постављање питања о целини и коначном смислу постојања човека и света, о људској слободи, о животу у заједници, о односу с природом и окружењем и о властитој одговорности за друге, в) развија тежњу ка отвореном обликовању заједничког живота с другим људима из властитог народа и властите Цркве или верске заједнице, као и с људима, народима, верским заједницама и културама другачијим од властите, ка изналажењу равнотеже између заједнице и властите личности ка остваривању сусрета са светом, с природом и пре и после свега с Богом; г) изгради способност за дубље разумевање и вредновање културе и цивилизације у којој живе, историји човечанства и људског стваралаштва у науци и другим подручјима и д) изгради свест и уверења да свет и живот имају вечни смисао.

ВЕРСКА НАСТАВА И ВАСПИТАЊЕ И ОБРАЗОВАЊУ ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЈУ

Садржаји религијског образовања би требали бити практичног карактера, као на пример: *Хајде да улажемо у организовање културних манифестација, посете храмовима различитих религија и размене ученика*. Поред православних средњовјековних манастира потребно је посетити и цркве других верских заједница, синагоге и џамије. Важно је научити децу да се споменици свих култура цене. Интересантно би било и да ученици презентују своју религијску традицију и тиме помажу разумевању комплексности различитих светских религија (Миленовић, 2013 и 2012). На општем нивоу потребно је увођење програма у школе кроз које ће деца моћи учити о различитим религијама и обичајима. На часовима верске наставе је потребно спровести проучавање великих религијских система. У таквим околностима је неопходно доћи до заједничког закључка да дијалог и отвореност за другост чини само квинтесенцију религије. Након што ученици упознају своје и религијско учење других, могу приступити тражењу заједничких тачака да би подстакли разумевање и сарадњу. Зато је дужност демократског друштва да учини доступним знање о религијској, етничкој и социјалној организацији других мањинских заједница.

ЗАКЉУЧАК

Верска настава има посебан значај у васпитању и образовању за мир и демократију. То потврђују бројне промене које су се десиле уназад неколико деценија, у свим државама некадашње Југославије. Оне су исказале потребу ревизије појединих аспеката васпитања и образовања. Један од них је однос религије с једне и васпитања и образовања с друге стране. Овакав приступ одређен је самим односом васпитања и образовања и религије, који је условљен успостављеном хијерархијом вредности у друштву. Условљен је и политиком подршке тим вредностима који ће младе усмеравати према искључиво материјалним или духовним вредностима или ће наћи разумну меру међу њима.

Наведене расправе показују да у погледу верског васпитања у државним школама све више сазрева уверење да нема тог образовног система који може игнорисати улогу религије и веровања у историји и култури народа. Непознавање у тој области може довести до стварања негативних стереотипа, а у својим екстремним облицима може довести до мржње, сукоба и насиља. Недавна историја то јасно доказује. Све је раширенији и концензус да су знање, религија и веровање важан део квалитетног образовања који може унапредити демократско друштво и узајамно поштовање и да јача подршку слободи вероисповести и промовисању разумевања за друштвену различитост. Другачије речено, да би дијалог и толеранција били утемељени између верских заједница и верника, потребно је васпитавати вернике за дијалог и толеранцију, осим за познавање доктрина сопствених религија. Све то

несумњиво потврђује да верска настава представља значајан фактор васпитања и образовања за мир и демокртију.

Литература

1. Milenovic, Z. (2013). Achieving the objectives and tasks of religious teaching in schools inclusive. Metodicki obzbori, 8(18-2), 129-141.
2. Миленовић, Ж. (2012). Значај и потреба високошколског образовања наставника за извођење верске наставе. Нова школа, 9(9-10), 293-301.
3. ODIHR advisory council of experts on freedom of religion or belief. (2007). Toledo Guiding principles on teaching about religions and beliefs in public schools. Warsaw: OSCE-ODIHR.
4. Službeni Glasnik Republike Srbije, br. 1/2005, Beograd.

Миленович А.

Педагогический факультет, Университет, Призрен, Приштина, Сербия

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ

УВОД

Учитељски позив се одувек сматрао часном и уваженом професијом, а учитељ посебним типом човека. Његов лик се идеализује и као такав, учитељ је поштован у народу. За њега се каже да је душа основне школе, па и успех и углед школе, у великој мери зависе од успеха и угеда учитеља. Зато се од учитеља очекује да повеже у јединствену целину: школско окружење, наставни план и програм, учење ученика и свој креативни и иновативни рад. Да би у томе успео, потребно је да буде свестран и савршен.

Напред изнесено захтева од учитеља бројне компетенције. Да би исте стекао, потребо је да студенти-будући учитељи, током студија стекну бројна знања, вештине и способности из различитих научних области. Оно што се увек појављује као образовни дефицит, јесу практична знања. Практична знања студенти стичу непосредном реализацијом педагошке праксе у одељењима основних школа. Проблем овог теоријског проучавања је педагошка пракса студената разредне наставе у Србији.

ПЕДАГОШКА ПРАКСА СТУДЕНАТА РАЗРЕДНЕ НАСТАВЕ У СРБИЈИ

У студијским програмима разредне наставе у Србији, педагошка пракса студената означена је као један од најзначајнијих чинилаца успешног развоја студената и њиховог

педагошког оспособљавања за обављање учитељске професије. У бројним публикацијама у којима је проучаван овај проблем, указано је на значај педагошке праксе за развој компетенција будућих учитеља (Будић и сар., 2008). Указано је и на значај менторског рада у обављању педагошке праксе студената (Hercog i sur., 2012). Дати су и различити приступи реализације педагошке праксе студената разредне наставе (Валенчић Зуљан и сар., 2012). У овом раду, педагошка пракса студената биће приказана на примеру Учитељског факултета у Призрену.

Педагошка пракса студената разредне наставе предвиђена је *Правилником о извођењу наставе.* У овом акту, педагошка пракса одређена је термином *стручна пракса*, под којим се подразумева „...део наставног процеса током кога студенти стичу практична знања из области која је обухваћена студијским програмом кроз директан контакт и учешће у радном процесу“ (стр. 2). Практична реализација педагошке праксе, ближе је одређена *Студијским програмом разредне наставе* за текућу школску годину. Овим документом факултета, предвиђено је да студенти у току студија, поред редовних предиспитних и испитних обавеза, реализују у педагошку праксу у све четири године студија. Према *Студијском програму разредне наставе*, студенти реализују следеће облике педагошке праксе: 1) педагошка у првој, 2) дидактичка у другој, 3) методичка 1 у трећој и 4) методичка пракса 2 у четвртој години студија.

Педагошка пракса реализује се у првој години студија (други семестар). Траје пет радних дана. У оквиру праксе, студенти присуствују настави у различитим одељењима од првог до четвртог разреда. О реализацији праксе студенти воде дневник. За сваки одржани настaвни час, у дневним праксе за текући радни дан уносе следеће податке: датум, наставни предмет, ментор, назив наставне јединице и њен кратак опис. За успешну реализацију педагошке праксе, студенти остварују два ЕЦТС.

Дидактичка пракса реализује се у другој години студија (четврти семестар). Траје 10 радних дана. У оквиру праксе, студенти присуствују настави у различитим одељењима од првог до четвртог разреда. О реализацији праксе студенти воде дневник. Поред ставки описаних за педагошку праксу, за сваки одржани наставни час, у дневник праксе дају опис облика рада, наставних метода, наставних средстава и опис наставне јединице са артикулацијом. За успешну реализацију дидактичке праксе, студенти остварују четири ЕЦТС.

Методичка пракса 1 реализује се у трећој години студија (шести семестар). Траје 15 радних дана. У оквиру праксе, студенти 10 радних дана присуствују, а пет радних дана уз помоћ ментора реализују наставне часове у различитим одељењима од првог до четвртог

разреда. О реализацији праксе воде дневник. Поред ставки описаних за дидактичку праксу, студенти за сваки одржани наставни час, удневник праксе дају опис наставне јединице који се обликује налик на комплетну припрему за наставни час. За успешну реализацију методичке праксе 1, студенти остварују три ЕЦТС.

Методичка пракса 2 реализује се у четвртој години студија (осми семестар). Траје 20 радних дана. У оквиру праксе, студенти 10 радних дана присуствују и 10 радних дана уз помоћ ментора реализују наставне часове у одељењима од првог до четвртог разреда, а 10 радних дана уз присуство ментора реализују наставне часове. О присуству пракси студенти воде дневник. Поред дневника са ставкама описаних за методички праксу 1, студенти за сваки одржани наставни час пишу комплетну припрему наставне јединице. За успешну реализацију методичке праксе 2, студенти остварују шест ЕЦТС.

ПЕДАГОШКА ПРАКСА СТУДЕНАТА У НЕКИМ ЗЕМЉАМА ЕУ

Приказана анализа педагошке праксе студената разредне наставе у Србији показује да студенти проведу недовољан број часова у практичном оспособљавању за учитељску професију према њиховом укупном оптерећењу студијским програмом. За разлику од Србије, у појединим земљама ЕУ, будући основношколски учитељи на практичном оспособљавању проведу знатно више времена. У Мађарској, практичном оспособљавању намењено је 15-20% студијског програма, од тога осам до десет недеља сажете праксе. Слично је и у Чешкој где студенти имају 10-15% студијског програма за практично оспособљавање (Валенчић Зуљан и сар., 2012: 8-9). Према подацима из истог извора, студенти на Малти имају шест недеља сажете праксе, у Данаској три, Норвешкој 20, Русији четири до пет током додиплоомског и пет до осам током магистарског студија. Разликује се и број сати проведених на пеедагошкој пракси. Тако у Пољској, студенти на пракси проведу 150, а у Белгији 600 сати практичног оспособљавања. У Холандији, студенти на практичном оспособљавању проведу четвртину студија. Разликује се и број остварених ЕЦТС бодова за реализацију педагошке праксе. У Србији током студија, студнети остваре укупно 13 ЕЦТС по основу реализације педагошке праксе у све четири године студија. За разлику од тога, број ЕЦТС у Финској је 20, на Кипру 26, а у Шведској 30 ЕЦТС.

НАЈЧЕШЋИ ПРОБЛЕМИ ПЕДАГОШКЕ ПРАКСЕ СТУДЕНАТА РАЗРЕДНЕ НАСТАВЕ

Поред предности, педагошка пракса студената има и бројне недостаке. Најчешћи су: а) неодговарајућа литература за реализацију педагошке праксе, б) студенти педагошку праксу реализују у школи и месту коју сами одаберу, па исту није могуће пратити и процењивати, в) не постоји концепт правог учитеља ментора, јер у њиховом изобру не

учествује факултет, г) нема координације између школа и факултета, д) учитељи ментори нису стални и нису обавезни да се професионално и стручно усавршавају, ђ) пробем контроле због разуђености школа по читавој-Србији, е) нереалност евалуације одржане педагошке праксе, јер се она своди само на основу припрема и дневника праксе који се често преписују и не представљају реално стање, што се посебно односи на успешност реализације наставног часа, ж) није се десило да било који студент добије негативно мишљење учитеља ментора и з) дешава се да се потврде о рализацији педагошке праксе издају од стране школа и студентима који уопште нису исту реализовали.

ЗАКЉУЧЦИ И ПЕДАГОШКЕ ИМПЛИКАЦИЈЕ

У раду су приказани резултати торијског проучавања педагошке праксе студената разредне наставе у Србији. Указано је на њен практични значај и на основне недостатке који су првенствено повезани са њеном реализацијом и могућностима евалуације и контроле. Нарочито је указано да је она недовољна у поређењу са педагошком праксом студената у државама са развијеним системима виокошколског образовања. У овом делу рада укратко ће бити дате препоруке у циљу ефикасније релизације педагошке праксе.

1. У првој години студија, уместо педагошке, реализовати педагошко-психолошку праксу трајању од 10 радних дана. Из области педагогије, студенти би у дневник праксе требало да уносе посебна запажања која се односе на: а) зрелост посматраног детета за полазак у школу, б) опис захтева естетског васпитања, на примеру једне школске учионице, в) норме физичког развоја по једног детета од седме до једанаесте године живота и по једног детета кој је превремено, односно са закашњењем пошло у школу, г) посматрање једног ученика кога је учитељ означио као најуспешнијег и активности једног ученика који је од стране учитеља процењен као мање успешан, д) систематско посматрање наставног часа уз детаљну анализу, ђ) израда личне карте основне школе, е) опис једног радног дана учитеља, ж) опис једног радног дана школског педагога, з) опис једног радног дана неког другог стручног сарадника и и) опис школске библиотеке. Из области психологије, студенти би требало да у једном одељђу спроведу социометријски поступак и анализирају налазе. У случају да нису оспособљени за реализацију социометријског поступка, као алтернитава је посматрање комуникације у одељењу, посебно на релацији учитељ-ученик о чему попуњавају листу протокола.

2. Дидактичка пракса студената реализовала би се у другој години и трајала би 15 радних дана. Студенти би посебно требали да се упознају и опишу проблеме: а) планирања у настави, б) евалуације у настави и в) дидактичке медије. Стим у вези је потребна израда одговарајућих инструмената, што посебно важи за евалуацију у настави.

3. У трећој години студија, студенти би реализовали методичку праксу 1, која би трајала 20 радних дана. Студенти би 10 радних дана присуствовали пракси, а 10 радних дана би уз помоћ ментора држали наставне часове. За сваки одржани наставни час, сачињавала би се детаљна припрема и спроводила евалуација.

4. Методичку праксу 2, студнти би реализовали у четвртој години студија у трајању од 30 радних дана. Ова пракса одржавала би се у школама у месту у коме се налази факултет. Студенти би све време самостално држали наставне часове уз присуство предметних наставника ии сарадника. За сваки одржани наставни час, сачињавала би се припрема и спроводила евалуација. Квалитет одржаних часова би утицао на коначну оцену из одговарајуће методике.

5. Поред броја часова практичног оспособљавања, педагошку праксу је потрено вредновати са пет ЕЦТС у првој, седам ЕЦТС у другој, 10 ЕЦТС у трећој и 12 ЕЦТС у четвртој години срудија.

Литература

1. Будић, С., Гајић, О., Сегединац, М., Миљановић, Т., Шпановић, С. (2008). Дидактичко-методички аспекти студентске праксе у партнрским релацијама факултета и школа. Нови Сад: Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду.
2. Валенчић Зуљан, М., Гојков, Г., Рончевић, А., Вогринц, Ј. (2012). Педагошка пракса и процес развијања компетенција студената будућих учитеља у Хрватској, Србији и Словенији. Вршац: Васпитачка школа Михајло Павлов у Вршцу.
3. Hercog, J., Ivanus Grmek, M., Cagran, B. (2012). Views of Mentors on Primary Education Student Teaching. Croation Journal of Education, 14(1), 25/47.
4. Правилник о извођењу наставе Учитељског факултета у Призрену из 2008. године.
5. Студијски програм разредне наставе Учитељског факултета у Призрену за школску 2014/15. годину.

Милутинович Д.

Философский факультет, Нишский университет,

Ниш, Сербия

ФРЕЈМОВИ РАТА

Рат, и најдужи, само протресе питања због којих се заратило, а њихово решење оставља временима која наступају после склапања мира. (Иво Андрић [1: 34]

УВОД

Роман Владимира Кецмановића[16] *Топ је био врео* одмах по објављивању изазвао је велику буру на просторима бивше Југославије. Прича о опсади Сарајева деведесетих година прошлог века, испричана кроз визуру једанеастогодишњег дечака српске националности чији родитељи страдају од гранате испаљене са српске стране и који годину дана преживљава у мултинационалном стамбеном блоку поприлично је узбуркала страсти. Разлог томе није једино у осетљивој националној тематици, већ је и сама форма, која алудира на поетски роман, као и перспектива из које је он исприповедан поделила критику. Пошто сматрамо да је у питању један од најбољих ратних романа на поменутим просторима, одлучили смо да у овом раду методом студије случаја и коришћењем фрејмова (и скрипти) као аналитичких инструмената то и (покушамо да) докажемо.

ФРЕЈМОВИ (И СКРИПТИ)

У когнитивним наукама фрејмови (или схеме, оквири) представљају спознајне представе на основу којих се размевају скрипти (сценарија), односно догађајни низови света приче [3, 7, 10]. У питању су изразито контекстуални феномени који си тичу како универзума дискурса илокотора тако и самог света приче [8] (јер се изграђују на основу „одвијања" приче). Насупрот њима, скрипти су изразито текстуалне категорије, конкретизације датих фрејмова (спознајних представа) у свету приче.

Пошто су фрејмови контекстуалне категорије, које се везују не само за постојеће спознајне представе које предодређују рецепцију, већ уједно и изграђују контекст, тј. оквир света приче на основу њених скрипти, дакле активирају се током, и у зависности од рецепције сегмената приче, али и проверају и коначно успостављају након краја приче, то се о њима може говорити као о иницијалним, медијалним и финалним.

---

[16] Владимир Кецмановић је рођен у Сарајеву 1972. Дипломирао је на Филолошком факултету у Београду, на катедри за Општу књижевност са теоријом књижевности. Објавио је романе *Последња шанса* (1999), *Садржај шупљине* (2001), *Феликс* (2007), *Топ је био врео* (2008), *Сибир* (2011) и збирку приповедака *Зидови који се руше* (2012). Са историчаром Предрагом Марковићем написао је књигу *Тито, поговор* (2012). Добитник је стипендије Фондације „Борислав Пекић" и награда „Иво Андрић", „Бранко Ћопић" и „Меша Селимовић". Кецмановићева проза преведена је на енглески, француски, немачки, украјински и румунски језик. Превод романа *Топ је био врео* номинован је за награду „Dablin impac" која се у Даблину додељује за најбољи роман на енглеском језику. По том роману снимљен је и истоимени филм. Владимир Кецмановић је стални колумниста листа *Политика*. Повремено пише за више медија у земљи и у окружењу. Члан је књижевне групе П70 (Проза на путу) и Српског књижевног друштва. Живи и ради у Београду.

Иницијални фрејмови су предубеђења са којима почиње рецепција. Медијални су они оквири који се успостављају одмотавањем догађаја у причи, а финални наступају након завршетка приче када се, на основу остваренog и прихваћеног света, успоставља „коначна" спознајна представа о рецептираном која може кориговати претходно искоришћене фрејмове. Дакле, фрејмови функционишу на принципу херменеутичког круга – разумети текст као целину значи разумети његове делове, а разумевање делова утиче и на разумевање целине.

Наш приступ почива на томе, тј. на моделу који иде како од подножја (делова) ка врху (целини), тако и од врха (целине) ка деловима, те анализа романа *Тоn је биo врео* приказује начин на који се он разумева током његовог развијања, али и након што је развијен, завршен, тј. у контексту краја.

Иницијални фрејмови наше анализе тичу се екстратекстуалних оквира, пре свега у погледу историјског контекста, али и оних интратекстуалних, који се тичу жанровско-дискурсних фрејмова романа. Медијални су везани за оквире кроз које се приказују и прихватају делови света приче. Финални фрејмови подразумевају психофилозофске (мета)концепте на основу којих се роман разуме(ва)/интерпретира и који се успостављају с обзиром на крај роман.

ИСТОРИЈСКИ ФРЕЈМОВИ

Историјски фрејмови подразумевају тематски оквир преко кога је роман реализован. *Тоn је биo врео* за своју тематску основу узима опсаду Сарајева која се десила у периоду од 5. 4. 1992. до 29. 2. 1996. Три нације које су живеле у овом граду сукобиле су се између себе, и то тако да су Срби, тачније Војска Републике Српске, окружила и блокирала Сарајево и са околних брда нападала град, пре свега артиљеријом и снајперима. Иако су у почетку муслиманске и хрватске снаге заједнички контролисале унутрашњост града, брзо је дошло до сукоба између њих, те је војска и полиција БиХ преузела потпуну контролу. У град је било готово немогуће ући или изаћи, владала је анрахија, несташица хране, воде и струје, а коначни биланс опсадног стања био је тај да је Сарајево изгубило око 36% свог предратног становништва.

Историјски догађај који је оквир романа још увек је свеж у сећању људи са простора бише Југославије, невезано за националну припадност, а последице рата и злочина и даље су присутне. У периоду настанка романа (2008) то је било још израженије. Другим речима, постојала је могућност да Кецмановић буде пристрасан. Ипак, то се није десило па за *Тоn* можемо рећи да представља један од најбољих (анти)ратних романа на овим просторима. А ево и зашто.

С једне стране, Кецмановић је прихватио картактеристичну позицију објективности својствену нашој фолклорној и уопште епској традицији. Иако је главни јунак српски дечак, не може се рећи да на другим странама, пре свега муслиманској, нема позитивних јунака, односно да су ликови и догађаји приказани црно-бело. Такође, аутор не приказује свих седам година оспаде, већ узима само прву годину. Овакав концепт (опсада града, приказ дугугодишњег рата кроз краћи временски исечак и објективност аутора) упућује на то да се Кецмановић може повезати са Хомером и његовом *Илијадом*. Макар оквирино.

С друге стране, скрипти преко којих су догађаји приказани у роману су такви да о њиховој пристрасности нема ни говора.[17] Као што је вишегодишњи рат редукован на једну годину (која почиње и завршава се у зиму), тако су сведени и остали његови аспекти. Ипак, редукција историјског фрејма не умањује семантичко богатство текста, већ супротно, не само да га обогаћује, него га уздиже на виши ниво – митолошки.

ФРЕЈМОВИ СВЕТА ПРИЧЕ

Историјски догађаји у *Tony* приказани су циклично, кроз једну годину, са почетком и крајем у зими. Такав концепт довољно говори о природи овог митолошког циклуса, јер све креће и завршава се смрћу (кроз скрипт убиства дечакове породице и фрејм његовог преображаја). Дакле, скрипти којима се аутор служи су ти који су одговорни за начин на који су спознајне представе о опсади Сарајева предочене кроз догађаје. Начелно се може рећи да се основни поступак преко којих су скрипте формиране (у погледу ликова, догађаја и хронопа) базира на редукцији.

Мултиетничко Сарајево сведено је на урбани блок, улаз у којем дечак-приповедач живи са својом породицом (и комшијама) и улаз његовог пријатеља Амера (његове породице и кошија). Између два улаза налази се парк (у коме станари сахрањују жртве бомбардовања) и пољана, а на ободу је река која раздваја град од брда са којих се врши гранатирање. Централни простор романа је зграда, односно стан дечака-приповедача.

Оно што је занимљиво јест да је Кецмановић, сводећи Сарајево на поменути блок, ради приказивања ликова и догађаја у њему искористио оквир породице. Дакле, историјски, ратни фрејм је „оквирни," „мета/макро" контекстуални фрејм романа, подједнако и екстра и интра текстуални, док је доманинатни интратекстуални фрејм, онај преко кога се остварује сам роман (његови скрипти), односно преко којега се изграђује контекст романа – фрејм породице: сви ликови и догађаји у роману приказани су кроз овај фрејм.

---

[17] То је, с треће стране, вероватно условљено аутобиографским искуством пошто је Кецмановић и сам био сведок онога о чему у роману говори.

Пошто је роман реализован као извештај (о) свести (mind report) једанаестогодишњег дечака, централно место припада његовој породици. Тачније, после смрти оца и мајке од гранате у стану, прича о дечаковој потрази за својим идентитетом приказана је кроз скрипте које прате његов однос са осталим, сурогат породицама.

Одмах након трагедије, дечака усваја комшијска, муслиманска породица Тиџе и Хасана, и њиховог сина Кенана. Затим, када Кенан погине од снајпера, а Тиџа отера дечака-приповедача, он завршава код других комшија, у породици Николе (Србина) и Муслиманке Митре, у којој се већ скрива Милан, син Николиног пријатеља. Али и у овој породици дечак доживљава трагедију (трауму) пошто је локални мафијаш Ахмо и његов помоћник Салкан девастирају, па дечак бежи преко реке, у брда. Тамо долази до свог комшије Зоке, Србина, заменика команданта јединице која бомбардује Сарајево, који му нуди своју порордицу да буде код њих. Дечак то одбија и остаје са војиницима који гранатирају Сарајево, пуцајући и сам на град.

Осим дечака-приповедача и остали ликови у роману остварени су кроз фрејм породице. Посебно треба издвојити дечаковог школског друга Амера, са којим он постаје нераздвојан након смрти родитеља, а који је приказан кроз однос са својим братом Мирсадом и мајком. Занимљиво за ову породицу је да је представљена другачије у односу на остале, с обзиром на то да одувек нису имали оца, ауторитет, те да су у односу са мајком далеко слободнији него што је то случај са другим синовима. Амерова породица је, у семантичком (оквирном) смислу, прелазни тип који се јавља у овом роману, пошто упућује на неуобичајене породичне односе који кулминирају у породици Ахма, Салкана и Сузане.

Ахмо је вођа мафијаша и „бранилаца" који спроводе страховладу и чине злочине у опсадном Сарајеву. Међутим, њега није, као остале ликове, на то навео (једино) рат („Ко никад није имо муда да се побије – сад коље. Ко никад пићке видио није – сад силује." [4: 115]), већ је такав био и у миру. Оно што га одређује јесте његов однос са Сузаном и Салканом. По причању других, Сузана је затруднела са Ахмом, а он је удао за Салкана и пазио на њу. У овом троуглу традиционална породица и односи у њој изокренути су наглавце.

На основу ових примера може се закључити да су когнитивне представе породице у роману базиране на трауми узрокованој ратним дешавањима, те она (породица) представља под/микрофрејм кроз који је рат предочен. Траума је посебно упечатљива с обзиром на то да је роман остварен као извештај (о) свести једанаестогодишњег дечака.

ЖАНРОВСКИ ФРЕЈМОВИ

Осим рата, породице и трауме, следеће битно поље фрејмова које утиче на света приче у роману јесу жанровски оквири на основу којих је реализована. Ту долазимо до чињенице да је у питању једно крајње необично (оригинално) остварење. Избор рата као тематски оквир подразумева да је *Топ* ратни роман. Како је све приказано из унутрашње перспективе (извештај (о) свести), корпус у коме треба тражити сличне жанровске ферјмове постаје специфичнији. С једне стране, по свом извештавачком (готово дневничком) дискурсу, он је близак *Великој свесци* Аготе Криштоф, *Дневнику Ане Франк* и сличним остварењима. По самом негативном емотивном набоју и песимизму, упућује на романиме Ремарка. Тачније, унутрашња перспектива, исповедни дискурс и набој агоније говоре да је *Топ* близак авангардним ратним романима, посебно оним експресионистичким. То се нарочито односи на дискурс кроз који је текст предочен и који одудара од горенаведених примера приближавајући се авангарди.

ФРЕЈМОВИ ДИСКУРСА

Најзанимљивија карактеристика романа *Топ је био врео* тиче се његовог дискурса, односно фрејмова и скрипти којима је дискурс одређен. Као што смо напоменули, читав роман предочен је кроз перспективу једанаестогодишњег дечака, и то непосредно, у виду директног праћења активности његове свести апропо трауматичних догађаја које преживљава. Пошто је реч о преношењу трауматичних искустава дечака у ратном окружењу, дискурс је реализован посредством поетског израза, односно фрејма. Њега, у формалном смислу, одређује за прозни текст нетипична концепција реченица, односно редукција (елипса). Реченице *Тона* нарушавају концепт једне завршене мисли и представљају ту и такву мисао распарчану на више делова:

„Једне ноћи борац Салкан је избацио књиге.

Мајчине. И очеве. И моје.

Из стана који је некада био наш.

Оставио их испред врата.

На степеништу.” [4: 133]

Раскомаданост реченице алудирана је и графостилематички те њихово повезивање личи на оно карактеристично за поезију, с обзиром на то да су груписане у форме које упућују на стихове и строфе. Поетски је и начин на који се целине (строфе) обједињавају, јер је веза међу њима много чешће базирана на асоцијацијама него ли на каузалном везивању догађа.

Сем елиптичних реченица, оно што још може да се наведе као одлика поетског израза дискурса романа јесте и присуство, тачније манирстичка употреба појединих фигура (конструкције). Пре свих, то се односи на полисиндентон, нарочито у погледу везника И. Он представља траг некадашње, нормалне реченице, јер раскомадане делове покушава да повеже у целину.

Издвојио бих још и оригиналну употребу поређења, нарочито у почетку романа. Кецмановић ову фигуру користи крајње неуобичајено, не да би увео нове, виртуелне светове у постојећи наративни свет [6], већ као облик ретроспекције. У ствари, у питању је ретопроспекција јер компарација указује на догађаје који су се десили пре времена приповедања, у прошлости, али истовремено наговештава и да ће о њима касније у приповедном времену бити више речи. Компарацијом се заправо ствара један сложени систем наративних асоцијација:

„Тада се отац намрштио…
Као да сам сломио стакло на излогу самопослуге.
Иако ми је забранио да шутирам лопту испред зграде.
Кад већ постоји пољана на сто метара од куће… [4: 8]

Онда је отац постао црвен…
Као да сам отишао да се играм лоптом на пољани.
На сто метара од куће.
Сада, када је почео рат… [4: 9]

А онда су ковчеге изнијели у парк.
Тамо где сам некад шутирао лопту.
И сломио излог продавнице.
Иако ми је било забрањено да се играм лоптом на том мијесту.
Када већ постоји пољана на сто метара од куће.

Тамо где ми је било забрањено да се играм лоптом чак и када је почео рат.
Иако више није имало шта да се поломи.
Пошто на излозима продавнице није остало ниједно стакло.

Иако стакла нису поломили меци и гранате.
Него браниоци града.

Када је рат почео.” [4: 43-44]

Компарације представљају добре показатеље да је поетски фрејм романа остварен преко изразито наративних скрипти: свака „строфа” базирана је на одређеном догађају. Чак су и реплике у дијалошким секвенцама реализоване на исти начин те, иако делује да су приказане као директне, оваква њихова концепција упућује на то да су ипак преломљене кроз свест дечака-приповедача:

„Их, бонд, рекао је комшија Хасан. Да изненадимо плућа.

Јес', вала, рекао је комшија Фуад. Угушисмо се од ове наше крће.

Које крће, питала је комшиница Тиџа. Ле л' оног марлбора што ти га син доноси од Мемића? И што га ни с ким не д'јелиш?

Остав' се ти мог сина и Мемића, рекла је комшиница Шевала. Да ја не би' рекла коју.

Хајде, Влаја, запали и ти једну, рекао је комшија Јожа. Није ваљда да чуваш здравље у овом каосу?

Ма какво здравље, рекао је комшија Влаја. Него – да се не навикавам опет, у зло доба. Пред рат престадох, ко да сам знао каква ће биједа наић.” [4: 65]

Услед оваквих поступака (поестки фрејм реализован кроз наративне скрипте), свест дечака-приповедача сугерисана је на два нивоа, како самим садржајем, тако и формом коју тај садржај добија – раскомаданим реченицама. Оне потврђују раније изнети став да роман *Топ је био врео* представља неоавангадно остварење. Јер, распарчаност реченица, тј. синтаксички склоп који алудира на гранатирање, искази попут шрапнела, упућују на Маринетија који у *Техничком манифесту футуризма* тражи да се догађаји не описују, већ предочавају: рат и борбе не треба осликавати, него их употребом језика, разарањем синтаксе и логике, дочарати [5].

Дискурс Кецмановићевог романа је у потпуности доследан томе те се, осим на синтакси кроз коју је реконструисан рат и бомбардовање, он ослања и експонира и посебан тип логике коју можемо одредити као шизологику. Сви аспекти света приче, односно фрејмови и скрипти *Тона* одређени су траумом и трауматичним искуством, па овај текст предсавља прави пример оног што Делез и Гатари називају шизоанализом (поредак који производи уништење и хаос) [2].

ФИНАЛНИ ФРЕЈМОВИ

Финални фрејмови представљају оквире који све оне реализоване у тексту уоквиравају одређеним психофилозофским метаконцептом на основу којих се текст

разуме(ва)/интерпретира. У питању су пресупозиције које се проверавају и потврђују „конзумирањем" текста. Другим речима, финални фрејмови функционишу тако што се известан, кроз раније искуство, когницију, стечен психофилозофски оквир апликује на текст у зависности од тога колико сам текст потврђује, односно изграђује дати оквир.

У роману *Топ је био врео*, као неке од најбитнијих фрејмова издвојили смо, сем ратног, и оне везане за породицу, тачније односе у троуглу отац-мајка-син, као и трауматично искуство (које сви јунаци доживљавају). Траума посебно одређује породичне односе јнака-приповедача, јер након губитка оца и мајке у гранатирању, почиње прича о његовој промени идентитета. У том смислу, крај је посебно занчајан, пошто дечак одлази на брдо са кога се врши гранатирање и пуцајући и сам на град постаје, изједначава се са убицама својих родитеља. Том својом трансформацијом јунак непосредно упућује на једног другог, чувеног митског[18] убицу родитеља – Едипа.

Међутим, пошто је у свим својим аспектима (фрејмови) Кецмановићев роман крајње необичан, као што смо изнад показали, то се психофилозофски фрејм не може свести на (фројдовски) Едипов комплекс. Напроти, пре је реч о анти-едиповском концепту. Јер, животни пут (скрипт) или прича о идентитету јунака-приповедача у потпуности је антиподна оној Лајевог сина. У питању је једанаестогидишњи дечак, у шизоидном стању, који не чини ништа свесно што би га довело до сазнања о својим родитељима. Једина паралела која се између Кецмановићевог и митског Едипа може повући тиче се физичког, односно физиолошког недостатка – за разлику од потњег који је био хром, отечених стопала, тј. слеп, дечак након смрти родитеља постаје нем. Губитак моћи говора активира лакановски фрејм, јер дечак не-жели да говори, односно учествује у симболичком поретку, што је непосредно везано за смрт оца, тј. нестанак ауторитета који би јунака увео у Закон.[19] И физиолошка аномалија и нестанак Закона у роману су изврсно мотивисани, у првом случају као последица контузије од гранате, а у другом самим ратним контекстом.

То нас наводи да Едипов комплекс посматрамо кроз други фрејм, онај о анти-Едипу. Више је окидача који упућују на концепт Делеза и Гатарија. Пре свега, шизоидно стање[20]

---

[18] Отуда нимало не чуди да је митолошки фрејм присутан у роману.

[19] То је наглашено и у самом тексту: „…чини ми се да су тога дана мајка и отац и званиучно престали да буду мама и тата." [4: 77]

[20] Ако бисмо желели да поставимо тачну дијагнозу дечака-приповедача онда би то била неурастенија. Наиме, траума се у психоанализи дефинише као изненадни „страшан" догађај и (когнитивна, емоционална) реакција на њега. Она подразумева шок, порицање и флешбекове, али и физиолошке реакције као што су главобиље, мучнине, и сл. (што су све чињенице са којима се сусрећемо у роману). Када такво стање и реакције постану перманентне долази до појаве неурастеније.

јунака, али и разарање традиционалног тројства продице. Сем тога, и само приповедање, као и концепт дечака, одговарају формулацији Делеза и Гатарија да је несвесно „као сироче" [2: 49].

Међутим, за разлику од француских мислилаца, који одбацују идеју да институција породице – структура тријаде отац-мајка-дете – представља неопходну медијацију за дететове либидиналне интеграције у политичку, економску[21] и друштвену заједницу, те да се појединац ради ослобађања репресивног *statusa quo* чија је суштина стварање послушних, мазохистичких субјеката, мора ослободити стега породице и „посматрати" у ширем, друштвеном контексту, Кецмановић не мисли тако. Својим *Топом* он показује управо супротно. Јер, у ратном окружењу прордица је заиста лишена своје функције „ћелије друштва" и њено место је преузео концепт нације. Али, ратна машинераја[22] брише чак и њега (сви војници су приказани исто, у маскирним униформама и чизмама, једино на главама носе другачије капе, беретке, шубаре) уводећи као онај примарни, али и најдеструктивнији, капиталистички концепт новца. Зато се Кецмановићев роман може разумети као ре-конструкција анти-Едипа и показатељ да је рат заправ право стање Шизоверзма и хаоса, који негирајући живот, уништава и све остало.

На основу овога постаје јасно зашто дечак проговара тек код Срба – не због нације, већ јер схвата апсурдност свега; зато је и прва реплика изговорена са крајње баналним садржајем („дај и мени једну [цигарету]"). Тиме се дечакова трансформација завршава, он прихвата Закон (хаоса и деструкције), постаје убица сопствених родитеља, садиста, потпуно поражен од Рата. Зато је и Кецмановићев роман универзална прича о страхотама ове пошасти, о томе да су сви жртве-зликовци, испричана на крајње занимљив и неуобичајен начин.

Литература

1. Андрић, Иво. Знакови поред пута. Сабрана дјела Иве Андрића. Сарајево: Свјетлост, 1986.
2. Делез, Жил, Гатари, Феликс. Анти-Едип. Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1990.
3. Emmott, Catherine. Narrative Comprehension: a Discourse Perspective. Oxford: Oxford University Press, 1997.
4. Кецмановић, Владимир. Топ је био врео. Београд: Моно и Мањана, 2011.

[21] Отуда не чуди да је покретач свих односа у роману заправо жеља за стицањем пара, те сви који су у могућности, невезано за нацију, покушавају на све начине да зараде.

[22] И ово је концепт Делеза и Гатрарија који они, дудуше, насупрот Кецмановићу, симболички употребљавају.

5. Маринети, Филипо Т. „Технички манифест футуристичке литературе”, превела Олга Ступаревић. У: Поезија: рађање модерне књижевности, приредили Сретен Марић и Ђорђије Вуковић, Београд: Нолит, 1975, стр.161-165.
6. Милосављевић Милић, Снежана. Виртуелни светови порећења и савремене књижевне теорије. Летопис матице српске за књижевност и језик, 2015, у штампи.
7. Minsky, Marvin. „A Framework for Representing Knowledge”. Frame Conceptions and Text Understanding. Ed. Dieter Metzing. New York: de Gruyter. 1979, 1–25.
8. Herman, David. Story Logic – Problems and Possibilities of Narrative. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002.
9. Wilson Robert A. and Keil Frank C. The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Massachusetts: The MIT Press Cambridge, 1999.
10. Wolf, Werner. „Introduction”. Frames, Framings and Framing Borders in Literature and Other Media. Ed. Werner Wolf and Walter. Amsterdam – New York: Bernhart. Rodopi, 2006, 2–40.

Минич В.

Педагогический факультет, Университет, Призрен,

Приштина, Сербия

Йованович М.

Университет в Нише, Философский факультет,

Ниш, Сербия

Цветкович Р.Е.

Педагогический факультет, Университет, Призрен,

Приштина, Сербия

СОТРУДНИЧЕСТВО ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЕМЬИ В ПОДГОТОВКЕ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ[23]

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональной деятельности воспитателя детского сада, так как он является ключевой личностью в создании

[23] Работа является результатом исследовани в рамках проектов:"Устойчивость (sustainability) идентитета сербов и этнических меньшинств в пограничных регионах Восточной и Юго-Восточной Сербии" (ОИ 179013) и "Косово и Метохия между национальным идентитетом и европейской интеграцией" (III 47023). Проекты финансируются Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

благоприятных психолого-педагогических условий для максимального развития ребенка; закладывает основы и организует процесс воспитания и обучения с учетом физических возможностей ребенка; изучает его индивидуальные особенности, интересы, склонности, эмоциональное самочувствие, сферу дарований; способствует созданию благоприятной атмосферы и морально-психологического климата в группе; развитию волевых качеств ребенка; формирует умение наблюдать, слушать, запоминать и добиваться решения поставленных задач.

Готовность ребенка к школьному обучению в одинаковой мере зависит от физиологического, социального и психического развития и необходима для формирования положительного отношения к школе. "Необходимо изучать особенности сформированности основных компонентов готовности к систематическому обучению в школе, что предполагает адаптацию шестилетнего ребенка к социально-педагогической среде, в которой будет происходить его воспитание и обучение" [5, с. 546].

В общей системе подготовки ребенка к школе важную роль играет воспитатель. Хорошее знание возрастных и индивидуальных психофизиологических особенностей детей, правильно организованное психолого-педагогическое воздействие, в значительном большинстве случаев помогает воспитателю создать психологический комфорт в детском коллективе, укрепить у детей веру в собственные возможности, формировать интерес к занятиям. Воспитатель изучает индивидуальные особенности каждого ребёнка для нахождения правильных путей и средств воспитания, внимательно относится к замыслам и стремлениям детей, не подавляет их инициативы и самостоятельности, создаёт условия для развития детской изобразительности и творчества. Таким образом, у ребенка сложится положительное впечатление о воспитателе, появится желание увидеть его вновь и вследствии этого очередное посещение детского сада пройдет без определенных трудностей.

Создание условий для взаимодействия между дошкольными учреждениями и семьями, фромирование единого подхода к воспитанию и обучению детей в семье и детском саду, активизация и обогащение воспитательных и образовательных умений родителей имеет первостепенное значение для достижения целей учебно-воспитательной работы. Семья играет ключевую роль в жизни ребенка. Знакомство с основными характеристиками микроклимата семьи, учет различий в возрасте родителей, их образования и общего культурного уровня, личностных особенностей и взглядов на воспитание способствуют достижению основных целей и задач образовательного процесса.

НЕОБХОДИМЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И СЕМЬИ В ПОДГОТОВКЕ РЕБЕНКА К ШКОЛЕ

Кроме семьи, большое влияние на развитие ребенка оказывает дошкольное учреждение, которое вместе с семьей несет основную ответственность за качество образования и уровень психофизиологического развития ребенка. Ребенок в социальном окружении выражает различные аспекты поведения. В настоящее время особенно актуально воспитание детей с асоциальным (девиантным) поведением с исследованием его структуры и динамики. В связи с этим необходимо организовать совместную деятельность педагогов, детей и родителей, направленную на нахождение методов и средств своевременной коррекции проявлений девиации, сдерживание ее роста и агрессивных качеств личности. Семья как элемент микроклимата является традиционно главным *институтом* воспитания. так как именно в семье формируется личность человека, происходит овладение им социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребёнка в обществе.

Исследование показало, что влияние образовательной среды и некоторых основных образовательных программ на раннее развитие ребенка посредством семьи оказалось исключительно успешным, а их долгосрочные последствия зависели от активного сотрудничества родителей. В настоящее время возросла заинтересованность родителей во всестороннем развитии и образовании детей. Сотрудничество между дошкольными образовательными учреждениями и семьей может значительно улучшиться в процессе создания необходимых условий для развития доверительных отношений с семьями воспитанников, расширения информационного поля родителей в области воспитания, активизации воспитательных умений и повышения педагогической культуры родителей. Воспитатели должны проявить инициативу и соответствующим образом взаимодействовать с каждой семьей на благо ребенка. В контексте взаимодействия с воспитателями учитывается социальный статус семьи, ее микроклимат и устанавливаются партнерские отношения с семьей каждого ученика, что содействует его правильному развитию и успешному обучению.

"Создание и укрепление взаимосотрудничества подразумевает: интенсивные контакты в процессе адаптации ребенка в дошкольном учреждении; информация о поведении и психофизиологических изменениях в развитии ребенка; сообщение о целях, содержании и методах программной деятельности ДОУ; вовлечение родителей в осуществление программы ДОУ; ознакомление с программой по обогащению семейной культуры; посещение учителем семей на дому; планирование мероприятий по приобщению отцов; собрание родителей и формирование группы поддержки" [6, с. 591].

В процессе сотрудничества с родителями, воспитатели значительное внимание уделяют подготовке к тестированию детей к школе и ознакомлению с учебной программой первого класса начальной школы. Зная о трудностях, с которыми сталкивается

первоклассник в процессе обучения, родителям следует поддерживать постоянный контакт с учителем. Правильно оценить психологическую готовность ребёнка к обучению в школе – это вершина профессионализма дошкольного воспитателя. Воспитатель в процессе психологической подготовки ребенка к школе организует интеллектуально-практическую деятельность, развивает мыслительную активность детей, правильно оценивает действия ребёнка, поощряет его усилия, подбадривает, доброжелательно и терпеливо разбирает с ребёнком его ошибки, обучает, развивает и поддерживает его, помогает преодолеть пассивность, скованность, неумелость, используя ситуации поиска и исправления ошибок, выбора правильного решения из множества вариантов.

Воспитатель создает и развивает партнерские отношения с детьми, формирует определенную модель поведения и на всех этапах документирует приобретенный опыт. Знания и умения становятся активным достоянием ребенка, что значительно улучшает качество учебной деятельности. "Воспитатель должен создать проблемную ситуацию, и ученик должен ее осознать и разрешить - или самостоятельно, или под направляющим руководством учителя" [4, с. 99].

Семья и дошкольное учреждение должны объединить свои усилия для организации образовательного взаимодействия, обеспечить полноту и целостность социально-педагогической и культурно-образовательной среды. В результате адаптация ребенка к учебно-воспитательному процессу проходит с меньшими трудностями, а деятельность становится организованнее и целенаправленнее. "Воспитатель корректирует процесс подготовкии ребенка к школе, способствуя формированию технических навыков: правильного обращения с письменными принадлежностями, координации движений руки при письме, соблюдению основных гигиенических норм (правильная поза за столом, осанка), правил письма и графических навыков, так как многие дети неправильно держат ручку и не могут ориентироваться в тетради" [3, с. 213].

В настоящее время в рамках ДОУ необходимо установить тесный контакт педагогов и родителей посредством равноправного диалога с семьями воспитанников, с целью нахождения наиболее эффективных способов решения возникающих проблем, определения содержания и форм педагогического просвещения в этой связи. Для максимальной эффективности такого сотрудничества необходимо активизировать непосредственное участие родителей и детей в организации и проведении различных мероприятий: родительские собрания в нетрадиционной форме (ток-шоу, деловые игры, бюро педагогических услуг, ролевое проигрывание семейных ситуаций, семинар-практикум, прямой телефон), тренинги с родителями "Скоро в школу", беседы за круглым столом,

социальный патронаж (посещение семьи на дому с диагностическими и контрольными целями), экскурсия-поход, индивидуальные консультации логопеда и психолога, день открытых дверей, оформление стенда, выпуск газет и фотогазет, экологических альбомов, открытое занятие по физическому воспитанию и многие другие. "В современном обществе темп жизни постоянно возрастает и существует острая потребность в систематической работе с родителями" [1, с. 167].

Субъекты образовательного процесса должны осознать необходимость продолжения демократизации системы образования, что обусловливается потребностью решения проблемы взаимодействия дошкольной организации с семьей. Педагогическая деятельность воспитателя направлена на создание системы организации и проведения воспитательно-образовательной и оздоровительной работы с детьми для обеспечения их полноценного физического и психического развития, создания необходимых условий для развития индивидуальности и формирования начал личности. Профессиональная активность воспитателя осуществляется в тесном контакте с семьей, медицинскими работниками и другими специалистами детского сада и школы в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социализации и гуманизации детей.

В процессе сотрудничества воспитателя и родителей могут возникнуть проблемные ситуации. Для разрешения проблемных ситуаций необходимо установить личный контакт воспитателя с родителями и константно информировать родителей о поведении ребенка, его достижених, успехах и самореализации в контактах с другими детьми.

Сотрудничество дошкольного образовательного учреждения и семьи в контексте подготовки в школу осуществляется при помощи *информационно – аналитической* формы организации общения с родителями, где обрабатываются и используются данные о семье каждого воспитанника, наличие у ее членов необходимых педагогических знаний о развитии речи детей, запросах, интересах, потребностях. Информационно – аналитическая форма или *взаимное информирование* содержит наглядно-информационные, информационно-ознакомительные и информационно-просветительские компоненты и подразумевает обоюдное желание родителей и педагогов поддерживать контакты друг с другом. Воспитатель должен провести сбор информации для составления социальных паспортов семей воспитанников с целью проанализировать микроклимат в их семьях. Полные сведения и информация обо всем, что связано с развитием, воспитанием и образованием ребенка, о жизни детей в детском саду и семье, о развитии детско-взрослых отношений при непосредственном общении являются основой правильно построенных отношений между двумя сторонами.

Связи могут реализоваться путем ежедневных контактов родителей и педагогов во время утренней встречи или в вечернее время; интервьюирования детей и родителей (с приглашением логопеда, психолога, физкультурного руководителя); оформления материала в родительском уголке и практикума для родителей; заседания родительского комитета; индивидуальных консультаций; поездок в театр, кино, посещение бассейна и многое другое. Во взаимодействии дошкольного учреждения с семьей отдельную группу составляют: организация дней (недель) открытых дверей, брошюр для родителей, ящики для предложений и телефонных звонков, обмен знаниями и опытом, необходимым для обучения детей.

Содержанием этой формы сотрудничества могут быть самые разные открытые вопросы: профилактическое лечение детей на дому и в дошкольном учреждении (как предотвратить инфекции, организовать питание, научить придерживатся гигиены, пребывать на свежем воздухе); психофизиологические характеристики детей определенного возраста (например, значение развития мелкой моторики, важность слова, речи и плача ребенка, развитие самосознания); воспитание детей – каким образом повлиять на формирование самостоятельности детей (правильно организовать жизнь в семье и коллективе, обогатить содержание детских игр, воспитать коммуникативность и любопытство). Данная форма сотрудничества достигается посредством различных видов работы, которая обухватывает индивидуальные и групповые интервью родителей и педагогов, консультации, лекции, дискуссии с использованием научной и популярной литературы, использование аудиовизуальных средств с помощью видеоклипов из практики работы с детьми.

Используя в работе различные формы взаимодействия с семьей, воспитатель создает в детском саду необходимые условия для развития содержательных отношений с семьями воспитанников. Проведение совместного досуга, праздников, участие родителей и детей в выставках, проведение консультаций, игры с педагогическим содержанием, педагогическая библиотека для родителей, посещение открытых занятий и других видов деятельности детей необходимо разрабатывать, осознавая "общий интерес и общую цель - регулярное и комплексное воспитание ребенка."[2, с. 39].

Параллельно с интеллектуальной, физической, психологической и социальной готовностью детей к школе, уделяется большое внимание эмоциональной зрелости ребенка, которая подразумевает его эмоционально-волевую готовность к школе. Эмоциональная устойчивость проявляется в умении ограничивать или управлять своими эмоциональными порывами и контролировать свое поведение; осознанно подчиняться правилам; внимательно слушать говорящего и воспроизводить задания; сосредотачиваться и доводить начатое дело

до конца. Сотрудничество между педагогами и родителями имеет решающее значение для адаптации детей к школе, то есть процесса привыкания ребенка к школьным правилам, к выполнению учебных и социальных требований, к окружающим его сверстникам и взрослым, к новым условиям жизни и понимания им своего места в данной новой педагогической среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость активизации взаимодействия дошкольного учреждения с семьей обусловлена процессами гуманизации и демократизации общества и обновлением системы дошкольного образования. Эффективная социально-педагогическая деятельность с семьей предполагает совершенствование содержания, форм и методов сотрудничества с учетом изменяющихся условий и вариативных образовательных программ. Продуктивная работа детского сада с семьей основывается на комплексном подходе и подразумевает появление у родителей интереса к содержанию занятий; возрастание количества вопросов, касающихся формирования личности ребенка и его внутреннего мира; знание педагогами и родителями воспитательного потенциала коллектива и семьи; оценивание родителями правильности и результативности используемых ими методов; повышение активности родителей при анализе педагогических ситуаций.

В процессе взаимодействия дошкольного учреждения с семьей исключительную важность представляет изучение и использование воспитателем данных социологии, психологии, педагогики и демографии. Доверительный деловой контакт между дошкольным образовательным учреждением и родителями основывается на принципе взаимопроникновения двух этих социальных институтов.

На основе вышесказанного можем сделать вывод, что главной целью педагогов дошкольного учреждения является обеспечение профессиональной помощи семье в воспитании детей и реализации ее воспитательных функций; развитие интересов и потребностей ребенка; понимание возрастных и индивидуальных особенностей личности ребенка; использование форм работы с родителями, позволяющими учесть актуальные потребности семей; формирование активной жизненной позиции всех участников процесса; укрепление института семьи и передаче опыта в воспитании детей.

Литература

1. Василев, С. Школска педагогија [Текст] / С. Василев, Б. Ракић. – Београд: Култура, 1998. – 167 с.
2. Вукомановић, Д. Родитељи у дечјем вртићу [Текст] / Д. Вукомановић. –Београд/Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства "Свјетлост", 1989. – 39 с.

3. Зиомбић, Р. Одгојно-образовни рад са децом у години прије поласка у основну школу [Текст] / Р. Зиомбић. – Загреб: Школска књига, 1982. –213 с.
4. Каменов, Е. Интелектуално васпитање кроз игру [Текст] / Е. Каменов. Београд:Завод за уџбенике и наставна средства, 1983. – 99 с.
5. Симоновић, М. Наше стварање [Текст] / М. Симоновић. //Васпитач у 21. веку: зб. радова са шестог симпозијума. – Алексинац: Висока школа струковних студија за образовање васпитача, 2011. – 546 с.
6. Hornstein, J. Parents and Parent Involvement [Текст] / J. Hornstein. In: R. S. New and M. Cochran (eds.). Early Childhood Education: An International Encyclopedia, Vol. 3, 2007. – 591 с.

Молодов О.Б.

Институт социально-экономического

развития территорий РАН,

Вологда, Россия

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Территория современного Казахстана до 1991 г была частью Союза ССР и входила в него на правах союзной республики. Промышленное строительство, освоение целины и политическая ссылка стали предпосылками широкой иммиграции туда представителей различных народов СССР. В настоящее Казахстан обладает высокой степенью этнического многообразия, и на его территории проживает около 100 наций и народностей.

В советский период руководство Союза пыталось развивать два противоположных направления национальной политики: фактическую интеграцию общества в гражданскую нацию («единый советский народ») и саморазвития малых этносов до наций, включая создание союзных и автономных республик [5, с. 64]. Как отмечает Б. Бектурганова, казахи оказались во власти России, будучи не в полной мере сформированной нацией. Началась мощная русификация, включавшая сужение сферы применения казахского языка. В советскую эпоху среди жителей республики преобладала так называемая «советская идентичность», имевшая надэтнический характер: все ощущали себя первую очередь как советские люди, а затем уже как казахи, русские и т.п. [8]. Накануне распада СССР, по результатам переписи 1989 г., казахи составляли 39,7%, а русские – 37,8% населения Казахской ССР (табл. 1).

Таблица 1. Национальный состав населения Республики Казахстан по переписи населения 1989 г. и по оценке на 1.01.2014 г. [1]

Основные нации	Доля представителей нации (%)		Динамика (тыс. чел.)
	1989 г.	2014 г.	
казахи	39,7	65,5	+ 4709,9
русские	37,8	21,5	– 2542,5
украинцы	5,5	1,8	– 594,9
немцы	5,8	1,1	– 775,6
узбеки	2	3	+ 150,6
татары	2	1,2	– 124,9

Дальнейшие миграционные процессы привели к значительным изменениям национального состава страны. За 25 лет суверенитета резко сократилась доля славянского населения, немцев и татар. В свою очередь, удельный вес этнических казахов достиг двух третей (65,5%), ставших абсолютным большинством населения страны. Доля русских упала до 1/5 части населения. При этом процесс признания государственного статуса казахского языка представителями иных этнических общностей проходил медленно и сейчас реально сохраняется двуязычие.

В настоящее время, как отмечает Г. Уразалиева, завершается процесс перехода от советской идентичности к собственно этнической, а затем должна пройти трансформация в сторону новой надэтнической идентичности – «казахстанец». Примечательно, что происходящие в последние годы процессы интеграции в рамках СНГ и ЕврАзЭс не привели к инновациям в идентичности жителей Казахстана – к появлению понятий «эсенговец» или «евразиец».

Внутри этнической идентичности существуют региональная и локальная идентичности. Для Казахстана «региональность» оказалась внутриэтнической характеристикой в большей степени чем надэтнической, поскольку южане и северяне выделяются прежде всего среди казахов, а не представителей национальных меньшинств [8]. На региональную идентичность оказывает влияние и национальный состав населения отдельных территорий, имеющий существенные различия. Из 12 областей страны нами выделено по три административные единицы, где среди жителей наиболее ярко проявляется этническая специфика (максимум казахского или русского населения (табл. 2)).

Таблица 2. Доля казахского и русского населения в областях Казахстана (по оценке на 1.01.2014 г.) [1]

Название области	Регион страны	Доля казахов (%)	Доля русских (%)
Области с наиболее высокой долей казахов			
Кызылординская	Юг	95,8	2,1
Атырауская	Запад	92,0	5,9
Мангистауская	Запад	90,0	6,7
Области с высокой долей русских			
Северо-Казахстанская	Север	34,2	49,9
Костанайская	Север	38,8	42,1
Карагандинская	Центр	49,1	37,7

Области с высокой долей этнических казахов (90% и более) расположены на западе и на юге. В северных областях и в центре остаётся высокая доля русского населения, достигающая 40–50 процентов.

Локальные сообщества Казахстана также связаны с географическими детерминантами. В повседневной жизни обозначаются алма-атинские, чимкентские, кызылординские и иные казахи. Внутри локальности существует деление на казахов-горожан и выходцев их аулов (деревень). Последние негативно маркируются обрусевшими казахами как «мамбеты» и «казахпаи». Сельские жители, в свою очередь, считают городских «нечистыми» («шала-казахами»), поскольку они отличаются незнанием казахского языка [8]. Если городские казахи обычно ориентированы на русскую и западную культуру, в основе которой лежат христианские ценности, то «аульные казахи» тяготеют к ценностям исламского мира. Кроме того, разобщение между городом и селом усугубляется имущественной дифференциацией населения, что не способствует его консолидации.

Считается, что к XIX в. завершилась исламизация Степи, и ислам суннитского толка стал важным элементом идентификации большинства её жителей. Исламское наследие определяется некоторыми учёными как несущая конструкция в структуре национальной идентичности, укрепляющая «казахское начало». Опрос ЦИОМ 2011 г. показал, что высокий уровень религиозности населения определенной территории совпадает с низким уровнем напряженности в конфессиональной сфере (наиболее религиозен юг Казахстана, наименее –

западные области). Интересно, что как отмечалось выше, западные области также как и южные, населены преимущественно казахами. Поэтому для сохранения стабильности требуется повышение уровня религиозной грамотности мусульманского духовенства и населения в целом, укрепление этнонациональной идентичности [7].

Идентичность мусульман демонстрирует существенные отличия от представителей иных конфессий, где обычно совпадает национальная и религиозная самоидентификация: русский – значит православный и т.п. В частности, в 2000-е гг. в группе россиян-последователей ислама ощущали себя гражданами РФ лишь 39% респондентов, а гражданами СССР – 19%. Мировой характер этой религии нашёл отражение в том, что 8% опрошенных позиционировались как граждане мира, то есть идентифицировали себя с единой мусульманской уммой (общиной), куда входят и зарубежные единоверцы [4, с. 354–355]. Ностальгия пятой части российских мусульман по советскому прошлому объясняется тем, что распад СССР сопровождался масштабными межнациональными конфликтами, затронувшими в основном зоны исторического проживания последователей ислама (Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан).

При опросе населения Жамбылской области юга Казахстана 90,2% отнесли себя к исламу и 8,4% – к православию. Вместе с тем, 41,8% респондентов умеренно религиозны и придерживаются лишь некоторых религиозных традиций, а примерно для каждого третьего (31,8%) религия определяет поведение во всех сферах жизни. Религиозный человек, по итогам данного опроса, это, как правило, лицо, не имеющее высшего и среднего специального образования, молодой или пенсионер, казах или узбек, в большинстве случаев – мусульманин [6, с. 289–290].

Кочевой уклад жизни в прошлом и политика атеизации последних десятилетий советского периода повлияли на степень исламизации населения. В итоге «бытовой ислам» жителей Казахстана и Кыргызстана обрёл причудливую форму в виде смешения шаманских представлений и концепции исламского единобожия. В экспертном сообществе укоренилось мнение о меньшей религиозности кочевников, чем оседлых народов Центральной Азии (например, узбеков), что находит отражение и в вопросе идентификации.

Можно согласиться с результатами исследования А.И. Балаевой которая утверждает, что связь этнической и религиозной идентификации, их «пересечение» характерны для большинства этносов и религий. А для таких этнических групп, как чеченцы и курды, более характерна зависимость религиозной идентификации от этнической [3, с. 9].

Период становления суверенной государственности народов Центральной Азии отмечается значительными изменениями в области государственной символики и топонимики. Казахстанские исследователи отмечают важную роль государственных символов (герба, флага) в конструировании гражданской идентичности населения страны. Новая символика Казахстана обладает ярко выраженным этническим содержанием [9, с. 105]. Современные символы страны содержат маркеры идентичности казахов как кочевого народа – солнце, юрту (разборное жилище) и хищную птицу с расправленными крыльями как олицетворение степных просторов. Несмотря на преобладание мусульман среди представителей титульной нации Казахстана, религиозные символы на гербе и флаге страны (как, например, в Узбекистане) отсутствуют.

Государственная политика, направленная на формирование национальной идентичности, наглядно проявляется в новой топонимике страны: наименованиях городов, поселков, улиц, площадей и учебных заведений. Кампания по расширению сферы употребления казахского языка началась в 1989–1990 гг., ещё до распада СССР. С обретением суверенитета началась дерусификация и тюркизация образовательной и коммуникативной структур, формирование новой национальной казахской идеологии. Для Казахстана и его соседей общим процессом является массовая «натурализация» топонимики: г. Целиноград стал Астаной (столицей республики), г. Шевченко – Актау, г. Семипалатинск – Семей, г. Ермак – Аксу и др. В наименованиях улиц казахских городов и учебных заведений появилось значительное число имен национальных и эпических героев прошлого, воинов («батыров») и государственных деятелей, музыкантов и поэтов. По нашим подсчетам, из 129 переименованных улиц г. Алматы 109 теперь имеют тюркские наименования и чаще посвящаются персоналиям казахской истории и культуры, реже – центральноазиатской в целом, например, Манасу и Улугбеку [2].

Таким образом, в последние десятилетия в РК происходят процессы идентификации населения, связанные с обретением государственного суверенитета. Несмотря на усилия властей по «привитию» новой идентичности, определенная часть населения (и славянского, и казахского), по ряду причин, связывает себя по-прежнему с СССР и не вполне отождествляет себя с новой государственностью Казахстана. Существует специфика религиозной идентичности жителей страны, где всё более существенную роль начинает играть ислам, в том числе и его радикальные формы. Единству страны и консолидации её населения препятствует неравномерный характер расселения представителей двух ведущих этносов – казахов и русских, а также разделение на горожан и селян, отличающихся уровнем знания официального языка. Для становления новой идентичности «казахстанец» потребуется немало усилий власти и общества по воспитанию толерантности, взаимоуважения друг к другу представителей различных наций и народов, независимо от их вероисповедания, региона и места их проживания.

Литература

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. Астана, 2014.
2. Алматы – вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: http://alma-ata2.narod.ru/streets.htm (дата обращения 11.06.2014)
3. Балаева, А.И. Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект: автореф. дис. …канд. соц. наук (22.00.04) / А.И. Балаева. Астана, 2010. – 24 с.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Культурная революция, 2009. – 368 с.
5. Даминдарова, Ф.В. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе / Ф.В. Даминдарова, Г.Ш. Исмагилова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
6. Комаров, О.Е. Межконфессиональные отношения в современном казахстанском обществе (опыт социологического исследования в Жамбылской обл.) / О.Е. Комаров // Стратегия «Казахстан-2050»: социальное развитие общества: материалы V Конгресса социологов Казахстана. Алматы, 2014. С. 288–295.
7. Национальная идентичность: казах и/или мусульманин [Электронный ресурс]. URL: http://www.stanradar.com/news/full/1817-natsionalnaja-identichnost-kazah-iili-musulmanin.html (дата обращения 12.06.2014)
8. Уразалиева Г. Казахстанская идентичность как стратегический ресурс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apn.kz/publications/article6216.htm (дата обращения 1.06.2014)
9. Эшпанова Д., Кадыржанов Р. Государственные символы и национальная идентичность Казахстана // Әл-Фараби–Аль-Фараби. – 2014. – № 2 (46). – С. 103–110.

Обрадович Н., Митрович М.

Философский факультет, Нишский университет,

Ниш, Сербия

УЛОГА МЕДИЈА У ПРОМОЦИЈИ НАЦИОНАЛИЗМА: АНАЛИЗА ШТАМПАНИХ МЕДИЈА СРБИЈЕ, БИХ И ХРВАТСКЕ

Увод

Спрега медија и национализма, односно коришћење медија као полигона за промоцију националних стереотипа и продубљивање разлика међу нацијама на просторима

бивше СФРЈ тема је којом ће се аутори у овом раду бавити. Квалитативном анализом садржаја по два штампана медија из Србије, Хрватске и БиХ, аутори ће на конкретним примерима показати којом се реториком користе новинари у анализираним новинама и на које начине промовишу националне стереотипе о суседним нацијама. Аутори ће, пре свега, теоријски одредити појам национализма и указати на важност његовог разликовања од патриотизма, а потом ће кроз презентовање резултата, добијених квалитативном анализом садржаја новина које су узорковане, илустративно приказати употребу националних стереотипа у штампаним медијима у региону бивше Југославије.

Теоријски оквир

Национализам се у теорији различито интерпретира. Колоквијално се често поистовећује са патриотизмом и љубави према сопственој нацији, народу, држави, пореклу, премда се све чешће о њему говори као о политичком оружју, које по потреби (оних који владају) добија (само)рушилачку снагу. О томе сведоче бројни примери кроз историју. Несумњиво је да појам национализма, како наводи Мајкл Билиг, има дубок утицај на савремени начин мишљења, због чега га је тешко проучавати. „Национализам је идеологија која је довела до тога да се на свет нација почело гледати као на природан свет – као да уопште не би могао постојати свет без нација“ [2, 73].

Нација јесте један од основних идентификатора сваког појединца и може се дефинисати на различите начине. Бенедикт Андерсон нацију дефинише као „замишљену политичку заједницу, и то замишљена као истовремено инхерентно ограничена и суверена. Замишљена је због тога што припадници чак и најмање нације, никад неће упознати већину других припадника своје нације, па чак ни чути о њима, но ипак у мислима сваког од њих живи слика њиховог заједништва“ [1, 17]. Уколико као пример разматрамо данашњу Европу, можемо уочити да и поред идеје Европске уније, која се базира на брисању граница и уједињењу европских народа, национална освешћеност народа уочљива је код сваке чланице Европске уније, а код неких, попут Велике Британије или Шпаније, толико изражена да се помишља и на напуштање заједнице.

Према Ернесту Гелнеру, „национализам је првенствено један политички принцип, који подразумева да политичко и национално јединство треба да буде конгруентно. Национализам као сентимент, или као покрет може се најбоље дефинисати посредством овог принципа. Националистички сентимент је осећање гнева који је изазван нарушавањем тог принципа или осећање задовољства које је изазванонеговим испуњењем. Националистички покрет, је покрет који је последица сентимента ове врсте“ [3, 11].

У сврху одбране национализма у модерним државама, створена је, како наводи Мајкл Билиг реторичка разлика. „'Наш' национализам није представљен као национализам који је опасно, пренаглашен и туђински. За њега је нађен нов идентитет, друкчије име. 'Наш' национализам се јавља као 'родољубље' – благотворна, нужна и, често, америчка снага“ [2, 105]. Значајно је направити разлику између национализма и патриотизма. Луис Лео Снајдер, патриотизам дефинише као „дефанзиван“, јер се заснива на љубави према властитој земљи, док национализам „поприма извесно својство агресивности, што га чини једним од главних узрова ратова“ [2, 107].

Разлику између национализма и патриотизма је тешко направити, тврдње да је патриотизам умеренији од национализма или да национализам доводи до ратова представљају претерану симплификацију. Многе историјске чињенице доказују да су милиони људи широм света своје животе положили баш из љубави према домовини, а не због мржње према другом.

Важно оружје у стварању разлике између „нас“ и „њих“ су стереотипи. Мајкл Билиг у том правцу наводи, „ако је национализам идеологија првог лица множине, која 'нам' говори ко смо ми, онда је она и идеологија трећег лица. Не може бити 'нас' без 'њих'“ [2, 145]. Стереотипизација „другог“ јасно је уочљива на просторима бивше Југославије, нарочито након окончања ратних сукоба који су резуртирали распадом СФРЈ. Промоција национализма и стварање националних стереотипа не би узели толико маха да им нису посредовали медији, који су се у трусном послератном подручју политички користили као расадници мржње према „другоме“ и љубави према „сопственом“.

Метода и корпус

За потребе овог истраживања користитићемо методу квалитативне анализе садржаја. Само истраживање обухвата анализу садржаја шест дневних новина, по две из сваке државе, посматраних у року од десет дана, од 10. до 20. маја 2012. године. Анализирани су следећи дневни листови: „Блиц“ и „Вечерње новости“ из Србије, „Дневни аваз“ и „Независне новине“ из БиХ те „Јутарњи лист“ и „Вечерњи лист“ из Хрватске. Када је у питању Босна и Херцеговина, узет је по један лист из оба ентитета који чине ову државу.

Резултати истраживања

Сећања на ратове још увек су свежа на просторима држава, чији су дневни листови обухваћени анализом. Као генератор стереотипног писања, у периоду анализе, препознати су избори у Србији, односно предизборна кампања која трајала током састављања корпуса. Такође, маркиран је и низ изолованих случајева, који су, пре свега, у вези са спортским догађајима, а који су се показали као значајни за нашу анализу.

Избори у Србији привукли су велику пажњу анализираних медија. Извештавање је углавном било фактографско, ипак, уочили смо и текстове који су српску политичку и друштвену сцену представљали као националистичку.

Загребачки „Вечерњи лист“ у издању од 12. маја доноси текст са сензационалистичким насловом (Милан Ивкошић, *Од четника са брадом, опаснији је обријани*, „Вечерњи лист“, додатак „Обзор“, 12. мај 2012). Ради се о коментаторском прегледу претходне недеље из угла новинара, који наводи због чега је боље за Хрватску да на изборима у Србији победи Томислав Николић. „Зато што вас је Борис Тадић спреман покрасти и при томе вам 'цивилизирано' рећи да се не љутите, као што је учинио недавно Руђера Бошковића прогласивши Србином. И зато што је четништво спреман упакирати као културни садржај, па је тако Иви Јосиповићу поклонио репринт часописа 'Зенит' Љубомира Мицића, који је за Хрвате имао геноцидне мисли.“ Аутор представља председника Србије као националисту и поборника „четништва“[24], стереотипног назива се Србе, али и као преваранта који је надмудрио хрватског председника. Новинар потом наводи и особине другог председничког кандидата: „Николић вас неће покрасти с молбом да се не љутите нити ће вам четништво умотати у културу – радије би вам понудио Дражин програм и карту са уцртаним границама велике Србије. Четник са брадом је мање опасан јер је препознатљив, обријани и умивени четник, опаснији је јер крије намјере да би их могао успијешније остварити“. Два политичара која представљају легитиман избор становништва Србије на демократским изборима, представљени су као носиоци националистичке идеје „Велике Србије“, чиме се јасно указује да ова земља и даље представља опасност по Хрватску и њене грађане.

У истом издању налази се и опширна анализа изборне слике у Србији (Денис Куљиш, *Тадић вс. Николић Србија Бира*, „Вечерњи лист“, додатак „Обзор“, 12. мај 2012). Само представљање политичке сцене у Србији у овом тексту обилује стереотипима. Борис Тадић је представљен као доктор Хаус из истоимене серије, чија популарност нагло опада у Србији. Други председнички кандидат представља се као апокалиптично решење за Србију: „Др Смрт, мрачни косац, Гробар у црном одијелу, лик практично без својстава, сингуларитет негативитета – лик без премца у балканској и еуропској политици, којег не можеш упоредити ни са егзотичним диктаторима и диктаторским експонентима на најмрачнијој периферији

[24] Према *Хрватској енциклопедији* (Лексикографски завод „Мирослав Крлежа“, Загреб, 2000) данашње значење речи *четник* је*: „*Чланови српске војне организације с изразито шовинистичким, националистичким великосрпским циљем“.

транзицијског подземља“. У наредној реченици се наводи да је коалиција Томислава Николића „Покренимо Србију“ победила на парламетарним изборима пошто је „добила 24 посто гласова болесног бирачког тела... Ивица Дачић, патуљасти министар полиције, насљедник Слободана Милошевића на челу Социјалистичке партије и коалиције која обухваћа пензионерску странку старих Слобиних технократа те бивше аркановце 'јединствене Србије' биљежи 14,7 посто, Филочетнички националст др Војислав Коштуница на четвртом мјесту је са 6,8 посто“. Аутор потом наводи да народ у Србији очигледно трага за неким попут Жана Мари Ле Пена, чиме јасно генерише стереотип о екстремном национализму већег дела бирачког тела у Србији.

Медији у Босни и Херцеговини углавном су неутрално и фактографски извештавали о изборима у Србији. Током анализе забележили смо само један, али за анализу интересантан случај у листу „Дневни аваз“. Ради се о карикатури аутора Ђоке Нинковића. На цртежу је представљен човек који просипа гласачку кутију из које испада велики број слика Слободана Милошевића. Испод чега је написано „СПС – стари пут Србије“. Како слика говори више од хиљаду речи, јасно се указује да се српски народ на изборима определио за повратак у прошлост, те да је поново на курсу сукоба. Слика Слободана Милошевића која у конотативном смислу на територији Федерације Босне и Херецеговине симболизује национализам, рат и злочине, искоришћена је да би се поменуте вредности представиле као избор грађана Србије.

Када је Србија у питању, пример стереотипног писања о израженом национализму код других бележимо у „Вечерњим новостима“ (Д. Р. Ђ, *Не помињите Југославију*, „Вечерње новости“, 11. мај 2012). Текст доноси причу о брошури која се делила становницима Познања на „Еуро-академији“ у оквиру које су се спремали да угосте навијаче Хрватске, Ирске и Италије. Иако се ради о преношењу детаља из брошуре, начин креирања текста указује на изражени национализам. Одмах у првој реченици се доноси опис из брошуре: „Када се разговара са Хрватима, најбитније је да им се гледа право у очи и да се при томе буде миран. Ни у ком случају не би требало да им се спомиње бивша Југославија, односно не треба рећи да долазе из бивше Југославије, док хрватски национални понос никако не треба да буде премет шале“. Уместо навођења податка да су пољске институције припремиле брошуру у оквиру које се налазе карактеристике навијача, па тек онда навести одлике које се доводе у везу са хрватским народом, имамо истицање углавном стереотипних одлика у први план. Тек се у другом делу текста наводи одакле потиче овакав опис и онда се додају одлике Италијана које су наведене у брошури. Оваквим начином извештавања јасно се ствара стереотипна слика о хрватском народу.

Закључак

Изражени национализам присутан је у штампи у свим земљама које су обухваћене анализом. Избори у Србији потврдили су да је штампаним медијма на просторима бивше Југославије неопходна нека врста „окидача“, који ће потом отворити серију текстова у којима ће се друга страна представити као изразито националистичка, док ће се уједно величати сопствена нација. Стереотипно представљање председничких кандидата, о којем је било речи у делу резултата истраживања, шаље генерализовану поруку читаоцима у државама из којих долази новина. Порука је да су националистички оријентисани политичари избор грађана Србије, чиме се конструише истоветна слика народа. Са друге стране, оптуживање „другог“ за националистичке побуде резултира националистичким набојем самих аутора/новинара, који се очитава у свим анализираним новинским текстовима.

Међутим, примери показују да није увек сфера политике најпогоднија за промоцију национализма. Шта више, поред политике и друге сфере друштвеног и културног живота могу бити генератори националистичког приступа приликом писања у штампи. Окончањем рата, сукоби између народа бивше Југославије премештени су на стадионе и спортске дворане. „Преко испољавања привржености свом клубу или независно од тога, навијачи све више демонстрирају осећања националне припадности, као што, с друге стране, највише агресивности показују према према екипама из других националних средина“ [5, 321].

На основу добијених резултата могло би се закључити да је улога медија у промовисању национализма на просторима бивше СФРЈ већа но што јој се придаје значај. Употреба стереотипних назива, кршење новинарских кодекса, генерализација у оптужбама за злочине, злоупотреба културе и спорта у циљу истицања национализма, те позивање на насиље у појединим случајевима, одржавају стање анимозитета, нестабилности и дубоке подељености међу народима. Анализирани новински текстови усмерени су ка константном одржавању осећаја отуђености од свега „југословенског“, кроз подсећање на некадашње поделе (четник-усташа) с једне стране, и учвршћивање осећаја хрватске/српске/босанске припадности, као примарне. Уколико медије у ширем смислу посматрамо као значајан друштвени чинилац данашњице, са огромном (ре)социјализаторском улогом, онда је њихова моћ у провоцирању националистичке свести овдашњих народа више него могућа, а кроз анализиране примере и очигледна. Уз овакав начин извештавања готово је немогуће размишљати о некој бољој будућности на овим просторима и „све док то остане тако, не само прошлост већ и будућност региона биће погодан инструмент за националистичка извртања и гомилање мржњи за нове напетости и сукобе“ [4, 201]. Да до нових сукоба не би

дошло неопходан нам је коперникански заокрет, како на политичкој, тако и на медијској сцени, односно да се пре погледа у „туђе двориште“, прво обрати пажња на своје.

Литература

1. Андресон, Бенедикт. Нација замишљења заједница. Плато. Београд, 1998.
2. Билиг, Мајкл. Банални национализам. Библиотека XX век. Београд, 2007.
3. Гелнер, Ернест. Нације и национализам. Матица српска. Нови Сад, 1997.
4. Курспахић, Кемал. Злочин у 19:30 – Балкански медији у рату и миру. Дан Граф. Београд, 2003.
5. Чоловић, Иван (2000). Политика Симбола. Библиотека XX век, Београд: 2000.
6. Дневне новине: Вечерње новости, Блиц (Србија) ; Независне новине, Дневни аваз (Босна и Херцеговина) ; Јутарњи лист, Вечерњи лист (Хрватска), од 10. до 20. маја 2012. године

Орлов М.О.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,

Саратов, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный человек живет в окружении интенсивных информационных потоков, которые по праву могут быть названы информационным фоном повседневной жизни. Существуют разные степени погруженности в эти потоки, от бездумного переключения каналов приходящим вечером домой усталых работников бюджетной сферы, до практически круглосуточного ежеминутного слежения за лентой новостей жителей больших городов. Аддиктивная привязанность к постоянному слежению за новостями может быть и признаком прокрастинации, невозможности приступить к исполнению своей обязанности, а может спасать от отупляющего сидения в офисе. Для значительной части так называемых «офисных работников», чьё духовное состояние и потребности еще не нашли вдумчивого религиозного осмысления, телевизор и Интернет стали главным источником сведений обо всех жизненных ситуациях. У значительной части активных потребителей такой информации собственный жизненный опыт действительно настолько поверхностен, что пребывание в виртуальном пространстве становится единственной возможностей искусственно утолить голод, который испытывает субъект, оставшийся без каких-либо ориентиров [1, с. 130].

Базовый социально-политический контур Средств массовой информации можно сформулировать следующим образом: в СМИ можно создать несуществующее и уничтожить существующее – и, как правило, происходит второе, так как первое требует определенных знаний и усилий. Зачастую даже если в СМИ было отражено какое-то событие, то оно с легкостью может быть утоплено в общей массе информационного шума. Тем не менее, тенденция прослеживается достаточно четкая: многочисленные социальные сети и интернет-сервисы вкупе с производителями коммуникационной техники вынуждают каждого человека стать элементом медиа-пространства, в результате чего жизненные события даже для обывателя становятся «информационным поводом». Обратим внимание на этот факт: современное общество пытается выстроить жизнь каждого человека по логике средств массовой информации. Каждый должен стать журналистом собственной жизни: если человек едет отдыхать, то первое, что он должен взять, это фотоаппарат. Вместо того, чтобы воспользоваться случаем или побыть наедине с собой или укрепить связи с семьей, человек – в первую очередь житель больших городов – должен быть в поиске интересных кадров, которыми его принуждают поделиться производители техники, которая изначально была создана для того, чтобы облегчить человеческую жизнь.

Медиапространство живет по своим, не всегда безупречным, законам, с которыми необходимо считаться. Средства массовой информации – это в первую очередь социально-политический рынок, рынок слов и рынок новостей. В этом рынке слово превратилось в предмет все ускоряющейся торговли, где способность первым рассказать или показать потребителю новостей что-то новое является главным критерием «профессионализма» и успешности [См.: 2].

Тот факт, что в мире новостей приоритетом обладает новое, то первое сообщение о каком-то событии определяет дальнейшее его восприятие. Негативную или скандальную новость, даже если это ложь, прочитают тысячи, в то время как на её опровержение обратят внимание единицы, так как это «уже не новость». Искренне же и доброе слово в чей-то адрес воспринимается как скрытая реклама или внутренняя «продажность» журналиста. Кроме того, как правило, считается, что скандальная новость в силу человеческой природы скорее привлечет внимание потребителя, обеспечив рейтинг СМИ.

Поэтому если негативные новости подаются во всех красках, способных поразить воображение читателя (зрителя, слушателя), в то время как новости, наполненные позитивным содержанием – и в том числе новости, связанные с религией подаются в нейтральной или формальной манере.

Тем не менее, несмотря на все свои неприглядные стороны, в настоящее время средства массовой информации стали основным фактором обеспечения единства любой нации. «Кто владеет телевизором, то владеет властью» – на основании такого императива на протяжении последних десятилетий действуют многие политические системы. Читая и смотря новости, рассказывающей о событиях внутри страны, человек автоматически идентифицируется как её гражданин. Получая культурные новости, зритель-слушатель-читатель формируется как часть общекультурного и исторического контекста. Встречая в новостях сюжеты, связанные с Православием, человек оказывается в ситуации, когда средства массовой информации обращаются к нему как к личности, для которой новости Православной Церкви являются актуальными, тем самым формируя такую личность. Поэтому задача епархиальных структур – сделать так, чтобы «новость о Церкви» стала в соработничестве с представителями СМИ пробудила в человеке интерес к Православию и церковной жизни.

Представителям религиозных конфессий в общении со средствами массовой информации важно понять, на каком языке представители СМИ привыкли описывать свой мир – и говорить с ними не так, как хотелось бы нам, а так, чтобы нас поняли – не теряя при этом себя, своего духа и содержания той вести, которую религиозная организация хочет донести.

Духовное и культурное состояние современного общества, уровень его понимания евангельских истин таковы, что назвать их дикарскими или варварскими было бы настоящим комплиментом, поскольку и первобытные общества, и окружавшие античный мир варвары жили в четко структурированных мирах, отражавших универсальный человеческий опыт, прежде всего – опыт переживания трансцендентного мира [3, с. 148]. Наличие такого опыта, осознание наличие духовного мира, различие священного и мирского было мостом, по которому апостолы и миссионеры могли дойти до сознания дикарей и варваров. В отличие от последних, многие современные люди не обладают даже первичными знаниями о религиозной сфере, а примитивизация жизненного опыта, о чем говорилось выше, не приводит человека при столкновении с трагическими событиями к осознанию глубины человеческой жизни и наличию в нем сверхъестественного начала. Поэтому общественное сознание в настоящее время представляет дикую смесь языческих, неоязыческих, астрологических, псевдомистических и искаженных христианских представлений. Следует при этом отметить некоторое преимущество ситуации, с которой приходится иметь дело Русской Православной Церкви, от западных стран, где от Пасхального торжества в масс-культуре не осталось ничего, кроме шоколада и пасхального кролика. В советское время

происходило тотальное выдавливание Церкви из общественной жизни, но не было выхолащивания основных религиозных символов и праздников и наполнения их чуждой символикой. Тем не менее, с активным информационным и культурным «обменом» (имеющим направленность только в одну сторону) происходят попытки насаждения в России такого выхолощенного отношения к религиозной сфере (например, «день святого Валентина»), удобного повода для бойкой торговли примитивными сувенирами.

Поэтому в качестве приоритетных задач взаимодействия Русской Православной Церкви и СМИ можно определить следующие:

1. *Фоновое узнавание церковной жизни представителями СМИ.* Структуры, отвечающие за взаимодействие со СМИ, должны стремиться к тому, чтобы информационные поводы, связанные с Церковью, не были экзотикой прежде всего для самих журналистов. Такое узнавание не обязательно должно проходить в ходе работы по освещению конкретных событий: оно должно осуществляться в ходе всего процесса общения представителя Церкви и журналиста.

2. *Ответы на возникающие вопросы.* СМИ существуют в модусе реагирования на происходящие события, и потому работа журналиста в значительной степени состоит в задавании вопросов относительно характера, истории, значения событий. От того, какие ответы и в какой форме, в том числе невербальной, журналист получит, формируется его отношение и к самой теме, и к той организации, в которой работают люди, с которыми он общается.

3. *Генерирование темы.* Журналист не всегда первый обратится в епархиальную пресс-службу, потому что может не знать существенных событий, происходящих в жизни Церкви. Однако в ходе работы над публикациями, иными информационными материалами, инициированными религиозной организацией, следует стремиться к тому, чтобы каждая такая публикация раскрывала перед представителями СМИ новые грани религиозной традиции.

Важным условием, которое необходимо помнить представителю Церкви и неуклонно ему следовать, добиваясь аналогичного понимания со стороны представителя СМИ, является отличие медийных задач Церкви от аналогичных задач любой другой организации – государственной, коммерческой, общественной. Целью взаимодействия со СМИ этих организаций является формирование наиболее благоприятного облика организации с целью получения конкретных материальных или политических дивидендов[4, с. 85]. Официальные издания рассказывают об успехах мировых лидеров, чтобы обеспечить им победу на последующих выборах, коммерческие организация находятся в состоянии постоянной

конкуренции за внимание платежеспособного потребителя, общественных организации стараются как можно шире рассказать о себе для привлечения возможно большего числа спонсоров и благотворителей. В ходе медиа-сопровождения работы всех этих организаций нарушение тонкой границы между честным рассказом о своих позитивных успехах и манипуляцией способами подачи информации (а порой и самой информации) с целью создания наиболее выгодного освещения того или иного факта является практически профессионально обязанностью работников, отвечающих за связи с общественностью (public relations). Поэтому слово «пиар» стало означать не столько определенную сферу деятельности или сторону работы организации, сколько сферу беспринципной подтасовки фактов либо откровенной «показухи» [5, p. 141].

«Пиар» является явлением, с которым любое средство массовой информации имеет дело каждый рабочий день. Поэтому представителям Церкви, отвечающим за взаимодействие со СМИ, необходимо твердо фиксировать коренное отличие целей и методов работы церковных пресс-служб в ходе взаимодействия СМИ. Задача епархиальных пресс-служб – говорить правду так, чтобы она завоевывала, свидетельствовать о Христе и Церкви в том формате, который будет уместен при том или ином событии, в работе с тем или иным изданием.

Литература

1. Орлов М.О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества. Философия и общество. 2008. № 4. С. 126-131
2. Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2009.
3. Орлов М.О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009 – 256 с.
4. Орлов М.О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов. Власть. 2008. № 8. С. 84-88.
5. Anikin D.A., Orlov M.O. Memory on the empire ruins: Russian case // European Journal of Science and Theology, December 2014, Vol.10, No.6, 139-145.

Оставная А.Н.
Научный руководитель – Волкова О. А.
ОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: ПРИДНЕСТРОВСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ

Социокультурная интеграция мигрантов в принимающее сообщество одна из характерных тем миграционных исследований. В этом разделе миграциологии, как в среде зарубежных, так и отечественных авторов возникали и развивались различные теории и концепции.

Американский социолог русского происхождения П.А. Сорокин разрабатывая теорию социальной мобильности указывал на потребность индивида в подвижности и способности приноровиться к новым обстоятельствам, иначе его статус усугубиться перемещением в «окраинную» социальную группу [16].

Основатель Чикагской социологической школы Р.Э. Парк в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» описывает модель иммигранта, полукровки, который одновременно живет в двух мирах и испытывает чувства моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, которое может иметь непрерывный характер и превращаться в тип личности. [2]

Последователь Р. Парка Э. Стоунквист в работе «Маргинальный человек» подчеркивает, что чужеродный контекст ведет к повышению чувствительности и самосознания, обостренному чувству расы и расовой принадлежности, двойственной, неустойчивой, колеблющейся идентификации, болезненному состоянию духа, общему комплексу неполноценности. В результате могут развиться различные компенсаторные механизмы, формы душевного расстройства и девиантное поведение.

Вопреки Парку, который не верил в ассимиляцию «маргинального человека» Стоунквист был убежден в эволюцию «маргинального человека», которая охватывает около 20-ти лет, и имеет 3 фазы: 1) индивид не осознает, что его собственная жизнь охвачена культурным конфликтом, он лишь «впитывает» господствующую культуру; 2) конфликт переживается осознанно – именно на этой стадии индивид становится «маргиналом»; 3) успешные и безуспешные поиски приспособления к ситуации конфликта. [3]

Канадский исследователь Д. Берри для анализа контакта индивида с новой культурой вводит понятие межкультурных стратегий и описывает четыре их разновидности: ассимиляции, сепарации, интеграции и маргинализации. [6] Схожий концептуальный подход характерен для А. Фернхема и С. Бочнера (интеграция, ассимиляция, сегрегация и геноцид). [19]

Антрополог К. Оберг в своей статье «Культурный шок: приспособление к новым культурным условиям» описал четыре этапа адаптации к новой культурной среде: «Медовый месяц», кризис, восстановление, адаптация. [1]

Другие авторы при описании этих процессов придерживаются аналогичной логики. [4], [5], [8], [10], [11], [15], [20] Однако, многообразие концептуальных подходов не решили практическую проблему политиков и управленцев по поиску эффективных стратегий социокультурной интеграции мигрантов как в Западных странах, так и в России. Антагонистичность сообществ (принимающей и мигрантской) усложняет процесс взаимодействия и нередко приводит к конфликтам.

Интересен процесс социокультурной интеграции мигрантов из Приднестровья. За последние годы вовлеченность населения в миграционные процессы составляет порядка 20-33%. Основания миграции в основном связаны с экономическими проблемами республики: отсутствием рабочих мест, низкими доходами.

Результаты социологических исследований [17], статистика потоков денежных переводов [14, 13] свидетельствуют о том, что основной поток мигрантов (85-90%) ориентирован на Россию. Почти половина мигрантов (46,5%) имеют российское гражданство. Остальные состоят в гражданстве Республики Молдова (31,8%), Украины (20,6%) и других стран.

В ходе социологического опроса среди приднестровских мигрантов ставился вопрос «Почему мигрант работает именно в этой стране? Что его больше всего в ней привлекает?». Респонденту предлагалось выбрать три варианта ответов из предложенных восьми.

На первом и втором месте оказались причины экономические: 71,8% мигрантов ответили «Там можно найти работу, есть рабочие места», 59,4% - «В этой стране высокие заработки».

На третьем и четвертом месте – социокультурные причины: 57,1% мигрантов указали на вариант «В этой стране родственники, друзья, знакомые», 42,4% - «Понимают язык, культуру этой страны».

Приднестровская Молдавская Республика самоотделилась от Молдавской ССР в 1990 году. Полиэтническая и поликультурная модель Приднестровья стала реакцией на становящуюся моноэтническую модель независимой Молдовы.

В Приднестровье равноправно проживают представители многих национальностей: молдаване (31,9%), русские (30,4%), украинцы (28,8%), болгары, белорусы и представители других этнических групп (2,5%). [18, 20] Все широко взаимодействуют между собой, нередко образуя межэтнические семьи.

Молдавскому, русскому и украинскому языкам в республике придан статус официального языка. Русский язык имеет более широкое применение в официальном дискурсе страны: документооборот, образование, СМИ. Согласно данным статистики в 2013/2014 учебному году на русском языке в дневных общеобразовательных учреждениях обучались от 81 до 90% учащихся; в учреждениях высшего профессионального образования - 96,6% студентов. [18, 51-55] Отсюда следует, что абсолютное большинство приднестровцев вне зависимости от этнического статуса является русскоязычным.

В системе просвещения действует российский образовательный стандарт. В системе средств массовой информации доминирует российский сегмент. Литературная продукция в основном выпущена российскими издательствами. В совокупности все эти обстоятельства влияют на формирование особого типа личности, который по своих языковым, культурным характеристикам принадлежит «Русскому миру».

Таким образом, единство языка и культуры приднестровских мигрантов с населением России создает основу для языковой и культурной «совместимости» и в большинстве случаев позволяет избежать проблем с аккультурацией, а также интеграцией в российский социум.

Эта особенность приднестровских мигрантов влияет на их оценку со стороны местного населения. В ходе опроса 31,8% приднестровских мигрантов указали что местное население хорошо относится к мигрантам, 52,4% - нейтрально, 12,9% - затруднились дать однозначную оценку своего восприятия местным населением, и лишь 2,9% признались в плохом отношении местного населения к мигрантам.

Российские исследователи указывают на разницу в восприятии различных категорий мигрантов. 25,7% опрошенного местного населения (России) высказывают положительное отношение к русским из бывших СССР, 14,6% - к выходцам из неблагополучных регионов РФ, 12,3% - к представителям народов Беларуси, Украины, Молдовы (за последний год геополитический вектор последних возможно изменил данный параметр). К другим группам мигрантов отношение менее благоприятное. [7]

Аналогичные результаты исследований приводит В.И. Мукомель: «Респонденты относительно толерантны к приезжим из Молдовы и Украины. В отношении других этнических групп у респондентов доминируют раздражение, неприязнь, недоверие и страх». [12] Подобные выводы подтверждают и исследования «Фонда общественного мнения». [13]

Согласно исследованиям ВЦИОМ 83% россиян убеждены в том, что «Надо поддерживать въезд в страну русского и русскоязычного населения, ограничивая въезд представителей иных национальностей». [9]

Таблица 1. Параметры интеграции приднестровских мигрантов в принимающее сообщество с точки зрения этнического и гражданского статуса мигранта

	Итого	**Этничность**			**Гражданство**		
		Русская	**Молдавская**	**Украинская**	**Россия**	**Р. Молдова**	**Украина**
Кто еще работает на этом предприятии, фирме?							
В основном наши земляки	**7,1**	3,8	8,8	8,6	8,2	6,2	10,5
В основном мигранты из разных стран	**22,6**	0,0	38,2	22,9	16,3	37,5	10,5
И мигранты, и местные работники	**49,4**	**65,4**	35,3	42,9	**49,0**	46,9	47,4
В основном местные работники	**20,8**	**30,8**	17,6	25,7	**26,5**	9,4	31,6
Есть ли у мигранта брачно–семейные отношения с местным населением?							
Да	**5,9**	**11,5**	2,9	2,8	**10,2**	3,1	0,0
Нет	**94,1**	88,5	97,1	97,2	89,8	96,9	100
Вступал ли мигрант в конфликты на территории страны пребывания?							
Нет	**80**	**88,5**	76,5	77,8	**83,7**	71,9	**85,0**
Да, с местным населением	**5,3**	3,8	8,8	8,3	6,1	6,2	10,0
Да, с другими приезжими	**14,7**	7,7	14,7	13,9	10,2	21,9	5,0
Что мигрант планирует дальше делать?							
Остаться там на постоянное жительство	**25,9**	**46,2**	12,5	25,7	**35,4**	12,9	15,8
Работать длительное время (год и более), а затем вернуться на Родину	**25,3**	26,9	34,4	17,1	29,2	25,8	15,8
Заработать деньги за короткое время (менее года) и вернуться на Родину	**28,3**	19,2	21,9	34,3	18,8	29,0	47,4
Регулярно уезжать на заработки	**20,5**	7,7	31,3	22,9	16,7	32,3	21,1
Собирается ли мигрант перевезти свою семью за рубежом?							
Семья уже там	**11,2**	**15,4**	8,8	13,9	**16,3**	3,1	10,0
Да	**54,7**	**19,2**	5,9	8,3	**14,3**	9,4	5,0
Нет	**13,5**	46,2	70,6	44,4	38,8	78,1	55,0
Затрудняюсь ответить	**20,6**	19,2	14,7	33,3	30,6	9,4	30,0

Этническая, гражданская структура приднестровских мигрантов позволяет проанализировать роль этнических, гражданских факторов в процессе миграции. В Таблице 1 даны результаты социологического опроса мигрантов Приднестровья по таким параметрам, которые свидетельствуют об определенном уровне адаптации и интеграции в российское общество. Результаты опроса, рассмотрены с точки зрения этнического и гражданского статуса мигранта.

Результаты исследования, приведенные в Таблице 1 свидетельствуют о том, что в условиях миграции этнический и гражданский статус мигранта выступает в качестве стратегического ресурса для интеграции и адаптации мигранта к стране пребывания. Так русские и россияне:

– показывают более высокий уровень включенности в систему отношений с местным населением;

– чаще вступают в семейно-брачные отношения с местным населением;

– реже вступают в конфликты с местным населением, с другими мигрантами;

– демонстрируют более высокий уровень укорененности (планируют переехать в Россию на постоянное место жительства;

– чаще эмигрируют вместе с семьей, или планируют это.

Таким образом, можно сделать вывод, что социокультурная специфика приднестровского населения предопределила выбор России в качестве страны миграции. Единство языка и социокультурных ценностей способствует адаптации и интеграции приднестровских мигрантов в российский социум. Встречные факторы восприятия этой категории мигрантов со стороны населения так же весьма благоприятны.

Несложное вхождение приднестровских мигрантов в российское общество играет свою роль как в аспекте самочувствия мигрантов на территории страны, так и в аспекте возвращения на Родину, когда потребуется минимальные усилия по социокультурной реадаптации.

Литература

1. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments / K. Oberg // Practical Anthropology. – 1960. – №7. – P. 177-182.
2. Park R.E. Race of culture. Glence, Free press, 1950 Part 26. Marginal man. Chat 26. Human migration and the marginal man / R.E. Park // Amerikan Journal of Sociology. – Chicago. – 1928, Vol. 33. – № 6.
3. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict / E.V. Stonequist. N.Y., – 1961.

4. Баньковская С.П. Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации / С.П. Баньковская // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 120-126.
5. Бельски М. Историко психологический анализ маргинального конфликта личности в условиях эмиграции / М. Бельски // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2008. – № 1. – С. 210-214.
6. Берри Д.В., Пуртинга А.Х., Сигал М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология / Д.В. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигал. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.
7. Бойков В.Э. Социальные аспекты миграции населения / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 75-80.
8. Горинова Е.В. Мигрант как объект социальной интеграции в принимающую среду: социально-синергетический подход / Е.В. Горинова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 42-49.
9. Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322
10. Лапшина Н.И. Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства / Н.И. Лапшина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 388-394.
11. Маслова О.В. Основные подходы к изучению межкультурной адаптации в зарубежной психологии / О.В. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2008. – № 3. – С. 12-21.
12. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В.И. Мукомель // Мир России: Социология, этнология. – 2011. Т. 20. – № 1. – С. 34-50.
13. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/Mir/10442.
14. Рынок денежных переводов: тенденции, потенциал и вклад в экономическое развитие Приднестровья // Вестник Приднестровского республиканского банка. – 2013. – №3. – С. 13-18.
15. Смолина Т.Л. Теории этапов кросс-культурной адаптации / Т.Л. Смолина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 5. – С. 267-271.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П.Сорокин // Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
17. Социологическое исследование НИЛ «Социология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко «Мигранты в новом сообществе: адаптация и интеграция» – апрель. Тирасполь: НИЛ «Социология», 2014. – 120 с.

18. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики – 2014: Статистический сборник (за 2009–2013 гг.). Тирасполь: Государственная служба статистики Приднестровской Молдавской Республики, 2013. – 180 с.
19. Фернхем А., Бочнер С. Психология длительного пребывания за рубежом: студенты / А. Ферхнем, С. Бочнер // Развитие личности. – 2001. – № 2. – С. 136-168.
20. Человек «на границе»: проблема маргинальности в зеркале социологической классики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. – 1998. – № 2. – С. 156-172.

Павлович Б.М.
Университет в Приштине – Косовской Митровице,
Педагогический факультет в Призрене – Лепосавиче.
Нови Пазар, Сербия
Ковач А.
Школа начального музыкального образования,
Восточное Сараево, Босния и Герцеговина
Цветкович Р.Е.
Педагогический факультет, Университет, Призрен,
Приштина, Сербия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СОДЕРЖАНИИ ПРЕДМЕТА МУЗЫКА В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ[25]

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается репрезентация русского музыкального искусства в тематическом плане и учебной программе по предмету "Музыка" в начальных школах Республики Сербия. Необходимо определить, какие произведения русских композиторов представлены для прослушивания в начальной школе в рамках преподавания музыкальной культуры. В соответствии с содержанием учебных планов и программ, преподавание

[25] Статья является результатом исследования в рамках проекта III 47023 "Косово и Метохия между национальным идентитетом и евроинтеграциями", которое финансирует Министерство образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

музыкальной культуры обухватывает четыре области деятельности: исполнение музыки, музыкальное образование, музыкальное творчество и прослушивание музыки. Прослушивание музыки, таким образом, является одной из областей учебной работы, способствующей развитию интереса к музыке и формированию музыкальных вкусов.

Прослушивание выдающихся музыкальных произведений различного характера и содержания "предоставляет возможность дополнить музыкальный опыт, который имеет важное значение для глубокого понимания музыки и ее осмышления" [4, с. 112]. Если с раннего детства донести до сердца ребенка красоту музыкальных произведений, "музыка станет его жизненной потребностью" [5, с. 95].

Учитель музыки Нада Иванович считает, что в процессе прослушивания и ознакомления с музыкой, в узком смысле (творческий процесс, выразительные элементы музыки и т.д.), или контексте (композиторы, исторический контекст, стили), мы распознаем себя.

Обучаем *умению слушать*, мощнейшем коммукационном канале, каким его считают многие ученые на современном этапе развития общества, "который действует непосредственно на эмоциональную и внутреннюю сущность личности" [2, с. 9]. Прослушивание музыки занимает исключительное место и значение в духовном, нравственном и эстетическом воспитании учащихся, их эмоциональном, духовном и гармоничном развитии.

Осознанное и осмышленное прослушивание музыкальных композиций активирует биоэлектрическую активность мозга и активизирует их интеллектуальные силы, развивает разум, способность мыслить, т.е. обогащает интеллект. Прежде всего, это улучшает и стимулирует внимание, поддерживает интерес, развивает способность воображения и домысла, памяти, мышления, способности к анализированию, компарированию, синтезированию и силлогистике. Музыка является одним из ведущих видов искусства в формировании эстетической культуры учащихся.

Способствует развитию нравственной составляющей личности, которая позволяет учащимся испытывать чувство гордости, чести, свободы, достоинства, любви и патриотизма. Прослушивание музыки, в зависимости от ее характера, вызывает чувство счастья, сострадания, спокойствия, энтузиазма, благоговения, удовольствия, позволяет почувствовать возбуждение, очищение, возвышенность, благородство, но также грусть и печаль, которые обогащают эмоциональную жизнь детей, поощряют детскую фантазию, мечту и содействуют развитию положительных нравственных ориентиров.

Музыкальное искусство - это деятельность, направленная на создание или восприятие красоты и ее оценивание. Возможность почувствовать красоту в музыке связана с эстетическим восприятием. Восприятие красоты в музыке вызывает различные эмоции, которые являются важными составляющими общей эстетической реакции.

Восприятие эстетических качеств музыки: красоты мелодии, специфичности ритма, гармоничности, динамических оттенков и ньюансов, темпа и агогики, позволяет восполнить эстетический опыт, вызывает чувство радости, волнения, энтузиазма, спокойствия, духовного удовлетворения и способствует формированию эстетического вкуса и критериума. Особое значение имеет тот факт, что прослушивание композиций зарубежных композиторов способствует интеркультурному образованию и формированию гуманистической направленности личности учащихся.

Современное общество характеризуется мультикультурализмом как способом сосуществования различных культур, и потенцирует важность интеркультурного воспитания и его роли во взаимосвязанности народов и цивилизаций. Интеркультурное воспитание, безусловно, обухватывает знакомство с художественной и традициональной музыкой разных народов. Прослушивание музыки разных народов может сыграть важную роль в осуществлении цели интеркультурного образования. Обсуждение прослушанных произведений, их происхождения и характера, должно стимулировать мышление учащихся о плюрализме культур, тем самым помогая им осмыслить факт сосуществования множества различных сообществ.

"Культуры должны взаимнообразовываться и каждая из них должна осознать и понять единство в многообразии и многообразие в единстве" [1, с. 106]. Ознакомление с культурными и художественными ценностями других народов позволяет "более полно, объективно и реалистично понять своеобразие своей культуры, и, что не менее важно, познать взаимное сходство, взаимозависимость и переплетение общей гуманистической, художественной, антропологической и этической основы различных культур, наций и народов" [3, с.155].

Духовные корни русског и сербског народов проистекают из древнего славянского единства, создавая между ними глубокую генетическую и мистическую связь. Непрерывная связующая нить между сербским и русским народом продолжает развиваться по восходящей линии и отражается в религии, происхождении и языке, литературе и образовании. В тяжелых для Сербии положениях Россия помогла и защитила сербский народ, предоставила поддержку и убежище.

Мы не должны забывать, что в 18 веке Россия занимала ключевую позицию в сохранении православного сознания сербского народа, и сыграла одну из ведущих ролей в органи-

зации первых школ на территории Княжества, а позже и Королевства Сербия. Таким образом, мы считаем, что ознакомлению с культурой, историей, традицией и искусством русского народа необходимо уделять больше внимания в начальных школах Сербии. Это будет способствовать развитию любви и уважению к России, осознанию значимости сербско-российской дружбы и традиционных связей. Реализации этой важной национальной цели содействует прослушивание художественных произведений русских композиторов в преподавании музыкальной культуры.

АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ И РАБОЧИХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ПРЕДМЕТУ "МУЗЫКА"

Рабочая учебная программа для первого класса [6, с. 62] среди рекомендуемых композиций для прослушивания содержит три произведения для фортепиано П. И. Чайковского: *Марш деревянных солдатиков, Танец свирели и Китайский танец.*

Рабочая учебная программа для второго класса [2, с. 64] не содержит произведений русских композиторов.

Согласно рабочему учебному плану для третьего класса [7, с.55] предлагаются четыре композиции русских авторов для прослушивания. К ним относятся: *Полет шмеля* - Римского-Корсакова и *Танец феи - Сахарной Сливы, Времена года, Вальс цветов* – П. И. Чайковского.

В подборке композиций для прослушивания в четвертом классе [8, с. 34] есть произведение Модеста Мусоргского - *Картинки с выставки*, а также фортепианные произведения *Балет невылупившихся птенцов и Избушка на курьих ножках*. Кроме того, в четвертом классе планируется прослушивание двух произведений П. И. Чайковского: *Неаполитанская песня и балет Лебединое озеро* (*Большой вальс* из балета Лебединое озеро (1 акт) и *Танец маленьких лебедей* (2 акт)).

Рабочая учебная программа для пятого класса [10, с.29] содержит произведения для прослушивания *Картинки с выставки* композитора Модеста Мусоргского, которые входят и в содержание программы для четвертого класса.

Учебная программа для шестого класса [11, с. 81] рекомендует для прослушивания отрывок из балета *Спящая красавица* (произведение П. И. Чайковского), *Половецкие танцы* из *оперы Князь Игорь* (композитор А. Бородин), и отрывки из симфонической сюиты *Шехерезада* (композитор Н. Римский-Корсаков).

Рабочая учебная программа для седьмого и восьмого класса [9, с.87] содержит следующие произведения русских композиторов: опера *Борис Годунов* М. Мусоргского; сочинения для фортепиано С. Рахманинова: *Прелюдия g-mol, Пляска скоморохов* и фрагмент из

балета *Петрушка* композитора И. Стравинского; *Испанские танцы* из балета *Лебединое озеро* – П. И. Чайковского. Из лирических песен для исполнения в седьмом и восьмом классе были предложены: *Катюша, Рябинушка и Подмосковные вечера.*

В процессе прослушивания предлагаемых произведений учащиеся ознакомятся с художественными музыкальными творениями величайших композиторов России, с выразительными средствами музыкального искусства, с художественно-выразительными средствами исполнителей, с музыкой для фортепиано с оркестром, к опере и балету.

ВЫВОД

В содержании учебных программ русское музыкальное искусство репрезентируется произведениями для фортепиано, оркестра, балета и оперной музыки. В статье рассматривается репрезентация русского музыкального искусства в тематическом плане и учебной программе по предмету "Музыка" в начальных школах Республики Сербии. В работе определяется, какие произведения русских композиторов предусмотрены для прослушивания на уроках музыки в начальных классах. В процессе анализа рабочей учебной программы по предмету Музыкальная культура было выявлено, что русское музыкальное искусство репрезентировано в 1, 3, 4, 5, 6, 7 и 8-м классах.

Лишь произведения для прослушивания в втором классе не обухватывают сочинения российских композиторов. На данный недостаток необходимо указать ответственным за содержание учебных программ и предложить включить труды русских композиторов в тематический план. В младших классах репрезентирована фортепианная музыка, которая приемлема для восприятия детей этого возраста, а в старших классах репрезентирована музыка для оркестра, к опере и балету.

Прослушивание музыки как вид деятельности и учебно- воспитательной работы занимает значительное место в концепции преподавания музыкальной культуры в начальной школе. Оно активно содействует музыкальному развитию и приобретению знаний в области музыки; слушание музыки способствует интеллектуальному, эмоциональному, социальному и психомоторному развитию, этическому и эстетическому образованию учащихся.

Ознакомление с музыкальной культурой различных народов способствует интеркультурному образованию учащихся. Выбор композиций для прослушивания, репрезентированных в тематических учебных планах и рабочих учебных программах по предмету Музыка в начальных школах Республики Сербия, знакомит учащихся с русской классической музыкой, которая является частью мирового культурного наследия. Прослушивание произведений русских композиторов способствует развитию любви и уважения к русскому народу, как многовекового друга сербской нации.

Литература

1. Драшковић, Ј. Мултикултурализам у функцији концепције у савременом образовању и васпитању [Текст] / Ј.Драшковић. // Зборник радова Учитељског факултета у Призрену – Лепосавићу, Универзитета у Приштини – Косовској Митровици. – Лепосавић, 2012. – С. 106.
1. Приручник за учитеље уз уџбеник музичке културе за трећи разред основне школе [Текст] / Н. Ивановић. – Београд: Едука, 2006. – 9. с.
2. Јовановић, Б. Улога наставе у остваривању циљева националног и интеркултуралног васпитања [Текст] / Б. Јовановић, А. Парлић, Ј. Божовић // Настава и учење – стање и проблеми : зборник радова научног скупа (Ужице, Учитељски факултет у Ужицу, 2010 г.). – Ужице, – С. 155.
3. Стојановић, Г. Настава музичке културе од 1. до 4. разреда основне школе [Текст] / Г. Стојановић. – Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1996. – 112. с.
4. Тракиловић, Д. Музичка култура са методиком у разредној настави [Текст] / Д. Тракиловић. — Бијељина: Учитељски факултет у Бијељини, 2002. – 95 с.
5. Правилник о Наставном плану и програму за први и други разред основног образовања и васпитања [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник бр. 10, 2004. – 62. с.
6. Правилник о Наставном плану за први, други, трећи и четврти разред основног образовања и васпитања и наставном програму за трећи разред основног образовања и васпитања, [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник бр. 1, 2005. – 55. с.
7. Правилник о допуни правилника о наставном плану и програму за први и други разред основног образовања и васпитања, [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник бр. 3, 2006(а). – 34. с.
8. Правилник о изменама правилника о наставном плану и програму основног васпитања и образовања, [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник бр. 9, 2006(б). – 87. с.
9. Правилник о Наставном плану и програму за други циклус основног образовања и васпитања и наставном програму за пети разред основног образовања и васпитања, [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник, бр. 6, 2007. – 29. с.

10. Правилник о наставном програму за шести разред основног образовања и васпитања, [Текст]: завод за унапређивање образовања и васпитања / Министарство просвете, науке и технолошког развоја. – Београд: Просветни гласник бр. 5, 2008. – 81. с.

Пантюхов О.Д., Чекер Н.В.
Луганский национальный аграрный университет,
Луганск, ЛНР

НРАВСТВЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ВОЙНЫ

Эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» гласит: «...смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством...» [1, с. 4]. Это место из «Молитвы» английского священника и поэта Джона Донна религиозно созвучно самой теме войны. Война предполагает смерть: как возможность собственной смерти, смерти близких и дальних, так и убийство противника. Можно ли говорить о нравственной оправданности войны, о нравственной обязанности противящегося злу и насилию человека физически уничтожать носителей этого зла?

Главный смысл такого страшного явления как война – в нравственной противоречивости и даже неразрешимости этой задачи человеком. Именно к этой проблематике обращается русский философ и публицист И. Ильин в сочинении «Основное нравственное противоречие войны». Не имея возможности повлиять на факт продолжающихся войн, мы можем углубиться в понимании того, какой исход для конкретного участника войны возможен и как эту нравственную проблему можно и должно решить, решить жизненно, действенно, и решить теоретически – перед Богом и собственной совестью.

Смерть каждого человека умаляет и меня по непреложному закону «психической и духовной» связности всех людей [2, с. 14]. И. Ильин пишет об этом единстве, которое усиливает и делает важным и заметным любое проявление человеческого духа, которое находит отклик и отражение в других. Сила таких действий в этих условиях «удесятерится, передаваясь от души к душе» [2, с. 15]. А поэтому и всякий акт насилия также «умножается по тому же самому закону» [2, с. 15].

По мысли философа, совесть априори не дает разрешения на убийство, она тяготиться перед неразрешимой моральной задачей: «какой бы исход не выбрал человек, смутное, но незаглушимое, чувство нравственного неодобрения обещает сопровождать его на его пути»

[2, с. 17]. Ильин обращается к своей художественно-образной терминологии, говоря о нелюбовности, необратимости и недопустимости этого страшного акта. Убийца разрывает ткань жизни, живую соединенность всех людей. Это не только отказ от связности всех людей, но и её упразднение. Такая формулировка мучительна для русского философа, и к её пересмотру он вернётся в книге «О сопротивлении злу силою».

В «Основном нравственном противоречии войны» Ильин утверждает, что к точке невозврата неизбежно приходят обе стороны противостояния, а «война не есть явление случайное … наоборот она есть зрелый и неизбежный плод всего нашего жизненного уклада» [2, с. 23]. Причем, если ненависть или предельную конфронтацию ещё можно исправить, ещё можно покрыть и исцелить любовью, то убийство – нет. Убийца похищает власть над убитым, и в то же мгновение лишается её.

Поэтому нет, и не может быть нравственного оправдания убийств даже в целях защиты и самообороны. Но войны – это факт человеческой истории, и зачастую – обороняющаяся сторона вынуждена использовать убийство в качестве пресечения зла. И это является главным противоречием войны: совесть требует всегда максимального раскрытия идеального образа действования – то есть отсутствия насилия, убийств и войн, но практическое достижение предполагает именно такие средства. Вот поэтому Ильин предлагает разделить методы практического достижения цели и саму цель. Цель оборонительной войны – благородна, свята и героична. Но её методы не могут быть оправданы совестью. Человек как бы становится заложником чужой неправды и греха, чужой агрессии и насилия… Конечно в такой ситуации воину следует избирать путь защиты. Защиты того святого, истинного и ценного, что превышает ценность индивидуального существования, а точнее говоря, задаёт смыслы этого существования.

А если кратко: «Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения» [3, с. 183]. Очевидно, такое нравственное несовершенство не является абсолютным, ибо утратить свою идентичность, и предать свои корни было бы большим духовным преступлением, по мнению Ильина, чем просто сдаться.

Особенно это ужасно чувствуется во время гражданских войн, когда из-за разных духовных устремлений жертвами становятся люди одной крови, такая война прямо восходит к библейской истории о Каине и Авеле.

В романе «По ком звонит колокол», где действие как раз развивается во время гражданской войны в Испании, главный герой спрашивает старика из отряда:

«– Но все-таки ты ведь убивал?

– Да, – сказал Ансельмо.

– Много раз убивал, и еще буду убивать. Но без всякой охоты и помня, что это грех» [1, с. 28].

Выход из этой роковой «необходимости» старик находит верно. Не оправдывая своего и коллективного преступления, он говорит о всенародном покаянии после войны или его аналоге в виде труда, которое помогло бы человеку не просто исправиться или переосмыслить содеянное, но пройти путь духовного очищения.

Человеку свойственно внутренне переживать свои поступки. Когда сознание убившего вновь обращается к акту убийства, только уже не соглашаясь на него и сожалея о случившемся, то воля исправляется в тот же миг горячей решимостью и внутренним несогласием на такое дело. И в этом акте воли человек получает исцеление. Он изглаживает свое преступление здесь и сейчас и не просто перед своей совестью: убийца в себе меняет прошлое в настоящем. Такое сознание уже не есть сознание убийцы. Решение проблемы добра и зла, войны, её нравственной оправданности или недопустимости лежит «во внутреннем душевно-духовном мире человека, … и преодоление зла должно достигаться именно во внутренних усилиях и преображение будет именно внутренним достижением» [2, с. 45]. С этого начинается покаяние. В статье «Основное нравственное противоречие войны» Ильин утверждает, что испытание войной может ожесточить и стать побудителем зла, а может наоборот привести к «очищающей любви и духовной прозорливости», подтолкнуть к добрым последствиям для человека и общества.

Интересно сравнить взгляды И. Ильина и Н. Бердяева. Как утверждает Бердяев, «есть искупление в самом принятии на себя вины. Виновность бывает нравственно выше чистоты. Это нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. ... Нравственно выше – возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину» [3, с. 182].

Ильин переживает нравственный парадокс войны острее и иначе: «*Сомнение в совести, как в последнем и высшем источнике нравственной очевидности,*— вот первое глубокое последствие, к которому философское сознание может быть, по-видимому, приведено войною» [2, с. 8]. Человек оказывается в состоянии внутреннего разлома, нецельности, которое может «в конец обессилить душу» [2, с. 9]. И хотя Ильин говорит о необходимости мужественного и сознательного принятия на себя вины ради отстаивания духовного достояния своего народа, о необходимости «виновного подвига», тем не менее, в работе «Основное нравственное противоречие войны» чувствуется определённая неудовлетворённость автора результатом собственного теоретического рассмотрения. Мыслитель утверждает, что доверие к совести может быть восстановлено и будущее может открыться «как возможность освобож-

дения от кошмара прошлого», но это не решает противоречия в настоящем и не даёт достаточного основания для непоколебимого действия в настоящем [2, с. 30].

Должны быть чёткие духовные ориентиры, духовная очевидность, теоретически обосновывающая действенное сопротивление злу, физическое пресечение зла, вплоть до убийства. Это не значит, что человек способен прозреть эти ориентиры абсолютно безошибочно, и тем более безошибочно их осуществить – иначе бы он не был человеком, а был бы ангелом или Богом. Согласно Ильину все, так или иначе, сопричастны и со-участны злу. Зло присутствует в межчеловеческом мире, обрекая даже лучших представителей человечества на муки неправедного действия.

К поиску духовных ориентиров неправедного жизненного подвига Ильин обращается в одном из главных своих сочинений «О сопротивлении злу силою». Здесь он говорит не только о войне, но о сопротивлении напору зла в себе и окружающих, в любых жизненных ситуациях. И всё же война остаётся предельной ситуацией такого сопротивления. В новом концептуальном решении, предлагаемом И. Ильиным, есть весьма необычные черты. Во-первых, философ пытается дать понятийное разграничение «неправедности» и «греха», «заставления» и «насилия», и таким образом – построить понятийное разграничение добра и зла.

Сопротивление злу есть избрание волей истинного Предмета служения. В случае правильного избрания, нравственно несовершенные действия, не являются греховными. Всякое нравственное несовершенство (а уж тем более убийство) неправедно, но при этом человек может быть «не праведен, но прав» [4, с. 563]. Грех – это осуществление недолжного, но «*сопротивление* злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным» [4, с. 549]. Грех, по Ильину, предполагает отпадение от служения Божьему делу, а неправедность – лишь неизбежное в человеческом мире несовершенство этого служения. Насилие есть использование силы во зло, поэтому не всякое психическое и физическое понуждение, не всякое убиение насильственно.

Во-вторых, своеобразны рассуждения Ильина о видоизменениях любви. Фактически философ предельно разводит «душевно-телесную» и «духовную» любовь. При этом духовная любовь может проявляться как в положительном, так и в отрицательном своём лике. А в случае встречи «между подлинною духовностью и подлинным злом» рождается отрицательная любовь, которая «находит свое завершение в земном устранении отрицаемого злодея» [4, с. 501]. Более того «тёмные лучи любви» могут привести душу сражающегося к состоянию окаменевшего ожесточения! [4, с. 537]. По сути именно любовь оказывается единствен-

ным достаточным основанием для непоколебимого и цельного действия, пресекающего зло. Любовь цементирует волю, задавая возможность обоснованного действия.

Если в «Основном нравственном противоречии войны» Ильин говорит о нелюбовности, но неизбежности (и священном долге) физического сопротивления злу, убийства злодеев, то здесь формулировка существенно видоизменяется: любовь становится не «внешним» ориентиром (необходимо отстаивать и защищать любимых, любимое), но внутренним основанием (отрицательная любовь) борьбы со злом, теоретически преодолевающим расколотость сознания и воли борющегося. «Вся проблема сопротивления злу разрешается этим основным принципом: *борьба ведется именно любовью, но одухотворенною любовью*» [4, с. 504]. Безусловно, остаётся необходимость и последующего очищения души, и последующего восполнения любви, обращения к её светлому, положительному лику. Позиция Ильина, по сравнению с высказанным в более ранних произведениях кардинально не меняется, но не найденное ранее теоретическое решение, он находит. И это решение наиболее остро выявляет не-православность его глубинных жизненных установок.

Главный вывод философских размышлений И. Ильина в том, что человек должен героически нести бремя неправедности, деятельно осуществляя свой предметный выбор, доказывая преданность Божьему делу в мире. В книге «О сопротивлении злу силою» он пишет: «Религиозное приятие своей судьбы есть основной героизм, к которому призван каждый из людей; не к приятию судьбы в смысле квиетизма, или детерминизма, или безволия, или фатализма, но к *волевому, жизненно-деятельному* и *религиозно-преданному* приятию, которое созерцает жизнь как *служение*, освещает ее лучом *призвания* и вливает *всю личную силу* в религиозное служение этому религиозному призванию» [4, с. 562-563].

Литература

1. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / Э. Хемингуэй. М.: АСТ, 2009. – 509 с.
2. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны / Ильин И. А // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10т. Том 5. М.: Русская книга, 1996. – 608с. – С. 5-30.
3. Бердяев Н. А. Мысли о природе войны / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 256 с. – С. 177-183.
4. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2007. – 912 с. – С. 375-576.

Пеньков В.Е.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Исследовательская программа эволюционизма строится на основе методологии И. Лакатоса и включает в себя следующие компоненты: жесткое ядро, в качестве которого выступает постулат о саморазвитии материи в рамках философии материализма. Роль отрицательной эвристики сводится к тому, чтобы не вводить различные дополнительные постулаты о существовании каких бы то ни было субстанций, полей, и пр. в полном соответствии с методологическим принципом «бритвы Оккамы». Положительная эвристика заключается в том, чтобы искать объяснения эволюционных процессов, исходя из постулата «жесткого ядра» и из альтернативных объяснений выбирать те, которые наиболее полно соответствуют этому постулату. Пояс вспомогательных гипотез при этом будет объяснять аномальные явления, которые сложно обосновать в традиционных подходах.

Появление разума можно интерпретировать как качественный скачок, связанный с переходом от биологической к социальной форме движения материи.

Рассмотрим такой переход в оригинальной методологической концепции.

Любой скачок, связанный с качественным преобразованием материи, можно описать с помощью двух состояний и переходного процесса от одного состояния к другому. Причем два состояния, как правило, описываются двумя различными моделями, а процесс перехода рассматривается в рамках третьей модели. То есть, для описания качественного перехода системы из одного состояния в другое необходимо использовать три различные модели, причем они могут быть даже не связаны между собой, и уж, тем более, не следовать друг из друга.

Но если у нас есть более общие закономерности, то они могут описать этот процесс теоретически и получить конкретную модель перехода из одного состояния в другое.

Рассмотрим простейший пример, при котором происходит качественное преобразование системы – процесс парообразования воды.

Мы имеем два агрегатных состояния, одно из которых описывается законами жидкого состояния (поверхностное натяжение, смачиваемость, модель абсолютно несжимаемой

жидкости и пр.), а второе – законами идеального газа (уравнение состояния идеального газа, законы Шарля, Бойля-Мариотта, Гей-Люссака).

Переход из одного агрегатного состояния в другое описывает процесс парообразования, который связан с переходом молекул из жидкости в свободное пространство, при котором совершается работа выхода с поверхности. В результате для перевода одного килограмма жидкости в пар при температуре парообразования требуется определенная энергия, численно равная удельной теплоте парообразования.

Исходя из моделей жидкого и газообразного состояния, мы не имеем возможности вычислить эту величину теоретически. Но, поскольку, процесс парообразования можно наблюдать экспериментально, удельная теплота парообразования воды определяется, исходя из опыта.

Однако, в данном примере у нас имеется общая закономерность, в качестве которой может выступать закон сохранения энергии – с его помощью можно без эксперимента определить удельную теплоту парообразования.

Методологический подход здесь следующий. Мы с единых позиций (в данном случае энергетических) описываем оба состояния, что позволяет теоретически описать процесс перехода из одного состояния в другое (вычислить внутренние энергии одного килограмма воды и пара, разность которых и даст удельную теплоту парообразования).

Теперь рассмотрим с точки зрения этого же методологического подхода переход от биологической к социальной форме движения материи.

Мы имеем два различных состояния – биологическую и социальную формы движения материи. Каждая из этих форм описывается своими законами. Однако, создание теоретической биологии только начинается, а социальная форма движения материи описывается гуманитарными науками, где определяющую роль играет субъективный фактор, то есть нет строгой теоретически обоснованной базы. Тем не менее, обе эти формы движения материи наблюдаются экспериментально и можно построить определенные модели, описывающие как биологическую, так и социальную формы движения материи. А вот процесс перехода от биологии к социуму (процесс возникновения разума) экспериментально не наблюдается. И как уже отмечалось, исходя из моделей, описывающих два крайних состояния получить модель перехода из одного состояния в другое не представляется возможным.

Что же получается в итоге? Нам необходимо строить модель перехода от биологической формы движения материи к социальной, привлекая дополнительные постулаты, исходя из мировоззренческих установок.

В методологической концепции автора решение этого вопроса возможно на основе выявления более общих закономерностей, которые «работают» на уровне и биологической, и социальной форм движения материи.

В качестве таких «более общих закономерностей» в исследовательской программе эволюционизма выступает жеское ядро - постулат о саморазвитии материи. А.П. Назаретян отмечает, что, «в первой половине XX в. было установлено глубокое взаимовлияние геологических, биотических и социальных процессов; в результате оформилось новое направление междисциплинарных исследований эволюции – глобальная история (от лат. globus – шар). Это история Земли, рассматриваемая как последовательное образование, развитие и взаимодействие планетарных сфер, в процессе которых биота, а затем общество становились ведущими агентами преобразований» [3, С. 122]. Как подчеркивает О.Б. Куликова, «новая исследовательская программа открыла возможности для построения разных вариантов интерпретации процесса познания и его результатов на основе идеи эволюции», при этом «эволюция человека как вида отождествляется с развитием его познавательных способностей и ростом производимых им знаний о мире» [2, С. 64]. А «развитие научной деятельности рассматривается как эволюция коллективных форм познания в контексте глобальной эволюции» [2, С. 65].

При этом качественный переход к социальной форме движения материи можно рассматривать как появление возможности работать творчески, создавать новую информацию. Сознание будет в этом контексте будет представлять собой высшую форму развития материи, способную генерировать новую информацию.

Здесь возникает очень любопытная ситуация. С одной стороны, все эти процессы являются естественными – ничто не может происходить вопреки законам природы. С другой же стороны, человек может построить такую информационную систему, которая не будет удовлетворять природным явлениям и возникнет противоречие с законами естественного развития. Можно выделить три основных блока таких противоречий, которые оказывают существенное влияние на процесс развития человеческого общества: теоретическая модель мира; практические действия на основе данной модели; взаимодействия между отдельными членами человеческого общества, коллективами, государствами.

Если человек неправильно строит теоретическую модель реальности, то проблем, как правило, не возникает. К таким моделям можно отнести геоцентрическую картину мира Птолемея, теорию теплорода, представление об абсолютности пространства и времени. В таких случаях, при более глубоком изучении или же при изменении условий ученые

сталкиваются с несоответствием между опытом и теорией, теория корректируется или же изменяется, и все становится на свои места.

Во втором случае человек не только строит модель, но и прогнозирует свои действия, исходя из этой модели, и начинает практически их осуществлять. В результате при несовпадении модели и объективной реальности он сталкивается с непредсказуемыми последствиями, что приводит, в частности, к экологическому кризису.

Третий блок приводит к межличностным, социальным экономическим конфликтам. Нельзя забывать, что социальное в человеке не является первичным, оно находится в единстве с биологическим. И, кроме того, духовное в человеке стоит выше всего. В первую очередь идет Человек, потом мужчина или женщина, потом их роли по отношению к родственникам (отец, мать, сын, дочь, брат, сестра), и лишь затем их социальный статус. У нас же зачастую человека оценивают по социальному статусу, забывая о духовной природе Человека. Идет перекос ценностей и постоянная неудовлетворенность жизнью. «В проблемном поле социального бытия субъект утрачивает свою устойчивость, определенность» [1, С. 96]. Это можно объяснить тем, что при появлении противоречия с окружающей средой человек пытается найти причину в окружающих – чтобы кто-то, что-то сделал. Однако, если нам дают какую-то задачу, скажем, по математике, мы ее решаем именно с теми условиями, которые были даны. Если же задачу нам дает жизнь, мы пытаемся изменить условие задачи, то есть, не меняя себя, изменить окружающих. Это и есть самая распространенная ошибка.

В данном случае рассуждения могут быть следующие. Почему у меня возникла проблема? Потому что теоретическая модель, на основе которой прогнозировался тот или иной результат, ошибочна, нарушает или не учитывает законы Естества. Если найти эту ошибку и изменить модель, то изменится алгоритм поведения и проблема неизбежно уйдет, восстановится гармония – теория и практика будут соответствовать друг другу.

Литература

1. Гуревич П.С. Векторы современного постижения человека // Философский журнал. 2013. № 2 (11). С. 95-106.
2. Куликова О.Б. Эволюционная эпистемологии как антропологическая исследовательская программа // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (7). С. 64-68.
3. Назаретян А.П. Мегаэволюция и универсальная история // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества) Хрестоматия, ежегодное изда-

ние. Сер. "Библиотека факультета глобальных процессов МГУ" Под редакцией Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012. С. 120-132.

Покутняя Р.М.
МБУ ДО «Борисовский дом творчества».
Борисовка, Россия

ХОТМЫЖСК – ЦЕНТР ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Славяне мы: у нас в крови века
Одна судьба и крепость языка.
И Бог один, и крест для всех сродни,
И даже песни у славян одни …
И.Чернухин.

Нынешнее село Хотмыжск Борисовского района Белгородской области - древнейшее поселение в нашем крае. Первый борисовский краевед И.Г.Волков писал, что в названии Хотмыжска есть что-то "татарское», ссылаясь на какую-то статью в «Курских губернских ведомостях» без даты указания. Я. М. Булипопов в книге "Грайворон" утверждает, что Хотмыжск, по преданию, был ставкой половецкого кагана, а потом татарского темника Авзяка[1]. Основатель Борисовского краеведческого музея С. М. Кальницкий считал Хотмыжск как одну из слобод известного баскака Ахмата Хивенца и предполагал, что название поселения происходит от имени жены татарского мурзы Фатьмы, в честь которой он якобы и дал название Фатьмышл. Но достоверно установлено, что это славянское поселение было еще в 8 веке, то есть задолго до нашествия татар. Старые названия звучат как: Хотмышль, Хотмыщл, Хотмысл. При постройке города-крепости в 1640 году переселенцы с Украины называли его Хотмынской, Хотмын. И только к 18 в. утвердилась форма Хотмыжск[5]. Известно, что Хотмыжское городище является памятником славянской культуры роменско- борщевского типа. В 1948 году оно было осмотрено Днепровской левобережной экспедицией профессора И. И.Ляпушкина. Собранные на поселении материалы свидетельствуют о том, что жизнь в Хотмыжском городище продолжалась без перерыва с 8 до 13 веков. Кроме земледелия, скотоводства и бортничества жители занимались прядением и ткачеством. Постепенно роменская культура переходила в культуру Киевской Руси [4]. В 80-х годах 20 столетия частные раскопки городища вел кандидат

исторических наук А.Г.Дьяченко. В его книге «Древний Хотмыжск» помещены фото В.Бочкарева изделий из железа, глиняного расписного яйца-погремушки, изделий из бронзы и бусы 12в. - середины 13 в. А. Г. Дьяченко предполагал, что в 10 в. поселение было разрушено печенегами, но потом восстановлено[2].

С 1362 года наш край входил в состав Великого Литовского княжества, а в 1500 г. воссоединился с Московским государством. Хотмыжск, Хотмысль также упоминается в «Ярлыке» Крымского хана Менгли-Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду в 1506 году. Этот документ позволяет сделать вывод о том, что Хотмыжск существовал и после татаро-монгольского нашествия и был центром одной из волостей Путивльского повета [3].

Белгородская оборонительная черта, одним из элементов которой был и город – крепость Хотмыжск, сыграла большую роль в защите России от разорительных набегов Крымской орды.Хотмыжск очень много значил в истории Переяславской Рады и жизни Московского государства. В годы национально-освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнета Хотмыжск являлся передовым форпостом России, через который, по поручению царя Алексея Михайловича, велась переписка Богдана Хмельницкого с Москвой. 7 июня 1648 года хотмыжский воевода С.И. Болховской посылает на Украину станицу во главе с Тимофеем Милковым для разведки о крымских и нагайских татарах. Тот побывал у казачьего гетмана Б.Хмельницкого в Чигрине и привез от него письмо хотмыжскому воеводе. Письмо было отослано в Москву. Воеводе С. Болховскому из Москвы был прислан образец ответного письма, в котором содержатся заверения гетману о дружественных отношениях. В июле того же года произошел еще один обмен письмами между Б.Хмельницким и хотмыжским воеводой. А 8 января 1654 года произошло воссоединение Украины с Россией, что вызвало войну с Польшей , и солдаты белгородских полков участвовали в боях на Украине. В 1709 году, во время подготовки к Полтавской битве, Хотмыжск,наряду с Белгородом, был тыловой базой русских войск [3].

Сегодня Хотмыжск - небольшое село. В середине 90-х годов 20в. в нем решили возродить местный храм. Известно, что Хотмыжская церковь Воскресения Христова возводилась одновременно со строительством города –крепости[7]. 20 декабря 1996 года в Белгороде на собрании Совета приграничных областей Белоруссии, России и Украины 1997 год был провозглашен Годом единения славян. Весной 1997 года в Хотмыжске, расположенном в 10 километрах от украинской границы с Сумской областью, состоялось открытие восстановленного Воскресенского храма и освящение колокола Патриархом Московским и Всея Руси Алексием 11. А 27 сентября 1997 года, в праздник Воздвижения животворящего Креста Господня, было положено начало фестивалю славянской культуры

"Хотмыжская осень".Автору этой работы удалось побывать и на открытии храма, и на всех проводимых в Хотмыжске фестивалях. На живописном берегу Ворсклы, у стен Воскресенского храма, впервые вместе собрались творческие коллективы песни и танца, мастера декоративно-прикладного творчества братских славянских народов. Под звон Колокола Единения главы администраций Белгородской области Е.С.Савченко и Харьковской области О.А. Демин подписали Договор о сотрудничестве в сфере науки, культуры, образования между областями. Со словами приветствия к собравшимся обратились архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн и митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим [6].С того времени с целью сохранения и развития межнационального культурного сотрудничества и укрепления дружественных связей между славянскими народами, популяризации и развития самобытной песенной,танцевальной,празднично-обрядовой культуры, изобразительного искусства и декоративно-прикладного творчества народов России и ближнего зарубежья в Хотмыжске раз в два года проводится фестиваль «Хотмыжская осень», в котором участвуют творческие коллективы славянских народов, представляющие различные виды и жанры народной культуры: инструментальной, музыкально-песенной, танцевальной, а также мастера декоративно-прикладного творчества. У фестиваля есть свои: флаг, эмблема и песня. Работают город Мастеров, ярмарки. Самые талантливые мастера на глазах у зрителей демонстрируют изделия старинных ремесел. Учредителями праздника стали администрация Белгородской области, департамент социальной политики и управление культуры. А основные исполнители - Белгородский государственный центр народного творчества и отдел культуры Борисовского района. Перед официальным открытием фестиваля в Воскресенском храме совершается Божественная литургия, а возле храма молебен. Богослужения проводят митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, епископ Губкинский и Грайворонский Софроний с участием духовенства славянских государств и епархий региона. Участвовал в проведении молебна в Воскресенском храме и первоиерарх Русской Православной Церкви за рубежом митрополит Восточно- Американский и Нью-Йоркский Илларион [8].

25 сентября 1999 г второй раз в древнем Хотмыжске на праздник приехали братья-славяне.

Символично, что фестиваль проходит во время бабьего лета, когда природа пылает всеми красками, когда этот уголок российской земли напоминает белорусам белорусскую землю, украинцам - украинскую, а нам, россиянам, родную землю, – сказал в приветствии губернатор Белгородской области Е.С.Савченко. Участники фестиваля приняли Обращение к потомкам, в котором есть такие строки: «Наши народы, несмотря на многочисленные

невзгоды, сохранили свою самобытную культиуру,православную религию, донесли до наших детей старинные песни, обряды и праздники. И сейчас дети 20 века поют песни своих предков, играют в их игры, рассказывают их сказки. И это все богатое культурное наследие мы передаем вам, нашим потомкам, которым суждено жить в третьем тысячелетии». Обращение помещено в Капсулу времени и заложено в стену Воскресенского храма и закрыто памятной доской [6].

С 2001г фестиваль вошел в целевую программу «Развитие и сохранение культуры и искусства Белгородской области в 2001-2005 годах». План подготовки праздника славян находится на постоянном контроле у губернатора и организационного комитета.

К 3-му фестивалю славянской культуры Хотмыжск благоустроился, в селе был построен амфитеатр. Третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой и девятый фестивали проходили при финансовой поддержке Министерства культуры РФ по программе «Культура России». С 2006 года празднику дан официальный статус: международный.

В дни 4-го фестиваля «Хотмыжская осень» в Белгороде проходил второй международный экономический форум трех стран: Белоруссии, России, Украины, и его участники стали гостями Хотмыжска [3].

Пятый праздник славянской культуры проходил 18 сентября 2005 г. и совпал с 300-летним юбилеем со дня рождения небесного покровителя Святого Белогорья Иоасафа Белгородского. Утром был освящен Поклонный крест - православный символ любви и единения неба и земли.

28 сентября 2007 года на хотмыжской земле проходил шестой фестиваль ,который приурочен к 280-летию образования Белгородской губернии. Седьмой фестиваль посвящался 300-летию Полтавской битвы, восьмой - 100-летию канонизации епископа Иоасафа Белгородского, девятый -1025 - летию Крещения Руси.

9-й международный фестиваль «Хотмыжская осень» состоялся 13-15 сентября в Белгороде и Хотмыжске. Открылся праздник литературно-драматическим прологом «Крещение Руси», подготовленным коллективом Белгородского государственного драматического театра им. М. С. Щепкина, режиссер В.А.Стариков. В фестивале участвовали творческие коллективы и мастера декоративно-прикладного творчества Могилевской, Витебской областей Белоруссии, Харьковской, Луганской, Сумской, Полтавской, Донецкой, Черниговской областей Украины, Боснии и Герцеговины, Орловской, Курской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Белгородской областей России с общим числом участников 1200 человек. Гостями фестивали стали слушатели 2-й Всероссийской школы клубной инноватики. В первый день 13 сентября гости и участники фестиваля

присутствовали на молебне в храме Веры, Надежды, Любови и матери их Софии в Белгороде, на торжественной церемонии открытия «Хотмыжской осени» в Соборном зале Духовно-просветительского центра. Основной день фестиваля прошел 14 сентября в Хотмыжске. Управление культуры области разработало новую программу фестиваля, которая продолжает развивать и популяризировать праздничный календарь Белгородской области, работу над культурными брендами территорий. Районные и городские округа Белгородчины на отдельных площадках представили выставочные экспозиции культурных брендов печатной и сувенирной продукции, культурную акцию и визитную карточку-театрализованное представление. У Борисовского района была выставка «Лукоморье». Белгородский район представил дуб Богдана Хмельницкого, Ракитянский район -Дворец князей Юсуповых . Впервые в программу фестиваля была включена тематическая выставка– продажа работ профессиональных и самодеятельных художников. Тематика картин - храмы Белогорья. Была развернута выставка - ярмарка мастеров: «Деревянных дел мастера»(резьба по дереву, бондарство), «Мастера текстиля» (ткачество, вышивка, кружевоплетение, лоскутное шитье, вязание, войлоковаляние), «Мастера» (гончарство, авторская керамика, глиняная игрушка) и др. Впервые в 2013 году участвовали мастера кузнечных дел. В век высоких технологий кузнецы под руководством Ю.А.Ушакова давали мастер-класссы кузнечного дела, делились своими секретами, рассказывали, как они бережно хранят и передают из поколения в поколение свое мастерство. Стеклодув из Белгорода А.Лыков из обычного стекла на глазах у зрителей делал маленькие шедевры: фигурки дельфинов, русалок, бабочек, стрекоз, пингвинов. Мастер Н.М.Чайкин 15 лет плетет изделия из бересты [9]. Мастер иконописи из Борисовки Е.А.Кучинская рассказывала, как она и ее ученики пишут иконы. На счету Е.А.Кучинской их написано более 500. Не оставляли без внимания ювелирные украшения с бисера и природного камня, лаковые расписные шкатулки, матрешки, глиняные игрушки, куклы в народных костюмах, резьба по дереву, изделия из соломки, лозы, соленого теста, сухих растений и семян, вышивки бисером, тончайшие салфетки, кованные из металла подсвечники и многое, многое другое. Ни одна работа не повторяла другую. Каждая выполнена с большой любовью. Около 300 мастеров декоративно-прикладного творчества Белгородчины представили свои работы в Хотмыжске и 17 мастеров-гостей фестиваля из Харьковской, Луганской, Воронежской, Курской, Липецкой, Могилевской, Витебской областей. Участники клуба исторической реконструкции вольных бойцов из Старого Оскола демонстрировали искусство древнего боя. Театр моды Белгородского государственного института культуры показал коллекцию «Народный костюм на рубеже веков».

А в это время на сцене выступали лучшие творческие коллективы. Каждое выступление участников зрители награждали бурными аплодисментами. Не раз радовал талантом зрителей в Хотмыжске ансамбль народных инструментов «Ливенские гармошки» из Орловской области. Он гастролировал в Польше, Германии, Болгарии, Сирии и везде его тепло встречали. Профессионально выступали ансамбль «Луганские узоры» областного колледжа культуры и искусств, ансамбль музыки, песни и танца «Надзея» из Чериковского района Могилевской области, фольклорные коллективы «Ларец» и «Радовесь» из Курска и Воронежа, впервые на этом фестивале выступал фольклорный ансамбль «Русалки» академии музыки университета в Восточном Сараево Боснии и Герцеговины. Старинные лирические песни звучали на разных языках, но зрители их понимали. Многие подпевали выступающим на сцене. А некоторые присутствующие даже танцевали. Это был настоящий славянский венок песен и танцев.

Из года в год круг участников «Хотмыжской осени» расширяется, фестиваль набирает авторитет и силу. Он стал популярен среди творческих коллективов славянских государств. В Хотмыжске уже побывали не только представители регионов Белоруссии, Украины, но и Польши, Югославии, Сербии, Албании…

Атмосфера тут дружеская. На празднике нет победителей и побежденных. Каждый может себя показать и посмотреть на других. Древний Хотмыжск стал центром единения славянской культуры. И этот дух проникает в сердца людей, что подтверждает каждый фестиваль. Культура славянских народов не знает границ. Это мощный фактор единения и цемент славянской дружбы. Только так, вместе, мы сохраним наши традиции, веру, свое будущее. Надо и в дальнейшем беречь свои культурные корни. Ведь в них - мудрость тысячелетий.

Литература

1.Батуев Д. Я. Грайворон. – Белгород,1959.

2.Дьяченко А. Г. Древний Хотмыжск. – Белгород, 1996.

3.История Борисовского края. – Белгород , 2008. – 382 с.

4.Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. – М-Л.: АН СССР., 1961. – 386 с.

5.Охрименко И. Г. Хотмыжск. Исторические очерки (От древности до Х1Хвека). – Белгород, 2006. – 103с.

6.Призыв. Общественно-политическая газета Борисовского района. Подшивки

за сентябрь 1997г.

за сентябрь 1999г.

за сентябрь 2001г.
за сентябрь 2003г.
за сентябрь 2005г.
за сентябрь 2007г.
за сентябрь 2009г.
за сентябрь 2011г.
за сентябрь.2013г.
7.Цапенко М. П. По западным землям Курским и Белгородским. М., 1976. – 143с.
Электронные ресурсы:
8. Славяне мы: у нас в крови века… [Электронный ресурс] – URL: http^izvestia.vbtlgorode.ru|news-belgorod/A.Bslavjane-my-u-nas-v-krovi-vek.
9. Славянская душа безгранична [Электронный ресурс] – URL: htt^||priziv31.ru/

Проселкова Т.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА И НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Феномен Научной революции продолжает оставаться в центре внимания историков и философов науки. Множество его интерпретаций уже включает в себя даже гипотезу о его несуществовании – так, один из ведущих западных социологов науки С.Шапин (S.Shapin) счел возможным начать свою книгу "Научная революция" (переведенную на 14 языков) с фразы "Такого феномена, как Научная революция, никогда не существовало" [1, 1]. Столь радикальный подход не встречает широкого понимания среди ученых традиционных взглядов, однако практически все они признают, что классический "большой рассказ Модерна", в рамках которого до сих пор исследовался и обсуждался феномен, нуждается в существенной переработке многих своих узловых концепций. В частности, такой переработке уже подверглась и продолжает подвергаться традиционная "антагонистическая" концепция отношений науки и религии. Богословские темы заняли прочное место в историко-философском анализе генезиса современной науки.

Как мы указывали ранее (см., например [2]), в этой интенсивной работе, идущей уже много десятилетий, оказались недооцененными работы оксфордского философа начала 20-го

века М.В. Фостера. В них он сформулировал "тезис Фостера", положивший начало целой традиции в научной историографии [3, 79]. Тезис утверждает строгую взаимозависимость теологии, философии природы и естествознания общества и, как частный случай, обусловленность экспериментальной науки Нового Времени христианской догматикой. Философ также предложил представляющуюся наиболее естественной интерпретацию интеллектуального процесса западной цивилизации – как постепенного преобразования мышления западного человека христианской доктриной. Переломом в смысле резкого ускорения этого процесса стало время Реформации, этот перелом мы и называем Научной революцией. Безупречно обоснованные с логико-философской точки зрения работы Фостера, тем самым, дают нам христианское осмысление концепций прогресса и Научной революции. По сути это – целая программа, частью которой является исследование изменений философских и научных теорий и представлений в их связи с положениями христианского богословия.

Одним из таких радикальных изменений, произошедших в эпоху Научной революции, было изменение содержания категории качества, занимающей выделенное место среди аристотелевских категорий. Как писал, выражая общесхоластическую точку зрения, итальянский ученый, математик и медик 16 века Дж. Фракасторо: "…хотя есть десять родов всех вещей, только Субстанция и Качество являются активными принципами.…Более того, очевидно, что субстанция не производит сама по себе ничего кроме локальных движений вверх и вниз, разрежения и сгущения, и круговых движений; поскольку это движения, производимые субстанциональной формой. Все остальные движения берут свое начало в качествах" [4, 472]. Важность этой категории подчеркивали и философы Нового Времени, так, Юм считал фундаментальным принципом философии разделение на первичные и вторичные качества, при котором вторые не имеют реального существования и есть только впечатления ума.

Метафизикой схоластики был аристотелевский гилеморфизм, при котором любой объект состоял из двух начал – пассивного субстрата первоматерии и активно оформляющей ее субстанциональной формы. Существовало четыре базисных метафизических принципа – Горячее, Холодное, Сухое и Влажное, которые назывались первичными качествами вещей. Эти четыре качества-причины были базисными для объяснения возникновения, уничтожения и изменения вещей в подлунном мире (надлунному соответствовал пятый элемент – эфир). Такие качества, как тяжелое (легкое), твердое (мягкое) и т.п., а также цвет, звук, запах, вкус, являлись вторичными. Каждое вторичное качество было некоторой "смесью" первичных, но не могло быть редуцировано к ним. Это были реальные качества – акциденции из аристоте-

левской категории Качества. Кроме того, исследователи выделяют еще духовные или интенциональные качества (такие как свет или цвет в среде), всецело нематериальные качества (такие как мысль или воля) и, безусловно, камень преткновения философов и ученых – оккультные качества вещей [5, 43]. Парадигмальным образцом последних служил магнетизм, и определялись они как чувственно невоспринимаемые и опознаваемые только по своим действиям, в противоположность явным качествам, непосредственно доступным нашим чувствам. А поскольку наука (scientia) в средневековой традиции была ограничена сферой чувственно воспринимаемых сущностей, возник "эпистемологический тупик, не преодоленный вплоть до 17 столетия" [6, 233].

Вообще говоря, отнесение явления за рамки науки не означало отнесение его к сфере сверхъестественного. Многие схоласты, включая Фому Аквинского, считали, что такие явления можно объяснять как сверхъестественным (в современном, впрочем, понимании), так и естественным путем. Но отрицательные коннотации понятия "оккультные качества" возникли еще и со стороны эпистемологии – если предмет находится вне сферы чувственного восприятия, и, следовательно, его форма непостижима в принципе, то источником знания о нем могла быть только помощь высших сил – ангелов, демонов или самого Бога. Тем не менее, с *онтологической* точки зрения "схоластический гилеморфизм можно рассматривать как поддерживающий *натуралистическое* объяснение функционирования универсума" [7, p.337] в противоположность "сверхъестественному" объяснению его процессов, свойственному раннему средневековью.

И все же до сих пор широко распространен тот анахронизм, что ученые 17 века яростно боролись с оккультными качествами вещей как со "сверхъестественным" объяснением мира - предрассудком "темных веков". К.Хатчисон показал, что они боролись не со скрытыми качествами, как таковыми, но с аристотелевским пониманием "качества" как *причины* свойств вещей, имеющей реальное существование. Они действительно часто приводили в качестве примера именно оккультные качества, однако с явными (т.е. чувственно воспринимаемыми и умопостигаемыми) качествами схоластов они боролись ровно на том же основании [6, 234].

В эпоху Научной революции деление качеств на первичные и вторичные сохранилось, однако принцип деления, как известно, поменялся кардинально. Многие новые геометрико-кинетические "качества" с точки зрения средневековой философии не являлись качествами вообще, они подпадали под другие аристотелевские категории. Понимание оккультного как неумопостигаемого сохранилось, но неумопостигаемое перестало обозначать чувственно не-

воспринимаемое, как это было в метафизике схоластов. Кроме того, здесь есть еще один существенный момент.

К.Хатчисон в вышеупомянутой работе [6] (отметим, крайне важной работе, получившей Zeitlin-Verbrugge Prize и уже вошедшей практически во все исследования, посвященные данному кругу проблем) обратил внимание на следующее. Когда механическое объяснение мира сменило схоластическое, то знаменитое локковское деление качеств на первичные и вторичные затемнило тот факт, что теперь *все качества стали оккультными* в точном схоластическом значении этого слова [6, 233], а не *явными*, как до сих пор принято считать. Непонимание этого идет от изменения семантики слова "оккультный" со времен Научной революции, которая прослежена, например, в очень информативной статье П.С.Носачева [8]. Упомянем здесь только неакцентированный в этой работе момент. А именно, широко известна платоническая составляющая оккультизма, однако мы видим, что неверно соотносить его только с этой философской традицией – аристотелизм также внес здесь немалый вклад.

Для современного же человека решающей оказалась трансформация этого термина в 19 веке – "…оккультные силы стали, скорее, частью некоего аморфного комплекса представлений о т. н. эзотерической реальности, с которой лицом к лицу столкнулся мир в XIX в.", а смысл эзотеризма в конечном итоге "размывается и теряет границы, в него включают все, что модно и в то же время не ассоциируется с наукой или религией" [8, 53].

Эволюция категории качества вновь возвращает нас к тезису Фостера о строгом взаимном соответствии теологии, философии природы и естествознания общества, поскольку в этой категории, как в фокусе, сошлись все три этих фактора.

Когда протестанты отвергли католическую интерпретацию Евхаристии – доктрину "пресуществления", сформулированную Тридентским Собором (1545-1563), то одной из существенных причин для отвержения были именно схоластические "качества" вещей. Что, в общем, не удивительно, поскольку сама эта доктрина была сформулирована в рамках учения о субстанциональных формах и качествах. Суть протестантской аргументации хорошо выражена М.Лютером в его полемике с католиками о Таинстве Крещения. Отвергнув утверждение схоластов, что крещальная вода имеет силу (то есть, какое-то дополнительное качество) сама по себе (хотя бы эта сила и придается ей Богом, как утверждали томисты), он заявил, что это – обыкновенная вода, к которой прибавлено "слово обетования". Но: "Если кто-то пожелает назвать это слово или это обетование силой, которая прибавлена к крещальной воде, я не стану возражать" [9, 228]. Таким образом, Лютер отверг средневековый гиленаризм и выступил с позиций номинализма. Мы здесь видим прямую корреляцию (обычно опосредованную) с позицией ученых, сделавших то же самое, хотя и с другой аргументацией

– а именно, с бесполезностью "качеств" для объяснения явлений. Глубинным основанием для такого совпадения была, и Фостер впервые в историографии науки это сформулировал, волюнтаристская теология (в данном случае лютеровская), коррелирующая с экспериментальным методом естествознания. Эта теология не признавала за вещами сотворенного мира той относительной самостоятельности, которую признавала за ними средневековая метафизика. Новоевропейское естествознание полностью соответствовало, таким образом, новой теологии. Конечно, весь этот круг вопросов требует дальнейшего, гораздо более глубокого и детального изучения.

То кардинальное изменение содержания ключевой для философии категории качества, которое произошло в короткий период истории, называемый эпохой Научной революции, свидетельствует о "законности" концепции последней. Положенный в основу критики этой концепции "тезис связности", постулирующий "существование предыстории у любых изменений, кажущихся на первый взгляд радикальными" [10, 133], представляется справедливым, но недостаточным. Более подробное изучение изменений интеллектуального процесса западноевропейской цивилизации в эпоху Научной революции, скорее заставляет изумляться стремительности и радикальности этих изменений. Таким образом, традиционная историография науки пока держит удар.

Литература

1. Shapin S. The Scientific Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1996. – 218 pages.
2. Проселкова, Т.В. О переосмыслении историографии науки. / Т.В. Проселкова // Экономика. Общество. Человек: материалы II Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования». Часть 2: Философские проблемы социально-гуманитарного знания. Белгород, 2014. С. 179-188.
3. Henry, J., 2009. Voluntarist theology at the origins of modern science: a response to Peter Harrison / John Henry// History of Science – 2009 – Vol. 47 – № 1, pp. 79-113.
4. Pasnau, R. Metaphysical Themes 1274-1671. Oxford University Press, 2011. – 783 pages.
5. Pasnau, R. Scholastic Qualities, Primary and Secondary / Robert Pasnau // Primary and Secondary Qualities: The Historical and Ongoing Debate (ed. Lawrence Nolan). Oxford University Press, 2011. – 416 pages.
6. Hutchison, K. What Happened to Occult Qualities in the Scientific Revolution? / Keith Hutchison // Isis – 1982 – Vol. 73 – № 2 (Jun., 1982). pp. 233-253.
7. Hutchison, K. The natural, the supernatural, and the occult in the scholastic universe / Keith Hutchison // Guy Freeland & Anthony Corones (eds.). 1543 and All That: Image and Word, Change and Continuity in the Proto-Scientific Revolution. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers, 2000. – 405 pages.

8. Носачев, П. Г. Эзотерика: основные моменты истории термина / П. Г. Носачев // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. – 2011 – Вып. 2 (34). – С. 49-60.
9. Luther, M. Luther's Works Volume 1 (Lectures on Genesis Chapters 1-5), Pelikan, Jaroslav (gen. ed.). Congordia Publishing House, Saint Louis, 1958. – 417 pp.
10. Раздъяконов, В. Концепт «история вигов» в новой историографии Научной революции / В. Раздъяконов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013 – Вып. 1(31). – С. 130-149.

Ряпухина В.Н.
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия
Николич М.,
Университет ЛУМ Жан Монне,
Бари, Италия

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Приоритетом современной системы высшего образования является подготовка качественных специалистов. Если рассматривать образование как услугу в контексте рынка, то с точки зрения потребителя качество определяется конкурентоспособностью получаемого на выходе комплекса знаний и умений, а с точки зрения заказчика в лице государства и субъектов реального сектора экономики качество в данном случае обуславливается сформированными полезными компетенциями. Полезность компетенций в краткосрочной перспективе обуславливается возможностью эффективной деятельности в рамках общественно-производственного процесса. Эффективная деятельность как правило характеризуется соответствием принятым стандартам и возможностью успешного выполнения производственных и непроизводственных заданий. В стратегическом плане специалист должен обладать реализуемым потенциалом развития в целях роста национальной экономики. Заказчики и будущие работодатели с одной стороны заинтересованы в ускоренном и дешевом непрерывном процессе подготовки квалифицированных работников-исполнителей, с другой стороны, для стабильного роста и

развития страны, государству и бизнесу необходимы инноваторы. Проблема заключается в том, что для достижения конкурентоспособности специалисту необходимо соответствовать и тактическим, и стратегическим требованиям заказчика. Способность быстро адаптировать свои знания и умения к изменениям общественно-экономического спроса меняющегося окружения и, в случае необходимости, коренным образом менять форму и содержание своей деятельности является основой социальной защищенности, конкурентоспособности и востребованности на рынке труда, источником коммерческого успеха, а также необходимым условием творческой реализации и личностного самовыражения в современных условиях.

Рассмотрим в чем заключается противоречие проблемной ситуации нашего исследования. С учетом огромного объема накопленного человечеством «багажа знаний», восприимчивость и способность к репродукции полезных навыков становится самым ценным качеством современного высококлассного специалиста в любой сфере деятельности. Инновационный же подход в отличие от традиционного подразумевает в большей или меньшей степени отклонение от норм и разрушение стандартов и правил. Мы считает, что данные аспекты не смотря на свою полярность не являются взаимоисключающими, поэтому мы можем говорить о необходимости формирования у будущих специалистов и определенного комплекса знаний и умений, и высокого уровня восприимчивости наряду с высоким уровнем инновационной мотивации. При такой формулировке проблема сводится к поиску идеального соотношения традиционного и инновационного в рамках хозяйственной деятельности специалиста. Сочетание традиционного и инновационного в общественно-производственной сфере характеризуется понятием инновационной культуры.

Интересным на наш взгляд является факт, что впервые проблемы формирования инновационно инновационной культуры были описаны ещё в 1980 году К. Э. Циолковским в статье «Двигатели прогресса». В данной работе рассматривается процесс применения новшеств и делается вывод о том, что причина невосприятия достижений научно-технического прогресса или низкого уровня инновационной культуры кроется в "недостатках природы человека". К. Э. Циолковский выделил ряд отрицательных факторов, противодействующих реализации новшеств и новаций, это – инертность, косность, консерватизм, преклонение перед статусным авторитетом, себялюбие, узкий эгоизм, непонимание собственного и общественно блага, страх временных убытков, противодействие непривычному, нежелание переучиваться, приверженность корпоративным интересам, профессиональная зависть и т.д. [6]. В соответствии с этим, мы можем говорить о том, что одной из основных задач высшего образования является борьба с данными негативными факторами. На решение этой задачи в большей степени направлена

просветительская и воспитательная функция высшего образования, функция трансляции прогрессивного для человечества «образа». Очень важно, чтобы при реализации данной функции в основе данного «образа» лежала традиция уважения старого и принятия нового во всех сферах жизни деятельности человека.

Инновационная культура может найти своё применение практически повсеместно, начиная от создания среды эффективного использования инновационного потенциала до реализации его развития и усовершенствования. Одним из способствующих факторов инновационного развития также является тенденция сглаживания несоответствие между уровнями развития культуры и науки, техники и естествознания, противоречия между уровнями перемен в материальной и нематериальной сфере – по О. М. Штемпелю т.н. «культурное запаздывание» [2]. Данное запаздывание проявляется как в том, что при всей мощи научного знания поиск новых идей все еще осуществляется методом «проб и ошибок», так и в недопустимой длине «инновационного лага» (времени необходимого для того, чтобы идея нашла свое практическое воплощение). При условии наличия достаточно высоко уровня инновационной мотивации в обществе такое сглаживание происходит быстрее за счет взаимной корреляции и тесной взаимосвязи всех сфер жизни общества. Но в ситуации, когда наблюдается общий низкий уровень инновационной культуры, механизм саморегуляции не заработает без активизации из вне за счет организационно-управленческих и нормативно-правовых инструментов воздействия. Говоря о проблемах российского образования и науки, необходимо отметить, что сегодня, к сожалению, статус ученого не всегда обуславливает права претендовать на статус культурного человека. Вновь возвращаясь к проблеме «культурного отставания», мы можем сказать, что данный разрыв между материальной и адаптивной (нематериальной) культурой становится все большей угрозой. Причиной отставания во времени адаптивной культуры выступает её естественный консерватизм, который обуславливает внутреннее сопротивление изменениям, и объясняется тесной связью с социальными институтами, которые консервативно ориентированы в силу исторических причин и сознательно тормозят изобретения. По словам немецкого ученого Варнеке Х.Ю., - «разделение единого мира на две среды — культуру и технику - обернется для нас катастрофой». Об этом говорят и авторы Хартии инновационного развития, которые выдвинули следующие положения: отставание инновационных процессов в организации, управлении, образовании, праве, быте от достижений научной и технической мысли тормозит развитие общества в целом; необходимо создание в обществе и, в частности, в системе образования условий, при которых инноватика была бы потребностью и общественной ценностью; необходимы концептуальные преобразования системы обучения

для создания благоприятной среды продуцирования новых идей; необходимо повышение ответственности за препятствование инновационной деятельности [5]. В целях подготовки конкурентоспособных специалистов задачей высшего образования является устранение «культурного отставания», что, по нашему мнению, достигается путем повышения уровня общей культуры, а также обязательного внедрения и популяризации научного подхода к творчеству и изобретательству: современных технологий научного поиска, принципов новой технологии решения изобретательских задач как в материальной, так и в нематериальной сферах, технологий решений производственных задач сближающих науку и практику.

Для коренного изменения ситуации в целом и формировании инновационной культуры в различных сферах жизни общества недостаточно будет задействовать только просветительский и воспитательный ресурс, но также потребуется финансовая поддержка инновационной инициативы, а также всего инструментария кадровой и административной политики и управления (нормативно-правовая база, санкции, контроль и т.д.). Помимо инновационной мотивации наряду с другими мощными факторами инновационного развития – политическими, экономическими, социальными и т.д., невозможно переоценить значение развития инновационной культуры и, в частности, мотивационной сферы, в деле социокультурного и экономического роста страны, Николаев А. считает, что «не вызывает сомнения органическая связь инновационной культуры с другими её областями. Именно инновационная культура обеспечивает восприимчивость людей к новым идеям, их готовность и способность поддерживать и реализовывать новшества во всех сферах жизни. Инновационная культура отражает целостную ориентацию человека, закрепленную в мотивах, знаниях, умениях и навыках, а также в образах и нормах поведения. Она показывает как уровень деятельности соответствующих социальных институтов, так и степень удовлетворения людей участием в них и его результатах» [3]. В связи о этим, среди основных задач высшего образования мы можем назвать аккумуляцию административно-управленческих и финансовых ресурсов для развития инновационной активности в рамках учебного процесса и других направлений деятельности университетов. Мы можем сделать вывод о том, что в современных условиях, в целях быстрого решения проблемы отсутствия инновационной культуры и низкого уровня мотивации к ведению инновационной деятельности, оправданной мерой станет консолидация усилий всех участников инновационного процесса по институциализации инновационной культуры и преобразование её развития в организованный, упорядоченный процесс, характеризуемый структурно упорядоченной системой отношений, правилами и нормами поведения, определенной мерой ответственности участников преобразования. В этой связи особенно важным представляется

проведение регулярных социологических и социально-психологических исследований на региональном, межрегиональном и международном уровне инновационной мотивации, которые позволят определить уровень её влияния на производственно-экономические показатели. Высшие учебные заведения могли бы инициировать создание на своей базе координационных центров таких исследований.

Мы считаем, что главным препятствующим факторам повышения конкурентоспособности специалистов в условиях инновационной экономики являются некоторые особенности психики человека (по К.Э. Циолковскому), внешних факторы экономического, производственного и социального характера (по Т.Н. Похилько), ограниченность эффективности стимулов материального характера в условиях высокого уровня риска и неопределенности инноваций, а также мер экономического, организационного и методического воздействия (по О.Н. Владимировой), психологический аспект – низкий уровень инновационной мотивации (по А. Николаеву). Среди основных положительных факторов необходимо назвать наличие индивидуальной структуры мотивов на каждом этапе инновационной деятельности (научный интерес, творческий и предпринимательский дух и т.д.) и «культурное запаздывание» (по О. М. Штемпелю), которое оставляет большое поле деятельности. Знания, умения, опыт, творческие способности, а также уровень инновационной культуры человека стали в экономике знаний главным фактором обновления производства и роста его эффективности. Мы считаем, что формирование и развитие инновационной культуры было бы самым эффективным способом повышения конкурентоспособности специалистов, а это, в свою очередь, требует интенсификации просветительской и культурной функции образования, повышения уровня общей культуры специалистов, освоение и применение ими новых стандартов интеллектуальной деятельности, аккумуляция административно-управленческих и финансовых ресурсов повышения инновационной активности, а также проведение регулярного мониторинга уровня инновационной культуры и исследований в данной области.

Литература

1. Владимирова, О.Н. Формирование региональный инновационных систем как фактор устойчиво развития региона / О.Н. Владимирова // Известия Иркутской государственной экономической академии [Электронный научный журнал]. – 2010 г. - № 4. – с. 120-125 - Режим доступа: http: //eizvestia.isea.ru
2. Культурология. Краткий тематический словарь. Драч Г. В., Матяш Т. П. [Электронный ресурс]. Библиотека Гумер - гуманитарные науки. Режим доступа:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Tem/10.php
3. Николаев, А Инновационное развитие и инновационная культура /Николаев А. // Проблемы теории и практики управления [Электронный ресурс]. – 2001 г. - № 5. Режим доступа: http://www.masters. donntu.edu.ua/2008/fem/dolzhenkova/library/article4.html
4. Похилько, Т.Н. Формирование инновационной системы как условие социально-экономического развития региона / Т.Н. Похилько // Гуманитарные и социальные науки. – 2010 г. - № 4. – с. 23-33.
5. Хартия инновационной культуры // Инновации, 1999. № 9-10. С. 55.
6. Циолковский, К. Э. Двигатели прогресса /К. Э. Циолковский// Изобретатель и рационализатор. – 1980 г. - № 3. – с. 32-34 режим доступа: http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/i-i-r/1980/3/tsiolk.html.

Смирнова М.И.
НИУ «Московский энергетический институт»
Москва, Россия

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЛИКОЙ РОССИИ П.Б. СТРУВЕ

Петр Бернгардович Струве (1870-1944), российский экономист, философ, социолог, историк, общественный деятель конца XIX – первой половины XX века – оригинальный мыслитель и активный участник общественного движения на Родине и затем в среде эмиграции. Струве в течение своей долгой творческой жизни эволюционировал во взглядах от легального марксизма и позитивизма к идеализму и метафизике и, в конечном итоге, сформулировал свои воззрения как философию либерального консерватизма. Свою сложившуюся концепцию мыслитель излагает в труде «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910 гг.)», изданном в 1911 году, и затем уже будет ее дополнять текстами монографий, очерков, статей.

Известно, что переломным моментом для мировоззрения П.Б. Струве стала русская революция 1905 года. В результате этой идейной перестройки возник проект Великой России, а также идеология сборника «Вехи», активное участие в издании которого принимал мыслитель. Основные аспекты философского и политического поиска Струве: проблема российской государственности, судьба России и ее место во всемирной истории, истоки и смысл русской революции, роль национальной культуры и правосознания в развитии общества и многие другие.

Концепция Великой России разрабатывается мыслителем как некий идеальный образ общественного устройства. Струве выделяет в ней ключевыми реалии государства, нации, культуры и веры (религии), заключающие в себе метафизические смыслы, но, тем не менее, имеющие воплощение в реальной практической и политической жизни. Сильное государство способно осуществлять власть, гарантировать свободу и права личности, дисциплинировать социальную жизнь; нация является выражением духовного единства государства и народа; культура обозначает духовное переживание человеком истории и общественной солидарности; вера (религия) выступает в качестве духовной основы жизни.

П.Б. Струве указывает на тесную взаимосвязь между государством, нацией и культурой. Он полагает, что нация является первичным органическим началом, центром сосредоточения потенциальной энергии, которая затем может взорваться мощью великой культуры и государственности. Национальный дух находит свое объективное воплощение в культуре, имеющей, по Струве, универсальный, всесторонний характер и как бы формально закрепляющей уровень самосознания (в первую очередь в форме правосознания) народа. Культура, таким образом, есть непосредственная среда, где формируется волевое и сознательное начало нации – государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяет силовые возможности государства, его способность подчинять себе другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правосознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше. Таким образом, государство, считает мыслитель, является квинтэссенцией, энергийным стержнем национального духа и национальной культуры [2, 329].

Согласно Струве, главное бедствие нашей страны заключается в потере чувства исторической связи большого времени культуры, что привело Россию к великой катастрофе XX века. Общенациональная и общегосударственная идея России исторической предполагает гордость за великое прошлое своей страны, осознание исторической преемственности поколений русской культуры. Мыслитель предлагает вернуться в историю, т.е. в христианский универсализм и европейскую идентичность через национальное государство. Рассуждая в «Вехах» о проблемах русской интеллигенции, он подчеркивает, что «русская идейная жизнь связана с духовным развитием других, дальше нас ушедших стран, процессы в них происходящие, не могут не отражаться на состоянии умов в России» [6]. Струве был убежден, что русская культура в своем национальном развитии достигла мирового значения, и в этом смысле представляет собой развитие христианской

цивилизации, ее ценностей, смыслов и культурного достояния. Таким образом, национальная культура способна выступить проводником идеи христианского универсализма.

Следует отметить, что христианская религия осознается П.Б. Струве в большей степени не как социальный институт, а как духовный опыт личности – мера его нравственного самосознания. Эту мысль философ формулирует следующим образом: «Я думаю, что на смену современному религиозному кризису идет новое подлинно религиозное миросозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма – идея личного подвига и личной ответственности, осложненная новым мотивом свободы лица, понимаемой как творческая автономия» [См.: 8].

Струве считает, что без христианства мир ожидает новое варварство. Христианство смогло включить в себя науку и дать светскую (гражданскую) концепцию права, защищающую идею свободы личности, открытую искупительной жертвой Христа. Носителем христианского универсализма является свободно-творческая личность и нация, идущая путем социально-культурных преобразований – путем постоянной социальной, политической, экономической работы и духовного творчества.

П.Б. Струве, как христианину, близка концепция совершенствования человека, его личности в процессе божественного и человеческого соработничества на благо культуры, понимаемой как «совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие» [7, 139]. Мыслитель развивает важнейшую тему: воспитание свободного человека в личность есть основа общественной стабильности и развития. Она зиждется на идее личной годности «… как основе и мериле всех общественных отношений…» [5, 206]. Под «личной годностью» понимается совокупность некоторых духовных свойств личности: выдержки, самообладания, добросовестности, расчетливости, на основе которых создается и развивается более производительная общественно-экономическая система. В результате идея личной годности выступает как своеобразный мост между экономикой, моралью и религией, без которой невозможно экономическое выздоровление России.

Созидание личности невозможно без культурной и политической работы. П.Б. Струве утверждает: «Бессмысленно и нельзя противопоставлять политику и культуру. Только партийная, доктринерская, сектантская, т.е. порочно направленная и ослепленная, политика может быть противопоставляема национально-культурной работе. Разумно и верно направляемая, зрячая политика в своих психологически и технически правильных средствах и подходах и в своих … высших целях и идеалах… всецело совпадает с национально-культурным деланием, им питается, его подпирает» [4, 164]. Мыслитель продолжает: «..

возведение политической работы к ее высшему культурному и, в конечном счете, религиозному смыслу… означает объединение политического действия и культурной работы в некое единое и напряженное национальное служение» [4, 708].

Таким образом, целью проекта Великой России является новое культурное и политическое сознание русского человека, а конечным результатом осознается мощь страны как результат внутриполитического, экономического и культурного развития как общества в целом, так и каждой конкретной личности. При этом культуру Струве понимает как, своего рода, ресурс самоорганизации [1, 76]; политика, по мнению мыслителя, это конкретная форма культурной работы, где метафизические ценности утверждаются через определенный набор инструментальных действий; а личность для П.Б. Струве выступает как «проекция культуры конкретного общества» [3, 62].

Следует отметить, что интеллектуальное наследие П.Б. Струве является ценнейшим достоянием отечественной культурной истории, а идеи мыслителя обретают новое звучание в контексте решения сложного спектра внутренних и внешнеполитических проблем России в современный исторический период. Концепция Великой России явилась своеобразным духовным и политическим завещанием мыслителя, в ней Струве излагает свое кредо мыслителя, христианина, политика, патриота и человека русской культуры. Мы полагаем, что взяв за основу идеи П.В. Струве, можно «освоить историческое предание в живом творческом опыте строительства культуры» [1, 78], а также обеспечить историческую преемственность социально-экономического, государственно-политического, религиозного и художественного опыта на уровне самосознания и поведенческих моделей человека русской и, в целом, мировой культуры.

Литература

1. Жукова, О.А. Либерально-культурный проект П.Б. Струве и реалии современной России / О.А. Жукова // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12. – С. 73-79.
2. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. – 639 с.
3. Оганян, К.К. Анализ личности в социально-философской концепции П.Б. Струве как представителя легального направления марксистской школы российской социологии / К.К. Оганян // Вестник КРСУ. – 2014. – Том 14. – № 6. – С. 59-64.
4. Струве, П.Б. Дневник политика (1925–1935) / П.Б. Струве. Москва: Русский путь; Париж: YMCAPress, 2004. – 872 с.
5. Струве, П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство / П.Б. Струве // Интеллигенция – Власть – Народ. М.: Наука, 1992. С. 205-211.

6. Струве, П.Б. Интеллигенция и революция / П.Б. Струве // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909 [Электронный ресурс]. URL : http://www.vehi.net/vehi/struve.html (дата обращения: 19.02.2015).
7. Струве, П.Б. Очерки философии культуры / П.Б. Струве // П.Б. Струве, С.Л. Франк. Избранные сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 138-150.
8. Струве, П.Б. Религия и социализм / П.Б. Струве // Patriotica: Сб. статей. СПб., 1911. С. 607-611.

Солодова Е.В.
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире, в котором люди и их культуры многообразно переплетены, когда это взаимодействие распространяется на все области человеческой деятельности, как на уровне деловой активности, так и на уровне досуговой повседневности, диалог культур представляет собой наиболее продуктивную форму взаимоотношений. Данный процесс уникален благодаря своей двойственной природе. С одной стороны, происходит взаимное обогащение культур неизвестным опытом других наций и народов, а с другой - усиливается переживание уникальности и неповторимости своего народа и культуры.

Обязательным условием для осуществления диалога культур является наличие общей среды, в которой и будет происходить такое взаимодействие, базирующееся на принципах толерантности и уважения. В этом отношении особый культурологический интерес вызывают вузы, в которых обучаются студенты из разных стран, и, как следствие, различных национальностей, культур и конфессий.

Современное образование вызывает немало нареканий, что связано как со снижением качества образования, так и с возникновением проблемы восстановления утраченных мировоззренческих установок, направленных на воспитание активной гражданской позиции и патриотизма. Люди старшего поколения зачастую испытывают пессимизм от выбора будущими специалистами и бакалаврами базисных ценностей, ориентированных на

прагматизм и материальное потребление, а также от их размытой культурной самоидентификации, потакающей возрождающемуся кинизму с его космополитическими лозунгами. Но, как бы там ни было, в настоящее время вузы продолжают оставаться не только сферой образования, но и наиболее значимой сферой самореализации и самовыражения молодежи, сферой её профессионального становления, формирования интеллектуального потенциала страны, составления студенчеством своей картины мира, в том числе – благодаря межкультурному диалогу.

В последние годы в России осуществляется переход на новую систему образования и воспитания, целью которой является формирование высокодуховной личности, опирающейся на социокультурный опыт многих поколений, включая и советский период. Можно сколько угодно критиковать так называемое коммунистическое воспитание с его интернациональным уклоном, но, тем не менее, в нем четко прослеживался процесс формирования как своей культурной идентичности, так и уважения к другим культурам.

Это важно учитывать, так как известное снижение значимости воспитательного аспекта в деятельности вузов в ранний постсоветский период успело принести свои негативные плоды. Можно отметить, например, неспособность современной молодежи адекватно оценивать усилия части средств массовой информации дезориентировать их молодые умы, возбудить агрессию и жестокость, в том числе и в межкультурном диалоге, размыть национальное самосознание и культурную идентичность каждого, кто обделен критическим взглядом и здоровым скептицизмом.

Обучаясь в вузе, каждый студент через систему воспитательной работы должен осознать, что только человек, усвоивший этические и эстетические традиции своего народа, по-настоящему сможет понять традиции другого, правильно оценить возможности межкультурного взаимодействия, способствовать его развитию и обогащению.

Поэтому, отнюдь не риторическим является вопрос о возможности преодоления негативных последствий межэтнической нетерпимости и создания эффективного механизма конструктивных этносоциальных взаимоотношений, в основе которых лежало бы мультикультурное воспитание и образование. Для современной молодежи, в том числе студенчества как её части, важно разъяснить такие похожие, но в то же время разные понятия как «интернациональное воспитание» и «мультикультурное воспитание».

Как уже было сказано выше, система интернационального воспитания была характерна для коммунистического прошлого нашей страны. Что она собой представляла?

Под интернациональным воспитанием понимается формирование чувства единства, дружбы, равенства и братства, объединяющего различные народы и культуры,

формирующего принципы межнационального общения, нетерпимости к проявлению национальной ограниченности и шовинизма [1]. Необходимо заметить, что ведущую роль в процессе становления интернационального сознания, играло содержание образования, изучение литературы, истории, права и т. д., в рамках вышеупомянутого контекста.

Что касается мультикультурного воспитания, то это стратегия, ориентированная на преодоление культурного отчуждения, признание основополагающими демократические ценности, такие как права человека, свобода, солидарность, плюрализм [2]. Нетрудно заметить разницу: интернациональное воспитание, прежде всего, ориентировано на дружбу и братство между народами, тогда как мультикультурное – на толерантность.

Становится очевидным, что в современной ситуации глобализации и, вместе с тем, межнациональной напряженности, назрела потребность в выработке новых, более эффективных программ по воспитанию студентов, готовых к конструктивному межкультурному диалогу.

В работах Андреевой С.М. отмечается, что для межкультурного диалога необходима принадлежность участников коммуникации к различным культурам и осознания ими культурных отличий друг от друга, чтобы в процессе взаимодействия можно было распознать, проанализировать и правильно использовать эти отличия. При этом важно учитывать, что каждый участник диалога располагает собственной системой правил и ценностей. Отсюда следует, что степень мультикультурности каждого конкретного человека зависит от его толерантности, предприимчивости, личного опыта [3].

В этой связи необходимо отметить важность овладения всеми участниками диалога культурологическим тезаурусом, то есть тем информационным этнологическим минимумом, позволяющим дать адекватную оценку другой культуре для осуществления последующего взаимодействия. Такой тезаурус обязательно должен присутствовать в каждой образовательной программе, являться важной составной частью гуманистической и культурологической компетентности студента и будущего молодого специалиста, члена современного общества

Луков В.А. в одной из своих работ приводит новый культурологический термин для характеристики особой формы диалога культур – это «взаимоотражение». Культура того или иного народа также описывается им через понятие «тезаурус», представляемый как общий образ некоторой части мировой культуры, которую может освоить субъект, структурируя такой тезаурус по принципу «свое-чужое» [4]. Акцент делается, прежде всего, на освоение и понимание «чужого», способности систематизировать полученную культурную информацию в соответствии со «своими» мировоззренческими установками. В этом отношении вузы

стали одной из основных площадок для межкультурного диалога.

На очной форме в БГТУ им. В.Г. Шухова в 2014 году обучалось 663 иностранных студента, в том числе из бывших союзных республик 257 человек, из дальнего зарубежья – 406. Первичные навыки межкультурного диалога в университете формируются в процессе адаптации иностранных студентов к новым условиям обучения и быта. Особенно это затрагивает представителей дальнего зарубежья, так как студенты из бывших союзных республик, благодаря общей семидесятилетней истории и опыту межнационального общения нескольких поколений, в своем большинстве, имеют общие элементы культуры.

Иностранные студенты, как правило, организуют свои землячества по национальному и территориальному признаку. Удобным пространством для этого становятся студенческие общежития. Студенты - иностранцы активно сотрудничают с основным контингентом обучающихся. Чаще и ярче всего это проявляется в культурно - досуговой деятельности и спортивных мероприятиях.

В культурно - досуговой деятельности можно выделить следующие направления. Это, прежде всего, национальные праздники. Студенты – иностранцы готовят Дни своих стран, в их программу входят выставки национальной одежды, музыкальных инструментов, фотогалереи о жизни той или иной страны, мини – концерты, на которых также знакомят зрителей со своей страной, своими традициями, песнями и танцами. Более того, в последнее время, достаточно большое количество студентов (и не только технологического университета) посещают школы латиноамериканских танцев, где в обстановке творчества и эмоционального подъема происходит взаимообогащение, «взаимоотражение» культур, поиск общего и особенного, формирование того самого толерантного и уважительного отношения к различным расам и национальностям.

Формирование принципов солидарности происходит также и в результате совместного участия в различных внутривузовских и межвузовских концертах, КВНах, выпускных вечерах, вечерах специальностей, в студенческих строительных отрядах, студенческом оперативном отряде и т.д.

Особую роль в плане формирования межкультурного диалога следует отвести спортивным мероприятиям, где интернациональные команды отстаивают честь факультетов и вузов, что способствует установлению новых форм и видов общения, сближению интересов, выработке активной жизненной позиции.

Культура относится к такого рода явлениям, которые не могут существовать обособленно. Поэтому очень важно в каждой сфере человеческой жизнедеятельности, а особенно в образовании, создавать все возможности для обеспечения культурного диалога,

устранения культурной дистанции, что, несомненно, будет способствовать развитию конструктивных межнациональных связей, уменьшению напряженности в отношениях между людьми и странами, сохранению традиций и этнической неповторимости.

Литература

1. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации /И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под. Ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной.-М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.- 632 с.
2. Там же. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации /И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под. Ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной.-М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.- 632 с.
3. Андреева С.М., Андреева А.М. Место и роль высоко- и низкоконтекстных культур в межкультурной коммуникации / С.М. Андреева, А.М. Андреева // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова.-2014.-№3. С.230.
4. Луков Вл. А. Диалог культурных тезаурусов [Электронный ресурс] //Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. №9 – Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue/[архивировано в WebCite] (дата обращения 15.03.2015)

Сопова И.В.

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ

Соотношение языка и культуры – одна из актуальных тем современного общества, которая не только даёт обширный материал для исследований лингвистов, философов, психологов и представителей смежных научных направлений, но и вызывает живой интерес у большинства населения во всём мире.

Известный учёный-лингвист С.Г. Тер-Минасова указывает на то, что «важнейшим фактором развития человеческого общества является взаимодействие, взаимозависимость, взаимосвязь языка и культуры» [6, 17].

В ситуации глобализации, расширения межкультурных связей различных народов, взаимопроникновения разных культур и языков появилось определение «диалог культур»,

которое представляет собой смягчённый вариант понятия «конфликт культур». Неоспоримым является факт аккумуляции культурных концептов в языковой структуре, особенно во фразеологическом фонде языка. Концепт представляется многими учёными-языковедами как ментальное образование, сгусток культуры в сознании представителя нации, отражающий стереотипы его мышления и поведения, взаимосвязь представлений, понятий, пласта знаний, опыта, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово. Национально-культурная специфика мышления, отражаемая во фразеологии, проявляется главным образом на уровне коннотаций. Интерпретация образно-мотивированного содержания фразеологических единиц происходит благодаря культурно-языковой компетенции носителей языка (и одновременно культурным традициям) [4, 7].

С помощью умелого использования устойчивых словесных комплексов можно варьировать определённые мыслительные образы. Многие сферы современной жизни и деятельности людей основываются на языковых манипуляциях, одной из таковых является политика, в которой идиоматические выражения появляются весьма часто.

Фразеология является надёжным и неисчерпаемым источником информации о системе ценностей, национальном характере, культуре народа. Проникнув во все важнейшие области общественной жизни, в политическом дискурсе она нашла достойное место для своей реализации. Обратимся к примерам высказываний некоторых политических деятелей, в выступлениях которых умело и активно применяются устойчивые словесные комплексы. Одним из современных политиков, речь которого пестрит подобными языковыми единицами, является президент России В.В. Путин.

Рассмотрим некоторые фразы из публичных выступлений главы государства РФ:

«Мы это видим всё *своими глазами*, на протяжении длительного периода времени». [7]

«В этот день по традиции мы чествуем тех, кто посвятил себя ратной службе, для кого обеспечение суверенитета и безопасности Родины, защита своего народа стали смыслом жизни, кто *бережёт честь мундира* и безупречно выполняет свой долг». [7]

«В разные исторические эпохи они не давали врагу покорить Россию, защищали её от нашествий, не щадя себя, *отстаивали каждую пядь родной земли*». [7]

«... *поставили* победную *точку* во всей Второй Мировой войне». [7]

В представленных образцах речи В.В.Путина просматриваются патриотические тенденции. Выражения «бережёт честь мундира», «отстаивать каждую пядь родной земли», являющиеся устойчивыми словесными комплексами, знакомыми всем россиянам, выбраны не зря для данного выступления. Обогатив речь подобными языковыми формами, президент

таким способом усиливает воздействие на аудиторию, затрагивая в сознании слушателей образы гордости, достоинства, патриотизма. Выражение «поставить точку (в каком-то вопросе, решении проблемы)» расширено определением «победный», которое в данном контексте тематически обоснованно.

В следующих примерах употреблены фразеологизмы с отрицательной коннотацией:

«И это притом, что её экономика *находится в* крайне *плачевном состоянии* и поддерживается в основном за счёт международных, в том числе российских, средств».

«*Нашли общий язык* и договорились со всеми политическими силами и регионами страны». [2]

«Вы *затронули* очень *больную тему* – тяжёлые, трагические события на Украине».

«Кстати говоря, многие люди уклоняются уже от мобилизации, стараются к нам переехать, здесь пересидеть какое-то время, и правильно делают, потому что их просто толкают туда, как *пушечное мясо*, под пули.»

«Здесь Владимир Стефанович командует, он такой у вас крепкий руководитель, *подмял всё под себя* и сам всё распределяет»

«Она не *с потолка взята*, эта позиция». [1]

Выражения «находиться в плачевном состоянии», «затронуть больную тему», «пушечное мясо», «подмять под себя», «взять с потолка» сами по себе, даже вне контекстного оформления имплицитно содержат негативные смысловые характеристики, олицетворяя проблемы, беспокойство, недоработки, недостатки в обществе. В тематическом употреблении подобные устойчивые словесные комплексы помогают ярче выразить отношение к сказанному, привлечь внимание реципиентов, придать образность речи.

С завидным постоянством в политическом дискурсе главы России встречаются устойчивые образцы речи религиозной направленности:

«Добровольчество, благотворительность, меценатство имеют в России глубокие корни, а чувство гражданского долга, патриотизм, доброта, милосердие всегда являлись нашими базовыми ценностями. И ничего с веками, *слава богу*, в этом смысле не меняется». [8]

«... мы будем исполнять все наши социальные обязательства, опираясь на те резервы, которые у нас есть. И, *слава богу,* они у нас даже в этот год подросли.» .[5]

«*Бог в помощь*, пусть работает». [5]

Россия – страна, где основной конфессией является христианство и большей части населения, особенно старшего возраста близка религиозная тематика. В связи с данными обстоятельствами употребление с высоких трибун словосочетаний «слава богу», «Бог в

помощь» так же характеризуют представителя власти как человека, которому близки народные переживания и интересы, знание библейских заповедей и верований. А поскольку религиозные обряды, традиции так же отражают культурные концепты, то вкрапления словосочетаний подобного характера приближает президента к народной культуре.

Нередко в речи В.В.Путина встречаются разговорные, просторечные фразеологизмы, в семантике которых сосредоточена история культуры народа:

«... понятно, а если *по сусекам поскрести*, можно на рынок выйти?». [5]

«Я в своё время уговаривал Михаила Николаевича Саакашвили, который сейчас *в бегах находится*, <...> его *гоняют, как вшивого по бане*, по всему миру сейчас действующие грузинские власти - не по нашей инициативе...». [5]

Приведённые примеры содержат выражения с высокой степенью идиоматичности, аккумулируя в своей семантической структуре яркие образы, и чётко отображают представленную ситуацию.

«Как всегда, мы с волнением ждём этот праздник, загадываем желания, дарим друг другу подарки, радуемся замечательной традиции встречать Новый год *в семейном кругу*, с родными для нас людьми и друзьями. Атмосфера добра, внимания и щедрости согревает наши сердца, открывает их *для светлых помыслов* и благородных дел, вселяет надежду». [3]

И в конце данной статьи не лишними будут слова С.Г.Тер-Минасовой: «язык- это живая, непрерывно работающая и развивающаяся способность к общения с другими людьми, которая формирует личность своего носителя, определяет его место в обществе, его судьбу; это особый дар, который принадлежит не одному «носителю», а всему коллективу, всему народу, объединённому этим языком, это не личная, а общественная собственность». [6, 21].

Как видим, представители правящих кругов являются неотъемлемыми репрезентантами культурного наследия своего народа, государства. Использование фразеологического фонда языка в своих выступлениях приближает данных руководителей к своим потенциальным избирателям, помогает им достигнуть главной цели политического дискурса – завоевания, укрепления и удержания политической власти. Основной состав избирателей – это среднестатистический житель страны, член общества, который ожидает от выступающего лидера понимания и отстаивания интересов большинства людей. Высказывания с использованием привычных и доступных словесных комплексов фразеологического характера привлекают внимание и интуитивно располагают к доверию, делая политического деятеля «своим» среди народных масс.

Литература

1. Встреча со студентами Горного университета. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/47519 (дата обращения: 16.03.2015).
2. Интервью ежедневной египетской газете «Аль-Ахрам». [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/47643 (дата обращения: 16.03.2015).
3. Новогоднее обращение к гражданам России. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/47446 (дата обращения: 06.01.2015).
4. Сопова И.В. Фразеология и институциональный дискурс в лингвоперсонологическом аспекте. автореф. дисс. … к-та фил. наук. Белгород, 2011.
5. Стенограмма итоговой пресс-конференции Владимира Путина. [Электронный ресурс]. URL : http://www.rg.ru/2014/12/18/stenogramma-site.html (дата обращения: 25.03.2015).
6. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики…: учеб. пособие – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 [2] с.
7. Торжественный вечер, посвящённый Дню защитника Отечества. [Электронный ресурс]. URL : http://kremlin.ru/transcripts/47720 (дата обращения: 02.03.2015).
8. Форум «Государство и гражданское общество». [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/transcripts/47480 (дата обращения: 16.03.2015).

Станкович Б.В.
Нишский университет,
Ниш, Сербия

ON THE *DIALECT(S) AND/OR LANGUAGE(S)* PARADOXES IN SOUTH SLAVIC AREA

The paper deals with the issue of linguistic and extralinguistic substruction for proclaiming particular South Slavic language varieties as distinct languages or dialects by various scientific communities. Different criteria have been applied in the literature: mutual intelligibility, structural and/or lexical similarities/differences, common cultural and political history, history of language standardization, the universal right for self-determination etc. We highlight three paradoxes. First, the paradox that identical variety can be labeled differently by members of different ethnic communities. Second, the paradox of using only the arguments that suit the thesis to be maintained and proved in the discussion. Finally, the paradox that a South Slavic linguist is compelled to label their research area depending on the audience they present their work to.

Literature

1. Babić, Stjepan (2007). Unitaristi u ofenzivi, Fokus, Zagreb.
2. Glušica, Rajka (2007). Crnogorski umjesto srpskog, Vijesti, Podgorica (26. 10. 2007)
3. Kovačević, Miloš (2003). Srpski jezik i srpski jezici, Beograd: BIGZ, SKZ.
4. Peti-Stantić, Anita (2008). Jezik naš i/ili njihov. Zagreb: Srednja Europa.
5. Smith, Dan & Paul Chilton (1998). Language and Conflict: A Neglected Relationship, Clevedon, UK, Philadelphia: Multilingual Matters.
6. Български диалектен атлас, Том 3. Югозападна България: Ч.1. Карти и Ч.2. Статии, коментари, показалци / Под общата редакция на Стойко Стойков. Отговорен редактор Кирил Мирчев. София: Издателство на БАН, 1974.
7. Български диалектен атлас, Том 4. Северозападна България: Ч.1. Карти и Ч.2. Статии, коментари, показалци / Под общата редакция на Стойко Стойков. Отговорен ределактор Иван Кочев. София: Издателство на БАН, 1980 (част 1); 1981 (част 2).

Сучалкин Е.А.

Белгородский государственный аграрный

университет им. В.Я. Горина,

Белгород, Россия

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ. НА ОБСУЖДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КНЯЖЕСТВА БОЛГАРИИ

В своей статье мы предприняли попытку проследить и сравнить отношение российской прессы либерального и консервативного направлений к общим проблемам государственного устройства вновь возрождённого болгарского государства. Характерно что при подобных оценках публицисты отечественных изданий зачастую эзоповским языком выражали свои ожидания относительно политического устройства собственной страны.

Довольно интересной представляется позиция консервативных публицистов «Московских ведомостей». С одной стороны, в статье С.С. Бобочева, вышедшей в апреле 1878 г., озвучивается предложение к русской гражданской администрации в Болгарии организовать издание газеты на болгарском языке в целях борьбы с распространением фальшивых слухов. Аргументация при этом необычно смела для консервативного издания: «Опасения будто бы печать в теперешнее ненормальное время опасна для Болгар не

выдерживает строгой критики. Кто знает Болгар, их настроение, их развитие, тот не побоится дать самый широкий простор печатному слову и по возможности полную свободу обсуждения разных вопросов, конечно под личною ответственностью автора и при известной строгости закона насчёт преследования и наказания тех кто вздумали бы злоупотреблять печатным словом».[4, 1878, 8 апреля] Подобные идеи высказывались в газете на общем фоне прослеживаемого желания консерваторов «поставить освободительное движение болгар под контроль русского командования».[6, 170]

В начале 1879 г. с открытием Тырновского учредительного собрания московская газета всё чаще обращается к вопросам государственного устройства южных славян. Оценивая проект органического устава государственного устройства княжества, журналисты особо приветствовали широкие властные полномочия, предоставляемые князю: «В юных обществах, только что начинающих жить самостоятельною жизнью, наибольшую опасность всегда представляет неустойчивость происходящая от безвластия и споров за власть».[4, 1879, 15 февраля] Месяц спустя в один из мартовских номеров «Московских ведомостей» помещается обширная статья «Внутреннее устройство Черногории», которая по большому счёту представляла собой обширное цитирование выдержек из статьи известной черногорской газеты «Глас Црногорца».[Там же, 14 марта] В статье на примере государственного устройства Черногорского княжества фактически обосновывается необходимость самобытного и постепенного развития государственных структур, минимального заимствования из политической жизни других стран, да и то при условии полного соответствия новаций народному духу: «Всякая внезапная перемена, всякое заимствование извне, всякое присвоение чужих учреждений в государственном организме – по нашему мнению должны нам только вредить».[Там же] Автор статьи черногорского издания (и, надо полагать, редакция московской газеты тоже) выступает против принятия конституции, «которая в большей части так называемых образованных европейских государств есть ложь и обман»: «…мы хотим без *конституции* проводить в жизнь те прогрессивные идеи (разумеется, насколько они соглашаются с нашим народным духом), которые в других государствах и с конституцией…могут утвердиться» [Там же].

Размещение статьи такого рода буквально за месяц до принятия Тырновской конституции и в самый разгар её подготовки, могло быть попыткой московских консерваторов переубедить ту часть российского общества, которая ожидала предоставления конституции в самой России по примеру Болгарии. Само известие о принятии конституции в княжестве московские газетчики встретили, как и следовало думать, не слишком радушно (выразив попутно в передовой статье все свои общие ожидания относительно устройства

Болгарии), и при этом положительно оценили прежнюю работу российской администрации на Балканах:

«...к сожалению, мы не захотели ограничиться временным управлением; мы сочли нужным слиберальничать, одарить освобождённый нами народ полным “устройством” по последнему шаблону ходячих фраз;...Дай Бог чтоб этот “устав” не привёл к печальным последствиям, чтоб он не возбудил прежде времени деморализующую народ бесцельную борьбу партий, какая была в Румынии, Греции, Сербии и какой не знает Черногория. Твёрдая власть была бы теперь всего полезнее для Болгарии, болящей и измученной; в единении с народом, эта власть вернее выработала бы учреждения согласные с духом народа и его действительными потребностями» [Там же, 20 апреля].

Газета «Голос», традиционно относимая к либеральным изданиям, ещё с самого начала войны декларировала, что Россия начинает освободительный поход во имя западной цивилизации и европейской свободы: [3, 1877, 3 апреля, 1878, 1 марта]. «Не старинные порядки собираемся мы вводить в чужом государстве – мы хотим только улучшить быт христиан на Балканском полуострове, изнемогающих под игом антиевропейского, азиатского строя» [Там же, 1877, 3 апреля]. После завершения русско-турецкого конфликта публицист петербургской газеты Е.Л. Марков в своём фельетоне ставил в укор временному гражданскому управлению Болгарией недостаточное внимание к интересам болгарского народа: «Население Болгарии весьма недвусмысленно выражало свои желания приобрести самостоятельное устройство без внешней помощи, чувствуя в себе необходимые для этого силы...» [Там же, 1878, 10 марта]. Либералы петербургской газеты ещё неоднократно высказывали пожелания скорейшего вовлечения болгар в строительство собственной государственности [Там же, 17 марта]. В одном из фельетонов Е. Марков, обратив внимание на новую статью журнала «Вестника Европы» (как и «Голос», традиционно относимого к либеральным изданиям), полностью соглашается с высказанной в ней мыслью, что «основной источник наших болгарских недоразумений» – наша собственная «неподготовленность к политическому воспитанию освобождаемых народностей» [Там же, 6 июля].

Довольно любопытным представляется отношение журналистов петербургской газеты к подготовке Тырновским учредительным собранием и принятию конституции в первой четверти 1879 г. В одном из фельетонов, в преддверии принятия конституции, либералы карикатурно изображали современного славянофила, требующего разогнать нагайками свободолюбивое учредительное собрание неблагодарных болгар, вздумавших провозгласить у себя различные свободы, следуя «по стопам тлетворного и гнилого Запада»

[Там же, 1879, 1 апреля]. В том же номере либералы ярко приветствуют вести об установлении Тырновским собранием окончательной формы народного представительства и провозглашении в княжестве полных свобод печати и вероисповедания, либералы отмечали [Там же]. С не меньшей радостью встречали журналисты «Голоса» весть о завершении работы над проектом конституции: «Сегодня именитые болгарские граждане, собравшиеся в Трнове для политической организации своего нового государства, расходятся, радуясь утверждению в своём отечестве политической свободы и благословляя имя своего освободителя, русского Императора» [Там же, 15 апреля].

Однако, несмотря на такую, в целом, либеральную позицию с нередкой апелляцией к ценностям европейской цивилизации, в разгар работы Тырновского собрания «Голос» размещает у себя статью, посвящённую проекту болгарской конституции и содержащую критику как чрезмерной подробности конституционных положений для столь молодого государства, так и излишней опоры на общеевропейские шаблоны [Там же, 25 марта]. В статье отмечалось, что при разработке проекта «следовало ограничиться самым необходимым, воздержаться от подробных и окончательных конституционных формул», что было бы «не только удобнее для нас, но и плодотворнее для будущего развития государственной жизни в Болгарии». «Для разрешения этой задачи, – развивали тему либералы, – достаточно было несколько статей...вместо ста семидесяти статей проекта болгарского органического устава...» [Там же]. Отгадка подобной противоречивости позиции «Голоса» может быть связана с личностью владельца и издателя петербургской газеты А.А. Краевского – человека, политически гибкого и готового приноравливаться к настроениям читателей и властей. Достаточно сказать, что о реальных политических убеждениях официального редактора «Голоса» до сих пор не сложилось единого мнения в историографии [5, 50 – 51].

В целом, по заключению историка А.А. Алафаева, исследовавшего материалы «Вестника Европы» за рассматриваемый нами послевоенный период, венец деятельности России на Балканах – конституционное устройство Болгарии – значительно оживило либеральное общество, пребывавшее в тщетных и томительных ожиданиях «больших перемен». Россия, предоставив в 1879 г. конституцию Болгарии, обострила конституционный вопрос у себя. В русской печати запрещалось говорить о конституции. Поэтому либеральные публицисты, обнажая печальные стороны «домашнего неустройства», писали о конституции, пользуясь эзоповским языком [1, 147 – 148].

На страницах «Вестника Европы» значительное внимание уделено критике временного гражданского управления в Болгарии и дальнейшей перспективе

взаимоотношений с южными славянами. Журналисты подчёркивали, что дальнейшее развитие межнациональных отношений с болгарами во многом будет зависеть от зрелости и уровня развития самого общества (в т.ч. и его политического положения), [2, кн. 6, 759 – 760] предрекали, что без интенсивного внутреннего развития Россия постепенно утратит своё влияние на южных славян и её место на Балканах займут другие державы [Там же, кн. 5, 284 – 285, 310.]. Вообще, при рассмотрении вопроса о временном гражданском управлении в Болгарии и его недостатках публицисты журнала систематически обращали внимание (намеками или прямыми заявлениями) на необходимость реформирования собственного государственного устройства [Там же, кн. 2, 676, кн. 3, 383].

Итак, можно заключить, что в отношении к государственному устройству молодого Болгарского княжества и, в частности, к принятию Тырновской конституции в апреле 1879 г., внутри российской прессы наблюдалось существенное размежевание позиций по идейно-политическим лагерям. Представители либеральной печати временами излишне жёстко критиковали деятельность русской администрации на Балканах, в целом, благодушно оценивали принятие конституции, предусматривавшей сильное ограничение княжеской власти народным представительством. Активно освещая вопросы временного русского управления Болгарией и будущего политического устройства этой страны, публицисты-либералы фактически эзоповским языком намекали обществу и государству на необходимость политических сдвигов и в самодержавной России, в частности, принятия конституции и ослабления цензуры.

«Московские ведомости» М.Н. Каткова в отличие от либеральных изданий неодобрительно отзывались о принятии Тырновской конституции. На страницах газеты консерваторы отстаивали необходимость учреждения в Болгарии сильной княжеской власти, наделённой самыми широкими полномочиями, а также предлагали тырновскому национальному собранию отказаться от увлечения конституционными теориями и, взяв пример с Черногории, постепенно развивать у себя самобытные институты власти с минимальным заимствованием извне. Надо полагать, что, выражая подобные идеи, московские консерваторы намекали и российскому обществу на необходимость отказаться от мысли о конституционных преобразованиях в самой России.

Литература

1. Алафаев А.А. Русско-турецкая война 1877 – 1878 годов на страницах журнала «Вестник Европы» // История СССР. – 1984. – №4. – С. 143 – 150.
2. «Вестник Европы». СПб., 1878.
3. «Голос». СПб., 1877 – 1879 гг.

4. «Московские ведомости». М., 1878 – 1879 гг.
5. Сумина Е.В. Общественное движение в России в период Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. Дис....канд. ист. наук. Челябинск: РГБ, 2006. – 221 с. [Электронный ресурс]. URL : http://diss.rsl.ru/diss/06/0518/060518026.pdf
6. Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 154 – 189.

Сямина О.В.
Белгородский государственный национальнеый исследовательский университет,
Белгород, Россия

ФЕНОМЕНЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ: СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Семейный (фамильный) портрет – это особый и весьма значимый феномен повседневной культуры России, история которого ведет свое начало с петровской эпохи. В XVIII-XIX вв. собственные коллекции живописных семейных портретов имели многие дворянские и купеческие династии (Романовых, Шереметьевых, Голицыных, Воронцовых, Строгановых, Шуваловых, Вяземских, Куракиных, Рябушинских, Киселевых, Карзинкиных, Мазуриных и др.). Авторами произведений являлись как знаменитые художники России – Аргунов, Рокотов, Боровиковский, Тропинин и др., так и малоизвестные талантливые живописцы-самоучки, наследие которых сегодня актуализировано отечественными искусствоведами и всесторонне изучается. Без фамильных портретных галерей невозможно представить себе мир классической русской усадьбы.

Изобретение фотографии в середине XIX века привело к широкому распространению фотографических семейных портретов, как персональных, так и групповых. В дореволюционной России, особенно в эпоху модерна, складываются характерные приемы постановки таких портретов, которые чаще всего создавались в условиях специальных фотоателье. В качестве фотографов нередко выступали выпускники Академии или других художественных заведений, которые были хорошо знакомы с законами композиции в искусстве. Можно отметить, что сам процесс фотографирования и подготовки к нему являлся важным и ответственным событием в жизни семьи. Одновременно формируется культура хранения и экспонирования семейных портретов: появляются фотоальбомы (которые становятся семейной реликвией), на смену классическому картинному багету

приходит декоративная фоторамка, оформление которой отражало широкий спектр стилистических тенденций современности; начинают применяться паспарту, поясняющие подписи, автографы и др. Семейные фотографии развешивались на стенах в кабинете или гостиной, расставлялись на комодах, полках, каминах.

Несмотря на то, что рукотворные живописные портреты сменили фото-образы, созданные с помощью технических средств, семейный портрет прошлых лет выполнял свою главную «миссию» - быть хранителем и транслятором семейного мифа, своеобразным мостом между бытом и бытием, прошлым и настоящим в жизни семьи, рода.

В XX веке, особенно во второй его половине, вследствие разрушения традиционного семейного уклада, разрыва «нитей родового предания», семейный портрет как особый жанр искусства и бытовой культуры уходит в прошлое. Ему на смену приходят «моментальные» снимки, фиксирующие различные события жизни, или любительские фотографии членов семьи, которые редко несут в себе образное начало и, следовательно, вряд ли могут быть названы портретами. Домашние портретные галереи, в которых наглядно представлено родовое древо с образами предков, превратились в ретро-экзотику, которой в реальной жизни уже не было места.

Но чувство рода в человеке глубинно и неискоренимо, и сегодня оно вновь пробуждается! В последнее время в России все больше людей проявляют интерес к вопросам генеалогии, к истории собственного рода, что говорит об укреплении духовных основ нашего общества, возрастании роли традиционных ценностей. Эта тенденция актуализирует вопрос о возрождении почти забытой в XX веке традиции семейного портрета, семейных фамильных портретных экспозиций. В данной ситуации перед деятелями культуры и образования страны встают важные социальные задачи: формировать у наших соотечественников, особенно у молодежи, генеалогическую культуру, научить грамотно вести генеалогические изыскания; помочь вернуть (с учетом современных реалий) в практику повседневной жизни семейные портреты и портретное генеалогическое древо – без которых дом холоден и пуст, словно очаг без огня.

Популяризируя сегодня генеалогические знания, нельзя обойти вниманием наследие русских историков-генеалогов (Савелов, Арсеньев, Кашкин, Руммель, Чернопятов, Чулков и др.) и философов (Флоренский, Ильин, Иванов, Розанов и др.) начала XX века, которые заложили теоретический фундамент генеалогии как науки. Они прекрасно понимали возможные последствия семейной неукорененности и ослабления родовой памяти для судьбы России. Особую актуальность сегодня имеют работы выдающего русского мыслителя П.А. Флоренского. Разработку концептуальных проблем генеалогии Флоренский

сочетал с тщательным изучением истории своего рода, по крупицам собирал сведения о близких и дальних родственниках. Принципиальной позицией Флоренского было признание рода духовным целым, имеющим свою идею, историческую задачу, смысл которого сквозит в каждом члене его. Родовое самосознание – основа личности, гарантия ее целостности. «Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа…. Чем больше связей, чем глубже вошла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем культурнее, тем более культурная масса личности: личность тем более носит в себе то, что более ее самое» [1,29]. Заслуживает внимания трактовка Флоренским понятия «благородство»: «Благороден тот, в чьем виде зрим род его, то есть в чем лице видно вечное и вселенское…» [1,123].

В 1991 году в России возрождено Русское генеалогическое общество (впервые создано в 1897 году), которое много делает для активизации генеалогических исследований и распространения генеалогических знаний. Во многих образовательных учреждениях нашей страны сегодня дети в той или иной мере знакомятся с основами генеалогии, учатся составлять генеалогическое древо своей семьи. В средствах массовой информации и интернет - пространстве этой теме уделяется все больше внимания.

Возрождение семейного портрета, семейных портретных галерей, как показывает практика, сегодня сопряжено с рядом проблем, в том числе связанных с низким художественно-эстетическим качеством заказных портретов, выполненных в технике масляной живописи или фотографии, а также дизайна генеалогической экспозиции. Ведь домашняя портретная галерея должна служить еще и украшением дома!

Сегодня многие художники – живописцы и фотографы - обращаются к жанру семейного портрета, более того это направление творчества становится частью современного арт-рынка. В интернете можно найти множество сайтов, на которых предлагается выполнить семейный портрет на заказ и, судя по всему, эти предложения пользуются спросом. Знакомство с такого типа работами почти всегда вызывает разочарование. Чаще всего это малохудожественные произведения, сделанные по фотографиям, а нередко и просто фотографии, обработанные с помощью фотошопа. Жаль, что не очень искушенные в искусстве люди приобретают такие портреты. Распространенным приемом является ретро-стилизация с помощью фотомонтажа, что вообще выглядит вульгарно (хотя многие заказчики предпочитают именно такой вид портрета).

Семейный портрет – особый жанр искусства, создание которого требует от художника (живописца или фотографа) понимания его специфики и серьезной работы, в том числе с моделью. В таком образе важно с одной стороны подчеркнуть индивидуальность

портретируемого, а с другой выявить родовые черты (как писал Флоренский, «смысл рода сквозит в каждом члене его»), желательно обозначить принадлежность к роду какими-либо семейными символами или атрибутами. Наиболее уместно с точки зрения стиля реалистическое решение образа, хотя не исключены и другие трактовки.

Идя навстречу потребностям современного человека, многие дизайнерские фирмы сегодня предлагают различные варианты оформления семейного древа: это различные комбинации фоторамок чаще всего в ретро-стиле, панно, оформление фотоальбомов и др. Здесь есть удачные примеры, но их, к сожалению, не так много. Преобладают стандартизированные, поверхностные дизайнерские решения, дешевое украшательство.

Стратегия развития современной России основана на приверженности отечественным духовно-нравственным ценностям, в том числе семейным. Мы начинаем все глубже осознавать мудрость и высокий смысл традиционного домашнего уклада, который способен обеспечить лад и гармонию семейных отношений. К нам постепенно возвращается родовое самосознание, понимание того, что собственная жизнь есть часть родовой истории и уважение к памяти предков – фундамент нравственного здоровья семьи и ее будущего. «…Но прежде всего пусть научатся живущие достойно, как встарь, поминать отошедших. Недаром же Владимир Соловьев наставлял нас ощутить и осмыслить живую связь нашу с отцами, - тайну отечества в аспекте единства и преемства…» - призывал еще в начале XX века Вяч. Иванов [2, 19]. Поэтому «семейные портреты», генеалогическое древо с изображениями разных поколений семьи должны стать неотъемлемой частью жилого дома современных жителей России.

Литература

1. Иванов Вяч. Родное и вселенское / Вяч. Иванов – М: Республика, Серия «Мыслители XX века», 1994. - 428 с.

2. Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4-х томах. Т.3 (2) / П.А. Флоренский. – М: Мысль, 2000. – 621 с.

Цветкович Р.
Педагогический факультет, Университет, Призрен,
Приштина, Сербия
Миленович Ж.
Учитељски факултет у Призрену Универзитета у Приштини,
Приштина, Сербия

ЗНАЧАЈ РУСКОГ ЈЕЗИКА У ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИЈЕ[26]

УВОД

Глобализација је друштвена појава која је након индустријске револуције изазвала највеће друштвене последице и идејно-теоријске контраверзе. Односи се на широк спектар економских, политичких, културних и војних тенденција у савременом свету. То је објективан и спонтан процес планетарних размера, односно пројекат доминације Запада, пре свега САД-а (Milenovic, 2011: 74). У свакодневном говору, глобализација или мондијализација означава различите појаве. Најчешће помињана је растућа доминација Запада, посебно САД-а, у економским, политичким, културним и војним пословима, што се изражава изразима *вестернизација* или *американизација*.

Један од покушаја Запада јесте и наметање енглеског као универзалног светског језика. То је у великој мери и остварено, не само захваљујући глобализацији, него и информатици која је постала незаменљива у свим друштвеним делатностима. Без обзира на то, руски је и даље значајан светски језик. Посебан значај добија у данашњим условима све веће експанзије руске привреде и утицаја Русије у свету као економске, политичке и војне силе. Поред тога, руски језик је и даље доминантан, како у свим државама некадшњег СССР-а, тако и у државана Југоисточне Европе. Проблем овог истраживања, управо је руски језик. Прецизније, проблем истраживања је значај руског језика у периоду глобализације.

МЕТОД

Циљ овог истраживања је да се идентификују процене студената Учитељског факултета у Призрену о значају руског као светског језика и његовом значају у периоду глобализације. У истраживању се пошло од опште претпоставке да без обзира на све већу доминацију енглеског језика, због све веће експанзије руске привреде и утицаја Русије у свету, руски језик има значајну улогу у периоду глобализације. Полазећи од ове опште

[26] Рад је рађен у оквиру пројекта *Материјална и духовна култура Косова и Метохије* (Ев. бр. 178028) који финасира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

претпоставке задаци истраживања су да се утврди јачина везе између процена студената о значају руског као светског језика и његовог значаја у периоду глобализације пре и након уклањања друштвено пожељних одговора.

Коришћена је трансферзална метода. Истраживачка техника је скалирање. Спроведено је применом три скалера: 1) Скалер - РСЈ; конструисан је за ово истраживање (КМО = 0,923, p = 0,000, α = 0,865); састоји се од 26 тврдњи и тростепени је; 2) Скалера - РЈПГ; конструисан је за ово истраживање (КМО = 0,854, p = 0,000, α = 0,782); састоји се од 34 тврдње и тростепени је и 3) скраћена верзија Марлоу-Краунова скала друштвене пожељности (Crowne & Marlowe, 1960), стављена у упитник којом су биле измерене претходне две променљиве.

Истраживање је спроведено у јануару и фебруару 2015. године на узорку од 103 студента Учитељског факултета у Призрену. Подаци прикупљени истраживањем обрађени су делимичнм корелацијом.

РЕЗУЛТАТИ ИСТРАЖИВАЊА

Резултати истраживања о значају руског језика у периоду глобализације, приказани су према подацима добијеним делимичном корелацијом.

Табела 1 Руски језик у периоду глобализације

Контрола променљивих			руски као светски језик	руски језик у периоду глобализације	укупна друштвена пожељност
пре уклањања друштвено пожељних одговора	руски као светски језик	r	1,000	0,559	0,231
		p	.	0,000	0,000
		df	0	102	103
	руски језик у периоду глобализације	r	- 0,559	1,000	0,206
		p	0,000	.	0,000
		df	102	0	104
	укупна друштвена пожељност	r	0,231	0,206	1,000
		p	0,000	0,000	.
		df	103	104	0
укупна друштвена пожељност	руски као светски језик	r	1,000	0,553	
		p	.	0,000	
		df	0	101	
	руски језик у периоду глобализације	r	0,553	1,000	
		p	0,000	.	
		df	101	0	

За истраживање јачине везе између процена студената о значају руског као светског језика (мерене на Скалеру РСЈ) и његовог значаја у периоду глобализације (мерене на Скалеру РЈПГ), употребљена је делимична корелација, при чему је уклоњен утицај резултата на Марлоу-Крауновој скали друштвено пожељних одговора. Прелиминарним анализама је доказано да претпоставке нормалности, линеарности и хомогености варијансе нису нарушене. Након уклањања утицаја друштвено пожељних одговора, утврђена је јака позитивна корелација између процена студената о значају руског као светског језика и његовог значаја у периоду глобализациј, r = 0,553, n = 103, p<0,001 (Табела 1), при чему високе нивое процена студената о значају руског као светског језика, прате и високи нивои њихових процена о значају руског језика у периоду глобализације. Поређење са израчунатом корелацијом нултог реда (r = 0,559) показује да уклањање утицаја друштвено пожељних одговора врло мало утиче на јачину везе између процена студената о значају руског као светског језика и његовом значају у периоду глобализације.

ЗАКЉУЧЦИ И РАСПРАВЕ

Руски језик је често истраживан у корелацији са енглеским језиком. У суштини, постоји велика разлика између енглеском и руског језика, који немају готово никаквих додирних тачака (Jouravlev & Jared, 2014). Без обзира на то, у бројним истраживањима је вршена упоредна анализа учења на енглеском и руском језику. У једном истраживању новијег датума (Pavlenko & Volynsky, 2015), утврђено је да у двојезичној настави на руском и енглеском језику, деца млађег школског узраста често боље уче на руском, него ли на енглеском језику. односи се на лакше и брже учење на руском, него ли на енглеском језику и када су у питању деца предшколског узраста (Gildersleeve Neumann & Wright, 2010). Наведени и остали резултати истраживања, указују на несумњиви значај руског као светског језика. Указују и на значај руског језика у периоду глобализације.

Истраживањем је утврђено да је међу студентима Учитељског факултета у Призрену, руски омиљени језик. На то указују подаци о израчунатој јакој и позитивној корелацији процена студената о значају руског као светског језика и његовог значаја у периоду глобализације. Полазећи од чињенице да су овим истраживањем били обухваћени и студенти који не изучавају руски него енглески језик, занимљиво је било да се утврди каква ће бити јачина везе између процена студената о значају руског као светског језика и његовог значаја у периоду глобализације. Након уклањања реметилачког утицаја друштвено пожељних одговора студената који изучавају енглески језик. Како је утврђен врло мали утицај, може се закључити да студенти процењују да је руски језик веома значајан, не само као светски језик, него и језик у периоду глобализације.

Овакви резултати су вишеструко очекивани. На процене студената утицало је и традиционално руско-српско пријатељство и међусобна повезаност два братска народа. Утицало је и сазнање да је привреда Русије у експанзији. Захваљујући томе и великим природним ресурсима, Русија постаје једна од водећих економских сила у свету. Зато је интересовање за Русију и руски језик све веће, упркос интернационализацији енглеског језика.

У прилог резултатима овог спроведеног истраживања, иду и резултати бројних истраживања публикованих у референтним светским часописима. У њима су проучавани различити аспекти руског језика. Ма колико енглески језик деловао лакши за учење, поједини знаковни сигнали у руском језику су ефикаснији и значајнији него ли у енглеском језику (Chrabaszcz et. al., 2014). Руски језик је и даље матерњи језик свих Руса, ма у ком делу света они живели. То су показала и новија истраживања на примеру Естоније која је чланица Европске уније (Skerrett, 2014; Kiilo & Kutsar, 2012; Kemppainen et. al., 2008). Поред тога, руски језик је блиско повезан са бројним језицима земаља Европске уније (Silvén st. al., 2014). Повезан је и са језицима држава у окружењу (Altman et. al., 2014). Све то додатно доприноси да је руски језик и даље актуелан и значајан светски језик.

Литература

1. Altman, C., Burstein Feldman, Z., Yitzhaki, D., Armon Lotem, S., Walters, J. (2014). Family Language Policies, Reported Language Use and Proficiency in Russian-Hebrew Bilingual Children in Israel. *Journal of Multilingual and Multicultural Development,* 35(3), 216-234.
2. Gildersleeve Neumann, S., Wright, K. (2010). English Speech Acquisition in 3- to 5- Year-Old Children Learning Russian and English. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools,* 41(4), 429-444.
3. Jouravlev, O., Jared, D. (2014). Reading Russian-English Homographs in Sentence Contexts: Evidence from ERPs. *Bilingualism: Language and Cognition,* 17(1), 153-168.
4. Kemppainen, R., Ferrin, S., Hite, S., Hilton, S. (2008). Sociocultural Aspests of Russian-Speaking Parents' Choice of Language of Instruction for Their Children in Estonia. *Comparative Education Review,* 52(1), 93-119.
5. Kiilo, T., Kutsar, D. (2012). When Language becomes Power: Russian-Speaking Teachers in the Bilingual General Education System in Estonia. *British Journal of Sociology of Education,* 33(2), 245-262.
6. Milenovic, Z. (2011). Inclusive Education as a consequence of the globalisation process. *Metodicki obzori*, 6(12), 73-79.

7. Pavlenko, A., Volynsky, M. (2015). Motion Encoding in Russian and English: Moving beyond Talmy's Typology. *Modern Language Journal,* 99(1), 32-48.
8. Crowne, D., Marlowe, D. (1960). A new scale of social desirability independent of psychopatology. *Journal of Consulting Psychology*, 24(1), 349-354.
9. Silvén, M., Voeten, M., Kouvo, A., Lindén, M. (2014). Speech Perception and Vocabulary Growth: A Longitudinal Study of Finnish-Russian Bilinguals and Finnish Monolinguals from Infancy to Three Years. *International Journal of Behavioral Development,* 38(4), 323-332.
10. Skerrett, D. (2014). The 2011 Estonisan High School Language Reform in the Context of Critical Language Policy and Planning. *Current Issues in Language Plainning,* 15(2), 174-200.
11. Chrabaszcz, A., Winn, M., Lin, C., Idsardi, W. (2014). Acoustic Cues to Perception of Word Stress by English, Mandarin, and Russian Speakers. *Journal of Speech language, and Hearing Research,* 57(4), 1468-1479.

Устюжин И.Б.

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,

Харьков, Украина

MAX VOLOCHINE'S *HEBREW MELODIES*

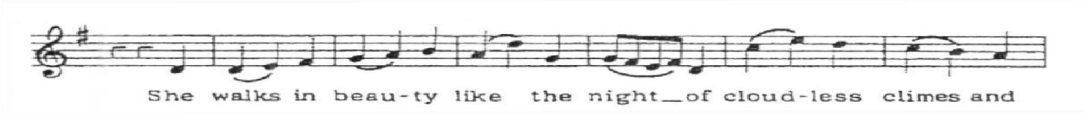
Maximilian Volochine (1877 - 1932) known as the most French among Russian poets of the *fin de siècle* got fascinated by contemporary French poetry only in the end of 1898 when a student at Moscow University [4, 68]. Only then he began to read Verlaine, Mallarme, Maeterlinck and other Symbolists who "later became holy banners for him" [4, 62]. But before the French turn one of Volochine's favourites was obviously Lord Byron, "the embodiment of Revolt" [2, II, 529, 34]. Later Volochine became the embodiment of Revolt himself. "Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли <…> избежать байронизма," Dostoevsky recorded in *Writer's Diary* the year Volochine was born in and Max became no exception. His interest to Byron can be traced since the year 1884 when at the age of seven he read *Don Juan* [4: 13]. A month before he turned seventeen he translated into Russian four of Byron's *Hebrew Melodies* [4, 62].

Hebrew Melodies were probably inspired by two persons. The first one was Anne Isabella Milbanke, the intellectual, stiff and religious Byron's fiancée whom the poet wanted to impress with his poetic rendering of biblical material. Her portrait is found in *Don Juan* I: 16-17: "In short, she was a walking calculation, / Miss Edgeworth's novels stepping from their covers, / Or Mrs. Trimmer's books on education, / Or "Coelebs' Wife" set out in quest of lovers, / Morality's prim personification, / In which not Envy's self a flaw discovers; / To others' share let "female errors

fall," / For she had not even one – the worst of all. / Oh! She was perfect past all parallel – / Of any modern female saint's comparison; / So far above the cunning powers of hell, / Her guardian angel had given up his garrison" [6, 15]. The second person was Isaac Nathan, the son of *chazan*, who conceived *Hebrew Melodies* first of all as music in the then popular genre of national or ethnic airs. Having preferred the career of a composer to that of a rabbi he asked Byron to provide lyrics for several allegedly old Jewish tunes. Byron exceeded all composer's expectations. By the beginning of 1915 Nathan got from the poet some twenty poems that went together well with the melodies the composer had in mind. As early as in April 1915 Nathan published "the first number" of *Hebrew Melodies* consisting of twelve pieces of music that were accompanied by Byron's lyrics: I. *She walks in Beauty*. II. *The Harp the Monarch Minstrel swept*. III. *If that high World*. IV. *The wild Gazelle*. V. *Oh weep for those*. VI. *On Jordan's Banks.* VII. *Jephtha's Daughter*. VIII. *Oh snatch'd away in Beauty's Bloom*. IX. *My Soul is dark.* X. *I saw thee weep.* XI. *Thy Days are done*. XII. *It is the hour* [8, 49]. In the Preface to the book Nathan wrote, "The Hebrew Melodies" are a Selection from the favourite Airs which are still sung in the religious Ceremonies of the Jews. Some of these have, in common with all their Sacred Airs, been preserved by memory and tradition alone, without the assistance of written characters. Their age and originality, therefore, must be left to conjecture. But the latitude given to the taste and genius of their performers has been the means of engrafting on the original Melodies a certain wildness and pathos, which have at length become the chief characteristic of the Sacred Songs of the Jews. Of this feature it has been endeavoured to preserve as much as was consistent with the r[h]ythm of written Music, and the adaptation of the Words" [8, 48].

Translating *Hebrew Melodies* in Koktebel in April 1894 Volochine was most probably unaware that they were originally written not as poetry to be read but as lyrics to be sung. *E.g.*, Nathan linked *She Walks in Beauty* to the *Lekha Dodi* of London synagogues, *If that High World* to the tune sung to *Kaddish* after reading of the Law, *Oh! Weep for Those* was a Northern folk song adapted into Passover service, *Oh Snatch'd Away in Beauty's Bloom* was bearing striking resemblance to *Eli Tziyan etc.* [8, 13]:

[8, 12]



[8, 13].

Had Volochine known this, he would have certainly gone both “equilinear” and “equimetric” [3, 447]. Unfortunately, he did not do it. According to Professor Matvei Rozanov (1858 - 1936), “излишнее многословие, произвольные вставки и произвольные выпуски вместе с недостаточным вниманием к художественной форме оригинала – вот главные изъяны <…> большинства переводчиков Байрона в XIX веке” [5, 4]. Mature Volochine would probably agree to it. As far as I know, he never published his translations from Byron, but at least one of the four “Hebrew” poems he translated in 1894 (V, X, VIII, III) despite of few flaws (identified by M. Rozanov) in my humble opinion was worth publishing:

George Gordon Byron (1815): Oh! Weep for those that wept by Babel’s stream, / Whose shrines are desolate, whose land a dream; / Weep for the harp of Judah’s broken shell; / Mourn – where their God hath dwelt the godless dwell! / And where shall Israel lave her bleeding feet? / And when shall Sion’s songs again seem sweet? / And Judah’s melody once more rejoice / The hearts that leap’d before its heavenly voice? / Tribes of the wandering foot and weary breast / How shall ye flee away and be at rest? / The wild-dove hath her nest, the fox his cave, / Mankind their country – Israel but the grave [7, 12-14]!

Interlinear (1894): О, плачь о тех, кто слезы лил у Вавилонских рек, чьи святилища запустели, чья страна – сон. Плачь о разбитой арфе Иуды, скорби: там, где было жилище Бога – живут нечестивцы. / Где омоет Израиль свои израненные ноги? Когда зазвучит снова песнь Сиона? Когда же песнь Иуды снова очарует сердца, которые трепетали бывало при ея звуках? / Племя со странствующей стопою, с усталою, измученною грудью, как спасешься ты и найдешь покой? У дикого голубя есть гнездо, у лисицы – нора, у человека – отчизна, у Израиля есть только могила [1, 3]!

Maximilian Volochine (1894): О, плачь о тех, кто там сидел / У Вавилонских рек, / Чей храм разбит и опустел, / Чей край забыт навек. / О, плачь о тех, кто там рыдал, / Кто ига носит гнет. / На месте том, где храм стоял, / Другой народ живет. / Когда же кончит он страдать, / Омоет раны он, / И зазвучит твоя опять / Святая песнь, Сион? / Когда ж, Иуда, песнь твоя / Услышится опять, / И звуком радостным сердца / Заставит трепетать? / Израиль! вечно ты идешь / Измученной стопой, / Скажи мне, где же ты найдешь / Спасенье и покой? / Имеет тигр угол свой, / Свое гнездо у птиц, / И человек – свой край родной, / А ты – ряды гробниц [2, IV, 856].

The main questions that still need to be answered are: 1. Did Volochine translate *Hebrew Melodies* from the original or did he use a kind of interlinear that could suggest the metre (in our case iambic heptameter) [1]? 2. Why did Volochine change “the fox” for “the tiger” in the last stanza? “Лиса имеет угол свой” would have been true both to Byron and to *Mt*. 8:20, the text the English poet was here obviously alluding to.

Bibliography

1. Байрон, Джордж Гордон. *Еврейские мелодии* in: *Полное собрание сочинений Лорда Байрона*. Новый перевод К. Гумберта, А. Богаевской и Стальки с биографическим очерком В. Чуйко. – СПб.: Издание С. Добродеева, 1894. – Т. 1. – PP. 1–12.
2. Волошин, Максимилиан. *Собрание сочинений*. Москва: Эллис Лак, 2003–2014. Т. – I-XII.
3. Демурова, Нина. *О переводах Байрона в России* in: *Selections from Byron.* Moscow: Progress Publishers, 1975. – PP. 425–448.
4. Купченко, Владимир. *Труды и дни М. Волошина 1877–1916*. СПб.: Алетейя, 2002.
5. Розанов, Матвей. *Предисловие* in: Байрон. *Избранные произведения в одном томе*. Москва: Художественная Литература, 1935. – PP. 3–5.
6. Byron, George Gordon. *Don Juan*. Moscow: Foreign Languages Publishing House,1948.– 534 p.
7. *Hebrew Melodies of Lord Byron Translated by Dr. Solomon Mandelkern*. Leipzig: W. Drugulin, 1890. – 48 p.
8. Burwick, Frederick and Douglass, Paul. *Introduction: The Creation of “Hebrew” Melodies* in: *A Selection of Hebrew Melodies, Ancient and Modern, by Isaac Nathan and Lord Byron*. Edited, with Introduction and Notes, by Frederick Burwick and Paul Douglass. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press, n.d. – PP. 3-49.

Чистов В.В.

Казахский государственный женский педагогический университет,

Алматы, Казахстан

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

Современное общество весьма полиэтнично и характеризуется высокой маргинальностью народов, возникающей на основе многочисленных межнациональных браков. В XXIв. в качественно обновленном социуме наблюдаются интенсивные процессы роста национального самосознания и более ранней, чем прежде, идентификации личности в

этническом аспекте. Если в XX в. Ж.Пиаже отмечал, что идентификация себя как представителя определенного народа происходит обычно в 8-10 лет, то в настоящее время стремление народов знать свои исторические корни, понять религию предков, участвовать в национальных праздниках способствует более ранней самоидентификации. Это является естественным и закономерным процессом демократизации общества, суверенитета наций, проходящим в духе воспитания культуры общения и уважения к живущим рядом народам на основе взаимодействия и взаимообогащения их при сохранении самобытных культур любых этносов.

Понятие «этническая идентичность» следует рассматривать как духовно-нравственное качество личности, выраженное в принятии «своего Я» как части своего народа, имеющего многовековые традиции и самобытную культуру, язык, отношение к религии, убеждения. Развитие и совершенствование демократических преобразований возможно ныне лишь на основе межнационального мира и согласия, гарантом которой является подлинная демократия и свобода самовыражения народов. Как отмечалось в «Послании народу Казахстана» Президента Республики Н.А.Назарбаева наиболее важными приоритетами являются выбранные народом «суверенитет, свобода, открытость миру. Сегодня эти ценности стали частью нашей повседневной жизни» [1]. Им также было подчеркнуто, что «несмотря на этническое, культурное и религиозное многообразие, мы сохранили в стране мир и политическую стабильность. Мир и согласие, диалог культур и религий в нашей многонациональной стране справедливо признаны мировым эталоном» [1]. При этом, государство придерживается принципа паритета, т.е. равенства перед законом всех народов, национальных объединений и представителей различных вероисповеданий, создавая благоприятные условия для существования всех конфессий, благодаря чему Казахстан смог построить качественно новый тип независимого государства, обеспечить мир и духовное согласие многочисленных народов и представителей различных этносов. Так, в Республике уже 4 раза проводились международные форумы представителей всех религий, на которых обсуждались актуальные проблемы дальнейшей демократизации общества и пути сохранения духовных и культурных традиций народов. «Мы выработали уникальную формулу общенационального единства и согласия всех казахстанцев, независимо от их религиозной, этнокультурной принадлежности», — отмечал Президент Казахстана Н.А.Назарбаев на 4 съезде мировых религий. Он пришел к убедительному выводу о том, что «продвижение таких ценностей, как толерантность, истина, справедливость и любовь» [7] должно быть целью государственной важности. Религиозный фактор также становится одним из элементов этнической самоидентификации и в этой связи во всех учебно-

образовательных учреждениях, начиная с детского сада и заканчивая высшими учебными заведениями, проводится большая работа по формированию уважительного отношения к представителям других религий, что предупреждает появление ксенофобий в нашей стране. Не случайно, С.В.Рыжова указывает на то, что «поддержка религии, реабилитация истории, восстановление национального достоинства и значимость этнической идентичности» [2] обуславливает гармоническое развитие современного общества. Разработанная ею совместно с Г.У.Солдатовой методика определения типа этнической идентичности способствует раннему выявлению путей личностного развития школьников, т.к. ныне «появляется необходимость формирования национально-гражданской идентичности» [3], ибо «этническая идентичность обладает качеством ценности, субъективной значимости, имеет личностный смысл» [4]. Однако «идентификация – это не просто аффилиация и альянсы между «я» и другими, но и социальное «я», которое репрезентирует расширение «я-концепции» до чего-то более инклюзивного, нежели индивидуальная личность» [5].

В «Декларации» Юнеско, принятой в Париже в 1995г, говорится о «богатом разнообразии культур нашего мира, форм самовыражения и проявления индивидуальности» [6]. Этому способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений, позволяющие видеть не только различия в плюралистическом мире.

В Казахстане уже 20 лет существует Ассамблея народов, включающая в себя представителей 109 этносов, сохранивших свою этническую культуру и народные традиции, которым в настоящее время уделяется всё большее и большее внимание, что ярко свидетельствует о проявлениях свободы и демократизации общества, независимости всех граждан. В современном Казахстане можно жить, идентифицируя себя в соответствии со своим этническим статусом и следовать многовековым традициям своего народа. Есть возможность говорить, читать книги, выпускать газеты и книги на родном языке, а также исполнять песни и танцы своего народа, использовать этническую символику в одежде, предметах быта, наиболее полно отражающим его национальное своеобразие и особенности культуры.

В Республике Казахстан имеются много школ, в которых обучение детей проводят на их родном языке и не только казахском и русском, а также уйгурском, корейском, армянском и ряде других в т.ч. и европейских языков: английском, немецком, французском, польском. Это также способствует более ранней идентификации себя как личности, как представителя конкретного этноса, знающего и ценящего традиции и культуру своего народа. В современном обществе значительно уменьшилось число манкуртов, живших по законам советского времени. Большую популярность в Республике получают фестивали, в которых

принимают участие и демонстрируют свою национальную культуру почти все народы многонационального Казахстана. Самоидентификация народа и его национальная гордость проявляется в актуализации проведения таких праздников как Наурыз (Навруз) - праздник встречи Весны, день весеннего равноденствия, который широко празднуется в течение нескольких дней, которые являются нерабочими. Это день прощения обид, день обновления не только природы, но и межличностных взаимоотношений в сторону их улучшения, - день нравственного очищения. Праздник сопровождается массовыми народными гуляниями и традиционным дастарханом (застольем с едой, приготовленной в соответствии с традициями и без наличия алкоголя). Он стал един для всех народов многонационального Казахстана. Не менее значимы и популярны и праздники других народов, проживающих в Республике, таких как русское Рождество, Пасха, Масленица, татарский Сабантуй, еврейская Ханука и многие другие, которые отмечаются с каждым годом всё ярче и убедительнее.

С ростом национального самосознания повышается чувство патриотизма и стремления идентифицировать себя как представителя того или иного этноса, имеющего глубокие корни и традиции, которые постигаются с малых лет. Как отмечает Т.И.Дробижева «этническая идентичность стала значимым элементом социальной идентичности наиболее мобильным субъективным маркером политических и социально-культурных изменений» [8. с.9]. По её мнению, этническую идентичность можно представить как «единство когнитивного компонента (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом и аффективного (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства)» [9]. Это, в свою очередь, обуславливает поведенческий компонент, который и определяет систему взаимоотношений и действий в различных этноконтактных взаимодействиях. Т.Г.Стефаненко подчёркивает возможность признания единой идентичности с окружающими в проявлении «чувства целостности на эмоциональном и физическом уровнях» и «осознания себя представителем этноса, отождествляя себя с ним и обособления от других этносов» [10], а Г.У.Солдатова в качестве одной из особенностей этнической идентичности отмечает мифологичность, т.е. опору на «идею об общей культуре, происхождении, истории» [11].

Следует отметить, что именно в начальных классах начинает складываться взаимодействие между детьми, пришедшими из разных микросоциумов с разным жизненным опытом и с несформированными навыками коммуникативной деятельности. К представлениям о своей этнической принадлежности ребенок часто идёт через сравнение себя с окружающими и способствуют осмыслению детьми своей самобытной культуры и особенностей своего этноса. «Начальная школа – это первый серьёзный шаг к осмыслению

ребенком себя представителем определенного этноса, Одна из задач современной школы: научить детей не только гордится своими традициями и своим народом, частью которого они являются, но и дружественно взаимодействовать с представителями других национальных культур» [12], - отмечает Н.Досова.

Огромное количество этнических общностей, представляющих в совокупности этнически смешанную среду, должны стремиться к сбережению национальных культурных ценностей любых культур, которые представляют важнейшее достояние народа, его многовековые традиции и самобытность. Историческая память – великий источник национальной общности, развивающий самосознание народа, включающее в себя народный патриотизм, самобытность, национальную гордость. Пониманию своей идентичности с той или иной этнической общностью способствует постижение национальной культуры, представленной в сказках, легендах, исторических повествованиях, в музыке: песнях, танцах. Это весьма важно для современного общества, для взаимообогащения и дружеского взаимодействия народов на основе взаимоуважения и толерантности. Великий казахский просветитель Абай перевел много произведений русской классики на казахский язык и с уверенностью заявлял что «знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом», способствуя нравственному обогащению и более чёткому и ясному осмыслению своего личностного своеобразия и самобытности.

В Казгосженпу разработана и внедрена в учебный процесс комплексная программы и методические пособия по самопознанию и освоению культурного наследия прошлого, в которых реализуются технологии осмысления и идентификации себя в социуме, значимости толерантных взаимоотношений с окружающими. Тесное взаимодействие классного коллектива учащихся, педагогов школы, средств массовой информации для самореализации школьников и идентификации себя как личности является важнейшим процессом системного и целенаправленного воспитания детей в совместной деятельности. Самореализации себя в плане познания национальных культур, взаимоуважения и бережного отношения к этническим ценностям, создаёт необходимые предпосылки стабильности государства в целом и эффективного влияния на формирование патриотизма и дружеских толерантных взаимоотношений между представителями любых этносов и этнических групп.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Стратегия Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства». //Послание Президента Республики народу Казахстана. – Астана, 2012.
2. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. - М, 2011.

3. Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Методика «Типы этнической идентичности //Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности. - М, 2003.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1971 с.78
5. Ставропольский Ю.В. Теория Л.С. Выготского и кросс-культурные различия в ингрупповой идентификации //Культурно-историческая психология. 2008. №1. – С.70–82.
6. Декларация принципов толерантности // ЮНЕСКО от 16.11.1995//Вопросы психологии.- 1995.- №12.- С.5
7. Материалы IV съезда лидеров мировых и традиционных религий. - Астана, 2012.
8. Дробижева Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации //социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.,2002. С.9
9. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма. - М., 1996. 382 с.
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Изд-во ИП РАН, 1999. 320 с.
11. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
12. Досова Н.Д. Этническая идентификация младших школьников. //Вестник Кайнар, № 4.1,2012. с.60-65.
13. Афоризмы великих людей. – М., 2007.

Материалы

III Симпозиума молодых ученых

«Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия»

Арутюнян Х.А.
Научный руководитель – **Кривец А.П.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

СТОЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

24 апреля 2015 г. исполняется 100 лет одному из самых известных и ужасных преступлений против человечества – геноциду армян. До сих пор в памяти армянского народа годы Первой мировой войны остались ужаснейшим периодом в истории нации.

Естественно, следует упомянуть, что беспощадному истреблению подверглись не только армяне, но и греки с ассирийцами. Что примечательно, ассирийский народ постепенно исчезает, так как в школах Ирака, Ирана, Армении практически не преподается ассирийский язык, а сами ассирийцы активно ассимилируются с иранцами. В данной же статье хотелось бы заострить внимание на наиболее пострадавшем народе – армянском, который потерял свыше полутора миллионов своих представителей [1].

Параллельно массовым убийствам армян проводилась кампания по уничтожению их культурного достояния. Армянские церкви, памятники подвергались разрушению, кладбища распахивались под поля, армянские кварталы городов взрывались или занимались мусульманским населением, получив новое название. По историческим данным, в 1914 г. за армянским Константинопольским патриархатом числилось 2550 приходов, в т.ч., более 200 монастырей и около 1600 церквей. В 1974 г. ученые-историки обозначили в Турции 913 зданий армянской церкви. Большинство этих сооружений и памятников больше не существует. Еще 252 были разрушены, и только 197 находятся в относительно нормальном состоянии.

Невозможно в полной степени оценить тот ущерб, который был нанесен армянской культуре в результате геноцида. Ещё хуже то, что даже после войны, после осуждения действий младотурков со стороны Антанты, турецкое правительство продолжило уничтожение армянских достопримечательностей, при этом всячески отрицая сам факт геноцида. Известны многочисленные случаи уничтожения так называемых хачкаров – армянских архитектурных памятников, представляющих собой каменную стелу с резным изображением креста. К сожалению, все эти события и явления имеют место и в наше время.

Рассматривая реакцию международного сообщества на геноцид армян, следует подчеркнуть, что она достаточно адекватна, но недостаточно действенна и конструктивна. В Европейских государствах, а также в Соединенных штатах провели сбор средств для беженцев и нуждающихся армян. Также вышел целый ряд литературных работ, самая известная из них – «Отношение к армянам в Османской империи», написанная и изданная в Англии, после тщательно проведенного расследования.

Разумеется, невинное истребление целого народа не могло остаться безнаказанным. В 1919 г. на IX съезде армянской партии «Дашнакцутюн» в Бостоне было принято решение ликвидировать лидеров младотурок, организовавших убийства армян. Операция получила название «Немезис» [2]. В рамках данной операции в марте 1921 г., в Берлине был убит министр внутренних дел Османской империи Талаат-паша. Аналогичной участи подверглись и двое других лидеров младотурецкого триумвирата – Джемаль-паша и Энвер-паша. Люди, убившие лидеров младотурков, кем то считаются героями, а кем то – беспринципными террористами.

В современной Турции отношение к геноциду армян уже носит неоднозначный характер. Если раньше и правительство, и сам народ всячески отрицали сам факт совершения этого ужасного преступления, то сейчас ситуация немного изменилась. В первую очередь, это касается интеллигенции, которая обсуждает армянский вопрос, несмотря на запрет и противодействие турецких властей. В оскорблении «турецкой идентичности» были обвинены Орхан Памук и Элиф Шафак, Рагип Зараколу. Редактор армянской газеты Грант Динк был застрелен в 2007 г. по аналогичной причине.

Со второй половины XX в. началась активная борьба за международное признание геноцида армян. Среди организаций, которые активно поднимают армянский вопрос, следует отметить Армянский национальный институт и Институт Зорояна.

За признание на международном уровне геноцида армян борются такие организации диаспоры, как Институт Зорояна и Армянский национальный институт. В 1984 г. Постоянный трибунал народов признал действия Османской империи геноцидом. К такому же выводу в 1997 г. пришла Международная ассоциация исследователей геноцида. В 2000 г. 126 исследователями холокоста было сделано заявление, подтверждавшее бесспорность геноцида армян в период Первой мировой войне.

Геноцид армян признал и осудил ряд влиятельных международных институтов. Среди них – Совет Европы, ПАСЕ и Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств. В 1965 г. геноцид армян был признан первым независимым государством – Уругваем. За ним последовали Франция, Бельгия, Нидерланды, Швеция,

Россия, Польша, Ливан, Литва, Греция, Словакия, Кипр, Аргентина, Венесуэла, Чили, Канада, Ватикан, Боливия, Швейцария (акт признала лишь нижняя палата парламента страны).

Весьма странным образом сложилась ситуация вокруг армянского вопроса в США. 43 из 50 штатов США официально признали и осудили геноцид армян. Помимо этого, 24 апреля в этих штатах является Днём памяти жертв геноцида армянского народа. С конца 1970-х гг. каждый год 24 апреля американские президенты выступают с телеобращением к армянской диаспоре США. Геноцид армян также официально признали многие влиятельные национальные организации США, в частности еврейские (Сионистская организация США, Прогрессивный еврейский союз, Союз иудаистских реформ, Антидиффамационная лига (ADL), а также украинская, греческая, польская, венгерская, арабская, болгарская, румынская, латвийская, литовская, филиппинская и словацкая общины. 10 октября 2007 г. и 19 марта 2009 г. Комитет по международным делам Палаты представителей Конгресса США проголосовал за резолюцию о признании геноцида.

Геноцид армян признан также некоторыми влиятельными средствами массовой информации – CBS, CNN, New York Times (2004), Washington post, Associated Press, The Times. Не обошли стороной армянский вопрос и российские известные издания: «Известия», Russia Today, а также некоторые другие.

Геноцидом армян также заинтересовалась Международная ассоциация исследователей геноцида. В 2001 г. совместная турецко-армянская комиссия по примирению обратилась в Международный центр по вопросам правосудия переходного периода для независимого заключения, являются ли события 1915 г. геноцидом. В начале 2003 г. было сделано заключение, что события 1915 г. попадают под все определения геноцида, а употребление этого термина в полной мере оправдано.

Достаточно подробно данный вопрос был рассмотрен и в Швеции. Ведь в марте 2000 г. риксдаг Швеции положительно отреагировал на доклад по признанию Геноцида армян. Кроме того, в официальном обращении к Турецкой республике было призвано к независимому международному исследованию преступления против армян. В 2008 г. в результате парламентского голосования большинство депутатов риксдага выступили против признания геноцида в Османской империи. Однако уже 11 марта 2010 г. риксдаг одобрил резолюцию, признающую события начала прошлого века геноцидом армянского народа.

В 2010 г. геноцид армян признал глава Русской православной церкви Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В 2013 г. англиканская Церковь Уэльса признала резню армян

во время и после Первой мировой войны первым геноцидом XX в. и таким образом стала первым членом Англиканского сообщества, сделавшим это.

Помимо многочисленных памятников геноциду армян, об этом жутком событии было снято несколько фильмов. Наиболее известный из них – канадская картина «Арарат» режиссёра Атома Эгояна.

Первый памятник, напоминающий о массовых убийствах армян, был поставлен в 50-х гг. на территории армянской церкви в ливанском городе Антелиасе. В 1965 г. на территории католикосата в Эчмиадзине был сооружен памятник жертвам геноцида. В 1967 г. в Ереване на холме Цицернакаберд была завершена постройка мемориального комплекса. В 1990 г. часовня была построена в пустыне Дер-Зор, которая находится в Сирии. До сих пор неизвестно, уцелел ли этот памятник, ведь в Сирии продолжаются беспорядки и боестолкновения. Хотелось бы верить, что этот памятник, установленный непосредственно на месте гибели армян, уцелел и до сих напоминает людям о той страшной трагедии.

Литература

1. Zürcher. Turkey: A Modern History. P. 115.

2. Totten, Bartrop, Jacobs. Dictionary of Genocide. P. 320.

Белых М.А.

Научный руководитель – **Бойко Ж.В.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

ЖЕНЩИНА В СОВЕТСКОМ АГИТАЦИОННОМ ПЛАКАТЕ ВОЕННОГО ПЕРИОДА (1941-1945 ГОДЫ)

Изучение культуры и искусства России помогает осознанию социального положения и проблем, стоящих перед ней. Существует и обратная связь: невозможно абсолютно точно понять современную культуру России, не принимая во внимание те или иные социальные изменения, происходящие в стране в прошлом.

Тема культуры в годы Великой Отечественной войны принадлежит к числу наиболее обсуждаемых проблем российской истории. На современном этапе развития государства и общества необходимо, принимая во внимание исторический опыт, определить истинную роль деятелей культуры в процессе формирования общественного сознания и морально-

психологического настроения советских людей в конкретный исторический период, что представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Феномен советского искусства давно привлекает внимание исследователей. У истоков изучения советского плакатного искусства стоят М.Ю. Бродский, Н.П. Масленников, В.К. Охочинский, В.П. Полонский, Я.А. Тугенхольд, и др. Изучению образа женщины в советском плакате посвящены работы Н.И. Бабуриной, С.Н. Артамоновой, И. Этвуд, К. Вашика, Б. Клементс и др.

В годы войны отточился художественный стиль советского плакатного искусства. Лучшие плакаты отличались четкостью силуэта центральной группы; применяемые цвета были яркие и в своем сочетании усиливали выразительность изображения. Художники научились внимательней вглядываться в лица людей, передавать их характеры и психологию – это сделало плакат еще более активным и впечатляющим.

Концепция советского военного плаката базировалась на «трех китах» – патриотизме, сатире и уверенности в победе над общим врагом. Советский плакат стал своего рода боевым инструментом, воздействующим не только на собственное население и армию, но и на врагов. Он обращался к миллионам, часто решая с ними проблемы жизни и смерти. Страна напрягала последние силы в борьбе с немецкими захватчиками, поэтому плакаты концентрировались на чисто человеческих чувствах – гневе, ярости, страдании, мужественности, стремлении к победе.

Прослеживаются два этапа в развитии плакатного искусства военного периода. В первые два года войны плакат имел драматическое, даже трагическое звучание. На втором этапе, после перелома в ходе войны, настроение и образ плаката меняются на более положительные и жизнеутверждающие: «Пьем воду родного Днепра. Будем пить из Прута, Немана и Буга!» [4, 331].

Особенности плаката как разновидности графического искусства обусловлены его назначением и возможностями полиграфии, средствами которой плакат размножается.

К отличительным чертам советского плаката можно отнести:

1) оптимистичный посыл.

2) формирование социокультурного пространства нового государства.

3) позиционирование в роли связующего звена между государством и гражданином.

4) тактика усиленной позитивизации (идеализации) собственных действий и тактикой усиленной негативизации (дегуманизации) стороны противника (антикапиталистические и антинацистские плакаты).

5) концентрированное донесение информации через образную сферу.

6) лаконизм, условность изображения, четкость силуэта и жеста.

7) образный, лапидарный язык, использование метафор и сатиры [5, 473].

Содержанием плакатов являются наиболее важные для власти и общества, чувствительные темы и сюжеты политической, экономической и культурной жизни общества. Во многих плакатах, присутствуют темы воспитания и пропаганды с громкими лозунгами, которые призывали народ быть верным Отечеству, служить в армии, работать честно, ходить на выборы и т.д. Эти призывы были одними из главных сюжетов плакатов советского периода.

Во время становления и расцвета советской власти происходили кардинальные трансформационные процессы. Они ориентировались на разностороннюю и широкомасштабную деятельность по изменению стандартов социокультурной организации, образа жизни, досуга, быта, воспитания, но в первую очередь – на изменение самого человека.

Некоторые исследователи социокультурной действительности советского общества (А.А. Зиновьев, М.Я. Геллер, Ю.А. Левада и др.) говорят даже о формировании нового типа человека – homo soveticus – ментального, культурного и антропологического феномена XX в.

Агитационный плакат представляет собой зеркало, в котором отразилась динамика развития человеческих образов на протяжении военных действий. Само время обострило отношение художников к окружающему. Происходит поиск новых идеалов изображения. Образ женщины, как и образ мужчины, претерпевает ряд изменений, обусловленный новым социальным заказом общества. Наряду с традиционными маскулинными персонажами, военный плакат впервые за историю жанра широко обратился и к женскому образу как символу самых светлых ассоциаций в мире насилия и крови. Поэтому женский образ должен был помогать солдатам, затерянным на просторах России, мужественно переносить все тяготы и лишения окопной жизни.

Своеобразный расцвет образа женщины в 1941-1945 гг. не случаен. Женская тематика с глубокой древности занимает важное и значительное место в изобразительном искусстве и культуре. Образ Богоматери и Мадонны (в европейской традиции) – главные в живописи, скульптуре и иконописи всего мира. Облик женщины лег в основу разнообразных символических изображений, олицетворяющих науку и искусство, политику и природу: Мать-Сыра земля, Родина-мать, Революция, богиня правосудия – Фемида и др.

С началом военных событий происходит расширение жанровой специфики изображения. К основным образам, используемым в плакате, относятся:

1) *Образ работницы и труженицы* – появляется новый образ женщины, в котором подчеркиваются черты, более присущие мужчинам – сила, выносливость, трудолюбие. («Работай, как Дарья Гармаш», «Трудящимся – здоровый отдых!»).

2) *Образ комсомолки, члена коммунистической партии* – социально активная женщина не просто помогала, но строила социализм, участвовала в реализации Госплана пятилеток («Каждая кухарка должна научиться управлять государством», «Раскрепощенная женщина – строй социализм!») [1].

3) *Образ колхозницы-крестьянки* – «Колхозники и колхозницы, голосуйте за дальнейший подъем колхозного хозяйства!», «Обеспечим высокий урожай в 1944 году!».

4) *Образ спортсменки* – физическое здоровье женщины был призван укреплять спорт. В плакате «Работать, строить и не ныть» А.А. Дейнека дал своеобразный идеал женщины, сильной, энергичной и красивой. Позднее появляются и специально направленные плакаты («Будь физкультурницей»).

5) *Образ матери (Родина-мать, мать-героиня)* – осознание на государственном уровне необходимости увеличения народонаселения выливается в попытки показать женщину матерью, подступиться к сюжетам о советской семье («Бей крепче, сынок!», «Героической советской женщине слава!»).

6) *Образ фронтовой подруги* – женщина все чаще изображается как верный помощник мужчине, овладевающий военным делом («Фронтовые подруги», «Женщина-пролетарка, овладевай авиационной техникой...») [3, 2].

7) *Образ женщины, выполняющей традиционно мужскую работу* («Больше хлеба для фронта и тыла. Убрать урожай полностью!», «На трактор девушки садятся смело!»).

8) *Образ всесторонне развитой женщины, активистки* («Все на выборы!», «Долой кухонное рабство!»).

9) *Хрупкая, беззащитная женщина* («Товарищ боец, помни! Мсти за них!», «Вся надежда на тебя, красный воин!»).

В сравнении с обилием негативных изображений женщин в первые годы становления советской власти, в период Великой Отечественной войны такого явления практически не наблюдается.

Культ личности Сталина наложил свой отпечаток на женскую тему: эксплицитно или имплицитно во многих произведениях проводилась мысль о личном участии вождя в решении женских проблем, о его роли в политических и трудовых достижениях работниц.

Каждый плакатист по-своему изображал женщину. Некоторые художники больше уделяли внимание гендерно закрепленным женским качествам: доброте, нежности, хрупкости, беззащитности. Другие же делали акцент на социальном заказе: на их плакатах

женщины начинают выполнять принципиально новые функции и роли: фронтовая подруга, труженица, выполняющая сугубо мужскую работу, мать-героиня, Родина-мать и др.

Великая Отечественная война не умалила значение женского образа в плакате. Наоборот, он раскрылся многими гранями, до сих пор остававшимися в тени. В тяжелую пору национального бедствия советская женщина доказала, что она способна не только реализовывать данные ей революцией равные права с мужчиной, но и по мере необходимости заменить его в поле и на производстве. Героическая, трудная, а порой – трагическая судьба женщин военного времени стала темой многих произведений изобразительного искусства и художественной публицистики.

Литература

1. Артамонова С.Н. Образ женщины в русском плакате / С.Н. Артамонова, Н.И. Бабурина // Интернет-портал ProШколу.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lescontamines.ru/zametki/plakat_women. htm. [12.12.2014].
2. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства / Б.Р. Виппер. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изобраз. искусство, 1986. 288 с.
3. Галиммулина Н.М. Женские образы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны / Н.М. Галиммулина // Вестник Социально-педагогического института. 2014. № 1 (9). С. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obrazy-v-sovetskoy-propagande-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny [5.12.2014].
4. Ильина Т.В. История искусств: отечественное искусство: учебник / Т.В. Ильина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2000. 407 с.: илл.
5. Искусство: книга для чтения: живопись, скульптура, графика, архитектура / сост. акад. М.В. Алпатов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1969. 544 с.: 196, илл.

Болдарев М.А.

Научный руководитель – **Кривец А.П.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Феномен нации является не случайным обстоятельством современного общества. В череде событий можно обратить внимание на снижение суверенитета различных государств.

Нации и национализм в данном случае выступают лекарством, которое мобилизует организм в борьбе с внутренним вирусом.

Первой реакцией общества на проявление внешнеполитической конфликтной ситуации будет национальное самоопределение, консолидация общества. «В настоящее время теория национального самоопределения является не только мощным подспорьем революции, но и выражается в народных движениях как защитная реакция политических интересов» [2, 30]. Но в современном обществе народные движения через политические институты могут нести свое слово в мировую политику. Также данная реакция возникает при предпосылках распада государства на автономные образования. Данный пример хорошо описан в трудах Лорда Актона «Принцип национального самоопределения», в котором описывается Польша в результате ее разделения. «Раздел Польши был актом безрассудного, бесстыдного насилия, означавшего не только попрание патриотических чувств народа, но и надругательство над публичным правом. Впервые в новой истории значительное государство было разделено соединенными усилиями врагов, которые поделили между собой всю его территорию и весь народ» [2, 30].

В этом процессе возникает конфликт между либеральными и национальными ценностями. Отбрасывается республиканский путь развития, в центре которого стоит самоуправление и формирование федераций и конфедераций.

Возникновение национальных идей происходит под воздействием опасности. Исходя из исторического примера Польши, самостоятельные государства не имеют желания быть разорванными на мировой арене. Во многих случаях политики, не ожидая естественного появления национального самоопределения и национальных чувств, формируют национальную идею и этические рамки самостоятельно, чтобы выражать их в политических интересах.

Многие авторы не имеют общего определения нации, и не существует структурного построения национальных течений и их формирования. Здесь будет иметь место конструктивистская теория возникновения нации. Если мы посчитаем, что политическая этика самостоятельно формирует защитные качества своего народа в виде нации как высшей ступени развития, то у них должна существовать основа или база для данного построения.

Цепочка развития наций и национализма идет от двух направляющих. Во-первых, это нация как продукт, который рассматривается в качестве этноса. Во-вторых, это нация как историческое тело. Разница между этими дорогами развития в том, что в первом случае нация освобождается от исторического прошлого и формирует совсем новые перспективы и варианты развития. Во втором отдается приоритет традиционной составляющей. Первый

вариант является более удобным, он был применен во Франции после свержения монархии, в такой ситуации обществу можно прикрепить любые ценности, полностью расходящиеся с историческим прошлым. Нация может выражать в любой момент свое мнение и так же легко его изменять, подстраиваясь под ситуацию. В истории данное явление называли понятием абстрактной нации и национальной принадлежности. «Лишь привлекательность абстрактной идеи совершенного государства способна свести в едином порыве человеческие множества, ищущие универсального лекарства от самых разных и конкретных зол и пороков, во имя общего и к всевозможным условиям прилагаемого рецепта оздоровления» [2, 28].

Примером формирования нации как исторического тела и проявления национального самоопределения послужит опыт Священной Римской Империи. Самообразование империи не случайно в данной ситуации, ведь это продукт национальной защиты народа. При республиканском правлении «власть наместников провинций, проконсулов, возросла настолько, что повлекла за собою возмущение провинций против Рима, способствовавшее установлению империи» [4]. Римская империя не жалела сил для подавления народа и создания общей однородной массы, но этого не произошло из-за исторической и этнической принадлежности. Создание империи расширило возможности многих государственных образований, что повлекло их экономическое развитие и в дальнейшем защита национальных интересов и распада Римской империи, на почве которой возникает множество молодых государств.

Существует два вида человеческой активности, одно подразумевает реакцию на внешние и внутренние стимулы, другое – личный путь самоопределения, сознательный выбор поведения. В какой-то степени эти виды человеческой активности последовательны, но касательной национального вопроса, то первый вариант будет уместнее как решающий в проявлении национализма.

Обратившись к истории, можно проследить возникновение национальных всплесков в Германии как результат на Наполеоновскую оккупацию. Процесс национального самоопределения в Индии возникает в результате борьбы с Великобританским империализмом и основывается на идее самостоятельного осуществления Индией собственной политики.

Защита посредством национализма проявляется не только через насилие или военные действия. Это может быть и защитой ценностей, традиций, интересов. Существует риск впадения в крайность, доказывая собственную индивидуальность, как это произошло в России. Национализм появился в России во второй половине XVIII в., в связи с интересом образованных кругов высшего общества к течениям западноевропейской философии и

политической мысли. Поначалу под нацией понималась культурная и интеллектуальная элита (преимущественно дворянство) в рамках существующего порядка.

Данная реакция способствует укреплению государства под внешним и внутренним воздействием. Национальное самоопределение расширяет возможности и требования народа перед государствами. Оно дает возможность переживать самые трудные ситуации и не дает возможности разрушения государства, которое защищает интересы своего народа.

Под занавесом демократической идеологии можно рассмотреть то, что именно национализм движет историческим процессом. Именно во имя благоденствия нации создаются империи, происходят войны, творятся «экономические чудеса». Когда же нации грозит гибель, то здоровое ядро стремится сплотить её именно под националистическими лозунгами. Так или иначе, национализм – т. е. защита интересов нации – главный двигатель истории. Единственное исключение имело место в лице СССР, где националистические лозунги уступили место идеям построения справедливого общества, общества высшего порядка.

Возникновение принципа национального самоопределения происходит посредством сравнения себя с другой нацией в конфликтной ситуации. Обратив внимание на теорию конструктивизма, нельзя не отметить, что для запуска процесса образования нации нужны серьезные предпосылки. Получается, что требуется внешнее негативное воздействие, которое запускает процесс самоидентификации, выдвигаются требования, и эти требования подкрепляются политическими лозунгами. С этого момента начинает формироваться нации. В формировании уже начинает участвовать политика, которая закрепляет основные требования, культуру и рамки поведения.

Этот процесс имеет сложную и довольно продолжительную структуру. Долгий исторический процесс уходит на образование нации. Так или иначе, определенная общность готовит себя к переходу на национальный уровень, изначально консолидируя себя при помощи ценностей, языковых особенностей, символики, территориальной обобщенности. Как результат – плотность и интенсивность языковых или культурных связей обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за ее пределами. Это память об общем прошлом, толкуемом как судьба группы или хотя бы ее ключевых элементов. Проявление национального самоопределения происходит не только на внешнеполитическом уровне, посредством политических требований всего народа, но и посредством активности общественных организаций, профессиональных союзов и партийных органов.

По нашему мнению, все исторические процессы, конфликтные и конкурентные ситуации могут служить катализатором для процесса национальной самоопределения.

Литература

1. Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества // Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Праксис, 2001.
2. Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Наука, 1996.
3. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. Н 28 и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002.
4. Эктон Дж. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм М.: Праксис, 2002. с. 25-51. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/01_a/akt/on1.htm (дата обращения: 09.04.2015).

Васильева А.С.

научный руководитель - **Бердник А.Н.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

БЕЛГОРОДЧИНА – ТЕРРИТОРИЯ УСПЕХА И ПРОЦВЕТАНИЯ

Название настоящей статьи может показаться слишком публицистичным и более подходящим для научно-популярного, а не академического издания, однако мы решили оставить его без изменения, поскольку такое название наиболее точно отражает специфику Белгородского феномена.

Его суть состоит в том, что к настоящему времени Белгородская область сумела занять лидирующие позиции в стране по темпам промышленного производства, продуктивности сельского хозяйства, масштабам жилищного строительства и качеству жизни населения. Всех, кто впервые приезжает в Белгород, поражают ухоженность и благоустройство городов и сёл, отличные дороги, чистота улиц и тротуаров из цветной плитки, школы и детские сады с плавательными бассейнами, сельские дома культуры, похожие на дворцы, и новые спортивные комплексы в районных центрах [9].

Действительно, въезжая на территорию Белгородской области из других регионов, испытываешь ощущение, что уже пересек государственную границу Российской Федерации

и едешь по вполне европейской стране. Настолько ухоженно, приветливо и цивилизованно смотрятся проносящиеся за окном автомобиля села и деревеньки [7, с. 3].

Качество жизни в регионе - самое высокое в Черноземье, а средняя продолжительность жизни белгородцев на два года больше среднероссийской.

Говоря о родном крае, невольно вспоминаются слова нашего выдающегося земляка, дважды Героя Социалистического Труда, почётного гражданина Белгородской области Василия Яковлевича Горина: «Родиться и жить на Белгородчине - это почетно!» [2, с.1].

Бесспорно, наш край сегодня движется уверенными шагами в будущее, развиваясь и процветая. Это подтверждает и тот факт, что даже те авторы, которых трудно заподозрить в симпатиях к позитивным переменам, оценивают итоги развития Белгородчины как «историю успеха» и включают ее в число трех регионов постсоветской России, сумевших добиться наибольших результатов в экономическом и социальном развитии [6]. Так в чем же главные слагаемы этого успеха?

Авторы статьи предприняли попытку проведения анализа причин успеха Белгородского региона в экономическом, социальном и культурном развитии, а также обобщения имеющихся подходов к исследованию Белгородского феномена.

Безусловно, нельзя не согласиться с мнениями тех авторов, которые главную причину успеха видят в том, что регион обладает богатствами, полученными от природы, в виде залежей железной руды и плодородных черноземов, на основе которых удалось создать промышленные и сельскохозяйственные кластеры. И, как заметил вице-президент Ассоциации политических экспертов и консультантов Александр Нагорный, есть еще одна особенная сторона белгородского чуда, связанная с промышленно-аграрной политикой самого губернатора и его правительства. Это ставка на новейшие технологии и создание крупных агропромышленных концернов. В целом, успехи агропромышленного комплекса области А. Нагорный связывает с созданием системы высокотехнологичных, вертикально интегрированных структур [3, с.5].

Другие авторы экономическое благополучие региона во многом объясняют его приграничным географическим местоположением как транзитных ворот на Украину. Около 20% российско-украинского внешнеторгового оборота приходится на Белгородскую область благодаря проходящим через нее магистральным автомобильным и железнодорожным путям.

Третья группа исследователей переводит поиски в политологическую плоскость, проводя анализ построенной в регионе, так называемой, патерналистской модели власти, и деятельности Белгородского губернатора Е.С. Савченко, который более двадцати лет возглавля-

ет регион. За это время он сумел стать признанным региональным лидером и авторитетным политическим деятелем современной России!

Ведь нельзя не отметить, что очень многое в стране зависит от "человека на капитанском мостике", от командира и его качеств. «Я был в Белгородской области и могу сказать, что она на меня произвела неизгладимое впечатление. Это осколок Европы в России!» - именно так оценил ситуацию в регионе известный экономист, глава консалтинговой компании «Неокон» Михаил Хазин. И это, по его словам, заслуга нашего оптимистичного губернатора, который всегда верит в потенциал и безграничные возможности своего народа [3, с.6]. Губернатор сумел раскрыть потенциальные возможности жителей региона и выдвинуть различные механизмы для их реализации.

Наша гипотеза состоит в том, что успехи Белгородской области нельзя объяснить только в русле рационально-сциентистских подходов. Признавая важность социально-экономических и природно-географических факторов, мы предлагаем использовать культурологический метод анализа. Он основан на представлениях классической культурологии о том, что в основе развития социума лежат процессы, происходящие в культуре, ядром которой являются духовно-нравственные ценности и смыслы, сформированные в русле мировоззренческого кода народа. Не случайно за прошедшее десятилетие Белгородская область дважды выступает с региональными проектами, которые приобретают Всероссийское значение. Так, в 2003 году Белгородчина стала первым регионом, предложившим уникальную программу улучшения качества жизни населения [5].

Данная идея стала белгородским «Ноу-хау», и на уровне Российской Федерации в 2004 году Президент России впервые определил качество жизни как главную стратегическую цель социально-экономического развития страны [4].

Программа получила широкий резонанс, потому что само понятие «качество жизни» в большей степени соотносится с нашими представлениями о социальной справедливости и отвечает цивилизационному своеобразию России, ее культуре и религии.

Как писал в своих работах выдающийся российский экономист Д.С. Львов, - дух запада, поднимающий на щит ценности богатства и благополучия, основан на протестантской этике с его основным постулатом об индивидуальной избранности к спасению. Православие же всегда отстаивало идею коллективного спасения, равенства всех перед Богом, совесть, т. е благую весть, которая гласит: «Спасутся или все или никто». Поэтому вместо стремления к индивидуальному богатству и его символическим выражениям - стремление к высокому качеству жизни. Последнее невозможно достичь индивидуально, не повышая качество жизни окружающих [1].

На следующем этапе развития Белгородской области, в 2011 году, в качестве цели регионального развития была предложена Стратегия формирования регионального солидарного общества, основанная на осознании жителями общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей [8, с.8]. Речь опять идет о качестве, однако теперь, - о качестве человеческих отношений, в основе которых доверие, солидарность и ответственность.

Следует отметить, что экономической основой для создания солидарного общества должно стать солидарное владение землёй. Е.С. Савченко так комментирует свою точку зрения по данному вопросу: «В моем понимании большое значение имеет представление об общей собственности, это вообще фундамент солидарности. То, что дано Богом для всех нас, не должно быть чьей-то частной собственностью. В моём понимании, ничто так не испортило наш народ, как закон о частной собственности на землю» [3, с.7].

Таким образом, анализ двух документов: «Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области» и Стратегии «Формирования регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, - позволяет сделать вывод, что прошедшие восемь лет позволили перенести основной центр тяжести с материального на духовное, с экономической политики - на улучшение человеческих отношений. Можно без преувеличения сказать, что речь идет о беспрецедентной попытке предложить идею сопряжения материального и духовного измерения человеческого бытия в качестве социального проекта регионального развития.

По нашему мнению, одна из главных причин процветания Белгородской области состоит в том, что в регионе есть понимание роли и значения Православия как фундаментальной основы мировоззренческого кода россиян. Поэтому, как заметил писатель Александр Нотин, человек верующий несёт ответственность перед вечностью, перед Богом, понимает свою посмертную участь, страшится её. Такой человек не может воровать. Рано или поздно, по мере своего становления, он будет исповедовать принцип служения Богу и людям, будет иметь страх Божий. Именно такой новый русский человек - чиновник, хозяйственник, законотворец, президент - будет преобразовывать Россию по тем лекалам, пунктирам, которые пока робко и изолированно от русского бытия прокладывает Белгородская область, которая может быть преобразована в своего рода лабораторию отработки опыта измениения нашей экономической, общественной, культурной жизни, лабораторию по отработке опыта современного хозяйствования [3, с.6].

Подводя итоги, необходимо отметить, что именно культурология, как познавательная система и интеллектуальная тенденция нашего времени, основанная на междисциплинарных

подходах, сможет объединить разрозненное знание о социокультурных процессах в регионах России.

Литература

1. Львов Д.С. Экономика и жизненный мир человека// Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции: Сб. материалов I Оптинского форума.- М.: Калуга, 2006.- С.67-68; Образ новой России - истоки формирования// Вопросы философии.- 1998.- №4.- С.36.
2. Мой край - родная Белгородчина. Режим доступа: http://www.newosschool3narod.ru/moikrai.htm.
3. На земле Белогорья. Поездка Изборского клуба в Белгородскую область. Режим доступа: http://www.dynacon.ru/content/articles/1799/
4. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/act.
5. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. – Белгород, 2003. – 110с.
6. Российские регионы: Белгородская область. - Режим доступа: http://www. svobodanews.ru.
7. Стариков И. Феномен Евгения Савченко, или Белгородский Ли Куан Ю// Смена.-2012.- №87.- С.3.
8. Стратегия «Формирования регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы. – Белгород, 2011.- С.8.
9. Филиппов В. Русский дом Евгения Савченко// Русский дом.- 2010.- №4. - Режим доступа: http://www.russdom.ru/node/2749

Вербина О.В.

Научный руководитель – **Туркина В.Г.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

ФЕНОМЕН БЕЗДОМНОСТИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Понятие дома в культурах различных народов мира служит оформлению бытия личности, являясь показателем целостности и единства мироощущения человека. В философской онтологии дом традиционно выступает базовой константой человеческого

бытия. Культурно-семантическое пространство дома связано с психологическим состоянием обустроенности, реализации личностных смыслов и ценностей. Социальное пространство дома выступает средством социализации и политизации человека, механизмом его включения в морально-этическую плоскость. Домовладение, принадлежность человека к дому, включенность в его социальное пространство – таков парадигматический ряд одного из основных признаков института гражданства в политических системах античности, средневековья, нового времени и современного общества. Антиномичная парадигма бездомности, проявляющееся в физическом контексте − как материальное отсутствие стен и крыши; в биологическом − как потеря своей экологической ниши, неукорененности; в социокультурном − как метафизическая бездомность владельцев жилища [3, 35], всегда выступает показателем асоциальности человека, низкого социального статуса личности, социального неблагополучия, социального дна. Именно по этой причине бездомность человека можно назвать состоянием ценностной и смысловой неопределенности, что актуализирует обращение к исследованию этого феномена особенно в периоды социальной аномии и общественной трансформации, когда происходит потеря старых и начинается приобретение новых культурных ориентиров. Культурологическому анализу феномена бездомности посвящена данная статья.

Бездомность как социокультурное явление у многих исследователей рассматривается сквозь призму феномена маргинальности и часто сводится к набору синонимичных, как правило, негативных, клише-образов, сформированных под влиянием традиции общественного мнения: бездомный – это нищий, без определенного места жительства, без регистрации, без прошлого и будущего. Это значение фиксирует толковый словарь В.И. Даля: бездомный – тот, «у кого нет своего дома, крова, пристанища, приюта» [2, с. 61]. Производный глагол «бездомничать» в его же словаре трактуется как «проживать в людях, на стороне, без своего дома, избы, жилья, крова, приюта, шататься по заработкам, батрачить, бобыльничать, выживать в людях» [2, с. 61] и семантически содержит в себе указание на определенный асоциальный образ жизни человека, на специфику его взаимоотношения с обществом в целом. Сходная в целом трактовка «бездомного» содержится и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова: «человек, не имеющий жилья, приюта» [6, с. 40].

З. Соловьева рассматривает феномен бездомности с позиций социологии повседневности как своеобразный институциональный статус человека, образуемый взаимосвязанными процессами первоначального исключения бездомных из социального пространства социальных институтов общества (с обратным возвращением) и включения бездомных в «уличное сообщество» (с последующим исключением из него) [7, с. 27].

Процессы исключения из любого общества, по мнению исследователя, всегда сопровождаются формированием «стигмы» как особого признака дискредитации человека, как показателя разрыва имеющихся социальных связей и изменения повседневного стиля жизни. Этап стигматизированности демонстрирует завершение процесса трансформации социальной идентичности личности и формирование институционального статуса «бомжа» как трансформацию повседневных практик личности без существенного изменения его личностных установок и ценностей.

Процесс формирования бездомности не всегда связан только с изменением индивидуальных практик, это, прежде всего, есть результат коренных изменений в социуме. Феномен бездомности присущ любому типу общества, а современное общество, по мнению С.В. Климовой, расширяет и усложняет его [4, с. 36]. Если на этапе стабильного развития общества феномен бездомности переходит в индивидуально-личностную плоскость житейской несостоятельности, то на переломных этапах общественного развития проблема бездомности, по ее мысли, актуализируется в социетальном плане. На это указывал еще Хайдеггер, определяя современную эпоху как эпоху всеобщего нигилизма, главный признак которой – бездомность современного человека. Корни бездомности в современном глобальном обществе, по мнению Хайдеггера, коренятся в безродности человека, в увеличении числа мигрантов [5, с. 338]. Противостоять глобальному нигилизму и бездомности человека может только философия как «….ностальгия, тяга повсюду быть дома», по меткому выражению Хайдеггера. Экзистенциальная метафора ностальгии по прошлому, тоски по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было, с конца XIX века становится неотъемлемой частью феномена бездомности.

Экзистенциализм открывает новые грани в феномене бездомности. И если с традиционной точки зрения феномен бездомности всегда нес в себе зерно социального отрицания, с которым необходимо бороться, то экзистенциальное восприятие бездомности меняет системы координат.

Французский философ Ж.П. Сартр говоря, «мое место – это всегда “здесь”», в экзистенциальном смысле обращает внимание на то, что место человека определяется прежде всего его целеполаганием. Соответственно, само отсутствие дома фактически невозможно для человека, его дом там, где он находится. Фундаментальной характеристикой человеческого бытия становится уже не дом, по мысли Сартра, а практически бездомность, как свобода, как необходимость постоянного изменения местонахождения в творческом порыве [5, с. 586]. Продолжая мысль Ж.П. Сартра, современный российский ученый Ф. Гиренок считает бездомность, безбытность негативно воспринимаемыми словами только

для рода, но не для отдельной личности. Человеку открываются бесконечные перспективы, легкость бытия и существенный недостаток – бездомность, – становится его важнейшим преимуществом [2, с. 312].

Идея осуществления свободы в процессе освобождении от стесняющих, давящих обстоятельств проживания в доме, вносит определенные изменения в трактовку феномена маргинальности и соответственно бездомности. По мнению Р. Парка, маргинальный человек является наиболее свободным типом личности, так как он не связан с традиционной моралью и культурой. С.А. Стивенсон утверждает, что отсутствие постоянного места жительства и семейных связей у человека не всегда определяется статусом бездомности. В качестве примера он приводит образ жизни цыган [8, с. 27], которые, при кочевом образе жизни, не имея постоянного жилья, не причисляют себя к бездомным. Статус и престиж цыган складывается не на основе принадлежности к закрепленному месту обитания, а на основе членства в собственном сообществе.

С подачи экзистенциальной философии в современной культурологии складывается своеобразная практика «гражданина мира», которая определяет принадлежащего к ней индивида как бездомного, не имеющего постоянного места жительства. В этой связи невозможно не вспомнить первого социального космополита Диогена Синопского и его последователей киников, которые считали потребность человека в доме, семье мнимой потребностью. Человек, по их мнению, должен чувствовать себя представителем человечества, общим домом которого является Земля. В этом смысле пространство дома расширяется до пределов ноосферы, делая ее настоящим домом всего человечества, а не бездушным социально-экономическим пространством как совокупностью экономического базиса и надстройки.

В современном глобальном обществе дом представляет собой физическое и духовное пространство обитания человека, сферу, где каждый человек чувствует себя комфортно. Чем больше жилье подходит человеку по различным характеристикам (комфортности, уютности, красоте), – тем увереннее человек чувствует себя в нем, не завидует другому и не боится чужого. Если представить, что у каждого человека появился бы дом, которым бы он дорожил, и если бы общим домом для него стала бы наша планета, Вселенная, а не только отдельная квартира, существование человечества было бы принципиально иным. Из этого следует, что бездомность представляет собой понятие, характеризующее холод и пустоту пространства, в котором мы обитаем.

Человеческая сущность определяется стремлением к обретению своего Дома и его обустройству, и без ее возрождения говорить о дальнейших перспективах развития

человечества бессмысленно. Поэтому особенно важно для условий социальной неустойчивости современной России и трансформации национального сознания, оздоровление общественной атмосферы – распространение положительных знаний о Доме, его утверждающих принципах, преодоление ситуаций риска, связанных с этой проблемой.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. 1. М., 1978. С. 61.
2. Гиренок Ф. Патология русского ума: картография дословности / Ф. Гиренок. М. , 1998. С. 312.
3. Говорунов А.В. Дом, дома, дому // Сборник материалов конференции. СПб., 2005. С. 35.
4. Климова С.В. Кризис и дом / С.В. Климова // Социальный кризис и социальная катастрофа. СПб., 2002. С. 36.
5. Марков Б.В. Бездомность человека в постсоветском пространстве / Б.В. Марков. СПб., 2005. С. 338.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М., 1972. С. 40.
7. Соловьева З. Обитатели «ночлежки» и других благотворительных организаций в перспективе социологии повседневности / З. Соловьева // Невидимые грани социальной реальности: вып. 9. СПб., 2001. С. 27.
8. Стивенсон С.А. О феномене бездомности / С.А. Стивенсон // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 27.

Воротынцева Д.А.

научный руководитель – **Бердник А.Н.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СЕМЬИ РОССИИ

В настоящей статье автор попытался провести анализ имеющихся подходов в изучению достаточно сложной проблемы защиты прав и интересов детей, которая расколола российское общество на противников ювенальной юстиции и ее сторонников, а также высказать свою собственную точку зрения на обозначенный вопрос и предоставить

информацию для размышления Вам, уважаемые читатели о том, как соотносятся идеи ювенального права с нашими традиционными российскими ценностями.

"Она придет незваной в твою семью если мы вместе не остановим ее!", - таким лозунгом начинается одна из статей, направленных на сбор голосов для отмены принятия закона о ювенальной юстиции. Что же представляет собой пресловутая ювенальная юстиция, какие угрозы несет она обществу, в чем ее положительные моменты, размышляет автор данной статьи.

Ювенальная юстиция (Juvenile Justice) - в переводе с английского означает «правосудие для несовершеннолетних». Это правовая основа системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними [1].

Система ювенальной юстиции - это совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка (несовершеннолетнего) [2].

В станах Западной Европы и Северной Америки в ювенальную систему входят уполномоченные по правам ребенка, институт ювенального суда с сопутствующими органами ювенальной юстиции, инфраструктура социальных учреждений и институт социальных работников, включая комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки, телефоны доверия со штатом своих работников и другие организации.

Ювенальные технологии — комплекс мер, нацеленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних… Считается, что ювенальная юстиция является частью ювенальных технологий [1].

Таковы базовые понятия ювенальной юстиции, ознакомившись с которыми следует перейти к истории ее возникновения.

Родиной ювенальной юстиции считаются Соединенные Штаты Америки. В семидесятые годы XIX века жители американского города Бостона начали требовать от судей не применять наказания к несовершеннолетним, способным встать на путь исправления, а передавать их под присмотр органов попечительского надзора.

В конце девяностых годов XIX века в Чикаго, на основании Закона штата Иллинойс «О детях покинутых, беспризорных и преступных и о присмотре за ними», был учреждён первый детский ювенальный суд и введено новое понятие «правонарушитель» (англ. delinquent), отличающееся от понятия «преступник» (англ. criminal). Таким образом,

несовершеннолетний правонарушитель становился субъектом ювенальной юстиции, а не уголовного права.

Позднее идея ювенальной юстиции получила развитие в Великобритании, где в 1908 году была принята серия законов о детях и молодёжи. Во Франции первый ювенальный суд был учреждён в 1914 году на основе опыта США.

К настоящему времени в мире сложилось несколько моделей ювенальной юстиции: англо-американская, континентальная и скандинавская. В отдельных странах ювенальная юстиция является частью ювенальной системы органов и общественных организаций, занимающихся вопросами семьи и правами детей.

В России работа по созданию новой специализированной судебно-правовой системы защиты прав несовершеннолетних активно велась до 2010 года включительно. Предполагалось, что она должна быть представлена как государственными органами, осуществляющими правосудие по делам о правонарушениях несовершеннолетних, так и негосударственными структурами контроля за исправлением и реабилитацией несовершеннолетних а также органами профилактики детской преступности и социальной защиты семьи и прав ребенка.

В частности, был разработан проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» от 14.02.2005 г. [3]. В качестве тестовой базы была взята за основу концепция ювенального суда в г. Ростов-на-Дону.

Также нельзя не отметить тот факт, что в России различают ювенальную юстицию в широком и узком смысле слова:

- в узком смысле - это специализированная ветвь судебной системы;

- в широком смысле - это совокупность правовых механизмов (медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных и др. процедур и программ), предназначенных для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций.

Под системой ювенальной юстиции (иными словами, ювенальной системой) в России понимается теоретико-правовая конструкция, включающая комплекс механизмов, нацеленных на реализацию и обеспечение на основе установленных законом процедур прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и реализующихся в рамках деятельности специализированных служб и учреждений ювенального профиля. В системе защиты прав несовершеннолетних ювенальной юстиции отведено центральное место.

Русская Православная Церковь не поддерживает работу над реформированием существующей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. И здесь обязательно стоит упомянуть о деятельности служителя РПЦ, протоиерея Дмитрия Смирнова, который открыто выступает против принятия закона о ювенальной юстиции и развивает собственную программу помощи многодетным и малообеспеченным семьям. Также нельзя не отметить, что протоиерей Дмитрий Смирнов в селе Мышкино Можайского района самостоятельно создал и содержит три частных детских дома, в которых нашли приют пятьдесят детей [4].

Уполномоченный по правам ребёнка при Президенте РФ Павел Астахов видит в системе ювенальной юстиции некое подобие конвейера. Он полагает, что она способствует обобществлению детей, при котором за них никто не несёт ответственности [3]. Также известным противником ювенальной юстиции в России является российский общественный деятель, лидер движения «Суть Времени», Сергей Кургинян, который выступает против вмешательства государственных институтов в дела семьи и упрощения процедуры лишения родительских прав [1].

Важным событием в деле борьбы за сохранение в России традиционных семейных ценностей стало проведение в феврале 2013 года учредительного съезда Родительского Всероссийского Сопротивления (РВС), на который прибыли представители родительской общественности со всей страны. Основные направления деятельности новой общественной организации состоят в защите традиционных семейных ценностей, противостоянию ювенальной юстиции и разрушению российского образования [5].

Помимо учреждения РВС, на съезде было подписано соглашение о создании Союза патриотических родительских организаций, с целью совместной борьбы против ювенальной юстиции, в который вошли: «Родительское всероссийское сопротивление», Ассоциация родительских комитетов и сообществ (АРКС), Общероссийское общественное движение «Всероссийское родительское собрание», Российский детский фонд, Союз добровольцев России, Общественный институт демографической безопасности, Союз православных граждан и Межрегиональное общественное движение в поддержку православных образовательных и социальных инициатив «Пчёлки» [5].

Таким образом, внедрение в России чуждых семейных ценностей, основанных на принципах ювенальной юстиции, встретило в нашей стране сопротивление со стороны общественности. По мнению противников ювенальной юстиции, её нормы вступают в противоречие с национальной российской ментальностью, духовностью и традиционной культурой, поскольку уравнивание в правах родителей и детей, предлагаемое ювенальной

юстицией, ведёт к дестабилизации и разрушению не только семьи и школы, но и всей системы общественных отношений, что и можно увидеть сейчас в Европе и США, где эти принципы внедрялись в течение многих десятилетий.

Активную позицию неприятия идей и принципов ювенальной юстиции демонстрируют представители психолого-педагогической общественности России. Среди них известный детский психолог, директор Института демографической безопасности Ирина Медведева и детский педагог- психолог Татьяна Шишова, которые подчеркивают, что предусматриваемое ювенальной юстицией специальное, более мягкое правосудие для несовершеннолетних, приводит к тому, что несовершеннолетние убийцы, грабители, торговцы наркотиками остаются на свободе и ничего не боятся, чувствуя свою безнаказанность.

Пример Франции и других европейских стран показывает, что внедрение принципов ювенальной юстиции влечёт за собой катастрофическое увеличение подростковой преступности, когда подростки жгут школы, больницы и даже полицейские участки. В ответ на такие бесчинства - их задерживают, проводят воспитательные беседы и … отпускают. Этого ли добивались создатели закона о ювенальной юстиции? К числу стран с неудачным опытом внедрения закона о ювенальной юстиции специалисты относят также Финляндию и Украину. После всех вышеперечисленных фактов встает закономерный вопрос: нужно ли в России принимать законы о ювенальной юстиции, не оправдавшие возложенных на них ожиданий и надежд?

Анализ тысячелетней истории России показывает, что наша страна добивалась наибольших успехов, когда удавалось критически переосмыслить западный опыт и соотнести его со своими традиционными ценностями. За этим стоит многовековая мощь и независимость крупнейшего государства, его непоколебимая гордость и самостоятельность. Достаточно сказать, что Россия является одной из двух стран мира, которые имеют более пятисотлетнюю суверенную историю. После освобождения в 1480 году от татаро-монгольского ига нас никто не смог завоевать: ни поляки, ни шведы, ни Наполеон и Гитлер! Так стоит ли нам безоговорочно принимать, рожденные в недрах западной цивилизации, законы о ювенальной юстиции, которые и в самой Европе встречают все большее неприятие?

Литература

1. Ювенальная юстиция в России. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция_в_России

2. Что такое ювенальная юстиция. Омилия. Сайт священника Николая Баринова. Режим доступа: http://www.omiliya.ru/chto-takoe-yuvenalnaya-yustitsiya
3. Проект закона "Об основах системы ювенальной юстиции". Стоп ювенальной юстиции. Режим доступа: http://www.juvenaljustice.ru/index.php/documenty/41-proekty/78-zakon-ob-osnovah-yuvenalnoy-sistemy
4. Мультимедийный блог протоиерея Димитрия Смирнова. Церковь и мир. Беседа протоиерея Димитрия Смирнова с журналисткой Ольгой Демидовой для программы «Постскриптум». Режим доступа: http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/cerkov-17711/
5. Родительское Всероссийское Сопротивление. Официальный сайт. Режим доступа: http://r-v-s.su/uchreditelnyy-sezd-roditelskogo-vserossiyskogo-soprotivleniya

Губаева С.Р.
научный руководитель – **Бойко Ж.В.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.К. ТЕНИШЕВОЙ

Образование в истории человечества всегда было катализатором новых процессов в различных сферах жизнедеятельности общества. Согласно этому, от профессионализма учителя, от его уровня повседневной жизни зависело качество происходивших перемен. Одной из выдающихся активных деятелей можно назвать княгиню, русскую дворянку Марию Клавдиевну Тенишеву. Она проявила себя в качестве художницы, певицы, педагога, историка, коллекционера старины, что свидетельствует о ее необыкновенной одарённости. Мария Клавдиевна, обладая широкими познаниями во многих областях, стремилась применить свои способности, знания, опыт на практике.

Конец XIX- начало XX века характеризуется началом нового этапа социально-экономического и политического развития страны. В рамках различных процессовв России происходило развитие народного образования, Земства – главные организаторы и устроители народного просвещения – начинают свою деятельность по формированию начального образования. В этот период М.К. Тенишева в селе Талашкино Смоленской губернии открывает

сельскохозяйственную школу, целью которой было образованиекрестьянских детей, будущих специалистов, способных вести хозяйство в новой форме.

В своей новой школе М.К. Тенишева пропагандировала гуманистические принципы организации учебно-воспитательного процесса. Княгинябыла лишена счастливого детства и не знала родительской ласки. Поэтому она пыталась восполнить этот жизненный пробел, отдавая все силы и неподдельную любовь своим ученикам.К ним она подходила индивидуально, учитывая способности каждого, приучалас интересом подходить к выбранному делу. Через уроки рукоделия, освоение игры на музыкальных инструментах, рисование и другие занятия, Мария Клавдиевна прививала ребятам интерес к знаниям, развивала умения и навыки. Она писала, – «Да, я люблю свой народ и верю, что в нем вся будущность России, нужно только честно направить его силы и способности» [1:224].

Княгиня верила, что предлагаемые ею идеи будут содействовать развитию крестьянства, его просвещению, воспитанию. М.К. Тенишева направляла свои реформы на усовершенствование быта простого народа. Сложно было воплощать идеи просвещения, так как правительство не было заинтересовано в этом, не выдавались субсидии на расходы. Мария Клавдиевна вспоминала в своих мемуарах: «никто – ни правительство, ни частная инициатива – не идет на помощь этому бедному люду и некому вывести его на свет из непроглядной тьмы» [1:93]. Именно поэтому с особой любовью, инициативой, терпением, интересом относилась княгиня к созданию сельскохозяйственной школы. Она с большим уважением относилась к крестьянам. Ее пугал тот факт, что у большинства российского общества не было должного отношения к данному сословию, их считали далекими от просвещения людьми. М.К. Тенишева с горечью отмечала, что немного было желающих помочь им в образовании и просвещении. Поэтому она решила восполнить этот пробел, сложившийся в Российской империи к концуXIXвека: «меня постоянно мучило нравственное убожество наших крестьян и грубость их нравов. Я чувствовала нравственный долг сделать что-нибудь для них, и совсем уж было противно в разговорах со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их "серыми", презирали, гнушались ими» [1:214]. Трудный путь пришлось пройти Марии Клавдиевне, прежде чем была открыта школа в Талашкино. Необходимо учитывать тот факт, что для создания школы, ее открытия, подготовки учеников, обеспечения учителей заработной платой и решения других организационных вопросов, требовались не малые денежные средства. В

этом вопросе большую поддержку оказывал муж Марии Клавдиевны – Вячеслав Николаевич Тенишев. Он способствовал продвижению идей своей жены, помогая материально.

Революция 1905 года оказала огромное влияние на просветительское звено – школу. Княгиня вспоминает: «Когда вспыхнула революция (1905 года), я была застигнута врасплох и совершенно не подготовлена к этому тяжелому испытанию»[1:323]. В школе среди детей возникла забастовка, в ходе которой они побросали книги и вернулись домой. Но многие родители не приняли своих детей обратно, и им пришлось бродяжничать. Но потом они вернулись с повинной в школу. М.К. Тенишева собрала родителей с детьми и учителями, чтобы прояснить вопрос о целях забастовки. Она писала в воспоминаниях, – «забастовка против чего же? – против куска хлеба, против знаний, которые им дает школа, против самих себя, потому что этим они только себе и своим родителям приносят вред, а никак не мне, так как у меня всегда желающих учиться будетмного и на место каждого из них уже теперь просится множество детей» [1:324]. Было принято решение исключить виновных из школы, чему огорчились родители, поскольку считали, что школа дает их детям много выгоды.

Еще в начале XIX века Фридрих Шиллер в своем трактате «Письма об эстетическом воспитании человека» писал, что «цель революции не осуществлена. Ужасные, кровавые средства не привели к достижению цели, так как, не изменив человека, нельзя изменить общество». А в начале XX века, забыв уроки прошлого, в России революционные идеи стали распространять в школе учителя, о чем с горечью отмечала М.К. Тенишева. Она разделяла мысль о том, что к новому обществу нужно идти через культуру, через образование, а не революцию. Мария Клавдиевна видела в культуре нравственное, эстетическое начало, как альтернативу революции. «Преступники, преступники… Слепые, бессовестные люди… Это те, которые ратуют за народ, кричат о благе народа – и разрушают с легким сердцем то немногое, те редкие очаги культуры, которые создаются единичными тяжелыми усилиями отдельных лиц. Разрушают то, что было сделано для этого народа с любовью, инициативой и большими денежными затратами» [1:344]. Данного рода события сопровождались пожарами, письмами, в которых говорилось об угрозе для ее жизни: «Вас хотят убить за то, что добром, что делаете, мешаете смутчикам мужиков мутить» [1:336]. Неизвестность, напряженное состояние, как в школе, так и дома, неясность, почему проникали революционные идеи в школу и процветали там – таким было состояние у М.К. Тенишевой на момент революции. Ей пришлось закрыть школу – то место, ради которого в мирное время пришлось пожертвовать многим. Отсутствие достойных учителей стало главной причиной, которая привела к такому серьезному решению. Свидетельством непонимания, равнодушия со стороны учителей было и то, что за время их работы даже не открывались коробки с

книгами,приобретенные для школы.Революционные идеи отрицательным образом повлияли как на учеников школы, так и на учителей.«Нет сомнения, что это была стихийная буря, пролетевшая над Россией, что многое свершилось под ее влиянием, что много людей было захвачено ею даже против воли, но все же я скажу, что моя школа разрушилась от преступного и безнравственного отношения учителей…» [1:344] – так описывала Мария Клавдиевна результаты революции 1905 года.

«Нет, пока не будет в России учителей по призванию, до тех пор в России школы не будет» [1:345] – утверждала М.К. Тенишева. Ей пришлось распрощаться ввиду революционных событий с родным местом – покинуть Россию и уехать за границу.Революция в жизни М.К. Тенишевой явилась катализатором разрушения всей системы в школе. Обучение в школе продолжалосьв условиях дезорганизационного движения, но вместе с этим оно затруднялось инакомыслящим движением, затронувшим умы детей, пока по решению Марии Клавдиевны, как раннее было сказано, школа не была закрыта.

Литература

1. Тенишева М.К. «Впечатления моей жизни» / М.К. Тенишева. – М.: Молодая гвардия, 2006.- 448 с.
2. Мертенс, Е.С. Развитие культурно-образовательной среды Смоленской губернии во второй половине XIX-начале XXвека :автореф. дис… канд. пед. наук / Е.С. Мертенс. – Смоленск. – 2006.
3. Эрдман, О.Э. Реализация педагогических идей М.К. Тенишевой в условиях развития вариативного образования на селе : диссертация на соискание уч. степ. канд. пед. наук / О.Э. Эрдман. – Смоленск.– 1999.

Двойников А.В.

Научный руководитель – **Малай В.В.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ МИРА

Современный мир вошел в эпоху глобальных перемен. Однополярный мир уступает место многополярному. Мировой гегемон последних десятилетий стремится удержать свое

лидирующее положение любыми доступными способами. Нас интересуют некоторые из них. Остановим свое внимание на развитии конфликтного потенциала в мире.

Постепенное ослабление экономической мощи США вместе с увеличивающимся потенциалом других стран, претендующих на роль мирового лидера, приводит к неизбежному увеличению конфликтов в мире. Ведется непрекращающаяся борьба за ресурсы, за влияние на страны, ими обладающие. Ярким тому примером является ситуация на Ближнем Востоке. Регион с огромными запасами углеводородов стал «полем битвы» между крупными игроками на мировой арене. Все большие войны и локальные столкновения ведутся в регионе ради ресурсов, так необходимых современному миру, зависящему от нефти и газа. В поле внимания оказываются не только сами месторождения, но и пути транспортировки и узлы коммуникаций. Ситуация в Йемене, которая очень активно стала развиваться весной 2015 г., наглядный тому пример. Целенаправленная деятельность США по созданию неустойчивости и даже хаоса в отдельных странах и регионах путем вмешательства во внутренние дела под каким-либо благовидным предлогом поддержки нелегитимных, но выгодных для самих Штатов правительств, поощрение внутренних противоречий, основанных на культуре, традициях и религии, экономическое давление, способное вызвать крах экономики у слаборазвитых государств, и другие более специфические методы являются широко распространенными инструментами внешнеполитического воздействия США [5].

Интересен анализ военно-политической обстановки в мире, который дает Г. Молчанов Он рассматривает международный процесс с точки зрения действий США по поиску «нового мощного врага, угроза со стороны которого способна сплотить вокруг США союзников» [2, 3-5]. Что может быть проще для возврата в свой лагерь стран, подумывающих о самостоятельной и независимой политике, пытающихся выйти из-под контроля «большого брата», чем не воссоздание угрозы извне, как это было во времена «холодной войны». Фактор нарастающей российской угрозы используется США для преодоления противоречий вокруг НАТО и консолидации вокруг себя европейских стран. С этим связан и продолжающийся политический кризис, вызванный ситуацией на Украине. Для США он выгоден как долгосрочный источник нестабильности, с одной стороны, у границ Европы, с другой – у границ России. Данный кризис используется также и как сдерживание России, как возможность еще сильнее «завязать» европейский рынок на американскую продукцию, в т.ч. и на газ. Антироссийские санкции в сумме с постоянными проблемами с транспортировкой энергоресурсов через Украину, вынуждают европейцев искать другие источники для поставок.

Г. Молчанов выделяет регионы и страны, в которых возрастают противоречия, и существует возможность конфликтов, к которым приложили руки США прямо или косвенно. Объединяет их одно – они находятся в непосредственной близости с крупными игроками, претендующими на мировое или региональное лидерство.

Юго-Восточная Азия вобрала в себя множество конфликтов и противоречий, корни которых уходят далеко в прошлое. В этом регионе столкнулись интересы многих крупных игроков: Китая, Индии, Японии, США. Учитывая потенциал населения, промышленного производства, финансово-экономического развития, можно предположить, что и этот регион будет одним из ключевых мест столкновений ведущих держав в недалеком будущем. Играя на противоречиях, поддерживая необходимый им ход истории, США пытаются сдержать быстро развивающиеся Индию и Китай, провоцирую конфликты, подрывающие стабильность не только этого региона, но и мира в целом.

Восточная Европа и конфликты, возникающие на этом пространстве, России наиболее близки и опасны. В этой части мира напрямую затрагиваются ее интересы. Обеспечение безопасности выходит на первый план, затмевая собой выстраивание взаимовыгодных партнерских отношений с соседями. Известно, что столкновения великих держав в этом регионе уже приводило к двум кровопролитным и разрушительным мировым войнам. Задача России – во взаимодействии с ЕС помешать планам США развязать большую войну. Ведь все преимущества от этого получит тот, кто находится на другом конце Земли и управляет из-за кулис мировыми процессами [4].

Средняя Азия, включающая бывшие советские республики и обладающая большими запасами природных ресурсов и выгодным географическим положением, имеет для России не меньшее стратегическое значение, чем Восточная Европа, но и создает целый ряд проблем. В первую очередь, это возможность транспортировки углеводородов в обход РФ и трафик наркотиков из Афганистана в Россию и Европу. Этот регион раздираем противоречиями, которые проявились после потери сильной центральной власти Москвы в результате краха Советского Союза. С юга в регион проникают самые разнообразные идеи и организации, проповедующие не свойственный этим странам и народам исламский фундаментализм. Вмешательство США во внутренние дела Афганистана и Ирака возымели обратные результаты. Вместо уничтожения терроризма и привнесения мира и порядка, в регион пришли хаос и анархия, вызвавшие фактический распад Ирака и нескончаемую войну в Афганистане. При поддержке из Северной Америки различного рода организации, наподобие Талибана, Аль-Каиды или ИГИЛ вносят свой вклад в распространении хаоса и

нестабильности в этом регионе. Поэтому для России жизненно важно не допустить распространение фундаменталистских идей на север, в мусульманские регионы РФ.

На Ближнем Востоке установление угодных режимов и смещение неуступчивых продолжается не один десяток лет. В настоящее время это наиболее взрывоопасный регион планеты, созревший для большой войны. Не добавляет стабильности и такой фактор, как наличие террористической структуры ИГИЛ, представляющей из себя уже не просто террористическую организацию, а по существу квази-государство. О его создании было объявлено 29 июня 2014 года лидером ИГИЛ Абу-Мохаммеда Аль [3]. США прямо или косвенно, но поучаствовали в его создании и укреплении. Разрушив Ирак и свергнув режим С. Хусейна, американцы не смогли построить на его месте демократическое государство. Из разнородных политических и религиозных сил Ирака, при поддержке бывших военнослужащих иракской армии была составлена организация, впоследствии ставшая ИГИЛ и захватившая север Ирака у правительства Багдада. Еще одним немаловажным фактором укрепления ИГИЛ стала поддержка так называемой умеренной оппозиции, противостоящей в Сирии войскам Б. Асада. Фактически спонсируя попытку переворота в Сирии, американцы спонсировали ИГИЛ, чьими структурными подразделениями были/стали представители радикальной сирийской оппозиции. Создание нового государства, даже если оно не является террористическим, перекраивание границ – это уже большой удар по стабильности в регионе. Яркий пример – создание после Второй мировой войны государства Израиль. Уже более полувека, поддерживаемый США, Израиль ведет тяжелую кровопролитную борьбу, периодически переходящую в войну с арабскими соседями.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что стабильность мировой системы занимает одно из ключевых мест в дискуссиях и исследованиях российских и мировых ученых. В центре внимания – ослабление материальной и идеологической мощи США как гегемона современного мира и возвышение держав-конкурентов (Китай, Индия, Россия), неудовлетворенных своим положением менее могущественных держав. Причины этой неудовлетворенности могут быть самыми разнообразными: историческими (Россия, Германия), экономическими, религиозными (Иран), территориальными (Израиль), культурными (Китай). В итоге державы-претенденты предпринимают попытки изменить существующий баланс сил, а держава-лидер всеми силами старается сохранить status-quo [1, 11-12].

Чаще всего страны, претендующие на роль лидера, не ставят перед собой задачи полного слома существующей системы, не подвергают сомнению ключевые правила игры, а стараются занять подобающее для них место, встроиться в существующую систему. Но это

не значит, что они будут спокойно смотреть на трактовку в своих интересах США этих правил, «на применение “двойных стандартов” и различного рода несправедливостей» [1, 16-18]. В существующих условиях распределения мощи никто из главных игроков пока не может бросить прямой вызов США. Их деятельность будет вестись косвенно, выжидательно, пока выдыхается американская сила: ослабляется авторитет, политическое влияние, экономическая база и другое.

Деятельность США по насаждению конфликтного потенциала в разных регионах планеты только ускоряет падение их мирового лидерства. Все больше и больше жителей планеты Земля разочаровываются в «американской мечте» и их понятии справедливости. Все большее отвращение и отрицание вызывает проповедуемая американскими идеологами идея демократии. Даже у союзников США вызывает недоумение та линия поведения, которую проводят в жизнь правящие круги Вашингтона. Несомненно только одно: единоличное лидерство Америки подходит к концу. Такое коренное изменение не произойдет мгновенно. Потребуется довольно большой промежуток времени для этого. И скорость этого изменения зависит от самих США больше, чем от кого-то другого. Если они смогут изменить существующую линию, то их лидерство сохранится на некоторое время, если же нет, то итог предсказуем.

Литература

1. Богданов А. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке / А. Богданов // Международные процессы. 2014. №3 (12). С. 8-22.
2. Молчанов Г. Военно-политическая обстановка в различных регионах мира / Г. Молчанов // Зарубежное военное обозрение. 2014. №1 (814). С. 3-17.
3. Неведко Д. «Исламский Халифат» – какие риски для России несет новое террористическое квазигосударство [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1821277.html (дата обращения: 5.04.15).
4. Стариков Н.В. Хаос и революция – оружие доллара [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/nikolay-starikov/haos-i-revolucii-oruzhie-dollara (дата обращения: 4.04.15).
5. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/142202/richard-n-haass/the-unraveling (дата обращения: 5.04.15).

Евсюкова Н.А.
Научный руководитель – **Сямина О.В.**
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ В КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В богатом и разнообразном культурном наследии Крыма усадьбам принадлежит особое место по насыщенности культурной памятью. Их история связана с жизнью и деятельностью выдающихся личностей России и мира.

Одна из исторически значимых усадеб – Ливадийский дворец последнего императора России Николая II. История дворца связана с наиболее значимыми событиями в жизни российского государства: 20 октября 1894 г. в Ливадии скончался император Александр III, и здесь же – в Крестовоздвиженской церкви – присягнул на верность Российскому престолу великий князь Николай Александрович. Отдых в крымской усадьбе Николай II сочетал с государственными делами. Так, например, в 1898 г. здесь велась работа над подготовкой российских предложений для первой Гаагской мирной конференции, часто проходили встречи с послами разных стран, в т.ч. Турции, Тибета (1900 г.), Японии, Бурятии и Сиама (1902 г.), Монголии (1913 г.).

В 1945 г. Ливадийский дворец был выбран местом проведения знаменитой Ялтинской конференции: здесь проходили официальные заседания, принимались основные решения о будущем разделе мира между странами-победительницами, были подписаны итоговые документы конференции.

Наряду с выдающимся социально-политическим значением Ливадийского дворца велика его роль в истории русской и мировой художественной культуры. В архитектурном облике дворца встречаются и взаимодействуют разнообразные стили и направления: итальянский ренессанс, черты византийской, арабской и крымскотатарской архитектуры, стиля модерн, актуального в период строительства дворца. Парк Ливадийского дворца отражает вкусы и быт нескольких поколений хозяев дворца, идеи и атмосферу того времени.

Дворцовый комплекс строился в несколько этапов и принадлежал нескольким хозяевам. В разное время им владели граф Л.С. Потоцкий и династия Романовых, начиная с Александра II. При графе Л.С. Потоцком на территории усадьбы находились двухэтажный дом,

хозяйственные постройки, был разбит обширный парк, украшенный старинными скульптурами. Для отдыха царской семьи потребовалось перестроить Большой дворец, построить здания для отдыха семьи цесаревича (Малый дворец) и для свиты, увеличить количество хозяйственных построек. Обустройством усадьбы «Ливадия» после покупки ее Александром II было поручено заняться архитектору Высочайшего Двора и Царскосельских Дворцов Ипполиту Антоновичу Монигетти – выдающемуся зодчему России середины XIX в.

Для крымской усадьбы царя И.А. Монигетти разработал особый стиль – в «татарском вкусе» [3], сочетая в нем элементы крымскотатарского декора домов и орнамент зданий Закавказья и Ближнего Востока. Все здания имели гладкие, ровные стены с полигональной кладкой из местного камня или поштукатуренные в светло-коричневый цвет, были украшены резными элементами из дерева. Из построек архитектора на территории усадьбы «Ливадия» до наших дней сохранилось очень мало.

И.А. Монигетти спроектировал небольшую дворцовую церковь в византийском стиле из белоснежного инкерманского камня, с резьбой по нему и резными вставками из гаспринского камня. Храм получил название Крестовоздвиженский в честь одного из наиболее почитаемых двунадесятых православных праздников – Воздвижения Креста Господня. Воспроизведение национального своеобразия с помощью цитирования «византийской» стилистики, распространенного в XIX в., выражает идею державности, а белый цвет храма, выделяющегося на фоне остальных построек и окружающей природы, символизирует свободу. Для внутренней отделки церкви по проекту И.А. Монигетти были заказаны элементы украшений из каррарского мрамора в византийском стиле, мраморный иконостас с бронзовыми царскими вратами и памятный знак в честь Царя-Освободителя Александра II. Также по проекту архитектора была сделана роспись купола и арки витражированных окон, роспись на стенах и над колоннами. Стены церкви украсили 36 картин, написанных известным художником академиком А.Е. Бейдеманом.

Рядом с Крестовоздвидженской церковью и звонницей, построенной в 1887 г. по проекту архитектора Д.И. Гримма, находится мраморная колонна из крепости Рущук на Дунае – знак освобождения Болгарии от османского ига. Ее установили по приказу великого князя Александра Александровича в 1878 г. как напоминание об ужасах русско-турецкой войны: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны...» [3,82].

В 1881 г. усадьба «Ливадия» перешла в собственность императора Александра III и после его смерти в 1894 г. Николаю II.

К этому времени Большой дворец находился в аварийном состоянии и в 1909 г. было принято решение о сносе старого Большого дворца и постройке на его месте нового. Проект и строительство дворца были поручены ялтинскому архитектору Н.П. Краснову. Стиль нового Ливадийского дворца был определен после поездки Николая II в Италию.

В начале октября 1909 г. Николай II совершил двухнедельную поездку в Италию, чтобы нанести визит королю Виктору-Эммануилу III и посетил его загородную резиденцию «Раккониджи» на северо-западе Италии. Под впечатлением от этой поездки Николай II высказал пожелание построить новый дворец в стиле Итальянского ренессанса.

12 декабря 1909 г. был окончательно утвержден проект дворца и новых зданий в имении. На строительство выделили 17 месяцев. Официальная дата сдачи дворца – 14 сентября 1911 г.

Основными мотивами композиции служили памятники Флоренции, но при этом архитектору приходилось считаться с требованиями загородного дворца и современного комфорта. Здание дворца и все украшения выполнены из гладко обработанного инкерманского известняка белого цвета, что придало зданию легкость и изящество, выигрышно выделило дворец на фоне парка, неба и моря.

Фасад дворца насыщен архитектурными элементами, характерными для палаццо Венеции и Флоренции: сдвоенные и строенные окна, арочное оформление входа, арка балкона-бельведера. Здание гармонично и совершенно по форме. Архитектор Н.П. Краснов использует принцип ордерной композиции, свойственный итальянским дворцам эпохи Ренессанса. Весь дворец оформлен в одном архитектурном стиле, но при этом каждый из четырех его фасадов отличается друг от друга, и это придает особое очарование всей композиции. Над всем Ливадийским дворцом возвышается башня на углу северного и западного фасадов. От нее, повторяя гористый характер местности, ступенчато спускаются все композиционные элементы. Архитектор объединил в одном здании величественность царского дворца и уют загородного дома. Н.П. Краснов сумел прекрасно расположить дворец на небольшом участке горного склона, спроектировал все здание хорошо открытое солнцу и воздуху.

Парадный вход во дворец, находящийся в западном фасаде здания, архитектор оформил в виде портика: три полуциркульные арки, спаренные коринфские колонны, портал входных дверей, скамьи сделаны из белого каррарского мрамора итальянскими мастерами фирмы С.Л. Уберти по эскизам Н.П. Краснова. Резная орнаментация по мрамору изображает грифонов, дельфинов, гирлянды цветов и фруктов, медальоны в обрамлении аканта. Между

полукружьями арок – картуши с вензелями имен членов царской семьи, для которых строился Ливадийский дворец.

Н.П. Краснову удалось гармонично соединить в единый ансамбль здание церкви, построенную архитектором И.А. Монигетти в византийском стиле и ренессансную архитектуру дворца. В здание церкви были внесены небольшие изменения. Стены дворца и церкви образовывают небольшой уютный дворик, смежный с «Итальянским двориком».

Еще один дворик – «арабский» находится в центре жилой части дворца. Его стены покрыты многоцветной майоликой с арабским орнаментом и фонтаном «Мария». Фонтан был перенесен из полуоткрытого дворика старого дворца, а изразцы были заказаны с сохранением прежнего восточного орнамента дворика старого дворца.

Всего в Ливадийском дворце один большой внутренний двор – «Итальянский дворик» и три малых световых двора.

Дворец имеет 116 отдельных помещений. На первом этаже Ливадийского дворца находится пять парадных залов. В их оформлении были использованы лепные украшения, резные панели из каштанового, орехового и красного дерева, установлены мраморные камины. Дворцовые интерьеры очень изысканы и сочетают в себе два стиля – стиль Ренессанса и стиль модерн, получивший распространение в начале XX в.

Самое большое помещение дворца – парадная столовая, которая получила название «Белый зал», – выполнена в стиле итальянского ренессанса. Во всех остальных помещениях Н.П. Краснов прибегает к другим стилям. Для приемной избирается классический стиль; для бильярдной – элементы английской архитектуры XVI в. В отделке первого этажа широко используются новые материалы: местный каштан, тис, розовое дерево.

Кабинет императора, будуар императрицы, личные покои царской семьи, а также комнаты для гостей, расположенные на втором этаже, были украшены и обставлены мебелью в стиле «модерн» с изысканными отделочными материалами и богатыми обивочными тканями. Отделка и меблировка частично сохранилась до наших дней.

Архитектор царского дворца продумал все до мельчайших деталей, что бы сделать его удобным, комфортабельным и гигиеничным. Новый дворец соответствовал всем передовым современным требованиям: электрическое освещение, центральное отопление с вентиляцией, горячая и холодная вода во всех помещениях, морская вода для ванн, лифт, телефон.

Новый Ливадийский дворец недолго радовал своих владельцев. Царская семья приезжала в него всего четыре раза – осенью 1911 г. и 1913 г., весной 1912 г. и 1914 г. 12 июня 1914 г. они выехали из Ливадии, не подозревая, что навсегда простились с ней – первого августа началась мировая война.

В настоящее время Ливадийский дворец является объектом культурно-исторического наследия нашей страны, одним из крупнейших музейных комплексов Крыма. Его образовательный и воспитательный потенциал огромен, поэтому важно сегодня суметь реализовать его в научно-исследовательской, культурно-просветительской и образовательной деятельности.

Литература

1. Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме / Е.С. Горчакова // Первоисточники. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ) , 2008. 480 с.
2. Горюнов В.С. Архитектура эпохи модерна: концепции: направления: мастера / В.С. Горюнов, М.П. Тубли. СПб.: Стройиздат, 1994. 360 с.
3. Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым / Н.Н. Калинин, М.А. Земляниченко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 320 с.
4. Макеева И.А. Музей в системе социального воспитания / И. А. Макеева // Молодой ученый. 2011. № 1. С. 211-214.
5. Москвич Г.Г. Путеводитель по Крыму / Г.Г. Москвич // редакция «Путеводителей». 25-е изд. СПб.: Русский Бедекер, 1913 г. [Электронный ресурс]. URL: http://tourlib.net/books_history/moskvych2.htm. [10.04.2015].
6. Романчук А.В. Музейный туризм: учебно-методическое пособие / А.В. Романчук. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. 46 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tourlib.net/books_tourism/ romanchuk.htm. [10.04.2015]
7. Хохряков Ю.А. Южный берег Крыма / Ю.А. Хохряков. Симферополь: Крым, 1964. 144 с.

Жиляков С.В.

научный руководитель – **Бросова Н.З.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ: ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

Сквозь многоцветие и пестроту культурологических проблем проступает тема «памяти культуры». Она заслуживает пристального внимания и глубокого изучения, поскольку семантическая безграничность, экзистенциальная востребованность постоянно побуждают исследователей к ее новому осмыслению. Те же обстоятельства заставили автора

данной статьи попытаться хотя бы обзорно высветить концепт «памяти культуры» в аспекте отношения к архаическому элементу – жертвоприношению.

К памяти культуры как ее фундаментальной характеристике обращались многие исследователи, зачастую освещая взаимоотношения между этими понятиями в рамках восприятия исторического опыта, как от своего лица, так и с точки зрения творцов культуры – художников, скульпторов, писателей и проч. Поэтому как бы само собой разумеется: культура и память – настолько неотделимые друг от друга концепты человеческого «бытийствования» в мире, что одно без другого существовать не может. Тут еще и этимология играет на руку: «культура» от латинского – возделывание, т.е. воспроизводство прошлого опыта, обращение к которому вне участия памяти невозможно. Итак, взаимообусловленность культуры и памяти и ощутима, и интуитивно схватываема.

Крупнейший ученый в области семиотики культуры Ю.М. Лотман писал: «Только переведенное в ту или иную систему знаков может стать достоянием памяти; в этом смысле интеллектуальную историю человечества можно рассматривать как борьбу за память. Не случайно всякое разрушение культуры протекает как уничтожение памяти, стирание текстов, забвение связей. Возникновение истории (а до нее – мифа) как определенного типа сознания есть форма коллективной памяти» [5, 397]. Исследователь прав в том, что память и культура неразрывно связаны со всей человеческой деятельностью по приданию смысла своему существованию. Единение это подчеркивается тем, что память в качестве субстрата культуры должна пониматься как целенаправленная осмысленная озабоченность сохранения коммуникации между поколениями и истоками своего происхождения.

Недаром греки в своей мифологической разветвленной системе используют персонифицированный образ памяти в лице Мнемозины – матери всех искусств и наук, одноименный мифотопоним которой в виде реки противостоит реке забвения – Лете. Характерно, что Мнемозина также была дочерью Урана и Геи – первобогов, представлявших генезис мироздания. Мнемозина – это источник начала начал, к которому все должно быть обращено (воспоминание), чтобы избежать хаоса, чтобы восстановить события в правильном порядке. В противном случае может произойти отступление от истины. В диалоге Платона «Критий, или Атлантида» Критий рекомендует Гермократу для совместного воспоминания истории призвать вначале Мнемозину (память): «Впрочем, коли ты вызываешь и ободряешь, надо тебя послушаться, и, кроме тех богов, о которых ты сказал, призвать еще других, особенно Мнимосину. Ведь едва ли не важнейшая часть речи зависит у нас от этой богини. Стоит лишь восстановить хорошенько в памяти и пересказать то, что некогда сообщали

жрецы и перенес сюда Солон, и я почти уверен, что мы выполним свое дело в глазах этого театра удивительно» [6, 1019].

И действительно, память для культуры – слишком значимый элемент; наверное, она и есть смысл ее существования и полного осуществления. Поэтому на заре цивилизации человечество осознало возможность «культурного бессмертия» благодаря консолидации усилий по «воспоминанию» установок первопредков, конституированных ритуально-обрядовой деятельностью. Ритуал, обряд, миф – в общем значении не что иное, как связь с традицией, упорядочение изначальной организации чего-либо. Рене Генон пишет в сноске к основному тексту своего труда: «этимологически ритуал есть то, что исполняется согласно “порядку” и что, следовательно, имитирует или воспроизводит на своем уровне тот же процесс проявления» [4, 28]. Таким образом, между «возделыванием» и «воспроизведением» – предикатами «культуры» и «ритуала» соответственно – очевидны синонимичные близкородственные отношения. Эти действия неизбежно осуществляются с помощью мощнейшего инструмента – памяти.

Исходя из этого, можно сказать, что одна из функций социальной коммуникации – связь членов общины в ритуале – представлена, в частности, в воздвижении знаков памяти – жертвенников – и жертвоприношений в ознаменование замечательных памятных событий [3, 255], в которых единство «культура-ритуал-память» зримо обнаруживаемо.

Впоследствии, по всей видимости, места, очерченные жертвенниками, служат памятниками. Сакральное место-пространство остается, знак меняется. Первоначальные памятники – это могилы, на которых греки делали надписи (эпитафии), прославляющие или поносящие покойников. На могилах совершались жертвенные возлияния (литии) – рудимент жертвоприношения, а иногда устраивались ристания – состязания воинов в честь погибших – символ посмертного прославления героя. Информацию об этих церемониях мы черпаем из литературы (Гомер «Илиада», Эсхил «Хоэфоры» и проч.)

Жертвенники и памятники как культовые сооружения, фиксировавшие память о событии, организовывавшие сакральные координаты – очень важная типическая черта разных культур в разное время. Причем время в таких сакральных местах как бы сжимается, сворачивается в один клубок, связывая воедино прошлое, настоящее, будущее. Экзистенциальную связку трех времен тонко ощутил Августин. «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее

прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [1, 170]. Конечно, субъективность восприятия времени Августином нельзя полностью уравнивать с объективным представлением его в ритуале. Однако восприятие участника ритуала как формы его существования «здесь и сейчас» близко к августиновскому оперированию философской рефлексией в контексте отношения ко времени в условиях его как бы постоянной длительности. Поэтому дальше Августин приходит к следующему желаемому результату своих рассуждений: «пусть только люди понимают то, что они говорят, и знают, что ни будущего нет, ни прошлого» [1, 171], а есть только настоящее, которое является точкой, относительно которой все обнаруживается. Таким образом, сопряженность времен происходит в настоящем, в котором актуализируется прошлое и будущее. Перед нами – попытка обрести вечность в форме замкнутого круга времен. И память – одно из средств для достижения этого.

«Памятливость» культуры обретает свою возвышенную форму в художественных творениях человеческого гения. В колыбели цивилизации, Древнем Египте, в XXI столетии до н.э. возникло некое анонимное «Поучение писцам», в котором автор провозглашает идею долговечности слова, превосходящую временность монументальных построек.

На поэтическом уровне ассоциативная связь «памятника-жертвенника-культуры» демонстрируется Горацием в знаменитой оде “Exegi monumentum”, известной в русском переводе по многочисленным переложениям, как «Я памятник воздвиг…».

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
Был у грубых селян… [2, с. 361-362]

Поэт ценой жертвы собственной жизни оставляет после себя метафизический памятник, прославляющий его имя в потомках, поскольку вечному существованию «духа» памяти не смогут воспрепятствовать ни стихии, ни время. Выражаясь физически, скажем,

стихотворение есть ярчайший пример культурной негэнтропии, неподверженности продукции духа разрушению времени, рассеиванию энергии. Так, культурная форма памяти нашла свое органическое воплощение в жанре литературы, традиция которого тянется через века, не оставляя никого на своем пути равнодушным. Известны многочисленные русские варианты стихотворения «Памятник». Из них лучшего места среди шедевров мировой литературы удостоились «Я знак бессмертия себе воздвиг…» М.В. Ломоносова, «Я памятник воздвиг чудесный, вечный…» Г.Р. Державина, «Я памятник себе воздвиг…» А.С. Пушкина.

Фактические подтверждения ведущей роли памяти в культуре и ее сопряженности с жертвенником мы получаем из нашей повседневной жизни. Особое место в судьбе каждого занимают торжественные церемонии и мероприятия. Среди них по значимости выступает свадьба – появление новой семьи. В день бракосочетания принято посещать культовые общественные места, например, памятники известным историческим лицам. Вот здесь и проходит архаический ритуал жертвоприношения, точнее то, что от него осталось – возложение цветов у подножия постамента. При этом цветы – символ растительной жертвы, означающий приношение даров жертвеннику-памятнику, находящемуся в сакральном пространстве, чтобы освятить начало строительства нового семейного союза и зафиксировать память об этом событии путем вхождения в ритуальное пространство и таким образом обретения причастия к нему, осуществления связи со славным прошлым.

Можно сказать, жертвенник как вариант наиболее архаичного типа памятника, функционально ориентированного, помимо прочих свойств, на постоянно повторяющуюся актуализацию памяти в процессе жертвоприношения, и памятник, по-своему, в несколько «модернизированном» виде отражающий совокупность тех же функций, отражают одинаковые способы существования памяти культуры, только на разных ступенях ее развития.

Таким образом, через прошлое, через его воспроизводство в памяти люди разных поколений могут чувствовать себя вовлеченными в единый исторический процесс. Поэтому, возвращаясь в начало статьи, нужно подытожить: вероятно, ход истории определяется борьбой за память. И те, кто одержат победу в этой борьбе, получат возможность начертать свое имя на манускриптах времени, подчинив память о себе и посеяв ее зерна в чреде следующих поколений. Словно в мифе о вечном возвращении, история каждый раз снова и снова обращается к памяти культуры, черпая силы и энергию в этом ритуале, позволяющем ей преодолеть смерть и жить вечно.

Литература

1. Августин А. Исповедь: пер. с лат.. / А. Августин // Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Античная литература: Рим: хрестоматия / сост.: Н.А. Федоров, В.И. Мирошенкова. – 4-е изд. М.: Высш. шк., 2003. 557 с.
3. Библейская энциклопедия. Издательство Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. [Репринтное издание, 1891]. 741 с.
4. Генон Р. Царство количества и знамения времени: пер. с фр. / Р. Генон. // Избранные сочинения: царство количества и знамения времени: очерки об индуизме: эзотеризм Данте. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Беловодье, 2003. С. 9-302.
5. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры / Ю.М. Лотман. // Лотман Ю.М.: семиосфера СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 392-459.
6. Платон. Собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311 с.

Ильченко М.Ю.

Научный руководитель – **Пеньков В.Е.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В условиях глобальных цивилизационных сдвигов начинают активно осваиваться все новейшие достижения науки, особенно в психологической, инновационной, технической сферах. В то же время начинают применяться и новые инструменты для воздействия на массовое сознание, среди которых важное место занимают социальные сети, ведь сегодня молодежь проводит все больше времени именно в них. Поэтому вопрос влияния на общественное сознание и ведения информационных войн с их помощью остается недостаточно изучен, и требует основательного анализа всех методов, задействованных для осуществления информационного воздействия на пользователей.

С начала своего основания и приобретения популярности социальные сети заняли видное место в повседневной жизни человека. Ведь они обеспечивают связь между людьми, независимо от их местонахождения. Также с введением таких новых функций как

распространение музыки, видео, фото и документов, социальные сети окончательно закрепились в пятерке самых посещаемых страниц в сети Интернет. Однако наряду с положительными последствиями функционирования социальных сетей можно выделить и негативные. В частности, они все больше влияют на язык и сознание пользователей.

Распространенным явлением становится появление так называемых «хэштег-слов» среди молодежи, например, «# ясно, понятно», «# жизнь – боль», которые часто являются тавтологией или неправильными с точки зрения вещания, в то же время такие фразы, рассказы и заметки надолго остаются в памяти пользователя сети и используются ими в повседневном общении. Вследствие этого, индивид-пользователь социальной сети начинает и думать установленными в сети канонами.

Анализируя социальные сети в контексте информационных войн, следует уделить внимание психологическим явлениям, которые делают сети такими привлекательными для осуществления информационно-психологического воздействия на пользователей. В частности, целесообразно выделить следующие: явление «Спираль молчания» (по Э. Ноэль-Нойману); стадный инстинкт в социальных сетях; доверие всему, опубликованному в сети; присутствие лидеров мнений; стремление к самореализации или замены реальности.

Гипотеза модели коммуникации немецкой исследовательницы Е. Ноэль-Нойман заключается в том, что масс-медиа могут манипулировать общественным мнением за счет предоставления слова представителям меньшинства и замалчивания мыслей большинства. Подобное происходит и в социальных сетях, когда авторами сообщений выступают именно представители меньшинства, однако пользователи, которые не хотят оставаться в стороне, начинают поддерживать, возможно, даже непринятое для них мнение. Связанным с вышеупомянутой моделью является явление «стадного инстинкта», непосредственно объясняет в некоторой степени «спираль молчания». Сам принцип стадного инстинкта заключается в том, что человек по своей природе – существо коллективное, групповое. И один из механизмов выживания в группе заключается в том, чтобы в большинстве случаев вести себя так же, как и все, а также перенимать опыт других. «Стадный инстинкт» непосредственно проявляется в том, что человек, видя большое количество отзывов под сообщением в сети – комментариев и ругательств – предоставляет такому сообщению большее значение и сам присоединяется к большинству, а в случае малого количества отзывов преимущественно оставляет сообщения без достаточного внимания. Подобное происходит и с деятельностью групп: человек с большим удовольствием присоединится к группе, аудитория которой составляет несколько десятков тысяч, чем в маленькой группы с несколькими десятками участников.

Интересным остается явление полного доверия всей информации, которая публикуется в сети. Пользователь обычно не проверяет полученную информацию и принимает ее за достоверную, только на основании того, что она публикуется солидной группой со значительной аудиторией.

В этом аспекте следует отметить и явление возникновения «лидеров мнений», которые могут быть представлены, как отдельная независимая личность или группа или страница в социальной сети. Именно им пользователь доверяет безоговорочно, даже иногда считая их наиболее достоверным источником в определенных вопросах, упуская то, что они могут и не быть специалистами в данной сфере. С помощью таких «лидеров мнений» государство или корпорация может обеспечивать расположение пользователя к ним или убеждать пользователей в собственных идеях, навязывая им свое видение конкретных важных событий, явлений в различных сферах функционирования государства и общества.

Отметим и то, что важным остается стремление пользователя самореализоваться в сети, примерить на себя какую-то другую роль или свободно произносить свои мысли, прикрываясь анонимностью, которую предоставляет сеть. В то же время виртуальность жизнедеятельности человека усиливается за счет ощущение того, что виртуальная реальность менее агрессивная к человеку и в значительной степени подконтрольна ей. Также стремление человека к виртуализации своей жизни часто обусловлено желанием сделать свою жизнь более яркой, содержащей интересные события и сильные эмоциональные чувства.

Все вышеперечисленное приводит к тому, что количество пользователей социальных сетей возрастает с каждым годом. Обращаясь к конкретным цифрам, отметим, что аудитория социальной сети «Facebook» составляет более одного миллиарда пользователей, «Twitter», «Vk.com» и «Google+» – более 200 000 000, «LinkedIn» и «Odnoklassniki.ru» – более 100 000 000 [4].

Анализируя основные методы, которые используются в социальных сетях, стоит упомянуть мнение Г. Почепцова, в котором отмечается, что сегодня информационные войны, прежде всего, ведутся с помощью интеллектуального инструментария, а социальные сети являются непосредственной средой для их использования. Также он отмечает создание нового метода воздействия на общественное мнение, получившего название микротаргетинга и заключается в публикации персонализированных сообщений на уровне отдельного человека для привлечения его внимания и завоевания расположения. В целом, среди основных моделей ведения информационных войн в социальных медиа следует

выделить следующие: модель сетевых атак, модель с привлечением пользователей-волонтеров, модель тотального блокирования.

Техника сетевых атак является сложной в планировании и предусматривает создание своеобразной завесы в виде обманчивых сообщений или сообщений, которые провоцируют конфликты между участниками социальной сети.

Другая модель заключается в привлечении пользователей-волонтеров, которые будут вести ожесточенные дискуссии в обсуждениях, писать благосклонные для власти комментарии, а также публиковать заметки, сообщения, критиковать или поддерживать определенные действия, освещать их под определенным углом зрения. Третья модель заключается в тотальном блокировании. Все популярные социальные сети позволяют блокировать пользователей, действия которых мешают или оскорбляют других пользователей. Если же пользователь публикует неприемлемую для вас информацию, можно решить данную проблему путем блокирования профиля пользователя. Также нужно отметить, что пост с фотографией увеличивает доверие к сообщению в несколько раз, пост, дополненный видео – в десятки. Инструментарий социальных сетей дает возможность быстро распространять информацию об определенном событии, не дожидаясь его освещение в традиционных СМИ. Сегодня скорость имеет решающее значение.

В то же время следует подчеркнуть, что социальные сети являются идеальным орудием не только для оказания влияния, но и для сбора необходимой информации. Ведь, сам того не подозревая, пользователь социальной сети становится совершенно незащищенным перед вторжением в его личную жизнь. Ученые Кембриджского университета обнаружили, что даже то, как пользователь ставит «лайки» в Facebook, может многое рассказать о нем, потому что современные компьютерные программы позволяют получить всю информацию из социальных сетей и проанализировать ее.

Социальные сети могут стать действительно хорошей помощью для организаторов цветных революций. Сами же технологии подобных революций не новы. В популярной книге Энтони Саттона «Как Орден организует войны и революции», изданной еще в 1995 году, довольно подробно описываются эти политические технологии. Также можно отметить влияние блогов и социальных сетей на общественное мнению в период войны России и Грузии за Южную Осетию в августе 2008 года. В русскоязычной блогосфере информационное освещение тех событий назвали первой блогерской войной.

Целью новых технологий является не установление прямого контроля над конкретной страной, а управление конкретной страной путем манипуляций через хаос. При этом заказчик хаоса легко решает ключевые вопросы передачи активов, замены владельцев и

ключевых политиков в марионеток. Демократичность нового режима уже значения не имеет, главное чтобы страна сохраняла лояльность в приоритетных вопросах к заказчику хаоса.

Социальные сети заметно влияют на взаимодействие государственной власти и общества. Они все чаще становятся своеобразными посредниками между властью и гражданами через официальные страницы политиков и центральных органов, на которых активно пропагандируются основные позиции власти. Именно представленность политиков в сети положительно влияет на создание их имиджа в глазах избирателей, ведь «ближе к народу», они кажутся более честными и человечными. Однако читая новости и сообщения от представителей властных структур, следует учитывать то, что большинство сообщений направлены не проинформировать пользователя, а повлиять на него.

Сегодня социальные сети быстро приобретают популярность. Ежегодно количество пользователей увеличивается. Охватывая значительную и разностороннюю аудиторию, социальные сети превращаются в инструментарий ведения информационных войн и оказания воздействия на общественность. Также следует отметить определенные положительные последствия функционирования сетей в государственной сфере. Социальные сети могут существенно повысить эффективность механизмов общественной самоорганизации – то есть способствовать возникновению «гражданского общества». Новые формы коммуникации государства и общества создают предпосылки развития институтов и организаций гражданского общества, которые обеспечивают наращивание социального капитала всех участников определенной коммуникации.

В то же время нельзя не отметить негативные моменты влияния социальных сетей на сознание человека. Пользователь компьютера подвержен аддикции, то есть зависимости от социальных сетей и Интернета в целом, ведь при использовании сети он находится в измененном состоянии сознания – своеобразном психологичном трансе, в котором реальность приобретает нечеткие черты и сливается с виртуальностью. А это способствует бессознательному усвоению всего, что дает нам сеть – новостей, сообщений, фотографий, видео. И пользуясь определенными методами, можно легко убедить обычного пользователя в чем угодно, независимо от его социального статуса или местонахождения.

Литература

1. Ашманов, И. Про мозговые вирусы. [Электронный ресурс]. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1604861. [09.08.2014].
2. Мухатаев, А. Информационные войны: Как спастись от пропаганды войны. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206079-infowars. [21.07.2014].

3. Подосокорский, Н. Информационные войны в социальных сетях [Электронный ресурс]. URL: http://blog.greensmm.ru/?p=438. [17.01.2012].
4. Пользователь kasog, Соц. сети – как оружие для информационной войны... [Электронный ресурс]. URL: http://kasog.livejournal.com/54546.html. [10.04.2014].
5. Савин, Л. Социальные сети – оружие информационной войны [Электронный ресурс]. URL: http://3rm.info/24558-socialnye-seti-oruzhie-informacionnoy-voyny.html. [31.05.2012].
6. Салманов, М. Соцсети – новый фронт информационной войны [Электронный ресурс]. URL: http://vostexpress.org/sotsseti-novyiy-front-informatsionnoy-voynyi/. [17.12.2014].

Кисленко И.Ю.
научный руководитель – **Гребеникова Ю.А.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В современном мире, человек, будучи существом, постоянно приспосабливающимся к меняющимся реалиям жизни, стремится преобразовывать не только окружающую среду, но и социальное и культурное пространство вокруг себя. Как правило, подобную деятельность доверяют людям с большим опытом и объемом знаний, однако есть и те, кто в силу своей энергичности, свежести взглядов и идей могут или, по крайней мере, стараются изменить этот мир к лучшему. Это, безусловно, такая социальная группа как молодежь.

Молодежь является социально-демографической группой, выделяемой на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей [7].

Из этого определения следует, что понятие молодежь, в первую очередь, включает в себя возрастные рамки, которые могут как ограничивать, так и расширять круг интересов и возможностей данной социально-демографической группы. Безусловно, следует обратить внимание на то, что в определении также делается акцент на аксиологической стороне вопроса. Действительно, молодым людям свойственны особые, отличные от других социальных групп, ценности и интересы, что дает им дополнительное преимущество в вопросе преобразования социального и культурного пространства.

Сейчас остро стоит вопрос о социализации молодых людей, об организации досуга и культурных мероприятий, о том, как можно преобразовать пространство вокруг нас. Для ответа на подобные вопросы в нашей стране создаются все условия для развития талантливой молодежи, которая в будущем может помочь своими знаниями и умениями решать насущные социальные проблемы. Существует множество целевых программ, направленных на поддержку данной социальной группы. Например, федеральная целевая программа «Молодежь России» первоначально действовала в 1998-2000 гг., однако затем была неоднократно продлена и красной нитью прошла через становление российского общества последних лет. Последний раз программа была продлена в 2011 г., и по задумке будет длиться вплоть до конца 2015 г. Авторы концепции этой целевой программы предлагают следующие направления развития: формирование системы продвижения талантливой молодежи, вовлечение молодых людей в социальную практику, обеспечение социализации молодежи, профилактика этнического и политического экстремизма, создание инфраструктуры государственной молодежной политики [4]. Также в программе указано, как именно она должна повлиять на социокультурной пространство в целом и на саму молодежь в частности. А именно «Молодежь России» призвана обеспечить адресность, преемственность и контроль средств, направленных в молодежную среду, разработать и внедрить инновационные технологии, создать условия для развития инфраструктуры государственной молодежной политики [4]. В 2015 г. мы уже можем оценить результаты целевой программы. Отметим, что многие из анонсированных задач были успешно воплощены в жизнь, но некоторые из них были реализованы не в полной мере. В целом, на наш взгляд, эффективность воздействия на социокультурное пространство федеральной целевой программы «Молодежь России» можно оценить как удовлетворительное.

Важно заметить, что термин «социокультурное пространство» соотносится с такими взаимосвязанными понятиями, как «социальное пространство» и «культурное пространство». Изменение общества является фактором увеличения влияния как социальных процессов, так и культуры. Как заметил А.Б. Гофман, культура часто переплетается с определением общества: «место культуры в это время оказывается подчинённым по отношению к обществу» [2, 189].

А.Б. Гофман полагал, что понятия культуры и общества начинают противодействовать, «можно заметить плавный переход от концепции “общества” и “социального” к комбинированной концепции “общества культуры” и “социокультурного”» [2, 192].

Из вышеизложенного следует, что, понимание понятия «социокультурное пространство» невозможно без ясного осознания понятия «социальное пространство». Под социальным пространством понимается «поле социальной деятельности, включающее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [6, 273].

По мнению Г. Зиммеля, понятие «социальное пространство» является частью социальной дистанции, которая возникла из умозаключений о физическом пространстве и социальных взаимоотношениях. Социальное пространство – это социальная дистанция, которой происходит взаимодействие людей и социальных групп друг с другом [3 , 334].

В свою очередь, П. Бурдье, который утверждал, что «социальный мир можно представить в форме многомерного пространства, построенного по принципам разделения и распределения, сформированных действующих свойств в социальном универсуме» [1, 15].

Однако никто из них не рассматривал проблему взаимодействия социальных групп в целом и молодежи в частности в соотношении с социокультурным пространством.

Стоит отметить, что молодежь не всегда была, есть или будет основой для воплощения самых смелых идей в жизнь. В настоящее время, напротив, наблюдаются негативные тенденции, которые приводят к тому, что молодежь становится бездеятельной и аморфной. Любому молодому человеку намного проще минимальным образом соприкасаться с социокультурным пространством, нежели пытаться его преобразовать.

Это не только внутрироссийская проблема, но и проблема мирового масштаба. Наряду с этим, отмечается рост осознания молодыми людьми того факта, что именно за ними закреплена роль преобразователей своего будущего, но для преобразований одного осознания мало.

Не так давно было проведено исследование на выявление типов социальной активности среди молодых людей; полученные результаты оказались весьма любопытными.

Молодежь, чья активность проявляется в высокой степени, зачастую выступает в роли организаторов мероприятий (64%), координаторов, специалистов (59%) и ответственных за какую-либо работу (53%). При этом самыми популярными сферами, в которых молодежь проявляет активность, являются образовательная и деятельность, связанная с проведением досуга. Наименьшую заинтересованность молодые люди проявляют в экологической и семейной сферах. Интересно, что в лидерах идут такие формы активности, как: быть главным в своей группе, быть лидером организации (57% респондентов) и организовывать мероприятия (51%). К сожалению, лишь небольшая часть людей хотят по своей воле

помогать людям в трудных жизненных ситуациях (15%) и принимать участие в программах, работающих на благо общества (18%) [5].

Из этого следует, что молодежь стремится занять ведущие и руководящие должности, что, по ее мнению, должно способствовать укреплению авторитета среди сверстников, а также повышению уровня престижа своей профессии посредством подобных мероприятий. Также, стоит отметить, что общественная деятельность, которая не сулит ничего кроме удовлетворения своих внутренних моральных потребностей не вызывает серьезного интереса со стороны данной социальной группы.

Молодые люди, с одной стороны, могут проявлять поразительные способности к адаптации, а с другой, как никто другой нуждаются во всех формах защиты. Попадая в новую среду, молодой организм хорошо приспосабливается как в биологическом плане, так и в социальном. Однако различные негативные процессы и явления могут нарушить хрупкий и чувствительный механизм адаптации, именно поэтому требуется защита для того, чтобы не только приспособиться, но и начать преобразовывать социальное и культурное пространство вокруг себя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодежь является особой социально-демографической группой, которая имеет определенные ценности и установки, но в силу различных социальных ограничений не может полностью реализовать свой потенциал.

Вне зависимости от трактовки понятия социокультурного пространства, оно будет претерпевать изменения – следовательно, важно учитывать его динамический характер. При этом молодежь, будучи одной из самых активных социальных групп, имея потенциал и возможности, хорошо подходит на роль преобразователей социокультурного пространства.

За молодыми людьми – будущее, и важной задачей является создание благоприятных условий для развития их лучших качеств – только тогда появится надежда на то, что общество станет лучше.

Литература

1. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Гофман А.Б**.** Социальное – социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 185-198.
3. Зиммель Г**.** Философия денег // Г. Зиммель. Теория общества: сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц., 1999. 416 с.

4. Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011-2015 годы. [Электронный ресурс] URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-249854.html#6235584 (дата обращения 08.04.2015).
5. Социальный капитал российской молодежи: проблема воспроизводства: автореф. дисс. … д-ра. социол. н.: [Электронный ресурс]. URL.: http://geum.ru/aref/a88-5-ref.htm (дата обращения: 16.03.2015).
6. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИНФРА–М–НОРМА, 1998. 488 с.
7. Терминологический ювенальный словарь [Электронный ресурс]. URL: http://voluntary.ru/dictionary/913 (дата обращения: 16.03.2015).

Кучерова А.О.
Научный руководитель – **Бойко Ж.В.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Советская пресса времен Великой Отечественной Войны сталасредством идеологического и духовного влияния на армию и население. «Все для фронта, все для победы!» – такие призывы звучали со страниц газет и журналов, вдохновляя людей на подвиги,как в тылу, так и на передовых. Главной задачей прессы было сплочение фронта и тыла, классов и социальных групп во имя Победы. Помимо тыловых, партизанских и фронтовых изданий, важную роль в поднятии боевого духа и преодолении тягот военной жизни играли сатирические журналы, пользовавшиеся неизменным успехом. Среди них наиболее популярным был «Крокодил» – главный юмористический журнал Советского союза.

Вторая мировая война привносит свои изменения в облик «красного крокодила». Сюда входят и особенности публицистики военной поры (памфлеты, фельетоны, карикатуры, разоблачающие фашистских поджигателей войны), и полиграфическое оформление (журнал часто печатался на обычной газетной бумаге, иногда с одноцветными иллюстрациями), его объем (сократился до 8 стр.), тираж (до 135-100 тысяч экземпляров).

Редакции с трудом удавалось своевременно выпускать в свет номера. Но все эти факторы только закаляли сотрудников «Крокодила». Они подавали в концентрированном виде только самое главное, т.е. все, что было связанно с ходом военных действий.

С первых дней Великой Отечественной войны все содержание «Крокодила» было подчинено одной задаче – борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Журнал изобличал фашизм и призывал к беспощадной борьбе с врагами. Главным орудием издания стала сатира [3, 106].

«Крокодил» этих лет сыграл немалую роль в воспитании советского народа в духе непримиримой ненависти к фашизму. Даже сейчас, спустя 70 лет, читая эти статьи и просматривая рисунки к ним таких мэтров советской карикатуры как Л. Бродаты, К. Елисеева, Б. Ефимова, Ю. Ганфа, «Кукрыниксов» (М. Куприянова, П. Крылова, Н. Соколова), пропитываешься бессознательной враждой к «коричневой чуме» XX в. На протяжении войны, с первого ее дня до самой победы, Кукрыниксы своими сатирическими залпами нанесли больший урон заклятому врагу. Недаром Гитлер приказал при взятии Москвы оставить в целости только три фонарных столба, чтобы на них можно было повесить Кукрыниксов. К счастью, этого не произошло. Немецкую армию показывали с самых ужасных и нелицеприятных сторон, и с таким мастерством, что в правдивости информации невозможно было усомниться. Самым выразительным примером этого служит рисунок Л. Бродаты «Хуже зверей» (одно название говорит само за себя). На нем изображена сидящая женщина с убитым маленьким сыном на руках, а рядом немецкий солдат держит снятые с убитого им мальчика окровавленные вещи. «Кто скажет, что я плохо отношусь к детям! Вот одежонку с твоего мальчика я и беру для моего Ганса» [5]. Вся немецкая армия представлялась скопищем мародеров: «В этой деревне немцы не были. – Почему ты так думаешь, Фриц? – Я слышу пение петуха из деревни» [5].

Огромное значение сотрудники «Крокодила» уделяли высмеиванию немецкой пропаганды и немецкой армии. Так, в одном из выпусков описывалась ситуация в бомбоубежище под Кенигсбергом: когда началась бомбежка, немцы не поверили, что это советы бомбят, так как Геббельс сказал, что у русских нет самолетов, а значит, что это учебная бомбежка и следовательно учебный огонь, пожар, трупы, крики людей, страх и т.д. Даже когда рушится их бомбоубежище, они остаются уверенными, что все «учебное» даже стена, рухнувшая на их товарища. «Царство ему учебное» [6]. В каждом выпуске появляется едкая сатира на рейхсминистра пропаганды. То он идет со списком потерь германской армии, а за ним смерть, говорящая ему в след: «Стыдитесь, герр Геббельс, нельзя же, в самом деле, так меня обсчитывать» (рис. Ю. Ганфа), то он изображен стоящим на голове во время диктовки секретарше текста, «чтобы ему было легче придумывать все наоборот» [7].

Обличая и высмеивая фашизм, «Крокодил» призывал к бдительности, к боевой готовности, укреплял в массах чувство пролетарского интернационализма, советского патриотизма. Это сплав таланта журналистов, их личной убежденности в необходимости борьбы за свободу Родины и их связи с реальной жизнью. Над выпусками «Крокодила» трудились как сатирики старшего поколения, остававшиеся в тылу и взявшие на себя хлопоты по бесперебойному выпуску журнала (В. Лебедев-Кумач, С. Маршак и др.), так и работавшие во фронтовой и армейской прессе «крокодильцы». С передовой линии огня они слали в журнал острые высмеивающие врага произведения.

Ведущий отдел журнала «Метким ударом» строился преимущественно на материалах фронтовых и армейских газет. Таких как «Красноармейский удар» («Товарищ снайпер, разрешите Вас сфотографировать? Сильно извиняюсь, но очень занят: видите, фрицев снимаю»), «На врага» («Шульц, почему ты расстроен? – У меня есть веское основание. – Как тебе не стыдно, ты же немец! – Именно поэтому мне и стыдно, что я немец»), «Красный азовец» [6]. Документальный материал лежал в основе таких отделов и рубрик, как «Короткая очередь», «Есть о чем поговорить» и др. Редакция была тесно связана с бойцами и командирами различных фронтов (северного, карельского, калининского), с рабочими, колхозниками, вела с ними переписку, привлекала к участию в работе журнала. Все материалы были многообразными по форме, индивидуальными по творческому воплощению, но все их объединяла легкая, шуточная форма описания тяжелой фронтовой жизни. Солдаты не переставали иронизировать. Эта рубрика несла читателям и другим фронтовикам основной «заряд» уверенности в окончательной победе над фашистскими захватчиками, ведь иначе, и быть не может!

Рубрика «С подлинным скверно» заполнялась выдержками из писем и показаний пленных немецких солдат и офицеров, которые изображались не в лучшем свете. Например, письмо унтер-офицеру Вилли Кюндеру от его жены, в котором она просит достать ей на халат немного шелку и даже уточняет, что неплохо бы брусничного цвета (из контекста ясно, что это не первая ее просьба к мужу). «Но, как и тысячи других бандитов и мародеров, – пишет старший политрук Ив. Егармин. – Вилли Кюндер приказал долго жить» [7].

Под рубрикой «От собственного корреспондента» печатались сатирические произведения собственных корреспондентов журнала из Кельна, Берлина, Софии, Женевы и других городов. Например, из Берлина за май 1944 г.: «Здесь стало известно, что несколько английских летчиков попало в гестапо. В отличие от других, попадающих в это учреждение, на этот раз пострадали не английские летчики, а здание Гестапо» [9]. Жизнь тыла страны находила отражение в отделах «Дорогой Крокодил» (письма читателей), «Таланты и поклонники», «Однажды...» и др. В восьмом выпуске за 1944 г. было опубликовано стихотворение о девушке с «золотыми руками», которая делала гильзы очень хорошего

качества и в короткий срок, от чего ее начальник сказал: «От твоих подарков / Будет немцам жарко», «Мы, она сказала, – будем как в бою» [5].

В годы Великой Отечественной войны борьба за свободу и независимость Родины стала целью жизни советских граждан. Эта борьба требовала от них предельного напряжения духовных и физических сил. Именно мобилизация духовных сил советского народа в годы Великой Отечественной войны стала главной задачей нашей литературы, музыки, искусства и, конечно же, прессы. «Крокодил» военной поры – средоточие величия, беспредельного мужества и преданности советского человека своей Родине. Твердо стояли на своем боевом литературном посту сатирики журнала. Бесспорно, в военное время вся пресса была поставлена на военные «рельсы», но только «Крокодил» писал о войне «со смехом сквозь слезы». Он поддерживал в советском человеке жизнеутверждающие мысли и твердую веру в неизбежность победы русской армии.

Литература

1. Андреева Н.Ф. Русская периодическая печать / Н.Ф. Андреева, М.В. Машкова. М., 1977.
2. История отечественных средств массовой информации (Козлова М.М.) Ульяновск: УлГТУ, 2000. 104 с.
3. Стыкалин С. Советская сатирическая печать 1917-1963 / С. Стыкалин, И. Кременская. М.: Госполитиздат, 1963.
4. Теория и практика советской периодической печати. М., 1980.
5. Крокодил [Текст] 1942. № 25. Июль.
6. Крокодил [Текст] 1942. № 28. Июль.
7. Крокодил [Текст] 1942. № 32. Август.
8. Крокодил [Текст] 1944. № 8.
9. Крокодил [Текст] 1944. № 17.

Лавриненко И.В.

научный руководитель – **Кривец А.П.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ СОЛИДАРИЗМА И РЕГИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА

Говоря о солидарном обществе нередко можно встретить отождествление данной концепции с теорией солидаризма. Однако, наш взгляд, подобное отождествление является неверным, основанным исключительно на созвучии терминов.

Понятия «солидарность» и «солидаризм» происходят от латинского слова «solidas», что значит – твердый, надежный, крепкий. Солидарность (франц. solidarite) означает общность интересов, единомыслие, единодушие, взаимозависимость, взаимосвязанность, круговую поруку, совместную ответственность. Солидаризм – деятельность, направленная на поиски взаимопонимания, согласия и сотрудничества между людьми, организациями, странами; то же, что Солидарность; 2) концепция, согласно которой движущей силой развития общества является не классовая борьба, а взаимопонимание, сплоченность, солидарность, взаимозависимость всех социальных групп, гармония интересов работодателей и наемных работников [5]. Современный социологический энциклопедический словарь определяет солидарность, во-первых, как «единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержку членов социальной группы, основывающейся на общности интересов и необходимости достижения общих групповых целей; совместную ответственность, и, во-вторых, как «активное сочувствие и поддержку чьих-либо действий или мнений» [4].

Рассмотрим соотношение основных положений теории солидаризма и регионального солидарного общества.

На наш взгляд, концепция солидаризма является синтезированной европейской концепцией, не имеющей непосредственного отношения к концепции солидарного общества. Теоретическое оформление теории солидаризма, как политико-правовой парадигмы, завершилось в Европе к середине XX века. Крупнейшими теоретиками данного направления считаются П. Леру, Л. Дюги, Л. Буржуа. В России идеи солидаризма разрабатывались М.И. Туган-Барановским, П.А. Кропоткиным, а также российскими иммигрантами, членами НТС (Народно-трудовой союз, созданный в 1930 г. в Белграде) С.А. Левицким, Г.К. Гинсом, Н. Лосским, Н.С. Тимашевым С. Франком и др.

Развиваясь в политико-правовом и социально-культурном контексте Западной Европы, теория солидаризма опирается на традиции западной культуры. Тогда как концепция солидарного общества – отражение социально-политических представлений российских мыслителей и политических деятелей об идеальной форме человеческих взаимоотношений. Истоками концепции солидарного общество считаются теория официальной народности графа Уварова и концепция соборности (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.К. Михайловский).

Солидаризм можно определить как политическую теорию, основанную на необходимости стремления к поиску компромисса, объединяющих духовных начал, социальному сотрудничеству между различными социальными группами, классами,

партиями, объединениями при минимальном вмешательстве государства. Основополагающий принцип солидаризма – солидарность, то есть связь между индивидами, группами, классами, слоями общества, реализуемая на основе сотрудничества и разумного разделения труда. Основа – опора на рациональность, разум. Противоположного мнения придерживаются исследователи теории солидарного общества [3]. Солидарное общество можно определить как теорию, согласно которой основными условиями социальной солидарности являются духовное здоровье и соблюдение традиционных нравственных норм в рамках существующего правового поля [1]. Первостепенная роль отводится морали, как основному регулятору отношений.

Большое внимание в концепции солидаризма уделяется нормативно-правовому регулированию отношений между субъектами. Норма права является выражением социальной солидарности, закрепленной в нормативно-правовых актах. Норма регулирует отношения, способствует их укреплению, но не вмешивается в них. Акцент делается не на правах субъектов, а на их обязанностях. Признается и поощряется та часть прав, которая вытекает из ответственности субъекта перед обществом. В противовес солидаристам, исследователи солидарного общества акцентируют внимание на морально-нравственные ориентиры личности, воспитание социально-ответственных индивидов в семье, в трудовом коллективе, в местном сообществе и области в целом.

С точки зрения солидаризма, государство призвано служить общему благу и обществу через реализацию своих основных функций – социальную защиту и проведение социально-ориентированной экономической политики. Деятельность государства контролируют профсоюзы, общественное самоуправление. Рассуждая об идеальном государстве, солидаристы склонялись к идее корпоративного государства, как совокупности публичных служб (корпораций), выполняющих определенные социальные функции [2]. В концепции солидарного общества на уровне региона тема общегосударственного устройства не затрагивается, так как целью концепции является разработка механизмов переустройства региональной среды в сложившихся условиях. Делается акцент на взаимной ответственности региональной власти и граждан, бизнеса, групп интересов и т.п.

Обе концепции исходят из того, что человек – свободная личность, добровольно солидаризирующаяся с другими. Солидаризм призывает к балансу интересов частных и общественных, однако во имя общего блага индивид должен соглашаться добровольно поступиться личными интересами.

Так же, как и концепция солидаризма, концепция солидарного общества декларирует приоритет моральных ценностей в экономике над чисто экономическими интересами,

стремление к консенсусу на основе договора в рамках существующего правового поля. Однако в концепции солидарного общества данный вопрос рассматривается косвенно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что солидаризм и солидарное общество имеют общие взгляды на место человека в обществе, на его роль в общественно-политический отношениях. Общими являются воззрения на механизмы экономического регулирования – ими признаются моральные ценности, а не законы рынка. Но различными являются подходы к пониманию государственного устройства, иерархии в организации общественных отношений и механизмов солидарности.

Литература

1. Концепция программы «Формирование регионального солидарного общества» [Электронный ресурс]. URL: http://www.solidarnost31.ru/solidarnost/?q==node/l (дата обращения: 20.02.2014).
2. Дюги Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. – СПб, 1904. – 129 с.
3. Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_09_10/2.pdf (дата обращения: 9.10.2014).
4. Энциклопедический социологический словарь / Ин-т социально-полит. исслед.; Общ. ред. Г. В. Осипов. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 684.
5. Яценко, О. Солидаризм [Электронный ресурс] // Библиотека словарей. Словарник. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/s/solidarizm.html (дата обращения: 05.04.2015).

Лин О.В.

Научный руководитель – **Ольхов П.А.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛАО ШЭ: ИСТОРИЯ ОДНОГО МАНЬЧЖУРА

Лао Шэ («старик Шэ», «старина Шэ») – псевдоним Шу Шэюйя (1899–1966), китайского мыслителя, писателя и общественного деятеля. Псевдоним этот вполне удачен: он указывает на особое место, которое пытался занимать и успешно занял Лао Шэ. Он – искренний и, вместе с тем, ироничный свидетель и творческий участник различных событий

истории прошлого века. Он не доктринален, но в каждом литературном произведении, созданном им, в каждом событии личной жизни обнаруживается его неповторимое стремление к творческому обновлению традиционных смыслов жизнеустроения. Он мыслит творчески и именно честно, осмотрительно, ответно, – изнутри доступного ему познавательного опыта, нисколько не исключая доверие к здравому смыслу, нравственным интуициям и состоявшейся художественной реальности традиционной культуры Китая. Признание всей этой неповторимой творческой личности Лао Шэ состоялось прежде всего в самом Китае: он – единственный среди китайских литераторов, который получил звание «народного художника» [1, 323].

Символичны основные факты биографии Лао Шэ. Он – выходец из маньчжурской семьи, обедневшей и тем самым остро пережившей различия социальных статусов. Его первыми жизненными уделами стали семья без отца и добротная конфуцианская частная школа, в которой он получил образование. Затем – стремительная карьера, место педагога и вскоре директора в одной из пекинских начальных школ; стремительное же изменение наметившегося жизненного роста. Преподавание китайской словесности в Англии, издание романов «Философия почтенного Чжана» и «Двое из семьи Ма», в которых дается детальное описание социально-нравственного базиса китайского общества и очерчиваются условия диалога китайской и европейской, в частности, английской культур. Возвращение в Китай – через недолгую жизнь во Франции и Сингапуре, где он работает преподавателем в школе для китайских иммигрантов. После начала войны с Японией в 1937 г. Лао Шэ перебирается на юг Китая – в Ухань, Чунцин. Здесь он руководит Всекитайской ассоциацией работников литературы и искусства (ВАРЛИ), в т.ч., редактирует ее издания. В военное время он становится «солдатом», который несет «боевое слово» в массы посредством различных форм традиционной простонародной литературы – прозаических и стихотворных. Позднее он эмигрирует в США и публикует роман «Сказители», где раскрывает жизненные трудности военного времени в Китае. В США писательскую деятельность он совмещает с преподавательской: читает лекции, работает над трилогией «Четыре поколения под одной крышей». После провозглашения Китайской Народной республики Лао Шэ возвращается на родину, где активно занимается литературной работой.

Во время Культурной революции в Китае Лао Шэ подвергается жесткой критике хунвейбинов. Жизнь Лао Шэ обрывается странным образом: смерть или самоубийство, произошедшее на окраине Пекина и до конца не прояснённое. Посмертно опубликован его незаконченный роман «Под пурпурными стягами» – открытый жизненный и творческий финал истории Лао Шэ.

***

Отец Лао Шэ – маньчжур по происхождению, однако Лао Шэ неохотно говорит о своей принадлежности к этому народу. Причина здесь кроется в том, что самоидентификация Лао Шэ входит в противоречие с его критикой соплеменников. «Ему представлялось, что его соплеменники (предки), и прежде всего маньчжурские власти… в последние годы Цинской империи показали себя в самом неблагоприятном свете и тем самым опозорили страну» [6]. Свой взгляд на маньчжурский колорит Лао Шэ отражает в романе, в котором он раскрывает свое острое неприятие положения и мышления соотечественников в свете происходящих в китайском обществе перемен.

Предки маньчжур обладали высоким статусом – статусом господ, людей «благородных кровей». Указанный в названии романа цвет знамени определяет род и этнический состав войск. Красные (пурпурные) и желтые стяги – это цвет маньчжурских и монгольских войск. Красное знамя принадлежало особому роду войск – Знаменным войскам. Особо приближенные к императору, они несли почетную обязанность по охране дворца Гугун и получали жалование. После свержения маньчжурской династии их жизнь изменилась. Старшему сыну в семье полагалось место и доход в Знаменных войсках, остальным приходилось самим искать работу. Здесь аристократическое наследие маньчжур вступало в борьбу с жизненным прагматизмом. Чаще всего маньчжуры оставались безработными, так как найти работу, не порочащую их происхождение, было практически невозможно: ремесло, торговля, литературная деятельность, актерство считалось неподобающим. Среди маньчжур были исключительные люди, которые, несмотря на традицию и родословную, искали себе заработок, за что порицались своими сородичами: «И вот сын маньчжурского военного стал малевать картины и мастерить по лаку. Стоит ли после этого спорить, что он маньчжур лишь наполовину?» [3].

Лао Шэ пишет следующее: «За последние двести лет в нашей истории скопилось столько мусора и грязи, что знаменные люди перестали что-либо замечать. Они, к примеру, совершенно не видели своих пороков, достойные всякого осуждения, забыли они о том, что иногда надо поощрять хорошее. С годами среди знаменных сложился особый образ жизни, при котором богатые изощрялись в своем обогащении, а бедняки в бедности» [3].

Лао Шэ критически относится к щегольской манере маньчжур. Со свойственной ему иронией он отмечает, что маньчжуры не были бездеятельны: разводили голубей и певчих птиц, увлекались театральными представлениями. Страна тем временем «переживала бурное время социальных реформ, подвергалась натиску и агрессии со стороны иностранных держав» [3]. Маньчжуры как будто обитали в другом мире – без борьбы и перемен. Им было

достаточно смутного ощущения о своей принадлежности «к какой-то очень редкой в истории, особой породе людей» [3].

***

Вышедшие из-под пера «писателя-реалиста», как охарактеризовал Лао Шэ Д.Н. Воскресенский, его как будто измышленные персонажи живо свидетельствуют о культурной атмосфере Китая XX-XXI вв.: сварливая жена, любимец судьбы Дин Лу, глазастый До. Емкие психологические портреты дополняются у Лао Шэ скрупулёзным описанием внутренних размышлений, убеждений и наивных заблуждений своих героев. Например, маньчжур Дин Лу, «немного знаю грамоту и умея сочинять две-три строки стихов… считал, что в любой момент (надо сделать над собой небольшое усилие) он может приобщиться к сонму небожителей и святых бодхисаттв…». [3] Глазастый До – маньчжур по происхождению, а по жизни – приспособленец, циник, прохвост, который принял христианство из соображений выгоды. Персонажи Лао Шэ, по образному слову Д.Н. Воскресенского, произрастают из культурных корней народа, в которых заключена идеология прошлого и закладывается основа идеологии будущей.

Во всех своих произведениях Лао Шэ сочетает художественный вымысел и действительные социокультурные явления и трансформации, насколько он их замечает и понимает.

Романы «Философия почтенного Чжана», «Двое из семьи Ма», «Сказители»: на фоне разных периодов времени Лао Шэ раскрывает традиционные китайские устои и нравы через социальные роли персонажей: отцовский авторитет Ма-старшего, общественное почитание учителя Чжана, родительское благословление замужества дочери мистера Фана. Он не ограничивает себя описательным подходом по отношению к китайскому обществу и его членам, а предстает как «критический обозреватель социальных событий», «писатель-сатирик с глазами критика» [4]. Лао Шэ переосмысливает традиционные устои повседневной жизни Китая и вместе с этим изменяется мышление и поведение его персонажей: Ма-младший ставит под сомнение авторитет отца, приемная дочь мистера Фана самостоятельно принимает решение в вопросах замужества, ученики мистера Чжана поднимают руку на учителя, когда тот избивает свою жену. Не обходит он и злободневные вопросы, и открыто выражает свое мнение. Он негативно отзывается о китайском обществе начала XX вв., в котором, как он утверждает, простых людей не убережет прямота и честность от произвола силы, изощренности и авторитета.

Широкую полемику вызывает и его сатирический роман «Записки о кошачьем городе» [2]. Под маской описания жизни на Марсе – в центре острой критики автора романа находятся современные ему нравы гоминьдановского Китая.

Вовлекаются в творческий разговор все значительные события китайской истории: Синьхайская революция, падение династии Цин и создание Китайской Республики (1911-1912 гг.), движение 4-го мая (1919 г.), японо-китайская война (1937-1945 гг.), создание Китайской Народной Республики (1949 г.), корейская война (1950-1953 гг.).

***

Жизнь Лао Шэ прервалась внезапно, однако его творчество по-прежнему представляет ценный исследовательский материал для изучения предпосылок современной китайской культуры. В жизни китайского народа по сию пору сохраняются запечатленные Лао Шэ устои и нравы. Подобно членам одной семьи в романе «Под пурпурными стягами», существуя под общими яркими жизненными принципами, одни умудряются прозябать, а другие – изощряться в роскошестве. Для большой семьи китайского народа это явление не в диковинку. Культуре Китая не привыкать находится в напряжении между возвышенными нормами социального порядка, традиционной эстетикой и изменчивой, текучей нормативностью повседневной жизни.

Литература

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Инт-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2006. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. 2008. 855 с.
2. Лао Шэ. Записки о кошачьем городе: пер. с кит. В. Семанова. М.: Муравей, 2000. 240 с.
3. Лао Шэ. Под пурпурными стягами: эссеистика / сост., предисл., пер. Д.Н. Воскресенского. М.: Восточная литература, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/lao_she/pod_purpurnymi_styagami-read.html (дата обращения: 08.04.2015).
4. Kwok-kan Tam. Lao She’s Bitter Humour and his social Re-Visioning in Camel Xiangzi. Introduction to Lao She’s “Camel Xiangzi”, translated by Shi Xiaojing. Chinese University Press, 2005. 587 p. [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.ru/books/about/%E9%A7%B1%E9%A7%9D%E7%A5%A5%E5%AD%90.html?id=uryFk9VbCK8C&redir_esc=y (дата обращения: 08.04.2015).
5. 舒乙。一个京城旗人贫儿的辛亥经历。[Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_511c3d360100rqxn.html (дата обращения: 09.04.2015).

Липич Д.В.
Научный руководитель – **Мархгейм М.В.**
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород Россия

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопросы юридической ответственности в современном обществе приобретают особый статус. Интерес к такой разновидности юридической ответственности, как конституционно-правовая ответственность, за последнее десятилетие значительно вырос. Прежде всего, это связано с охраной Конституции, необходимостью поддержания правового порядка, сохранения и утверждения режима законности, защиты прав и свобод граждан в нашем обществе, когда происходят коренные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах. Поэтому можно сделать вывод, что в современных условиях конституционно-правовая ответственность имеет очень важное прикладное значение. Но существует понимание конституционной ответственности и в рамках политического дискурса. Эти два вида ответственности принципиально различны. К примеру, политически ответственным является отказ избирателей поддержать на очередных выборах, находящихся у власти, или президента, или партии, или глав муниципалитета и т.д. Такое проявление политической ответственности находится вне правового анализа, и является объектом изучения уже политологической науки. Кроме уже обозначенной существует и другие формы политической ответственности, которые имеют четкое и ясное - правовое оформление, когда большинство в парламенте вправе вынести вотум недоверия как главе государства, так и правительству, или распустить нижнюю палату парламента. Чаще всего основания для таких решений лежат уже в плоскости политики, а значит, это и есть политическая ответственность, которая облечена в нормативно-правовую форму в виде положений конституций и законов. Но некоторые исследователи, например, А.И. Алебастрова, отмечают, что подобный подход можно охарактеризовать, как политическую ответственность, регламентируемую правовыми нормами, и в таком случае ее следует считать юридической ответственностью.

Поэтому, главной задачей российского конституционного законодательства является умелое сочетание таких двух важнейших инструментов. В силу того, что наше государство

строит правовое государство, особое внимание необходимо уделять юридической ответственности, в нашем случае – конституционно-правовой.

В нашей стране долгое время не было сформировано концепции конституционно-правовой ответственности, что влекло к размытости самого понятия. Но в последние годы в нашей стране все более активно устанавливаются и применяются меры по усилению конституционно-правовой ответственности. Совершенствуется конституционно-правовая система ответственности должностных лиц государственной власти РФ, местных органов и различных субъектов избирательного права и процесса.

За последние годы усилился интерес к конституционно-правовой ответственности со стороны ученых, занимающихся общими вопросами теории государства и права, а также специалистов по конституционному и административному праву. Но и представители смежных областей науки не обходят эту проблему стороной.

Вместе с тем, несмотря на это, и учебная, и монографическая литература объектом своего исследования выделяют достаточно ограниченный круг проблем, возникающих в рамках реализации конституционно-правовых отношений в субъектах конституционного права. Например, общими вопросами ответственности в области конституционно-правовых явлений, их философским обоснованием в дореволюционной России занимались А.С. Алексеев, А.Д. Градовский, В.М. Гессен, А.А. Жилин, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, Н.Н. Палиенко, А.С. Ященко и другие. Начиная с 70-х гг. XX в. в юридической науке, в частности, государственном праве, термин «государственно-правовая ответственность» приобретает важное значение. Этот период характеризовался серьезными исследованиями правоведов, занимающихся темой ответственности[27].

Со второй половины 90-х гг. и до нашего времени можно выделить весьма актуальные темы докторских и ряд кандидатских диссертационных исследований по тематике конституционно-правовой ответственности. Но, несмотря на это, сегодня в науке конституционного права явно наблюдается дефицит исследований, которые бы всесторонне рассматривали проблемы как теоретического, так и прикладного применения и рассмотрения конституционно-правовых санкций. Ряд современных исследователей, (В.О. Лучин, Н.М Колосова и др.) выделяют два аспекта конституционно-правовой ответственности – позитивный и негативный (ретроспективный). Позитивная ответственность характеризуется

[27] См. работы С.А. Авакьяна, Г.В. Барабашева, Ю.П. Еременко, Н.И. Матузова, Ф.М. Рудинского, Н.А. Бобровой, Т.Д. Зражевской.

ответственным отношением субъектов к своим конституционным обязанностям и добросовестным, эффективным их выполнением; ее несут все субъекты конституционно-правовых отношений. Негативная ответственность выступает как отрицательная оценка действий субъекта. В рамках этой ответственности субъект испытывает негативные последствия, к которым можно отнести ограничение или лишение политических, юридических или каких-либо иных интересов. В рамках такой ответственности используются специальные меры воздействия, которые связаны с не правовыми актами поведения сторон конституционно-правовых отношений. Необходимо отметить, что позитивный и ретроспективный аспекты ответственности тесно связаны между собой, причем позитивный является необходимым условием возникновения ретроспективного.

Вместе с тем, в последнем конституционно-правовая ответственность проявляется наиболее ярко, усиливает воспитательное и правоохранительное значение конституционно-правовой ответственности, ее стимулирующую роль в формировании правомерного поведения и социальной активности субъекта конституционно-правовых отношений. Некоторые исследователи, например, В.А. Виноградов и др. считают, что к конституционно-правовой ответственности нужно подходить в первую очередь как к ответственности за поведение, которое отклоняется от модели, предусмотренной установленными конституционно-правовыми нормами. Ряд авторов (А.А. Белкин, А.С. Бурмистров, И.Н. Барциц. и др.) считают, что конституционно-правовая ответственность включает отдельные виды ответственности, такие как парламентская, президентская, правительственная или федеральная и др. и делают предположение, что эти виды конституционно-правовой ответственности необходимо рассматривать, как самостоятельные явления. Ряд исследователей, например И.А. Алебастрова, считают, что некоторые меры, такие как отставка правительства, роспуск парламента, характеризуются в юридической литературе, как проявления политической ответственности. На наш взгляд, эти меры – есть проявление именно политической ответственности[28].

В целом, можно констатировать, что конституционно-правовая ответственность весьма разнообразна по своему содержанию, т.к. разнообразны и конституционно-правовые отношения. Практика показывает, что роль конституционно-правовой ответственности в обществе будет повышаться, и будет усиливаться эффективность ее применения.

---

[28] См. работы С.А. Авакьяна, Г.В. Барабашева, Ю.П. Еременко, Н.И. Матузова, Ф.М. Рудинского, Н.А. Бобровой, Т.Д. Зражевской.

Литература

1. Алебастрова А.И. Проблемы формирования теоретической конструкции института конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М.: Изд-во МГУ, 2001, с. 87.

Лопина М.Р.

научный руководитель – **Лопин Р.А.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород Россия

ПОЛЕТ НА «БРЕЮЩЕМ» НАД ПЛАНЕТОЙ ЛЮДЕЙ (МИРНЫЕ РАССКАЗЫ ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ)

«… только от солдата можно узнать, что такое война»

А.де Сент-Экзюпери

Трагические события первой половины XX века оказали огромное влияние на судьбы и творчество писателей разных стран. Мировые войны 1914-1918 и 1939-1945 годов определили ряд вопросов, ставших главными темами в литературе данного периода,

характеризующегося формированием нового художественного мышления, на которое оказали большое влияние катастрофы эпохи и меняющаяся в связи с открытиями в различных областях знания картина мира [2, 3-4].

Крупным и сложным явлением в европейской культуре считается творчество Антуана де Сент-Экзюпери, который в своих произведениях, вдохновляясь гуманистическими идеями, воспевал величие личности вопреки трагическим обстоятельствам времени [3, 8]. Его творчество сложно тем, что оно есть, прежде всего, рассуждение, главным предметом которого является человек. Рассматривая человека как ценность, значимую часть большого мира, Сент-Экзюпери не оставляет без внимания тему войны и человека в ней.

Будучи профессиональным летчиком и участником Второй мировой войны, он по-настоящему ощущает ее, размышляет над ней. Главной ее причиной он считает «духовный сон» людей, сравнивая их с рабочими, которые не хотят очнуться и выполняют действия, не задумываясь об их причинах и последствиях, будто бы стоя у конвейера [6, 192]. «Люди не хотят, чтобы их пробудили к какой бы то ни было духовной жизни», – пишет он в своем неотправленном письме к генералу Х. Тут же он утверждает: «… весь мир поставлен перед одной проблемой, одной-единственной. Вернуть людям духовную значительность. Духовное беспокойство» [6, 192]. К духовной жизни он относит и любовь к дому, и крестьянский праздник, и память об умерших… Он говорит: «… жизнь духа начинается там, где «видимое» бытие рождается из чего-то, что выше составляющих его элементов» [6, 193].

«Нужно говорить с людьми, потому что они готовы примкнуть к кому угодно» [6, 193], – утверждает Сент-Экзюпери и совершает диалог с читателем с помощью строк своих произведений, статей; близким людям он пытается высказать свои мысли в письмах. В одной из своих статей он обращается к читателям: «Спросите себя: «Почему мы ведем войну, хотя знаем, что она нелепа и чудовищна? Где таится противоречие? Где таится истина войны, истина столь всемогущая, что ей покоряются ужас и смерть?» Только найдя разгадку, мы перестанем сдаваться на милость слепой судьбе, как будто она сильнее нас. Только тогда мы убережемся от войны» [6, 70].

В своем произведении «Планета людей» Сент-Экзюпери дает характеристику современной ему войне: «… современная война разрушает все то, ради чего она будто бы ведется. Ныне речь ведется не о том, чтобы пролив немного жертвенной крови, возродить целый народ. С того часа, как оружием стали самолет и иприт [горчичный газ, применяющийся в качестве боевого отравляющего вещества – М.Л.], война сделалась просто бойней. Враги укрываются за бетонными стенами, и каждый, не умея найти лучший выход, ночь за ночью шлет эскадрильи, которые пробираются к самому сердцу врага, обрушивают

бомбы на его жизненные центры, парализуют промышленность и средства сообщения. Победа достанется тому, кто сгниет последним. И оба противника гниют заживо» [4, 181-182].

Сам Сент-Экзюпери, негативно относящийся к войне как явлению, не остается в стороне, когда его Родина оказывается в оккупации, он стремится к тому, «чтобы самому, лично бороться против фашистской Германии с оружием в руках» [1, 9], поэтому добивается назначения в эскадрилью 2/33. Несколько раз ему приходится оставлять фронт из-за ранений, но и лежа в госпитале, Сент-Экзюпери борется с врагом, создавая лучшие свои произведения и статьи.

В середине апреля 1943 года А. де Сент-Экзюпери перед очередным возвращением на фронт пишет своей жене: «Я еду (…) Это мой долг. Еду на войну. Для меня невыносимо оставаться в стороне, когда другие голодают; я знаю только один способ быть в ладу с собственной совестью: этот способ – не уклоняться от страдания». «Я еду на войну не для того, чтобы погибнуть. Я иду за страданиями, чтобы через страдания обрести связь с ближними (…) Я не хочу быть убитым, но с готовностью приму именно такой конец» [6, 188-189].

Сент-Экзюпери совершает более двадцати вылетов, и 31 июля 1944 года, за три недели до освобождения Франции от фашистской оккупации, претерпевает аварию и не возвращается на базу. «Ищите меня в том, что я пишу…», – говорит Сент-Экзюпери [1, 13].

Война – болезнь, не имеющая под собой твердых основ, противопоставляется в его творчестве миру, имеющему «определенный порядок». В своем произведении «Военный летчик» Сент-Экзюпери пишет: «Мир гибнет, если рвутся нити основы, если ты больше не находишь себе места на свете, если не знаешь, где тот, кого любишь… Мир – это когда все вещи пребывают на своих местах и обретают истинный смысл…» [5, 366].

Сент-Экзюпери в своих произведениях призывает людей к объединению, «братству» и ответственности друг перед другом. В «Планете людей» он утверждает: «… ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком» [4, 32]. Ведь, по его мнению, быть человеком – это «чувствовать, что ты за все в ответе» [4, 46].

Заряд бодрости духа, исходящий из его произведений, способен и в настоящее время «оживить», «отрезвить» души людей, наполнив их миром и спокойствием, к которым всю жизнь стремился А. де Сент-Экзюпери, боровшийся против войны и погибший ради мира.

Литература

1. Галлай, М.Л. «Не могу не участвовать…» / М.Л. Галлай // Сент-Экзюпери, Антуан де. Избранное. Пер. с фр. – М.: Правда, 1987. – С. 5-13.

2. Зарубежная литература. XX век: Учебник для студентов педагогических вузов / Н.П. Михальская, В.А. Пронин и др.; Под общ. Ред. Н.П. Михальской. – М.: Дрофа, 2003. – С. 3-55.
3. Зверев, А. Ланселот нашего времени / А. Зверев // Сент-Экзюпери, Антуан де. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. Пер. с фр. – Рига: Полярис, 1997. – С. 7-22.
4. Сент-Экзюпери, Антуан де. Планета людей / Антуан де Сент-Экзюпери – М.: Эксмо, 2010. – 192 с.
5. Сент-Экзюпери, Антуан де. Сочинения в 3-х томах / Антуан де Сент-Экзюпери. – Т. 1. – Рига: Полярис, 1997. – 527 с.
6. Сент-Экзюпери, Антуан де. Сочинения в 3-х томах / Антуан де Сент-Экзюпери. – Т. 3. – Рига: Полярис, 1997. – 415 с.

Мальченко А.Е.
научный руководитель – **Майданский А.Д.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

ЦЕННОСТНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ ИСАЙИ БЕРЛИНА: КРИТИКА МОНИЗМА

Практически вся история философии развивается на положениях монизма, т.е. учения, согласно которому существует единая объективная истина, теория, «согласно которой существует единственная гармония и все истинное во вселенной должно, в конечном счете, гармонизироваться» [2]. Это вера в то, что при правильно подобранном методе познания, мы способны познать конечную истину, которая станет ключом разрешения проблем и конфликтов в подлунном человеческом мире. Для Платона, например, этим методом была философия. Он заявляет, что правителями государства должны быть философы и до тех пор, пока этого не случится, государствам не избавиться от зол [6, 487e]. Для Платона философ – это тот, кто созерцает прекрасное, а прекрасное в свою очередь – это и есть та самая высшая гармония, истина, идея. Истина (эйдос) противопоставляется здесь мнению (докса). Мнение принадлежит нашему чувственному миру, оно может представлять собой как правдивое, так и ложное знание, нечто среднее между знанием и незнанием. Истина же представляет само бытие. Оно по определению не может быть ничем другим как истиной. Философ – тот, кто познает сущности, вечно тождественные сами себе [6, 484b]. Ему, которому доступна сама

природа вещей, дана власть выводить людей из пещеры [6, 514-517d]. Так как истина едина и неизменна, если каждый предмет обладает своей высшей идеей, то логично будет предположить, что существует лишь такой же единый способ познания этой истины, раскрытия сущности вещей.

Подобной логикой руководствовались впоследствии многие мыслители, заявляя, что владеют методом познания этой самой единой и неподвижной сущности вещей. Неважно, какой метод мы выбираем в качестве самого правильного при рассмотрении общества и человека в нем, будь то метод философии (Платон), божественного откровения (большинство религиозных мыслителей), биологии и медицины (Ж.О. де Ламетри), социологии (О. Конт), исторического материализма (К. Маркс), но само признание существования «самого правильного метода» в изучении общества приводит нас в методологический тупик, где нам остается лишь спекуляция фактами и подгон под общие формулы положений.

Признавая не столько возможность, как само открытие нами единственно верного метода познания, мы лишаем себя и других права и возможности на ошибку. Мы, владеющие этим методом и знанием, не можем ошибаться, а другие, кто не владеет (или не разделяет его) представляются слепцами, глупцами и т.д. Такой подход обосновывает всяческую тиранию. «Если же кто станет насильно тащить его [не знающего истину – прим. автора] по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием?» [6, 516] – спрашивает нас Платон, говоря о человеке, которого выводят на слепящий свет солнца (истины). Проживший все время в темноте (неведении) человек действительно будет мучиться от этого света, но через время привыкнет к нему, поймет свои заблуждения и «…вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?» [6, 516c]. Платон наглядно демонстрирует, что как человек, знающий правильную дорогу, должен вести других через лес, так и философ, ведающий истинную суть бытия, должен править другими людьми, наставлять их на правильный путь. Если мы откажемся слушать путеводителя, то наша экспедиция не достигнет желаемого результата (по крайней мере, с минимальными потерями), так и в государственных делах – даже если нам кажется, что правитель-философ поступает неверно, то нам это лишь кажется, это наше мнение (докса), основанное на элементарном незнании и заблуждении.

Противоположная позиция в данном вопросе также известна еще со времен античности и представлена школами релятивизма, прагматизма, основанными на тезисах «человек есть мера всех вещей», «все знание относительно», «что полезно, то истинно».

Берлин занимает срединную позицию, которую обозначает как плюрализм, причем в ценностном аспекте (value-pluralism), который заимствует у Макиавелли, Вико и Гердера. В противоположность Платону, который заявляет, что существует мир объективных идей, Берлин заявляет, что существует объективный мир ценностей.

«В конце концов, люди делают выбор из конечных ценностей; а делают они его потому, что мысли их определяются фундаментальными нравственными категориями и представлениями, которые, во всяком случае – на протяжении больших отрезков времени и пространства, остаются частью их бытия, их мышления, их чувства собственной идентичности – словом, частью того, что делает их людьми» [1, 184]. Иными словами, Берлин придерживается взгляда, согласно которому различные культуры дают различные ответы на основные вопросы человеческого бытия. Невозможно подчинить разные общества единой универсальной теории, минуя непосредственно саму человеческую жизнь. «Истинное знание – это знание того, почему вещи такие, как они есть, а не просто знание того, что они есть» [3], т.е. для того, чтобы познать то или иное общество, нужно проникнуть вглубь его мира, «понять, как они жили, а это значит понять их мотивы, их страхи, надежды, стремления, любовь и ненависть, понять, кому они молились, как они самовыражались в поэзии, живописи, религии» [3].

Берлин выделяет несколько свойств ценностей: они универсальны, объективны, множественны, несовместимы, несоизмеримы, конфликтны. О качестве объективности и универсальности говорит уже приведенный пример того, что ценности выступают в роли смыслообразующих единиц, наделяя наши поступки и речь значением. «…Природа ценностей, следование им, является частью того, что должно быть человеком, и это объективная данность. Мужчины – это мужчины, женщины – это женщины, а не собаки, коты, столы, кресла, и это объективный факт; частью этого объективного факта является то, что существуют определенные ценности, и только исповедуя эти ценности, человек сохраняет человеческий облик» [2]. О множественности говорит само культурное разнообразие народов, так и различие целеполагания людей внутри них. Несоизмеримость, несовместимость и конфликтность можно обозначит фразой самого Берлина: «свобода и равенство, спонтанность и безопасность, счастье и знание, милосердие и справедливость, все эти основные человеческие ценности стремятся сами к себе, кроме того, поскольку они несовместимы и не могут быть реализованы одновременно, должен быть сделан выбор в

пользу одной из них, а на пути к выбранной цели иногда допускаются трагические потери» [2]. Это явление Берлин называет «моральной драмой» – невозможностью, но в то же время необходимостью осуществления выбора из разных, несовместимых и потому одинаково желанных целей (ценностей).

Именно Макиавелли одним из первых указал на глубокой конфликт внутри нашего мировоззрения. Оригинальность средневекового мыслителя Берлин видит именно в том положении, что он обнажает несовместимость и даже противоречие между нашими целями и средствами, к которым мы прибегаем для их достижения. Макиавелли в трактате «Государь» [4] не призывает игнорировать христианские добродетели и отнюдь не собирается попирать мораль, однако в делах государственного управления, если мы действительно желаем добиться необходимого результата, нам нужно задаться вопросом: «а поможет ли мне христианская терпимость создать сильное государство?». Несложно экстраполировать данный вопрос на другие области. Если мы хотим мира, действительно ли нам нужно начинать войну? Если мы желаем спокойной мирской жизни, действительно ли мы отказаться от участия в политике? Если мы хотим свободы и независимости, действительно ли мы должны устраивать геноцид?

Макиавелли учит нас, что мы должны осознавать следствия наших поступков и соразмерять их с целями, которые мы преследуем. В другом трактате «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» [5] он уже с позиций республиканца развивает ту же самую мысль: если простой народ “poplo” в своем стремлении к тихой жизни допускает чрезмерное скопление богатства и власти за амбициозными, знатными людьми “grandi”, то он должен понимать, что такая политическая пассивность чревата уничтожением этой тихой жизни, к которой они так стремятся. Стоит заметить, что Макиавелли не дает оценок ни одному из данных стилей жизни, не высказывает предпочтения, но говорит, что всегда существовали и будут существовать как люди первого типа, так и второго. Вопрос лишь в том, как и для чего они поступают, какие цели преследуют и что для этого совершают.

Знаменитый парадокс буриданового осла здесь подвергается переосмыслению. Если ранее перед ним стоял лишь вопрос выбора одного из двух блюд (причем одинаковых), то вопрос ценностей предполагает выбор из разных по своей сути положений, невозможность «съесть» сразу две охапки сена, необходимость совершить этот выбор, тем самым отказавшись от одного положения (со всеми следствиями) в пользу другого. Один из критиков Берлина, Чарльз Тейлор, рассуждая о свободе, приводит подходящий пример: «мой брак может рушиться оттого, что я люблю по субботам ходить в паб и играть в карты с друзьями. Я могу чувствовать вполне однозначно, что мой брак намного важнее, чем расслабление и чувство товарищества по субботам. Но тем не менее я не стал бы говорить о том, что был бы свободнее, если бы отбросил это желание» [7, 198].

Берлин признает, что наши современные ценности тоже могут являться ценностями лишь постольку, поскольку это продиктовано конкретными социально-культурными условиями. Наши взгляды не разделили бы двести лет назад, и не стоит строить иллюзии, согласно которым именно наши пропозиции являются вершиной развития человеческой мысли. Как показала историческая практика, предсказания по поводу «конца истории», а также других концепций постепенного развития неизбежных исторических процессов оказались несостоятельны. Как заявляет биограф Берлина, бывший лидер Либеральной партии Канады Майкл Игнатьефф: «у истории нет либретто», т.е. она не развивается в едином известном направлении. Даже Фукуяма, который охарактеризовал либеральную демократию по западному образцу вершиной и концом политического развития, позже признал ошибочность и преждевременность таких слов.

Литература

1. Берлин И. Два понимания свободы / предисловие А. Эткинда. // В кн: Берлин И. Философия свободы. Европа М.: Новое литературное обозрение. 2001, С. 122-185.
2. Берлин И. Мой интеллектуальный путь // Логос. 2001. №.4 (30). С. 48-64.
3. Берлин И. Назначение философии / Вопросы философии. 1999. № 5. С. 91-98.
4. Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо-Пресс. 1998. 656 с.
5. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Библиотека Максима Машкова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/livij.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 28.03.2015).
6. Платон Афинский. Государство. Цифровая библиотека по философии. [Электронный ресурс]. URL: http://filosof.historic.ru/books/a0000_1.shtml (дата обращения: 28.03.2015).
7. Тейлор Ч. Что не так с негативной свободой? // Логос. 2013. № 2 (92). С. 187-207.

Машнова В.В.

научный руководитель – **Гребеникова Ю.А.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

ДОСУГ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Молодежь – самая подвижная, мобильная и активная часть нашего общества. В настоящее время огромное внимание уделяется решению проблем этой социально-демографической категории: молодежная политика, уровень культуры, образования, наука,

спорт, субкультуры, – однако зачастую забывается, что кроме этого молодежи необходимо прививать культуру поведения [6, 57].

На сегодняшний день прослеживаются перемены в общественно-политической, экономической и социокультурной жизни страны, процессы глобализации приводят к изменению моральных ценностей личности и нивелированию общекультурных национальных ценностей, в сохранении которых особую значимость играют трудности формирования духовного и культурного здоровья молодых людей.

Увеличение профессиональных и общекультурных требований общества к молодому поколению влечет потребность в ее саморазвитии и самообразовании. Характерные черты культурного положения студенческой молодежи преломляются в ее досуге, который, согласно сопоставлению с досугом других возрастных групп, отличается многообразием и доминированием активных и развлекательных форм в силу специфических духовных, физических и материальных потребностей, а также социально-психологических особенностей.

Досуг можно рассматривать как совокупность личностных занятий, направленных на возобновление физических и психических сил индивидуума. Эти занятия могут быть связаны с потреблением культурных ценностей персонального, коллективно-зрелищного характера, а также с развлечением и отдыхом [2, 20].

Исследование ценностных ориентаций молодых людей в области досуга дает возможность раскрыть не только уровень ее приспособления к новым социальным условиям, но и ее инновационный потенциал. Непосредственно в области досуга молодое поколение проигрывает на модельном уровне все без исключения варианты своего будущего поведения, в т.ч. – вносимые бурно меняющейся реальностью инновационные моменты, для которых еще не существует одобренных обществом форм поведения.

В инфраструктуру общественного досуга нужно включать разнообразные по интеллектуальности и форме организации свободного времени.

Первая категория – учреждения, предлагающие пассивное потребление, гедонистическое времяпрепровождение: компании общественного питания, бильярдные, игровые клубы, ночные клубы, развлекательные комплексы.

Вторая категория учреждений досуговой инфраструктуры предлагает интеллектуально-умственный досуг в роли зрителя: кинозалы, театры, музеи, библиотеки, галереи и выставочные залы.

В досуговых учреждениях третьей категории организуется интенсивное, активное, деятельное спортивное времяпрепровождение (бассейны, стадионы, парки активного отдыха, тренажерные залы).

Четвертая категория – учреждения, создающие условия для самостоятельного времяпрепровождения, т.е. пункты проката спортивного снаряжения и оборудования, бюро туризма и путешествий и т.д.

Пятая категория – клубные учреждения различной ведомственной принадлежности (органов по делам молодежи, отделов культуры, профсоюзных учреждений и т.д.), исполняющие в области досуга, прежде всего, функцию социального воспитания молодых людей [3, 152].

В среде себе подобных молодое поколение накапливает знания о культурной жизни и к этим познаниям вписывает личное понимание, определяет собственные предпочтения, выявляет своих кумиров, познает групповые нравы, сравнивает и сопоставляет их с нравами старших, с которыми они зачастую бывают не согласны. При этом молодежь создает свои гипотезы, зачастую иллюзорные, и в соответствии со своим пониманием или непониманием совершает действия, строит свой стиль и образ жизни против такого «непризнания».

Сейчас юное поколение имеет не достаточно верным представлением о культуре поведения. Мировоззренческие убеждения стали свободными, социальные ориентиры изменены. Оказало воздействие на это и состояние страны на сегодняшний день. Комплексный упадок в российском обществе привел к перемене общественных ориентиров, переоценке традиционных ценностей. Молодежь оказалась под воздействием многосторонних процессов [6, 58].

Современное общество характеризуется целым рядом неблагоприятных процессов, наметившихся в области культурной жизни – потерей духовно-моральных ориентиров, отчуждение от культуры и искусства детей, молодежи и взрослых, значимым уменьшением финансовой обеспеченности учреждений культуры, в т.ч. и деятельность современных культурно-досуговых центров.

Довольно значительные страхи вызывает несколько массово распространившихся направленностей молодежного досуга, в первую очередь настоящей бедой, проникающей в молодежную сферу, стала игровая зависимость. Вторая небезопасная тенденция связана с отличительными чертами рок-музыки – откровенные тексты, призывающие к самоубийству, обрисовывающие красоту наркотиков и т.д. Значительное место в неорганизованном досуге подрастающего поколения играет молодежная субкультура, которая в свою очередь может привести к трем последствиям: позитивная тенденция (освоение социальных ролей в группе сверстников), социально-негативная (наркотизация, экстремизм, приобщение к криминальному образу жизни), индивидуально-негативная (самооправдание инфантилизма и эскапизма – «бегства» от социальной реальности) [5, 74].

Специалисты акцентируют внимание на ряд основных тенденций в изменении культурных ценностей российской молодежи: понижение ориентации на креативные типы рабо-

ты; неоправданное снижение интереса к художественным произведениям отечественной классики; увеличение пассивного, потребительского «поглощения» образцов массовой культуры.

Таким образом, при решении проблем культурного поведения молодых людей, его качественного уровня, нужно увеличивать значимость нравственного воспитания, однако самое главное – регулировать вопросы воспитательного развлечения. Так как, развлекая можно не только отвлекать, но и обучать и улучшать личность, идеологически, нравственно и этически воспитывать аудиторию. Необходимо сделать развлечение позитивной ценностью, основой социальной роскоши. В рамках художественной культуры необходимо формировать национальное самосознание. Необходима ориентированная на образ жизни социологическая пропаганда, а именно, одновременная реклама вещей, обычаев, привычек и соответствующих им идей и представлений, нравственности.

Литература

1. Азарова Р.Н. Педагогическая модель организации досуга обучающейся молодежи [Текст] / Р.Н. Азарова // М., 2012. № 1. С. 27-32.
2. Азарова Р.Н. Досуг современной молодежи / Р.Н. Азарова // М., 2011. № 10. С. 19-21
3. Басов Н.Ф. Социальная работа с молодежью: учебное пособие / Н.Ф Басов. 4-е изд. М.: Дашков и К°, 2012. 328 с.
4. Вишняк А.И. Культура молодежного досуга / А.И. Вишняк, В.И. Тарасенко. Киев: «Дума», 2010. С. 123-124.
5. Левикова С.И. Две модели динамики ценностей культуры: (на примере молодежной субкультуры) [Текст] / С.И. Левикова. 2006. № 4. С. 71-79.
6. Седова Н.Н. Досуговая активность молодёжи / Н.Н. Седова. 2009. № 12. С. 56-59.

Рамазанова Ф.М.

научный руководитель – **Лобанов К.Н.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ XX В.: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Поддержание связей со страной происхождения является центральным вопросом в исследованиях по миграциям в Европу. Проблема межнационального аспекта религиозной принадлежности, долгое время остававшаяся малозначимой в странах Западной Европы, на

сегодняшний день является весьма популярной. Подобная тема охватывает различные стороны в научных дискуссиях, в которых такой термин, как «транснациональность», подразумевает под собой интерференцию стран происхождения, например, в вопросах финансирования строительства мечетей в Европе. В качестве первичного источника в работе использовано интервью. В качестве вторичных источников при подготовке исследования были использованы работы иностранных авторов. Перевод этих работ на русский язык, ранее не переведенных, позволил осветить вопросы, которые являются малоизученными в современной историографии.

Франция является одной из числа стран, где проблемы урегулирования миграционной политики вышли на первую позицию во внутренних и международных делах государства с начала XX в. После Второй мировой войны законодательство Французской Республики, регулирующее иммиграцию и пребывание в стране мигрантов, расширяется стремительными темпами [9].

В соответствии с решением правительства «О въезде и пребывании иностранных граждан во Франции» от 2 ноября 1945 г. при Министерстве труда было создано Национальное управление по иммиграции (НУИ) [7].

Оно обладало монополией по найму и размещению иностранных рабочих в стране. Набор и ввоз рабочих из-за рубежа осуществлялся либо непосредственно через заграничные отделения НУИ, либо через французские консульства.

В период восстановления страны в послевоенное время, Франция остро нуждалась в дополнительной рабочей силе. Было принято решение подписать двустороннее соглашение со странами Магриба. В 1963 г. было составлено соглашение с Марокко в результате чего увеличился рост иммигрантов с 33 тысяч в 1962 г. до 260 тысяч в 1975 г.

Французские мусульмане из экваториальной Африки, которые также прибывали в несколько этапов, сформировали вторую большую группу, после Северной Африки. Первая волна включала в себя военных из Африканских колоний, обеспечивающих помощь французской армии во время Первой Мировой Войны, часть из которых вернулась на родину, остальные же остались во Франции [6].

В социально-экономическом плане французские иммигранты после 1974 г. столкнулись с проблемой безработицы. С завершением «славного тридцатилетия» французская экономика была не в состоянии обеспечить широкую занятость населения [2].

В 1974 г., когда Валери Жискар д’Эстен был избран президентом республики, миграционная политика резко изменила своё направление. 3 июля 1974 г. французское правительство приняло решение о закрытии границ. Иммиграция рабочих была

приостановлена до 1977 г., в том числе и для их семей, за исключением граждан Европы. Право на восстановление семьи возобновилось с 1975 г. [5].

Законы, принятые в 70-х гг. вызвали в обществе среди иммигрантов, в особенности второго поколения, волну негодования, которая прошла по Франции в виде забастовок, голодовок, конфликтов. Мусульманские мигранты представляли собой важный источник ресурсов в промышленных и строительных секторах, где работа считалась тяжелой и плохо оплачиваемой и, следовательно, непривлекательной для французских рабочих. Начиная с 1981 г., «иммигрантский вопрос» перешел в центр политических дискуссий. Дебаты этого периода вращаются вокруг нескольких тем: предоставление права в свободное объединение ассоциаций для развития «новой гражданственности», «переход деятельности второго поколения мигрантов из Северной Африки из локального уровня на политическую арену» [10]; место ислама во французском обществе, связь между национальностью и гражданством. В 1981 г., с установлением в правительстве силы левых, среди 110 предложений совместных программ об избирательном праве иностранцев, фигурирует положение о свободе ассоциаций. Закон 9 октября 1981 г. отменяет декрет от 1939 г., который предоставлял возможность объединения иностранцем в организации только с предварительным согласием Министра внутренних дел. Этот закон способствовал развитию молодых ассоциаций во франко-магрибском направлении, способствуя интеграции и анти-расизму благодаря «культурным посредникам» и коллективной идентичности на этно-религиозной основе [2].

В начале 80-х гг. кажется, что политики придерживаются тех же принципов, что и их соседи. Никто не оспаривает остановку миграции по экономическим причинам и, как следствие, необходимость в борьбе с нелегальной иммиграцией. Закон 9 сентября 1986 г. устанавливает обязательное оформление визы для всех иностранцев, а в августе 1993 г. ограничивает возможность в получении вида на жительство [8].

В 2000-х гг. возникает ситуация, при которой мигранты сталкиваются с проблемами трудоустройства. Получив образование, большая часть молодого поколения иммигрантов не могут устроиться на работу, в отличие от коренных французов [3]. О подобной дискриминации упоминает и интервьюируемая марокканка: зачастую диплом об образовании становится только ступенью для официального устройства на какую-либо должность. Система получения дополнительного образования или верификация дипломов во Франции обязывает иммигрантов к прохождению курсов по нескольким основным предметам, главный из которых французский язык. В различных интервью довольно часто звучала мысль о том, что иммигранты вынуждены знать французский язык лучше, чем сами

французы. Планка, которая стоит для французского населения ниже, по сравнению с той, которая ставится на иммигрантов. Всё это, в свою очередь, вызывает ряд сложностей для выходцев из Северной и Центральной Африки не только в материальном, но и в моральном аспекте. Ощущение отчужденности и ненужности от государства, которое их формально приняло, вызывает среди иммигрантского населения глубокую депрессию или чувство противопоставления. Другими словами, это реакция на описанный выше отпор местным населением (в виде работодателей) и бюрократическими действиями правительства, которая в некоторых случаях выливается в маргинальные слои [1].

Характерным для Франции является то, что столкновения между религиозными и светскими институтами выдвигались государственными органами, ставя на первое место светскую идеологию. Но французские мусульмане не заставили долго ждать ответа – яркой формой стали уличные протесты в пользу прав на исповедование ислама как культурного самовыражения, но без отхода от верности республике [11].

В зависимости от экономической и политической ситуации политика Франции менялась на протяжении всего столетия. В настоящее время не существует однозначного мнения в отношении предпринятых действий со стороны французского правительства: часть экспертов считает, что политика Франции была лишена мер по интеграции мусульманского населения в французское общество, что повлекло за собой сложившуюся на сегодняшний день ситуацию.

Литература

1. Беседа с иммигранткой из Марокко Марьям / [записала] Ф.М Рамазанова. // Франция. Ля Рошель. 2014. 10 мая.
2. Снисаренко К. Характерные черты процесса иммиграции во Францию во второй половине XX – начале XXI в. [Электронный ресурс]. // Журнал международного права и международных отношений. 2013. №3. URL: http://evolutio.info/content/view/2084/232/. [12.11.2014].
3. Стрельцова Я.Р. Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года / Я.Р. Стрельцова // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 9. С. 67-75.
4. Catherine Withol de Wenden, L'immigration, objet du débat politique // Confluences Méditerranée. France, Paris: Printemps. N°14. 1995. P. 75-76.
5. Christophe Gracieux, La politique d'immigration en France de 1974 à 1983 [Электронный ресурс]. URL : http://fresques.ina.fr/jalons/fiche-media/InaEdu01065/la-politique-d-immigration-en-france-de-1974-a-1983.html. [4.03.2015].

6. Kimberly Hamilton Migration Policy Institute Patrick Simon Institut National d'Études Démographiques (INED) with Clara Veniard, Migration Policy Institute, The Challenge of French Diversity [Электронный ресурс]. URL: http://www.migrationinformation.org/Profiles/ display.cfm?ID=266. [20.02.2015].
7. L'accueil des immigrants et l'integration des populations issues de l'immigration: Rapport au President de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés [Электронный ресурс]. URL: http://www.ccomptes.fr/index.php/content/download/2473/ 24772/version/2/file/Immigration.pdf. [24.12.2014].
8. L'accueil des immigrants et l'integration des populations issues de l'immigration: Rapport au President de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés. Novembre 2004. [Электронный ресурс] // Cour des comptes. 1983. URL: http://www.ccomptes.fr/index.php/content/download/2473/24772/version/2/file/Immigration.pdf. [25.03.2015].
9. Les immigrés en France [Электронный ресурс]. URL: http://www.defenseur desdroits.fr/documentation/fiches-thematiques. [10.03.2015].
10. Marie Poinsot L'intégration politique des jeunes Maghrébins : deux stratégies associatives dans la région lilloise // Revue européenne des migrations internationals. 1991. Volume 7. Numéro 3. P.121. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/ article/remi_0765-0752_1991_num_7_3_1312 [2.02.2015].
11. Statham P. Resilient Islam: Muslim controversies in Europe 1983 // Harvard International Review. September, 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.thefreelibrary. com/Resilient+Islam%3A+Muslim+controversies+in+Europe.-a0125562331. [11.01.2015].

Рощупкин И.А.
научный руководитель – **Кривец А.П.**
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И США

Российско-турецкие отношения насчитывают более чем пятисотлетнюю историю. Это не только примеры военного соперничества, но и отношения сотрудничества в области

культуры и экономики. Несмотря на более чем трехсотлетнюю историю войн, Россия и Турция одновременно оставались партнерами в экономической и культурной сферах. На данном этапе двухсторонние отношения носят ярко выраженное экономическое сотрудничество (в основном в сфере энергетики). Целью данной статьи является анализ двухсторонних отношений России и Турции в XXI. веке, выявление особенностей и поиск возможного варианта расширения сотрудничества двух стран.

За последнее десятилетие, сделав большой скачок в своем экономическом развитии (войдя в двадцатку мировых экономик), изменив свою внешнеполитическую стратегию и тактику (упрочила позиции на Балканах, в Африке, на Ближнем Востоке и Кавказе), укрепив свои вооруженные силы, Россия стала более независимым от США актором на международной арене. На фоне вызванной украинским кризисом санкционной политики Европейского Союза (ЕС) и США Россия все же была вынуждена искать стратегических партнеров и союзников в странах Африки и Востока. Примером такого партнерства явились сочинская встреча в августе 2014 г. Владимира Путина и лидера Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси и подписание ряда двухсторонних соглашений, а также визит президента РФ в Каир 10 февраля 2015 г. и расширение данного сотрудничества [2].

Санкционная политика в отношении России может привести и к расширению сотрудничества между Москвой и Анкарой. Лидер Турции Р.Т. Эрдоган не раз выступал с критикой президента США Б. Обамы по эскалации конфликта в Сирии и Секторе Газа [1]. Стоит отметить и то, что число людей поддерживающих евроинтеграцию, в Турции резко уменьшилось, да и руководство страны более трезво смотрит на возможность вступления в ЕС. Данные факторы на фоне санкций могут послужить реальному сближению между Российской Федерацией и Турцией. Благодаря активному диалогу между лидерами стран за последние годы был заложен прочный фундамент для двухстороннего сотрудничества. Структура экономик обеих стран имеет взаимодополняемый характер. Например, в последние годы взаимная торговля демонстрирует рост. Среди внешнеторговых партнеров Турции Россия остается на 2-м месте после Германии, в т.ч., в экспорте – на 4-м. Лидирующие позиции в поставках турецкой продукции в Россию занимают продукты легкой, автомобильной, металлургической и химической промышленности. Идет рост взаимных прямых инвестиций, примером чего может служить деятельность на рынке России одного из крупнейших турецких холдингов Анадолу Джам (Anadolu Gam), который является ведущим производителем стеклотары в Турции. Сегодня на Кубани холдинг приступил к строительству самой большой на российском юге фабрики по производству стеклотары. Необходимо отметить, что это не единственный пример интереса турецкого бизнеса к

российским регионам. Так, в городе Александров Владимирской области построен завод по производству телевизоров турецкой марки «Вестель» с проектной мощностью 2 млн. телевизоров в год. А две крупнейшие турецкие компании – Коч и Энка создали в России сеть супермаркетов «Рамстор», которая на сегодняшний день насчитывает около ста торговых центров по всей стране. Одновременно основной задачей Торгпредства Российской Федерации в вопросах поддержки экспорта в Турцию является содействие российским компаниям в увеличении объемов поставок продукции не сырьевого экспорта, в т.ч., экспорта машинно-технической продукции и высокотехнологических услуг. В 2013 г. достигнуты договоренности по ряду знаковых для обеих сторон экономических проектов, реализация которых, как представляется, позволит нарастить российский экспорт высокотехнологичной продукции и услуг на турецкий рынок. Россия имеет возможности увеличить экспорт в Турцию продукции данного вида и машинно-технического оборудования в ходе строительства АЭС «Аккую». Также в 2013 г. стартовал проект поставки газотурбинного оборудования ОАО «УК “Объединенная двигателестроительная корпорация”».

Ответом на решение Болгарии отказаться от проекта «Южный поток», вследствие давления ЕС и принятыми в отношении России санкциями, послужил результат двухсторонней встречи Совета сотрудничества высшего уровня между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в декабре 2014 г. – на смену «Южному потоку» пришел «Турецкий поток» [4]. В перспективе этот проект может ознаменовать собой переход основных поставок российского газа из Европы в Азию. В то время как США и ЕС соревнуются в санкциях, Турецкая Республика всячески демонстрирует Москве свою поддержку. Так, в конце июля 2014 г. был инициирован вопрос о создании зоны свободной торговли с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана. Помимо этого, в турецкой прессе прокатилась волна позитивно окрашенных комментариев в адрес России. Аналитики приветствовали «амбициозный» характер политики России в отношении региональных кризисов. Популярная турецкая Milli Gazete пишет: «…Всплеск враждебности к США и ЕС в турецком общественном мнении, “подмигивание” ШОС и стремление Турции к большей независимости, конечно, не ускользают от внимания Запада. США также отдают себе отчет в том, что политика Запада в отношении Турции больше не может оставаться прежней. Турция давно задается вопросом о том, что дают ей связи с НАТО» [8]. И основной вывод, к которому она приходит, заключается в том, что альянс – главная помеха в ее стремлении действовать в качестве независимого и сильного игрока [6].

Вполне очевидно, что русско-турецкие отношения носят ярко выраженное экономическое сотрудничество в сфере транзита энергоресурсов. Учитывая членство Турции в НАТО и ее позицию по основным кризисам на Ближнем востоке и в Закавказье (Нагорно-Карабахский конфликт, Сирийский кризис) на данном этапе, это экономическое сотрудничество не может быть расширено до внешнеполитического союзничества. В данной ситуации можно предположить два варианта развития событий. Первый сценарий заключается в том, что нынешняя турецкая власть будет продолжать намеченный курс на взаимное сотрудничество с РФ [3]. В этом случае Россия получит большой опыт в развитии экономики от турецких партнеров. Второй сценарий заключается в том, что турецкое правительство, протянув «руку дружбы» для России, пытается подать сигнал для Европы о смене своих ориентиров. В данном случае такая политика может играть временный характер. Поскольку в доктрине «неоосманизма», к реализации которой стремится нынешнее правительство, Турция является независимым центром силы, балансирующим между Россией Европой и Азией [7]. Также можно предположить, что нынешние экономические взаимоотношения могут стать ступенью для расширения площадок для сотрудничества. В таком случае наибольший вклад в двухсторонние отношения может внести институты гражданского общества, научные учреждения, межкультурные и межпарламентские контакты. Также стоит отметить, что взаимодоверие необходимо не только на официальном уровне, но и в сфере культурных и человеческих обменов между двумя государствами. Несмотря на противоречия и различия в подходах России и Турции к проблемам региональной и международной безопасности, на данный момент представляется, что у двух партнеров есть общие долгосрочные цели.

Во-первых, это стабильность в Кавказском регионе, что предполагает совместное урегулирование конфликтных ситуаций, прежде всего проблемы Нагорного Карабаха и последствий российско-грузинского кризиса 2008 г.. Учитывая особые отношения России с Арменией и Турции с Грузией, и Москва, и Анкара, имеют возможность использовать свой потенциал для заключения компромиссов и последовательной нормализации ситуации в регионе. Восстановление и развитие экономических связей, транспортных коммуникаций, совместные экономические проекты, могут создать необходимые предпосылки для политического урегулирования острых региональных проблем. Это потребует от Турции новых подходов в отношениях с Азербайджаном и Арменией, а от России – с Грузией.

Во-вторых, это предотвращение «трубопроводных войн», которые затрагивают интересы и России, и Турции, и ЕС в Черноморско-Каспийском регионе. Представляется целесообразным налаживание полнокровного энергетического сотрудничества в треугольнике ЕС – Россия – Турция.

В-третьих, это сдерживание экспансии Китая в Центральной Азии, которое имеет реальное геостратегическое измерение. Доминирование Китая в этом регионе является вызовом для национальных интересов России, Турции и Европейского союза.

В-четвертых, это предотвращение появления ядерного Ирана и расползания ядерного оружия. В связи с этим необходимо отделить разногласия по Сирии от проблемы ядерного Ирана. Остановить Иран и предотвратить новую войну в регионе могут только единая консолидированная позиция Совета Безопасности ООН и санкции, которые были бы для Ирана чрезвычайно чувствительны.

Литература

1. Эрдоган заявил, что больше не разговаривает с Обамой / РИАновости. 24.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/world/20140724/1017327974.html
2. Путин: РФ и Египет могут создать свободную зону торговли [Электронный ресурс]. URL: http://www.novayagazeta.ru/news/1685790.html?p=1
3. Турецкие инвесторы заинтересованы в российском рынке [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestaestate.com/news/5
4. Россия и Турция: образцовое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: http://russian.rt.com/inotv/2010-01-14/Rossiya-i-Turciya-obrazcovoe-sotrudnichestvo
5. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries /tr/tr_ru_relations/tr_ru_trade/
6. СМИ Турции: надо продолжать диалог с Россией [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/world/20140911/222917491.html
7. Гаджиев А.Г. Турция и ЕС: место мусульманской страны в «христианском клубе».
8. Турция собирается выйти из НАТО [Электронный ресурс]. URL: http://ertv.fr/?p=10695

Сайкова Ю.А.

Научный руководитель – **Туркина В.Г.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

ЗАБВЕНИЕ В ПРОСТАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: СОКРЫТИЕ ФЕНОМЕНОВ ИЛИ «СТИРАНИЕ ПРОШЛОГО»

Поиск культурной идентификации и персональной и общекультурной легитимации настоящего, стремление к самоидентичности приводят к осознанию необходимости

конструкции и деконструкции исторической и культурной памяти. Во многом это основывается на обращении к прошлому, прежде всего, как к культурному ресурсу, с помощью которого можно оценивать и переоценивать настоящее, практике, конструирующей социокультурное пространство и время, но и на механизмах манипуляции человеческими воспоминаниями в целях ограничения доступа к прошлому.

Особенность современной ситуации состоит в том, что социальные группы пережили глубокий системный кризис исторического сознания, при котором произошло изменение традиционного отношения к прошлому, а память перестала мыслиться как целостное образование.

О памяти рассуждал Пьер Нора: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти». По его мнению, мировое господство памяти связано, в первую очередь, с «ускорением истории», разрушающим единство исторического времени, соединявшего прошлое, настоящее и будущее, что для ее организации имеет первостепенное значение. Во-вторых, расцвет памяти связан с большей доступностью – «демократизацией» – истории. Под этим П. Нора подразумевает быстрое возникновение разнообразных форм памяти этнических меньшинств, связанное с мощным движением освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности [6, 391-402].

В трудах Яна и Алейды Ассман феномен культурной памяти представлен как форма передачи и актуализации смысла культуры, в связи с практиками конструирования прошлого. Культурная память или «история памяти» как называл ее Я. Ассман, характеризуется как хранительница ценностей и смыслов культуры, представляет собой отложенные, не стертые прогрессом знания и умения прошлого, лежащие в основе современного уровня развития или, при необходимости, извлекаемые из забытья [2, 81].

Исследование памяти как достаточно подвижной структуры непременно сопряжено с рассмотрением темы забвения, сопровождающей каждое практическое действие, направленное на фактографию и транскрипцию образов событий, идей или биографий личностей.

Забвение, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, не является дефектом памяти, но может быть представлено с негативной стороны. Напротив, нормальное функционирование памяти всегда предполагает отбор важного запоминаемого материала и вытеснение неактуального или болезненного опыта, т.е. одновременное забвение «ненужной» информации. При этом процессе происходит изменение культурных кодов, где

изъятие одних элементов памяти из активного употребления предполагает выдвижение на передний план и мемориализацию других. Об этом высказывался и Морис Хальбвакс, утверждая, что она осуществляет постоянный отбор и переструктурирование, в ходе которого вновь оформленные воспоминания непременно сопровождаются определенным набором молчаливо разделяемых умолчаний [9, 8-27].

Исследуя механизмы памяти, Я. Ассман пришел к выводу о том, что уже в древних традиционных обществах Египта, Греции, Израиля были выработаны осознанные социальные инструменты, которые участвовали в формировании идентичности социальной общности посредством передачи из поколения в поколение «идентифицирующих смыслов» [2, 85]. Мифологическая составляющая, увиденная Я. Ассманом в механизмах «истории памяти», формирует и сознание индивида и общества, когда встает вопрос о легитимации государственных институций и проектов. Культурная память становится средством манипуляции общественным сознанием власти, которая определяет фактографию и транскрипцию тех событий, идей или биографий личностей, которые следует хранить в памяти.

Примечательно, что традиция памяти-забвения является нормой не только для традиционного общества, но и современного. Новейшие политические и психологические технологии позволяют направленно формировать общественное мнение с заранее заданной стратегической целью и с использованием алгоритмически отработанной информации, влияющей на эмоции, мышление и поведенческие техники публики, населения.

Усиленному вниманию к забвению может способствовать обилие «переломных» и кризисных событий современности, так как память о них является мощным источником для общественных настроений. В противовес истории, претендующей на объективность и беспристрастность, память достаточно субъективна и зависит от личных эмоциональных переживаний и опыта участников исторических действий. Знание травматических событий прошлого, связанных с реальным или воображаемым воспоминанием и создают определенные трудности при достижении конструктивного забвения или механизма «понимания – прощения» в интерпретации Поля Рикера.

По мере ухода из жизни поколения, обладающего «живой» памятью, в обществе вырабатывается абстрактная, обезличенная форма признания прошлого [7, 576]. Приходит понимание необходимости, во имя общей пользы, коррекции культурной памяти и мемориальной политики, ее приведения в соответствие с требованиями современности. При этом из-за искажения, фильтрации или неверной трактовки фактов культурная память

превращается в искусственный продукт, в котором затруднительно выявить историческую правду. Память становится обновляемой идеальной реальностью, которая является не менее значимой, нежели реальность актуальная. Особое значение эти мотивы приобретают в наши дни, когда понимание истории компрометируется именно своей политической и идеологической заданностью.

Отрывочные или преднамеренно скорректированные воспоминания могут являться общественно одобренным действием, так называемым «предписанным забвением». Оно включает в себя не только забвение, но и прощение всего того, что было совершено в предшествующий период. Такие манипуляции с культурной памятью, могут быть применены в интересах политического примирения конфликтующих сторон, гражданского согласия. Гибкость и подвижность культурной памяти позволяют различным народам забывать взаимные обиды и акцентировать внимание на позитивных моментах в их общей истории. Особенно часто подобного рода акты сопровождают выходы общества из периода воин, революций или диктаторских режимов. Но, зачастую, забвение, умолчание и вытеснение фактов прошлого выступают в качестве защитного механизма, сохраняющего идеализированный образ, как индивидуума, так и коллектива.

Позитивный образ прошлого способен оказать значительное воздействие на формирование культуры, на содержание и развитие жизненных позиций общества, патриотические чувства и образ врага, стать ведущей жизненной силой всего цивилизационного развития. Забвение может быть как частью конструкта патриотической идеологии, так и причиной дестабилизации психологического состояния общества, «расщепления памяти», выступать разрушителем культурных стереотипов, а также подрывать доверие к власти [8, 267].

Иное прочтение событий прошлого может являться «орудием» информационной войны, компрометирующим национальную историю и деструктирующим сознание населения. В этом контексте следует упомянуть вид умышленного и грубо-организованного принудительного забвения – целенаправленного стирания, намеренного разрушения памяти об определенных событиях, лицах и ценностях культуры, носящем характер политической репрессии. Возможности и использование подобных воздействий еще больше увеличились в современную информационную эпоху. В соответствии с политической волей может осуществляться уничтожение памятников и сооружений, переписывание текстов, а также другие действия, направленные на изъятие из публичной сферы накопленных знаний. Как правило, подобные действия значительно облегчают «имплантацию» в «освободившееся

место» системы массового сознания чуждых ему аксиологических систем, приобретаемых со временем характер безусловной истины в глазах следующих поколений [4].

Примеры подобных политических акций можно приводить, начиная с античности и заканчивая сегодняшними событиями, происходящими в Сирии и Ираке, где произошло разрушение экспонатов в музее Мосула, крылатых быков у ворот Ниневии и археологического памятника Кальху (Нимруд).

Конечно, подобная утрата памятников культуры и истории невосполнима, и даже после возможной реконструкции или реставрации объекты культурного наследия не выглядят так как раньше («от умерших остаются только портреты»). Но стоит отметить, подобная культурная амнезия неизбежно хранит в себе следы той памяти, которая она призвана стереть, что является почвой для всякого рода «ренессансов» и реминисценций.

Хочется также отметить, что процесс создания одних культурных ценностей и представлений всегда неотделим от процесса разрушения других. Память и забвение – двуединый процесс неотделимый от формирования и трансформаций коллективных идентичностей. В современном обществе культурная память оказывается весьма существенной характеристикой образа жизни людей, во многом определяя их намерения, настроения, поведение и мировоззрение.

Отношение к образу прошлого зависит от культурной установки по отношению к нему. Однако радикальная новизна современности и изменения, происходящие в мире, настолько значительны, что опыт прошлого зачастую не только не может помочь решить проблемы новых поколений, но и воспринимается как препятствие, которое необходимо преодолеть или уничтожить [4].

Оптимальным является тот вариант, когда мифопоэтическая составляющая культурной памяти отграничивается выработкой идеалов. Но зачастую она лишь дает иллюзию возможности нахождения простого решения сложных социально-культурных проблем, так как изначально предлагает готовый проект культурного развития, при этом не учитывая все реалии современного культурного пространства. Перемещаясь из ментального пространства культурной памяти в сферу общественной практики, идеализированные формы прошлого приобретают реалистические контуры, отказываясь от свей утопической составляющей, что неизбежно сопровождается культурным шоком [4].

Сегодня мало говорят о пробуждении прошлого (скорее наоборот), по сути, становится важным только использование его, ведь память, как феномен сознания, имеет дело не только с воспоминанием образов, но также и со способами их репрезентации. Посредством «забвения» или «утаивания» память делается недоступной, либо открываются

новые пласты и факты прошлого, которые могут подвергаться проработке, иметь иную интерпретацию. Таким образом, происходит то, что называют «злоупотреблением забвением», что представляется тенденцией внушающей опасения.

Память не всегда удобна, но необходима, потому что дает свободу осознания своей культурной принадлежности. Забвение не является врагом памяти, так как память без забвения – плод фантазии, но главной мерой в использовании память должна быть мера «ничего слишком».

В современной культуре, несмотря на релятивизацию образов прошлого, накопленный опыт, тем не менее, сохраняется, как это было и прежде. Обращение к культурной памяти становится неким свидетельством освобождения и преодоления традиций, умения прочитать прошлое рефлексивно, способности отнестись к нему критически. В целом же культурная память способствует «встраиванию» прошлого в современность, чем усиливает значимость настоящего, так как заставляет видеть в прошлом ушедшее «настоящее».

Литература

1. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого»? / Т. Адорно // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40–41). С. 36-45.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо: память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. 368 с.
3. Арнаутова Ю.А. История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под. ред. Л.П. Репиной. М., 2006. 768 с.
4. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Шляпентоха, В. Шубкина, В. Ядова. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/19.php [27.03.2015].
5. Колин Ю.В. Преемственность исторической памяти как фундамент демократических ценностей // Теоретический журнал “Credo”. 2006. №2. [Электронный ресурс]. URL : http://credonew.ru/content/view/554/58/ [27.03.2015].
6. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора; пер. с фр. М. Сокольской // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: [сб.]. / ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 408 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с фр. // Серия: Французская философия XX века. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

8. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. / Е.Г. Трубина. Екатеринбург, 1995. 318 с.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html [27.03.2015].

Самохина И.А.
Научный руководитель – **Туркина В.Г.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ОТ ЗАБВЕНИЯ К МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

В быстро трансформирующемся мире феномен забвения становится одной из актуальных тем исследования. Об этом феномене рассуждал Поль Рикёр, считавший процесс забвения своеобразной проверкой памяти на ее прочность. В своем фундаментальном труде «Память, история, забвение», автор выделяет феномен забвения как опасное явление, однако наносить непоправимый урон памяти, по его мнению, оно не способно [6; 574]. Рассматривая проблему забвения Поль Рикер утверждает, что забвение не имеет ничего общего с амнезией, ибо оно происходит по причине своей нейронной основы. От молчания органов происходит ускоренный процесс старения и, как следствие, смерти индивида, при этом в обществе научный и философский дискурс не осуществляется [6; 591].

В своем классическом эссе «Что такое нация?» Э. Ренан, выделил коллективное забвение как естественный процесс, входящий в основу формирования нации [5]. На контрастах того, что мы помним и что забываем, держится нация. По его мнению, изначально нация завоевывается, принимается, а потом народ это забывает [5]. Но в основе души нации остается лежать забвение, органично связывающее прошлое с настоящим.

Однако забвение выступает амбивалентной частью не менее важного феномена, с которым человек обычно связывает свои надежды на существование и воспроизводство себя как социально и культурно значимого индивида. Речь, таким образом, идет о культурной и исторической памяти, которая всегда выступает инструментом мемориализации. По мере разрастания глобальных процессов в мире, прошлый опыт стал быстро устаревать,

целостность памяти – разрушаться, появились ее составляющие формы: историческая, коллективная, культурная память.

М. Хальбвакс, расставив по разным углам историческую память и коллективную, разграничил данные понятия [9]. Так, за поведение и мировоззрение общества отвечает коллективная и культурная память, регулируя данные процессы. Делая акцент на несоответствии коллективной памяти и истории, М. Хальбвакс выделил само понимание истории как некой территории фактов, прочно закрепившейся в нашем сознании.

Отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, его последователи Я. Ассман и А. Ассман, П. Нора, Д. Ла Капра стали обозначать коллективную память как культурно-историческую, выявляя ее место и важность для процессов в системе культуры.

Так, Я. Ассман и А. Ассман определили культурно-историческую память как тип передачи смысла культуры. В этом контексте память является знанием, способным управлять массами, регулируя не только поведение, но и переживания людей [1; 21-24]. К сожалению, это может приводить не только к порядку, но и к дестабилизации общественных отношений. Я. Ассман, подчеркивал, что люди помнят только значимые события прошлого, и считал сознание регулятором этих событий. По его мнению, сознание, подвергаясь забвению, способно отбрасывать некие факты и события прошлого. Однако при смене культурных кодов и временных ориентиров забытые события могут с той же легкостью стать значимыми для общества. Тем самым, гибкость культурной памяти позволяет управлять коллективным сознанием людей [1; 27-32].

По утверждению П. Нора, на культурно-историческую память способны оказывать воздействие памятные места, которые при визуальном рассмотрении, или закрепившись в нашем сознании, побуждают невольно вспоминать прошлое. Зарождаться такие места начинают благодаря чувственному аспекту. Но если бы эти места не включали в себя воспоминаний прошлого, обществу они стали бы не нужны. Памятное место выступает как след ушедших в прошлое событий, необходимость воспоминания которых является выражением общественной потребности в истории.

О размышлениях П. Нора пишет Е. Трубина: «П. Нора подчеркивает, что наиболее фундаментальная цель подобных мест – остановить время, блокировать работу забвения» [4].

Выделяя памятные и не памятные места, Д. Ла Капра утверждал, что одно и то же место будет нести в себе разные значения: так, если оно осмысленно или оплакано, то это место памяти, если нет, это место произошедшего события, не более того. По мнению исследователя воспроизводя определенные события в нашей памяти, мы воспроизводим культурную травму, другое дело как мы ее воспринимаем.

Как только научное сообщество определилось с дефиницией культурно-исторической памяти, ученый мир стал применять к этому понятию категориальный инструментарий, рассматривая культурно-историческую память как искусство, мифотворческий инструмент, а с точки зрения аксиологии – как функцию, механизм, институциональный конструкт.

По мнению Ф. Йетса, свое развитие культурно-историческая память как искусство получила в античности. В книге «Искусство памяти» он отмечает, что при обучении ораторскому искусству необходимо было запоминать большое количество текста; чтобы его не забыть, ораторы выстраивали ассоциации к тексту и месту проведения выступления [3]. По его мнению, культурно-историческая память теснейшим образом связана не только с событием, но и с памятным местом. Позже А. Варбург, выделив в качестве основного компонента памяти, изобразительные символы, отмечает, что, как след прошлого, символы закрепляются в нашем сознании и являются основными носителями культурно-исторической памяти. Проявляться они могут через язык образов, поэтому иконологии А. Варбург отводит особую роль, отнеся ее к методу исследования понятия культурно-исторической памяти.

Рассматривая культурно-историческую память как мифотворческий инструмент, можно отметить, что ее трансляция, как передача прошлого опыта, происходит благодаря вербальным и визуальным категориям. Одной из таких категорий является миф. Здесь важно понимать, где заканчивается история и начинается миф. Если история начинает вести рассказ, то это уже можно считать за проявление мифологической ее стороны. По мнению Ю.А. Арнаутовой, наличие мифа в истории еще не дает право принимать это за факт. Однако органичное сплетение истории и мифа в культурно-исторической памяти и делает ее уникальной.

О включении мифа в структуру культурно-исторической памяти рассуждал и Я. Ассманн, утверждая, что миф является повествователем опыта прошлого, но далеко не все, что он повествует, является правдой. По его мнению, миф выступает определенной формулой, благодаря которой возможно мирное разрешение противоречий в поставленной проблеме.

В.А. Солоухин, являясь очевидцем безжалостного разрушения культурных памятников, был озадачен идеей борьбы за место культурно-исторической памяти в культурном пространстве. В «Черных досках» он справедливо писал, что люди обезумели, сносят старинные церкви, здания, памятники [8; 9-10]. Варварское отношение к прошлому говорит о неуважении предков, безнравственности, безответственности перед культурной памятью, а значит и перед своим будущим.

По мнению немецкого мыслителя Й. Рюзена обществу просто не хватает ориентира во временном пространстве, обеспечивающего осознание себя в настоящем. Таким ориентиром он обозначает культурно-историческую память, в актуализации которой задействован кризис [7; 9].

Рассматривая культурно-историческую память как функцию, Д.С. Лихачев отожествлял ее с творческим актом, в котором происходит преодоление временных границ и сохранение того, что не смогло сохранить время. Совесть для него выступает как одна из форм проявления культурно-исторической памяти, связанная с моральной ее стороной. На почве существования памяти и ее трансляции, в обществе вырастает традиция, накапливая в себе прошлый опыт. По мнению Д.С. Лихачева полностью отрешиться от прошлого невозможно.

Читая рассказ А.П. Чехова «Студент», можно говорить о том, что человечество живет воспоминаниями, которые сплетают цепочку прошлого, настоящего и будущего. Мы будем постоянно совершать ошибки, пока не научимся применять опыт прошлого, вбирая в себя заложенную мудрость. Здесь встает вопрос: имеют ли право на существование те, кто забывает историю своего народа как важный элемент его культуры [10; 192].

Как механизм, феномен памяти обладает свойством репрезентации прошлой информации, необходимой для развития общества в настоящем. Благодаря этому, происходит трансляция культурного наследия, где органично переплетаются между собой новации и традиции. Так, СМИ оказывает сильное воздействие на мышление, культурно-историческую память и культуру в целом. Это понимают все, однако каждый дает собственную оценку данному явлению. Осуществляя функцию культурной трансляции, СМИ зачастую заменяют нам письменные источники и устную передачу информации.

Таким образом, все мы понимаем существование неразрывной связи прошлого с настоящим, но именно обращение к культурно-исторической памяти, к прошлому опыту, к давно забытым событиям дают нам возможность более точно оценить, то время, в котором мы живем. Так, последствием Первой и Второй мировых войн стало то что, бесчисленное количество семей осталось сиротами. Потеряв свою генеалогию, люди с удвоенной силой стали ощущать острую нехватку своей идентичности. Однако тот факт, что изменения, происходящие в мире на сегодняшний день, идут с невероятной скоростью, прошлый опыт зачастую воспринимается обществом как препятствие, мешающее молодому поколению.

Сейчас потребности общества изменились и стали направленными на достижение материальных ценностей. Как считает Ю.А. Зубок, молодежь предпочитает отрицать, нежели усваивать прошлый опыт с его достижениями и неудачами [2; 26]. В свою очередь, это

может привести к отрицанию принятых моральных норм, идеалов и даже культуры. Может наступить критическая стадия конфликта между поколениями. Уже на данный момент можно сказать, что благодаря конфликту «отцов и детей» идет торможение в трансляции культурно-исторической памяти. Общество охотно поддерживает желания и установки молодежи, а не прошлых поколений. Здесь уместно выражение П. Нора употребленное в произведении «Франция-память»: «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [4; 17].

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: письмо. память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998. 142 с.
3. Йейтс Ф. Искусство памяти / Ф. Йейтс. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга» , 1997. 480 с.
4. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, 328 с.
5. Ренан Э. Что такое нация? пер. с фр. / Э. Ренан; под ред. В.Н. Михайловского // Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 101
6. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с фр. // Серия: Французская философия XX века. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 392
8. Солоухин В.А. Черные доски / В.А. Солоухин М.: Советская Россия, 197. 42 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Чехов А.П. Студент // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1982. С. 306

Смелая А.Ю.
научный руководитель – **Гукова И.Н.**
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

ДВЕ СИЛЫ В ОДНОЙ ВОЙНЕ

С начала формирования на постсоветском пространстве ныне независимых государств отношения между бывшими республиками Советского Союза строились весьма напряженно, что нередко вело к возникновению острых политических конфликтов с применением противоборствующими сторонами вооруженной силы.

Военно-политические и этнические конфликты, вооруженные столкновения произошли в это время на территории Средней Азии в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, на территории Кавказа в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе, в Грузии, Южной Осетии и Абхазии, в Молдове и Приднестровье, а также на территории России в Чечне, Ингушетии и Северной Осетии.

По степени человеческих страданий и материальных разрушений война в Чечне превзошла конфликт между Азербайджаном и Арменией из-заНагорного Карабаха. Тем не менее, из всех кавказских конфликтов карабахский конфликт имеет наибольшее стратегическое и обще региональное значение. Этот конфликт единственный на территории бывшего Советского Союза, в которой непосредственно вовлечены два независимых государства. Более того, в конце 1990-хгодов Нагорно-Карабахский конфликт способствовал формированию на Кавказе и вокруг него противостоящих друг другу группировокгосударств.

За несколько дней до официального распада Советского Союза 10 декабря 1991 года, в Нагорном Карабахе состоялся референдум, на котором 99,98% электората высказались за полную независимость от Азербайджана.28 декабря состоялись выборы в Верховный Совет республики. 6 января 1992 года новоизбранный законодательный орган, исходя из неотъемлемого права народов на самоопределение и основываясь на волеизъявлении народа, выраженном посредством референдума, принял Декларацию о государственной независимости. В это время Азербайджан начал разворачивать широкомасштабные военные действия против Нагорно-Карабахской Республики. Окружавшие Степанакерт азербайджано населенные села были превращены в крупные военные базы, откуда из артиллерийских орудий столица республики планомерно уничтожалась. Начался беспрецедентный за всю

историю карабахского конфликта обстрел из реактивной системы залпового огня БМ-21 "Град" – оружия массового поражения, использование которого против гражданских населенных пунктов запрещено многочисленными международными конвенциями.

Расширение военных действий в 1992 году на территории НКР поставило перед необходимостью усовершенствования обороны. С этой целью по всей республике на добровольных началах создавались отряды. Для централизации сил и координации их действий был образован штаб сил самообороны. Уже в начале года на территории Арцаха было сформировано более 10 рот и взводов, в состав которых вошло около 1000 человек [1]. Это стало одним из важных шагов на пути к созданию регулярной армии.

В ноябре 1992 года Армия обороны НКР в ходе контрнаступательных действий на северо-востоке Мартакертского района практически взяла под контроль магистраль Тартар – Мартакерт–Кельбаджар [1]. В течение всего месяца на всем протяжении Мартакертского фронта велись ожесточенные бои. К концу 1992 года по всей линии фронта наметилось снижение активности боевых действий.

К завершению 1993 года под контроль карабахской стороны перешла вся территория от железнодорожного узла Горадиз до государственной границы Армении, что дало возможность создать зону безопасности у южных рубежей НКР.

В начале 1994 года Азербайджан предпринял еще одну попытку овладеть ситуацией, активизировав наступательные действия по всему фронту. Тяжелые бои развернулись от высокогорного Омарского перевала до Аракса. Невзирая на огромные потери, противник не отказывался от своих планов. Выдержав оборону и проведя ряд успешныхконтр наступательных операций, Армия обороны НКР в начале февраля приступила к ликвидации баз противника в зоне Омарского перевала. 18 февраля северный участок, включая Омарский перевал, полностью перешел под контроль карабахских сил. Тем самым Кельбаджарский район целиком был занят войсками Армии обороны НКР.[1] 10 апреля в ходе контрнаступательных действий на северо-восточном фронте вооруженные силы НКР заняли ряд стратегических высот на участке Гюлистан–Талиш. В середине апреля Армия обороны освободила армянские села Талиш, Чайлу, Мадагис и Левонарх. Успех сопутствовал карабахским войскам и на юго-восточном направлении фронта. К этому времени им удалось взять под свой контроль магистраль Агдам-Барда.[1]

Военные поражения вынудили Азербайджан принять предложение Российской Федерации о перемирии. В мае 1994 года при помощи России, Киргизии, а также Межпарламентской Ассамблеи СНГ в городе Бишкеке, Армения, Нагорный Карабах и

Азербайджан подписали протокол, на основании которого была достигнута договорённость о прекращении огня.

В период с 1991 по 1994 года число погибших составило около 18 тысяч человек, а также более 50 тысяч раненых и инвалидов. Со стороныАзербайджана число убитых составило11 тысяч человек, количество раненых составляет 30 тысяч, при этом НКР потеряла 6 и 20 тысяч соответственно [1].

Таким образом, армяно-азербайджанская война закончилась победой армянской стороны. Азербайджанское население, опасаясь расправ, покинуло территорию Нагорного Карабаха [2]. Значительные потери человеческих и технических ресурсов в военную фазу конфликта 1991-1994 годов помогают не повторить историю в настоящем и будущем, тем самым предотвращая эскалацию конфликта.

Литература

1. Война 1991-1994 годов [Электронный ресурс].URL:http://www.nkr.am/ru/the-war-of-19911994/83/ (дата обращения 15.03.2015).
2. Жирохов М.А. Меч и огонь Карабаха. Хроники незнаменитой войны. 1988-1994. [Электронный ресурс].URL:http://coollib.com/b/290514/read (дата обращения 15.03.2015).

Теслев А.А.
научный руководитель – **Кузнецов А.В.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ

В контексте современной отечественной социокультурной ситуации массовое и индивидуальное сознание пребывает в весьма неоднозначном состоянии, характеризующемся апатичностью и индифферентизмом по отношению к происходящим событиям, процессам и явлениям. Человек утрачивает способность удивляться и радоваться не только простым вещам, но также и уникальным фактам и явлениям жизни; можно наблюдать, как безликая толпа одиночек вгрызается в повседневность, в свою природность. Иными словами, уместно говорить о стремлении стадии «загнивания» (за которой следует

разложение и распад системы). Можно наблюдать стремление к «вечному миру», что в своем одноименном трактате Кант отождествляет с «вечным покоем» или «всеобщим кладбищем».

С нашей точки зрения, данная ситуация обусловлена спецификой как внутренних, так и внешних условий существования общественного организма и отдельно взятой личности. Эта специфика характеризуется противоречивостью. Последняя обнаруживает себя в большей степени в неосведомленности (в массовом сознании) относительно истинного положения вещей и, как следствие, в непредсказуемости дальнейшего развития событий. Именно в этой связи возникают те самые неблагоприятные психофизические последствия и то состояние, которое ведет (гипотетически) к «вечному миру».

В этой связи возникает проблема войны как единства и борьбы противоположностей и их «снятия» через этот процесс. Таким образом, проблема войны, обнаруживающая себя в конкретной социальной данности, обусловливает необходимость и актуальность философской рефлексии над данной проблемой.

Диалектическое понимание феномена войны мы встречаем уже в ранней античной философии. Здесь можно говорить о Гераклите и его концепции войны. Согласно Гераклиту, «война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [4, 202]. Если бы не существовало вражды, то, по словам Гераклита, «не было бы ни гармонии без высоких и низких звуков, ни животных без самца и самки, которые противоположны друг другу» [4, 202].

По данной концепции, противоположности актуализируют друг друга: жизнь имеет смысл только в том случае, когда обнаруживает свою противоположность – смерть, но и смерть не имеет смысла и невозможна в том случае, если не сталкивается со своей противоположностью – с жизнью. По Гераклиту, противоположности не равны друг другу в формальном отношении. Например, добро не есть еще зло. Добро есть условие возникновения злого начала, равно как и зло – условие начала доброго. Противоположности переходят друг в друга при определенных условиях.

В этой диалектике обнаруживается гармония, порядок возможен как следствие хаоса, и именно хаос является фактором возможности порядка. В данном случае этот порядок может выступать синонимом того самого «вечного мира», о котором грезят уже на протяжении многих веков разного рода мыслители, политические и общественные деятели. Данная проблема обостряется в условиях современного политического, экономического, социального и прочего развития мировой цивилизации на разных ее уровнях (глобальный, региональный, локальный).

Проблема «вечного мира», обозначенная Кантом в известном трактате, не решаема без противоположения с «естественным состоянием», охарактеризованным Т. Гоббсом как «война всех против всех». Ведь именно такое состояние актуализирует активную деятельность правового и морально-нравственного сознания и самосознания народов, направленную на обеспечение социальной безопасности. И в этом отношении Кант совершенно справедливо замечает, что «война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой» [2, 10].

Думается, что Кант, если бы ему довелось жить в современном нам мире, вынужден был бы значительным образом пересмотреть свой тезис относительно того, что «дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом, – вот что не может существовать рядом с войной» [2, 35]. Во-первых, именно специфика международных (как и внутригосударственных) экономических отношений является одним из определяющих факторов (почвой) международных конфликтов, в т.ч. и военных; во-вторых, собственно сам этот «дух торговли» и основанные на нем торговые отношения (будь то отношения государств или отдельных предприятий) предполагает в себе имманентную борьбу (например, конкурентная борьба) противоположных начал, и именно в единстве и борьбе этих начал, в их снятом состоянии обнаруживает себя гармония и согласие противоположных сторон.

В трактате «К вечному миру» Кант утверждает, что «посредством войны она (природа, – А.Т.) рассеяла людей повсюду…; войной же она принудила людей вступать в более или менее законные отношения» [2, 29]. При предварительном рассмотрении данного тезиса первое, что приходит в голову – гегелевская «хитрость разума» как движущая сила всемирно-исторического процесса. Таким образом, мировой дух в своем восхождении через самоотрицание и самопознание, преодолевая свое отчуждение в наличном бытии, проходит путь к идее свободы через стихию страсти, безумия, ненависти, насилия, крови, войны. Прокладывая сам себе и проходя этот путь, мировой дух формирует в себе и для себя понятия морали, семьи, гражданского общества, государства, нравственности, искусства, религии и философии (науки), оформляет эти понятия в идеи, через которые (в синтезе с которыми) эти понятия становятся действительными и обнаруживают себя в наличном бытии через соответствующие социальные институты.

В рамках «Философии права» Гегель формулирует интересную концепцию войны, к подробному рассмотрению которой мы сейчас обратимся. В первую очередь необходимо заметить, что Гегель не абсолютизирует войну, как это пытаются ему приписать и поставить

в вину. В «Философии права» идет речь исключительно о «нравственном моменте войны», к которому, согласно Гегелю, не сводится война как таковая. Относительно же самого «нравственного момента» мыслитель говорит следующее: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей […] сохраняется нравственное здоровье народов» [1, 360]. Далее он приводит аналогию с безветрием и загнивающим озером как следствием безветрия и говорит, что такое «загнивание» в нравственном организме (государстве) явилось бы следствием продолжительного, а тем более, вечного мира, в то время как война предостерегает от подобных последствий. С нашей точки зрения, данное утверждение вполне обоснованно: в ситуации войны, в состоянии крайней напряженности, в этом безумии, насилии, ужасе актуализируются их (безумия, насилия, ужаса) противоположности. В такой ситуации высшие духовные начала в потенциально здоровом в нравственном отношении обществе пребывают в концентрированном виде. Именно здесь в народном сознании проявляются, опредмечиваются такие качества как гуманность, справедливость, доброта, милосердие, сострадание. Народное сознание выходит из себя, выплескивает наружу в состоянии массового психоза свою негативную энергию и существует не только в себе, но и для себя и для других, т.е. приходит к самосознанию.

Гегель обращает внимание на то обстоятельство, что «для здоровья необходимо единство тела, и, если его части затвердевают внутри себя, наступает смерть» [1, 361]. В критической ситуации, в состоянии войны индивидуальная воля осознает свою ограниченность и беспомощность, она стремится к конкретной целостности индивидуальных воль в едином «народном духе», в едином нравственном организме – в государстве. «Истинная храбрость культурных народов, – пишет Гегель, – заключается в готовности жертвовать собой в службе государству, где индивид представляет собой лишь одного среди многих» [1, 362]. Именно в этом духе нравственность народа и основанное на ней право обнаруживают свою состоятельность, в случае, если народ, составляющий определенное государство, обладает высокой духовной и нравственной культурой.

«Согласно Гегелю, не сила и насилие – основа права, а право – основа диалектически «снятого» и легализованного насилия» [3, 87]. Именно право, основанное на разуме и нравственности, есть условие благоприятного взаимодействия в социальной системе на разных ее уровнях и в разных формах (политика, экономика, культура и др.), что в свою очередь обеспечивает устойчивое существование и развитие этой системы.

Таким образом, можно согласиться с тем, что война как диалектическое явление и процесс в некоторой степени является, с одной стороны, индикатором уровня нравственного развития того или иного народа (государства) и отдельных его индивидов, с другой стороны,

война – мощный источник, энергетический импульс, стимулирующий народ к движению в сторону качественно нового, более высокого нравственного и в целом культурного уровня развития. В войне народ раскрывает свой нравственный потенциал: проявляет свои высшие духовные силы, создает гениальные произведения искусства; война позволяет выплеснуть накопившуюся негативную внутреннюю энергию, открыть глаза нравственно слепым народам и индивидам, учит удивляться и радоваться самым простым вещам, верить в «светлое будущее».

В современном мире в условиях интенсивно развивающегося научно-технологического арсенала война приобретает новые формы и способы существования; для ведения войны используются информационные, биологические, химические и иные ресурсы и каналы воздействия. Воздействие осуществляется через подсознательные структуры человеческой (индивидуальной и массовой) психики, используются методы так называемого «социального инженеринга сознания». Война есть индикатор экономического, научного, технического и технологического уровня развития человеческой цивилизации в том или ином его регионе или же в глобальном масштабе. Вопрос, возникающий в данном контексте, можно поставить следующим образом: каким образом и какими средствами то или иное государство, сталкивающееся с угрозой войны с использованием современных технологий (военных, политических и прочих) должно выстраивать свою внутреннюю правовую и нравственную политику? Какими этическими нормами следует руководствоваться в условиях постоянно обновляющихся стратегий и принципов ведения внешней и внутренней политики?

Следующий вопрос видится таковым: только ли война как таковая с ее «нравственным моментом» или без него должна быть проявителем (индикатором) и стимулятором (катализатором) развития нравственного самосознания народов? Нет ли иных средств, посредством которых нравственное и культурное самосознание народов, населяющих те или иные государства, могло бы проявляться и укрепляться? В данном контексте напрашивается возвращение «назад – к Канту», к его категорическому императиву, который предполагает внутреннюю борьбу, внутреннюю нравственную самоорганизацию индивида и через единство индивидов – народа как целостного нравственного организма.

Обозначенные выше вопросы, а также ряд других, здесь не указанных, но важных вопросов в контексте соотношения войны и проблемы нравственного самосознания народов требуют более глубокого и тщательного исследования, на что и будет направлена наша дальнейшая научная деятельность.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права: пер. с нем. / ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. 495 с.
3. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М.: Юристъ, 1998. 352 с.
4. Фрагменты ранних греческих философов: Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / под ред. А.В. Лебедева. М.: Издательство Наука, 1989. 576 с.
5. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / общ. ред., сост. вступ. ст. А.А. Гусейнова и А.П. Скрипника. М.: Республика, 1992. 448 с.

Турчина Д.Д.
научный руководитель – **Бардыкова И.В.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

О ЗАГАДКАХ ПОЭМЫ А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Когда Блок закончил поэму «Двенадцать», он записал в своем дневнике: «Сегодня я гений!». Некоторые из его друзей посчитали его отступником: Дмитрий Мережковский, его жена Зинаида Гиппиус, Вячеслав Иванов. Но на его сторону стали символисты: Андрей Белый, Валерий Брюсов. Они поддержали революционный пафос поэмы. Сам же Блок, пытаясь объясниться через два года, написал записку о «Двенадцати»: «Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную, всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни, искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой… Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное. Может быть, она не убьет смысла поэмы» [3].

Так что же такое «Двенадцать»? Политический памфлет? Зарисовка с натуры? Изображение революционного Петрограда восемнадцатого года? Или это попытка разгадать тайну истории Петербурга, России, а может быть, и всего человечества?

Первой загадкой поэмы является ее название: «Двенадцать». Эта цифра не случайна. С

одной стороны, она отражает реалии того времени: двенадцать – это обычное число революционного патруля. С другой стороны, двенадцать – это число апостолов Христа, чей образ появляется в конце поэмы. Двенадцать – это и двенадцать месяцев в году, символ годового круга, который, в свою очередь, может восприниматься не только как круг природный, но и как круг исторический. Двенадцать – это время полдня и полночи. Двенадцать – это время рубежа. В символике поэмы всевозможные значения и смыслы этого названия оказываются отражены.

После поэмы Блок написал целый ряд статей, посвященных революции. И самое известное из них – «Интеллигенция и революция». В статье можно прочесть известные строки: «Россия – буря. Демократия приходит “опоясанная бурей”. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное. Слушайте музыку революции». Эта «музыка революции», грозового вихря, бурана отразилась в поэме.

В поэме мы слышим многое. Это и осколки площадной брани и уголовной лексики: «Ужь я семечки / Полущу, полущу!… / Ужь я ножичком / Полосну, полосну!»; «Ты лети, буржуй, воробышком!... / Выпью кровушку / За зазнобушку...». И обрывки молитв: «Упокой, Господи, душу рабы твоея…». Но главным ритмом будет завораживающий марш: «Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!». И тут же может раздаться солдатская песня: «Как пошли наши ребята / Красной Армии служить, / Красной Армии служить, / Буйну голову сложить!».

И вот это смешение звуков, мелодий, ритмов создает звуковой образ поэмы «Двенадцати», который Мандельштам назвал «монументальной частушкой».

Композиция поэмы характеризуется чрезвычайной строгостью. На полюсах ее образ Вселенной, а в центре – события городской улицы. Таким образом, жизнь города и жизнь Вселенной оказываются связанными. «Черный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер – / На всем божьем свете!» – пишет Блок в начале поэмы. И перед нами предстает не образ революционных матросов, красногвардейцев, рабочих. Перед нами предстает образ человека как такового. А в конце поэмы мы читаем: «…Так идут державным шагом, / Позади – голодный пес, / Впереди – с кровавым флагом, / И за вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос». Таким образом, человек начала поэмы и Христос конца как бы встречаются. И встречаются Всевышний и человек, живущий на земле, и человек, живущий в революционном Петрограде. Таким образом, тема вселенской судьбы человечества, и тема истории России, и тема революции, и тема частной человеческой судьбы пересекаются. И Блок пишет поэму вслед за Пушкиным, потому что,

«обуянный силой черной», произнес когда-то Евгений: «Ужо тебе, строитель чудотворный!» – и «черная злоба, святая злоба» кипит в груди революционных матросов, солдат, героев поэмы «Двенадцать».

В поэме Пушкина «Медный всадник» «маленький человек» Евгений нечувствителен к исторической судьбе и Петербурга, и империи, но и империя равнодушна к судьбе маленького человека. И, когда в судьбу и империи, и человека вмешивается природная стихия, их встреча оказывается трагической. В поэме «Двенадцать» сама история оказывается порождением природных стихий, и сродни самой природной стихии: революция буран, метель, ветер гуляют по улицам Петербурга. И в водоворот истории, и в метельную круговерть втянуты оказываются его жители: революционеры и буржуи, несчастные жители города и разгульные молодые люди, такие, например, как Ванька. А жертвой революции вновь, как и в поэме Пушкина, оказывается случайный человек.

Центральным событием поэмы становится убийство Катьки. Ревность, которую испытывает Петруха, побуждает его устроить засаду на Ваньку, который увел у него подружку. И ревность, как одна из самых низменных, но чрезвычайно сильных человеческих страстей, оказывается продолжением революционной стихии, оказывается связана с ней непосредственно. Ревность и жажда мести – вот главное, что движет героями, о которых Блок пишет: «На спину б надо бубновый туз», какие носили каторжники на своих одеждах.

Катька – разбитная питерская девка, которая даже во время революционной разрухи, когда каждый «раздет, разут», пытается урвать от жизни свой кусок счастья: «Гетры серые носила / Шоколад Миньон жрала». Она становится жертвой ревности Петрухи: «А Катька где? – / Мертва, мертва! / Простреленная голова! / Что, Катька, рада? – / Ни гу-гу… / Лежи ты, падаль, на снегу!». Друг Блока поэт-символист А. Белый скажет об этой героине, что это новое воплощение Прекрасной Дамы, что это продолжение образа Незнакомки и что даже в Катьке Блок видит свой главный образ Вечной Женственности.

«Пальни-ка пулей в Святую Русь, – призывает комиссар отряда своих товарищей. – В кондовую, / В избяную, / В толстозадую! / Эх, эх, без креста!». Но стреляют они не в Русь, они стреляют в Катьку. И Катька в поэме становится не только символом Вечной Женственности, она становится символом России. И между Катькой и Христом в поэме устанавливается связь. Ее «зубы блещут жемчугом» и «снежной россыпью жемчужной».

Идет Христос и ведет за собой «Двенадцать». Появление образа Христа в конце поэмы многим казалось искусственным и чисто литературным эффектом. В частности, об этом говорил Н. Гумилев. «Мне тоже не нравится конец “Двенадцати”, – ответил ему Блок. – Я хотел бы, чтобы этот конец был иной, когда я кончил, я сам удивился. Почему Христос? Но

чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И тогда я записал у себя. К сожалению, Христос» [5]. В другой раз он напишет: «Страшные мысли этих дней: не в том дело, что красногвардейцы недостойны Иисуса, который идет с ними сейчас. А именно в том, что именно он идет с ними, а надо, чтобы другой» [4]. В неподписанном докладе о Блоке, который приписывают священнику из Петербурга Федору Андрееву или русскому философу, и тоже священнику, о. Павлу Флоренскому, написано, что перед нами не Христос, а Антихрист, а вся поэма, где упоминаются апостольские имена Петрухи и Ваньки (в такой странной уличной огласовке), есть всего лишь бесовиденье. Но другие читатели Блока увидели в этом образе новую жертву, которую готов принести спаситель, чтобы из революционного угара не родился хаос, а Космос новой жизни. Христос ведет за собой Двенадцать в новый мир. И каким он будет, этот новый мир, и кто перед нами, Христос или Антихрист, так и остается до сих пор загадками, открытыми вопросами, над которыми каждое поколение читателей должно задумываться и давать свой вдумчивый и глубокий ответ.

Литература

1. Блок А.А. Двенадцать. / А.А. Блок. // Стихотворения и поэмы 1907-1921. Собр.соч.: в 9 т. Т. 6. С. 303-304
2. Блок А.А. Интеллигенция и революция / А.А. Блок // Собр.соч. : в 9 т. Т. 9. С. 43.
3. Блок А.А. К поэме «Двенадцать». Из «Записки о Двенадцати» / А.А. Блок. // Стихотворения и поэмы 1907-1921: Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 303-304.
4. Блок А.А. Собр. соч. в 6 т. Т 5. С. 239
5. Чуковский К.И. Полное собрание сочинений. Т. 11: Дневник 1901-1921. С. 253

Хмельницкая Я.А.

научный руководитель – **Пеньков В.Е.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном глобальном мире на смену классическим идеологиям приходят цивилизационные мировоззрения - ценностные системы, присущие культурной общности

людей и уровню культурной идентификации. Следовательно, идентификация личности постепенно происходит по признакам ценностного порядка. Для украинского зарубежья последнее приобретает особую актуальность в условиях сожительства с другими народами и необходимостью формирования такой ценностной системы, которая позволяет эффективно мотивировать свою деятельность и поведение в многоэтническом обществе. В связи с этим еще К.Д. Ушинский утверждал, что "в основе особой идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особая идея о человеке, о том, каким должен быть человек с пониманием народа в известный период народного развития; каждый народ имеет свой особый идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях" [4, 228].

В современной педагогике обращения к проблемам типологии образовательных ценностей, поисков ценностных приоритетов наблюдаются довольно часто. В педагогической литературе предлагается немало подходов и схем в систематизации и интерпретации ценностных феноменов.

Неоднократно освещали отдельные проблемы педагогической аксиологии и классификации ценностей в своих трудах украинские и российские теоретики педагогики и специалисты по философии образования - В.П. Андрущенко, В.П. Беспалько, И.Д. Бех, В.И. Невзоров, Г.М. Гуменюк, И.М. Дичковская, М.Д. Никандров, Б.Т. Лихачев и другие. Однако такие важные ценностные компоненты, как религиозная терпимость и межкультурный диалог в рамках функционирования зарубежной этнической (украинской) группы фактически находятся вне научного внимания ученых.

Важной составляющей системы ценностных координат иностранцев в любой стране выступает ***религиозная терпимость***. Основа религиозной терпимости по отношению к гражданам в демократическом обществе, включает в себя как уважение к общественно - важным религиозным идеалам и ценностям, так и понимание конфессиональной и традиционной религиозной специфики различных этнических групп, которые формируют данное общество. Причем терпимость должна воспитываться в обществе не на отвлеченных религиозных представлениях, не путем отказа от признания особенностей этнических религиозных проявлений или содержания национальных традиций, а на основе привлечения личности в соответствии своей национально-религиозной культуре, ее духовному содержанию, учитывая при этом современный опыт межкультурного взаимодействия и толерантности.

Без таких знаний независимо от личностной мировоззренческой идентификации будет затруднена также реализация принципов общественной толерантности. Как результат –

непонимание мотивов, поведенческих стереотипов, этических, бытовых и эстетических приоритетов и ценностей, вызванных религиозными представлениями других людей, может вызвать подозрительность и предвзятость, нежелательную межэтническую напряженность.

Безусловно, некоторые противоречия и неприятие между национальными и разноконфессионными группами в обществе всегда будут храниться, и избавиться от них навсегда не представляется возможным. Но знания об особенностях религиозных культур, системы морали, традиции других народов, полученные в процессе обучения и воспитания, могут позволить успешнее формировать систему толерантных отношений в обществе.

Возможности реализации религиозной терпимости в современном обществе зависят от нескольких факторов, имеющих практический, теократический и правовой характер.

Во-первых, речь идет о самом понимание принципа религиозной терпимости, соответствия тем универсальным атрибутам толерантности, которые приняты к исполнению в мире. Во-вторых, следует говорить об отражении принципа терпимости в государственно-правовых документах и его воплощении в законодательных актах, которые предлагают юридические гарантии представителям разных конфессий. В-третьих, большое значение приобретает как существующий уровень религиозной культуры в обществе, так и наличие моментов целенаправленного и результативного религиоведческого образования.

Важным фактором формирования ценностных ориентаций в условиях поликультурного общества, может выступать также способность к ***межкультурному диалогу*** (полилогу). Его главным содержанием является предоставление равных прав всем членам общества, независимо от национальной, религиозной или языковой принадлежности. Основой реализации межкультурного диалога, как правило, выступают общечеловеческие ценности, прежде всего, связанные с правами личности. Диалог культур в поисках совместных интересов не может сопровождаться навязыванием каких-либо штампов, поведенческих образцов. При этом фактически утверждается презумпция того, что права человека являются внекультурными формами реальности, одинаково приемлемыми для всех типов культур.

Способность к диалогу выступает крайне важной чертой личности, поскольку диалог открывает возможности для понимания других людей, другую систему ценностей, других ценностных мотиваций и тому подобное. В межкультурном контексте диалог способствует обмену мнениями, впечатлениями, оценками между представителями различных культур и, соответственно, развивает взаимопонимание и взаимовосприятие. Важной предпосылкой межкультурного диалога возникает личностная идентификация. Так, личность должна для себя четко определить те уровни, на которых она себя идентифицирует: этническая

(национальная) группа, местный или региональный уровень, уровень государства. Такое распределение принято сегодня во всем мире и характерно, что современная личность склонна участвовать в различных идентификационных общностях, и не только национальных.

В современных условиях в пределах межкультурного диалога увеличивается количество форм его реализации, более разнообразным становится и формат его использования. В последние годы проводились многочисленные конференции и симпозиумы, в работе которых задействованы представители разных национальностей и конфессий.

В последние годы в Российской Федерации было включено в календарь несколько памятных дат, отражающих межкультурные ценности: 17 февраля – День спонтанного проявления доброты; 21 мая – День культурного многообразия во имя диалога и развития; 16 ноября – День толерантности. Празднование и популяризация этих дат призваны способствовать углублению форм межкультурной коммуникации.

Однако наиболее весомым средством обеспечения межкультурного диалога может выступить межкультурное образование, способность предложить широкое поле знаний о жизни, традициях, национальных вкусах различных народов, научить личность чувствовать себя положительно, активно и креативно действовать при встрече с носителями отличных ценностей. Межкультурное образование не должно навязывать каких либо образовательных задач. Оно лишь призвано обучать взаимному признанию межкультурных ценностей и других взаимодействий, отстаивать и распространять равные возможности каждого ученика на образование и культурное развитие. Еще одним источником межкультурного образования могут выступать ***межкультурные библиотеки или специальные информационные центры***, способные предоставлять как разноязычные источники информации, так и методические материалы, предназначенные для межкультурного сотрудничества, обучения и преподавания.

Межкультурное образование - это действенный путь обучения различным знаниям, в том числе знакомства с философскими, религиозными, современными молодежными убеждениями, способ преодоления предубеждений и этнического унижения, поддержка оживленного проблемного диалога, поощрение взаимного уважения и доверия через диалог. Межкультурное образование позволяет обращаться к деликатным и противоречивым проблемам, расширяет возможности критического или дискуссионного отношения к определенным убеждениям, учит анализировать и интерпретировать информацию. Оно способно обучать не только теоретически, но и в ежедневных практических

взаимоотношениях, уважать иные убеждения и способы мышления, отличные от своих собственных и поддерживать умеренность в утверждении собственной национальной идентичности. Особенно это важно в условиях, сложившихся в последние годы. И сегодня мы являемся свидетелями жесткой ломки межкультурных связей самих украинцев, украинцев и россиян. Мы просто обязаны сохранить, развивать и приумножать диалоговую модель межкультурного общения. Потеряв и разрушив, сложно будет сохранить те нити, которые нас связывают.

Вывод. Таким образом, внедрение ценностных ориентаций во многом зависит как от системы образования, которая призвана не только способствовать формированию мировоззрения личности, лелеять умения в практической деятельности продолжать самостоятельно учиться, развивать критическое мышление и т. д., но и формировать способность к познанию и усвоения им ценностей различных культур, так и от внешне – политических факторов. Все вместе представляет многомерность и богатство гуманистических ценностей, формирует понимание разнообразного их применения, сложности и неоднозначности ценностных оценок.

Литература

1. Иконникова Н.К.. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 26-34.
2. Никитин В.А. От диалога конфессий к диалогу культур // Путь к православию 2002 – № 1. – С. 2.
3. Эко У. Отсутствующая культура. – СПб. Изд. С. Л. и М. И. Свечкиных, 1998. – 311 с.
4. Ясвин В. А. Образовательная среда : от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 314 с.

Хотина В.А.

научный руководитель – **Бойко Ж.В.**

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет,

Белгород, Россия

ФЕНОМЕН БИБЛИОТЕКИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ XVIII – XIX ВВ.

В контексте современной культуры феномен русской дворянской усадьбы существует в нашем сознании только в качестве реконструкции. В годы советской власти, наряду с

феноменом дворянства, она была практически уничтожена. Восстанавливая архитектурные ансамбли и возводя парки и сады, мы лишь предпринимаем попытку законсервировать памятник, наполнить его эстетическим и историческим содержанием, однако вернуть в современную культуру концепт «усадьба-микрокосм» уже невозможно. Как отмечает Нащокина М.В., – «Мы же априори имели и имеем дело со случайными остатками усадебной культуры, ее восприятие нами заведомо мозаично» [5]. Поэтому, чтобы создать наиболее подлинную и подробную реконструкцию усадьбы как источника высокой русской культуры, важно обратиться к антропологической истории и культуре повседневности дворянского сословия, жизнедеятельность которого проходит в социокультурном пространстве усадьбы.

В разные эпохи библиотеки имели свои особенности и отражали культуру своего времени. В первой четверти XVIII в. государственные реформы в сфере политики, экономики, культуры, образования, которые проводил Петр I, имели большое значение для развития библиотек. Начинается коллекционирование книг, так как представителям дворянского сословия необходимо было иметь большой набор энциклопедических знаний. Развитие идей просвещения, открытие свободных типографий, появление журналистики привело к тому, что с конца XVIII в. библиотеки стали неотъемлемой частью усадебного интерьера – местом, отражающим социальные и идеологические тенденции в развитии страны и общества в целом, «музеями-хранилищами книг, ставших редкими и редчайшими, а также книг-произведений искусства» [1]. В России XVIII-XIX вв. множество выдающихся людей принадлежали к дворянскому роду и имели собственные усадьбы. Эти люди получили домашнее образование, воспитываясь на книгах своих библиотек. Дворянская усадьба становилась удивительным местом, где проходило формирование выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов, общественных и политических деятелей.

Усадебные библиотеки XVIII – XIX вв. можно классифицировать. В исследованиях быта дворян Ю.М. Лотман, говорит о гендерном и возрастном разделении библиотеки на мужскую, женскую и детскую. Он пишет: «библиотеки хранятся теперь в кабинете хозяина, а другие – у его жены… Так к концу XVIII века появляется совершенно новое понятие – женская библиотека. Домашние библиотеки женщин конца XVIII – начала XIX века сформировали облик людей 1812 года и декабристской эпохи, домашнее чтение матерей и детей 1820-х годов – взрастило деятелей русской культуры середины и второй половины XIX века…Чтение книги вслух, а затем самостоятельная детская библиотека – таков путь, по которому пройдут будущие литераторы, воины и политики» [3].

Л. Кевролева-Коноплева, исследуя усадебные библиотеки Вологодской области ,классифицировала их по иному: «стародворянская библиотека» и «библиотека помещика

бюрократа». «К первому типу принадлежат четыре библиотеки из усадеб: “Никольского”, “Минкина”, “Спасского-Куркина” и “Покровского”. Ядро первых двух относится к концу XVIII века. Это момент, когда дворянство окончательно уже конституировалось, как привилегированный класс, и зажило привольной и широкой жизнью. В темных низах народа шла черная кропотливая работа накопления экономических ценностей, а дворянство, поглощая их, культивировало науку, литературу и искусство. С другой стороны в это же время сформировались первые кружки русской интеллигенции, служившие проводником двух главных идейных направлений – рационализма XVIII века (или «вольтерьянства») и масонства» [1].

Особенность русской усадьбы заключалась в том, что она была местом не только для чтения книг в прекрасных библиотеках, но и для их написания. Г.Ю. Орлов отмечает, что «*дворянская усадьба* – это социальное и материальное обрамление культурной жизни исключительного масштаба и резонанса. Конечно, “золотой” XIX в. русской культуры литературоцентричен. Достаточно назвать всего дюжину дворянских усадеб – «идеальных миров» – и окажется, что венок этих усадеб был магнитом, притягивающим все главные фигуры русских литераторов» [6].

На сегодняшний день сохранились описания библиотек, а, следовательно, часть самосознания и отношения к окружающей действительности представителей знатных родов России. Например, в Льговском уезде Курской губернии во владении Марьино князей Барятинских библиотека включала в себя огромное количество редких книг и рукописей. К.Н. Курков в статье «Российские дворяне – коллекционеры, меценаты и предприниматели в эпоху модернизации начала XX в.: князья Барятинские» предоставляет следующие данные: «Редкие английские, немецкие, французские, итальянские печатные и рукописные издания. Среди них дневник Патрика Гордона, ближайшего сподвижника Петра I... Три объемистых тома в кожаных темно-зеленых обложках с золотым тиснением. Сотни томов на экономические, строительные и сельскохозяйственные темы... книги по военным вопросам... по истории русской армии и войн, роскошные фолианты, присланные в Марьино русскими царями, из королевских дворов других стран… коллекция рукописей египтолога И.А. Гульянова, библиотека (12 тысяч книг) Матвея и Михаила Юрьевичей Виельгорских, известных музыкальных деятелей, основателей Симфонического общества и Русского музыкального общества; библиотека историка и славяноведа А.Ф. Гильфердинга, купленная в 1873 году и составленная из книг по языкознанию, истории, этнографии славянских народов; собрание В.И. Касаткина, приобретенное в 1874 году в Женеве (25 тысяч томов и

огромное число эстампов); библиотека академика П.М. Строева по истории, археографии, архивному делу» [2].

Возвращаясь к феномену «литературоцентричности» XIX в., следует упомянуть об усадебной библиотеке поэта К.Н. Батюшкова, находящейся в селе Даниловском Вологодской области. Отличительной особенностью данной библиотеки является наличие каталога, как средства систематизации изданий: «Первый “каталог” библиотеки, составленный в 1796 г. дедом поэта, включал 92 печатные и рукописные книги. Около половины – церковные. Из гражданских названы “Лексиконы российской словесности”, сочинения Марка Аврелия, басни Эзопа, рукописное “Житие Петра Великого”, оды М.В. Ломоносова. Современный каталог, восстановленный на основе сохранившихся документов, включает 144 названия в 511 томах. Анализ этого документа позволяет составить представление о родовой усадебной библиотеке и личных интересах ее владельцев. Значительное место в библиотеке занимала историческая литература. Политические симпатии семьи были явно на стороне популярного в то время Фридриха II, объемным был отдел с произведениями писателей русского и французского классицизма, античных авторов, а также новой для того времени сентиментальной, предромантической литературой» [4].

Рассмотрев усадебные библиотеки в качестве элементов, повседневной культуры русского дворянства в социокультурном пространстве усадьбы XVIII – XIX вв., мы можем заключить, что библиотека как историко-культурный источник является не просто хранилищем редких и древних книг, а свидетельствует об идеологической, социальной, гендерной и возрастной принадлежности дворянина. Имена усадебных владельцев, создававших уникальные личные библиотеки, становятся гордостью нации, олицетворяют общемировую культуру.

Литература

1. Кевролева-Коноплева Л. Общий очерк усадебных библиотек (Доклад, читанный на публичном отчетном заседании Библиотеки 15-го февраля 1920 года) / Л. Кевролева-Коноплева // Вологодская публичная советская библиотека: год работы (9 февраля 1919 г. – 9 февраля 1920 г.). Вологда, 1920. С. 24-40.
2. Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года / Е.В. Кончин. М., 1981. С. 111-116.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) / Ю.М. Лотман. СПб.: Азбука, 2014. 544 с.
4. Личные библиотеки Севера России (конец XVIII – начало XX вв.) / А.А. Бровина, Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 2000. 94 с.

5. Нащокина М.В. Русская усадьба – временное и вечное / М.В. Нащокина // Русская усадьба. 2003. № 9 (25). С. 7-21.
6. Орлов Г.Ю. Дворянские усадьбы / Г.Ю. Орлов // История и современность. 2013.№ 1 (17). С. 147.

Часовских Г.А., Тарасевич Е.А.
научный руководитель – **Резник С.В.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

АПОЛОГЕТИКА НАСИЛИЯ В ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИХ ТЕЧЕНИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Насилие было свойственно человеку во все времена. Оно показало себя как эффективный инструмент для насаждения своих идей, установления собственной власти. Ещё Макиавелли в своем труде «Государь» говорил о том, что единство идей или/и верований способствует удержанию власти [2]. Теологическое обоснование власти всегда играло важную роль в оправдании совершаемых верховной властью преступлений пред народом. Так, евангельская фраза «всякая власть от Бога» (п. Рим. Гл. 13) часто использовалась для оправдания самых грязных поступков власть имущими. Восстание против божественного ставленника автоматически приравнивалось к восстанию против Господа. Преступления же властей представлялись как наименьшее зло. Но подобный «государев меч» оказался обоюдоостр. Зачастую правители, взывая к благочестию, забывали о нем сами. Соответственно, находились и те, кто напоминал им том, что пред Богом все равны. В большинстве случаев, к этим людям быстро приходило понимание того, что исправить дело одними проповедями не представляется возможным. Как следствие, ими ставилась под сомнение легитимность власти, которая была неразрывно связана с исполнением религиозных заповедей.

Резкий контраст декларированных идей с реальной действительностью становился причиной политических конфликтов на религиозной почве. Исходя из уверенности в необходимости преобразования общества на основе некоторого идеала, просветители (будь то религиозные или идейные) бросают вызов существующему строю, представляющему собой безусловное зло. Примеров и последствий подобного можно в истории можно найти

немало. Так, гностические представления представителей средневековой ереси альбигонцев и катаров, являли собой идею безраздельного господства зла в материальном мире [3]. Один из титулов «князь мира сего» был понят ими буквально, и все цари земные представлялись ими как слуги сатаны, равно как и остальные христианские церкви, которые давно, по их представлению, отпали от истинной церкви Христа. Для того, чтобы очистить себя от скверны этого мира, альбигонцы и катары создали отдельные поселения, абстрагировав себя от отношений с чужаками, что, собственно, и привело к недовольству феодальных и церковных властей, спровоцировав, в свою очередь, вооруженный конфликт. Сектанты вынуждены были перейти от мирных проповедей к вооруженной борьбе, принявшей крайне кровавый размах, из-за того, что обе стороны видели в противнике исчадие ада, диалог с которым невозможен и неприемлем. Католическая церковь организовала крестовый поход на сектантов, окончившийся полным разгромом последних.

В XVIII в. в аравийской пустыне молодой, никому не известный проповедник по имени Муххамед ибн Абд аль-Ваххаб произнес свою первую речь. Придя к выводу, что его соплеменники погрязли в невежестве, а власть имущие в лице турецких султанов погрязли в лицемерии и недостойны вести правоверных, т.е. иметь титул Халифа, аль-Ваххаб объявил священную войну за очищение ислама [1]. Этот религиозный деятель не стал дожидаться нападения властей, в отличие от предыдущего примера, и, в лучших традициях известного политического мыслителя, нанес удар первым. Следует отметить, что аль-Ваххаб не стремился к созданию нового религиозного движения или реформации, а поставил своей главной задачей возвращение исламу первоначальной чистоты, кою он имел при пророке и первых праведных Халифах. Указанные примеры объединяет то, что религиозных деятелей возмущала и толкнула к действию вульгаризация и либерализация христианства и ислама соответственно, неизбежно возникающая с послаблением строгих правил и некоторых догм от поколения к поколению, чему является доказательством периодическое возникновение подобных революций как реакционное действие. Надо отметить, что аль-Ваххаба от остальных подобных отличает значительный успех в своем деле. Под знамена аль-Ваххаба стали представители беднейших слоев населения, недовольных вызывающей роскошью и разнузданностью своих управителей, как светских, так и религиозных. Сами сторонники называли себя салафитами, что в переводе с арабского означает «чистый». В результате удачной вооруженной борьбы им удалось создать собственное государство и нанести ряд серьезных поражений турецким войскам. Проповеди аль-Ваххаба завоёвывали все большее и большее число сторонников и превратили его во влиятельного религиозного авторитета исламского мира. Десятилетия упорной борьбы, в результате которой ваххабитское

государство дважды уничтожалось, не смогли сломить волю последователей аль-Ваххаба и их решимость в деле очищения ислама. Это было бы невозможно без активного и фанатичного применения насилия, оправданного в идеологии этого религиозного деятеля. Жестокость действий оправдывалась греховностью этого мира, а спасение заблудших душ требовало осуществления садистскими методами. Сама по себе, власть не была для аль-Ваххаба самоцелью, а лишь средством для достижения божественного плана. Себя он видел лишь как инструмент божьей воли, на котором лежит тяжкая миссия возрождения благочестия во всем мире, что иронично сочетается с его прозвищем у врагов «Меч Шайтана». Отдельного рассмотрения заслуживают и некоторые методы оправдания насилия аль-Ваххабом. Чтобы обойти некоторые положения Корана, по которым верующих в Аллаха, но, при этом, не согласных с воззрениями аль-Ваххаба, было недопустимо уничтожать, он издал специальные фетвы, при котором «неверные» лишались статуса правоверных и самого человеческого достоинства, приравниваясь в своих правах, скорее, к животным, не рассматриваясь более как полноценные люди. Всякое действие против них переставало считаться грехом. Однако в достижении некоторых целях ваххабитам был свойственен и определенный прагматизм. Так, они отказались от своей первоначальной идеи уничтожения исламских святынь в Мекке и Медине и использовали их для поднятия своего авторитета в исламском мире и получения значительной финансовой выгоды от паломничества к святыням. Временные вынужденные отступления от собственных догм ваххабиты оправдывали грандиозностью своего замысла, считая, что человеческая честь – ничто по сравнению с божьей волей. Грех воспринимался ими как акт самопожертвования и любви к Всевышнему, имеющий значительно большую ценность, нежели формальное благочестие, что опять-таки оправдывало все принесенные ради этого жертвы, счет которых шел на сотни тысяч. Парадоксально, но идеи аль-Ваххаба зажили своей независимой жизнью. Современные салафиты обвиняют непосредственно потомков аль-Ваххаба, представителей семейства аль-Аш-Шейх, в отступничестве от идеалов своего великого предка и воспринимают их как врагов ислама, применяя, зачастую, схожие с аль-Ваххабом методы. Такие террористические группировки как Аль-Каида, Ан-Нусра и ИГИЛ вновь ведут кровопролитные войны по всему ближнему Востоку, отказывая нынешним правителем исламских государств не только в праве на власть, но и в праве называться мусульманами. В своем фанатизме ваххабиты готовы жертвовать экономической и даже политической выгодой. Так они ведут совершенно невыгодную с экономической, политической и позиционной точки зрения войну с Иракским Курдистаном, которая не приносит им ничего, кроме огромных затрат и экономических потерь, что лишний раз доказывает, что

политический контекст до сих пор не имеет примата над религиозным. Идея очищения Ислама находит миллионы новых последователей по всему миру, готовых ради торжества своих идеалов идти на любые жертвы.

Иногда даже политические идеи способны принимать религиозные очертания. Особенно сильно это проявилось во времена французской революции. Вождь якобинцев Максимилиан Робеспьер не ставил своей главной задачей радикальное преобразование общества на новых началах. В своей деятельности он исходил из концепции общего блага (Платона), считая, что достижение народной свободы возможно лишь после полного уничтожения всех угнетателей. Народ, по его мнению, был слаб и разобщен, не имея возможности взять свою собственную судьбу в свои руки. По этому, эта задача ложилась на Революционное правительство, которое должно было исполнять народную волю. Оправданием чего стал террор. Робеспьер считал, что для того, что бы достичь свободы в будущем, необходимо пожертвовать ей же в настоящем. Установление республики возможно лишь через диктатуру с неизбежностью применения революционного насилия. Робеспьер считал, что власть это тяжкая ноша, и людям, обреченным ею, она не приносит ничего, кроме страдания [5]. Но общее благо требует пожертвования личных интересов ради интересов народа, неспособного понять, что все жертвы приносятся во имя его же. Робеспьер признавал аморальность насилия, но считал его вынужденным злом ввиду греховности человеческой природы. Тысячелетия тьмы и угнетений могли смыть лишь реки крови. Преступлением же считалась не жестокость, а милость к врагу, так как в этом случае интерес человека ставился выше интересов человечества. Идеал нового лучшего общества был уготован лишь для будущих поколений. Для того, чтобы в будущем больше не существовало зла, оно все должно было быть уничтожено «здесь и сейчас», что, в свою очередь, оправдывало любой террор как в отношению и к представителям власти, так и к несогласным с воззрениями революционеров. Парадокс свободы в якобинском понимании заключался в их уверенности в том, что свобода есть некоторый исключительный идеал, а не возможность народу определять свою систему ценностей. Не смотря на то, что основной религиозный идеал был заменен ценностным, его суть, инструменты исполнения и оправдания «необходимого» насилия нисколько не изменились.

Вся противоречивость достижения некоего всеобщего блага была показана ещё Платоном в «Мифе о пещере» [4], где косвенно указывалось, на неизбежность и необходимость применения насилия, оправдываемого высшими ценностями. Преобразование общества осуществляется некоторой просвещенной личностью, ведущей «человека пещеры» к свету через боль и страдания, кои будут непременно мешать, призывая

вернуться назад. Задача просветителя помешать последнему, ибо только этот «вождь» знает, что народу лучше. В купе с самим тоталитарным режимом устройства государственного идеала Платона, нетрудно сделать вывод, что во имя целого неизбежно придется жертвовать благополучием частей, и высшая цель, иногда даже невозможная в обозримом будущем, является обязательно дороже любого количества жизней, положенных на её пути. Собственно, следует отметить, что, зачастую, практическая недостижимость поставленных целей является, чуть ли не обязательным пунктом, обеспечивая стабильность режима, и, опять-таки служа оправданием все больших и больших жертв, по принципу «много работать – многим жертвовать». Идея оказалась очень успешной у всех последующих воинствующих религиозных идеологов. А позднее, как уже было показано на примере Великой французской революции, направленность на политико-идеологический фундаментализм, особо популярный в XX в., опять уступая позиции религиозному в XXI в.

Литература

1. Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45-1818). М: Наука, 1967. 264 с.
2. Макиавелли Н. Государь. / Н. Макиавелли. М.: Эксмо-Пресс, 1998. 656 с.
3. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. / Н.А. Осокин. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 2000. 896 с.
4. Платон Афинский. Государство // Цифровая библиотека по философии. [Электронный ресурс]. URL: http://filosof.historic.ru/books/a0000_1.shtml (дата обращения: 29.03.2015).
5. Робеспьер М. Речь 8 термидора – 26 июля 1794 г. // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 204-231.